

В. В. Ильин

**ТЕОРИЯ
ПОЗНАНИЯ.
СИМВОЛОГИЯ.**

**Теория
символических
форм**

V. V. Il'in

**THEORY
OF COGNITION.
SYMBOLOLOGY.**

**Theory
of Symbolic
Forms**

Moscow
University
Press
2013

В. В. Ильин

**ТЕОРИЯ
ПОЗНАНИЯ.
СИМВОЛОГИЯ.**

**Теория
символических
форм**

Издательство
Московского
университета
2013

УДК 11
ББК 87.22
И45

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

К.Х. Делокаров,

доктор философских наук, профессор

С.А. Лебедев

Ильин В.В.

И45 Теория познания. Символия. Теория символических форм /
В.В. Ильин. — М.: Издательство Московского университета,
2013. — 384 с.

ISBN 978-5-211-06403-4

Монография посвящена гносеологической теории символа. Исследуются природа, функции, формы самореализации «человека символического». Работа представляет собой третью книгу издания, задуманного как систематическое положительное изложение философской доктрины познания.

Для специалистов в области философии, социологии, логики, методологии науки, искусствознания, психологии, культурологии.

Ключевые слова: символ, культура, знание.

УДК 11
ББК 87.22

Il'in V.V.

Theory of Cognition. Symbology. Theory of Symbolic Forms /
V.V. Il'in. — Moscow: Moscow University Press, 2013. — 384 p.

ISBN 978-5-211-06403-4

The main subject of the monograph is the gnosiology theory of symbols. The “homo symbolicus” nature, functions and forms of self-realization are investigated. The book is the third volume of the issue conceived as a systematic positive exposition of epistemological doctrine.

For specialists in philosophy, sociology, logic, methodology of science, art studies, psychology, cultureology.

Key words: symbol, culture, knowledge.

ISBN 978-5-211-06403-4

© Издательство Московского университета, 2013

Всё должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще.

А. Эйнштейн

От автора

Символами, по расхожим предубеждениям, мыслят дети, поэты, безумцы¹. Трезвый отход от предвзятостей намечает иную толковательную презумпцию: символизм укоренен в гуманитарной природе; символическое — искони человеческое. У истоков последнего — преодоление инстинктивного, таящееся в склонности вырабатывать символическое. Не случайно по этой причине человеческую историю называют историей развития символического. Верно и другое: благодаря символичности история обретает черты реального, далеко на перспективу разливая свет человеческого. Со стороны своей символичности человек и интересен, именно этим удивителен.

Приобщение к символическому, способность понимать символы (знамения, откровения, знаки), по преданию, дарованная Яхве из числа четырех отроков Даниилу, сообщила ему преимущества, снабдила его, по библейской истории (житийной легенде), поистине эсхатологической силой.

Погружаясь в сюжетную сферу с более холодным спокойствием, правильно уточнить: в познании есть точки, где накопление знаний превосходит возможности ими пользоваться. Постигание существа предмета разворачивается двояко:

— уяснением становления (происходящее из прошлого, истечение из предковых форм) — эволюционизм;

— уяснением характера связи с наличными формами — синергизм.

В нашем случае мы сталкиваемся со скрупулезно разрабатываемыми представлениями как диахронического, так и синхронического порядка. Между тем и функциональные, и генетические модели не зажигают научный очаг по части специфической тематизации символосферы. (Соответствующее понимание сподвигло Ю. Лотмана на заявление платформы семиосферы, взыскующей конструктивного развития.) Поскольку нет такого человеческого

¹ См.: *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 129.

действия, которое не было бы уже символически опосредовано², справедливо разворачивать вопрос в плоскость отождествления человеческого с символическим. Одно пронизано другим, с ним сцеплено. Не существует человеческого помимо символического и *vice versa*. Имеется сингармония двух начал в реализациях *Ното symbolicum*.

Прогрессу в осмыслении оформления человека символического (складывания символосферы) способствуют целеориентирующие допущения, от которых, как от исходного базиса, можно отталкиваться.

1. Интерактивность. Символическое, как все и всякие комплексы символосферы, удостоверяется общением. Акты коммуникации, интеракции, естественного проникающего обмена деятельностью — подлинная стихия символического. «Встреча личностей» бывает по ту сторону «слов и систем»³, но не символов. Согласно статистике, восприятие информации (получаемых извне значимых сигналов) протекает как усвоение языка тела (1/2), голоса (1/3), содержания (1/6)⁴. Львиную долю, как видно, составляет невербальный уровень. Однако же «невербальное» не означает «несимволическое». Линия взаимодействия в обход слов, на базе «близости», «открытости», «одухотворенности» не есть линия демонстрации несимволичности. Возникая как концентрированная, эмоционально сгущенная форма, она вводится не контрабандой, а выстраивается в тоне пограничного вызова как модуляция символически настроенных резонирующих миров.

Гротескная абсолютизация невербального⁵ никак не проходит. Символическое есть подлинная субстанция человеческого, которое не имеет шансов самозаявления вне обработки, переработки, наработки символической формации.

Опыт общения решает судьбу. «Другой» — не граница «Я», а источник его прогресса. Тот же «свет гения» возгорается не в изоляции — из подавленных инстинктов, самокопания, — он возникает в коммуникации, оказывающейся предусловием реализации уникального индивидуального.

2. Трансреальность. Символы обладают удивительной способностью переводить конкретное в абстрактное, частное в типическое. Символическое открыто одновременно в две стороны:

² Ricoeur P. Lectures on ideology and utopia. Columbia univ. Press. 1986. P. 258.

³ Roy G. Mounier aux prises avec son siecle. P., 1972. P. 52.

⁴ См.: Любимов А. Мастерство коммуникации. М., 2000. С. 21.

⁵ Nedoncelle M. La reciprocite des consciences. P., 1963.

— в сторону реального, трансформирующегося в знаковое;
— в сторону сверхреального, соотносящегося не столько с «запредельным», сколько с «высоким».

Первое отлучает от «произвольного», второе приобщает к «пафосному»: человек сообразно велениям своей природы творит мир культуры⁶, проявляя свободу в формировании, созидании несуществующего. Вехами морфогенеза, согласно закону «утопического стандарта» (Плесснер), служат символы, одухотворяющие, поощряющие перекрытие «безысходной бедности жизни» (Ницше) самим духом новаторства.

3. Наиндивидуальность. «Всякая тварь обширностью своего воззрения, — по Григорию Нисскому, — не может выйти из самой себя, но всегда в себе пребывает и, на что ни смотрит, видит себя, хотя и думает, что видит нечто высшее себя». Воззрения всякой твари, натурально, в ней самой. Вместе с тем если одухотворенная тварь не капсулирована, она способна выходить за границы самости.

Напомним старое: *individuum est ineffabile*. Поглощенный самоисключительностью, индивидуум не только невыразим — в наиболее точном смысле слова он вопиюще аномален.

Утрированию убогой обреченности самоизолированной персональности кладет конец очевидное. Проникающая в себя тварь (используя слог Фихте, «мыслящая интеллигенция») в случае надлежащей духовной экипировки, идейной оснастки усматривает не себя, а сократовский даймонион, приобщающий к мыслезначимому.

Приметное в частном, следовательно, благополучно превосходит партикулярный масштаб, где таинство «превосхождения» разоблачается естественной способностью твари обнаруживать в видимом ею более высокое, чем она.

Итожа сказанное, не впадая во всякого рода банальности, подчеркнем: способ превозможения нарочитых уродливых перекосов, погрязаний в самость — в символических репрезентациях интимных данностей. «Сущности», «реалии» индивиду даны и заданы символически. Персональные образы, «в́идения» оформляются содержательно и технически. Лишь вследствие этого они «глубоки», «правильны».

4. Выразимость. Мыслящее, передаёт Аристотель, «мыслит формы в образах»⁷. Образов же, хорошо известно, зачастую не хва-

⁶ *Maritain G. Religion et culture // Oeuvres (1912—1939). P., 1975. P. 555.*

⁷ *Аристотель. О душе. III, 7, 431 В.*

тает. По точной ремарке Мерло-Понти, загадка бытия в том, что многие вещи не принадлежат строю мышления⁸. Что тогда? Запас возможностей скуден: либо бессилие, либо безнарядье *ratio*.

Сходу отменяя вычурные, окончательно скомпрометированные конструкции, озаботимся проблемным: откуда можно знать бытие в отсутствии опыта? Вполне удостоверенное достоинство подобного рода — творчество Лермонтова, Рембо, Шолохова, глубоко передававших нюансы буквально не прожитой жизни.

В самом горниле сюжета — самоотчёты

— Демокрита: учение о «поэтическом безумии»;

— Рембо: «поэт... достигает неизвестного, и если даже, обезумевший, он кончит тем, что утратит понимание своих видений, — он их видел» (из письма П. Демени);

— Блока: поэт «знает» бытие по «наитию».

Признания гносеологически невыверенные, туманные, сбивчивые.

Линия «художник-умозритель» идёт из Античности. Гомера, как и прорицателя Тиресия, изображали слепым. Дистанцию от «восприятия» к «воссозданию», от «иллюстрации» к «реконструкции», от «импрессии» к «экспрессии» прошел Демокрит, в целях автономизации умо-зрения *au naturel* лишивший себя телесного зрения. Эпатирующее пренебрежение плотью, шокирующие казусы членовредительства, оправдывающие ход от «визуальности» к «рациональности», однако, не устраняют неясного — откуда дар осведомленности при атрофии свидетельств: лишенная чувствительной основы мысль обречена на беспомощный схематизм, начетничество, рутину.

Представляет «снижение темы» апелляция к «ясновидению». «Кому боги хотели открыть не только видимость мира, но и его сущность, — отмечает Вагнер, — тому они закрывали глаза, чтобы своими прорицаниями он открывал смертным не больше того, что они могли бы доньше видеть только в мечтах». И далее: «...поэт был ясновидцем, он видел не действительное, а истинное, возвышающееся над всей действительностью; и он сумел так верно передать это жадно внимающим ему..., что всё представлялось им ясным и понятным, будто ими самими пережитым. Это и сделало ясновидца поэтом»⁹.

Нельзя быть придирчивым к аргументам Вагнера, но нельзя быть к ним опрометчиво лояльным. «Ясновидение», тем более ввиду деликатных феноменов Ленорман, Мессинга, Кейси, Ван-

⁸ См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 427.

⁹ Вагнер Р. Избранные работы. М., 1978. С. 668.

ги, отметить невозможно, но невозможно и фундаментализировать им теорию. Адресация к «супранатуральному», на допущение которого обрушивается огненный шквал критики, — скверное основание теории. В первую очередь теории познания.

Гораздо более глубокую, перспективную позицию, на наш взгляд, намечает перевод рассуждений из ракурса «художник-ясновидец» в ракурс «художник-провидец». Сакраментальное внутреннее мучение причастных творчеству, подкрепленное онтогенетически (не сверхъестественно!), — в оплодотворении *ratio* живым процессом поиска, приобретаемым искусством пользования законами гармонических сочетаний символических форм, соответствующих законам действительности. В научном опыте в данном контексте апеллируют к критериям простоты¹⁰, в художественном опыте — к критериям композиционного, архитектурного, изобразительного совершенства (циклические формы, регулятивы смыслов, императивы разработки сюжетных линий и т.п.). Адекватно осмысленный мир имеет адекватное структурное, выразительное, стилевое подкрепление. Сакраментальное — откуда поэт знает бытие? — имеет лишь одну вразумительную трактовку: в отсутствие экзистенциального опыта выражение сущностного в бытии, осуществляясь глубоко интимно и вполне свободно, делается возможным благодаря комбинированию экспрессивными формами по законам красоты. Невычислимая и невычисляемая красота бытия приобретает некую имманентную рациональность в истолковании ее в терминах творения. Ясновидение — знание бытия — возникает не в достижении «неизвестного расстройством всех чувств» (Рембо), но в творческом, креативном порыве, когда возвышенная «культивированная душа» производит соответственное ей символическое сущее. Красота не объяснима, но сотворима и выразима, — откуда следует: тема «постижение неизвестного» не сводится к теме «озарение» (какое именно? у Верлена «озарение» импрессионистично, у Рембо — утопично-патологично!), она сводится к теме «символотворчество».

5. Многозначность. Плюральность символического следствия его полифундаментальности. Символ, утверждалось выше, онтологически двойствен — реальное высвечивается в нём присутствием сверхреального. Последнее утрирует в символическом измерении «репрезентация» и «инициация».

¹⁰ См.: Ильин В.В. Эпистемология. М., 2011.

В первом измерении символ проявляет себя как реальный знак реального, данного в семиозисе. Отсюда неизбежная версификация сущности по представленческим инсталляциям. В строгой науке — сетка разных пресуппозиций: разный аппарат, разные концептуальные программы, смысловые поля, формульные форматы. Та же механика оформляется в эфирной—неэфирной, матричной—волновой парадигмах. В нестрогом искусстве, значительно менее скованном цензурой материала, символическое мультиплицируется в зависимости от идеала, манеры, характера, техники самовыражения — широчайший диапазон от реализма и натурализма до мистицизма, от догматизма до критицизма, от квиетизма до активизма, от актуализма до аутентизма, от традиционализма до авангардизма. Игра красок — привлекает; она может быть и самодостаточной, и символизировать какие-то значимости. Главное — она должна волновать, быть средством раскрытия драматичностей.

Во втором измерении символ выказывает себя «культом не-реального» (Ницше) — высшей ценностью, которой поклоняются, которую превозносят, на которую молятся. Перед нами версия инициированного пребывания в эстезисе. Собственно образы сакраментального здесь полностью заслоняют мир, вытесняют из него «натуральное». Таковы сращения «актера» с «ролью», «бытия» с «идеей». Когда в экзальтации символы поглощают жизнь, разворачивается трагедия. Трагедия дереализованного народа (строящего «светлое будущее»), лица («исполнителя», идентифицирующегося с «персонажем»). Объективация параллельного мира с целью пребывания в нем, изощренная подстановка грез, искушений на место тверди вещей и их субстанций удручающе жалки, безотрадны.

Наваждения пролетают — остаётся пустота. Создание причудливого рельефа существования в залоге «пейзаж вождеденной души» всегда суть акт самообречения; всегда оно — ущербный фарс, неоправданная экзотика. Рассчитываться с целым укладом реального во имя вымышленного, замещать положительное утверждение романтической приподнятостью, мгновенной одержимостью, всепоглощающим творением воображения есть безумие. Грань сна и яви должна быть обозначена. На стороне подлинной, а не подменённой жизни — нравственная сила, справедливость, истина.

A posse ad esse — непререкаемое кредо невнушенного немнимого. *A propro*: любовь требует настоящего, искусство — условно-

го. Искусство изобретает любовь, жизнь исключает изобретение. Любовь выше искусства.

Искусство прибегает к приемам, приспособливает творения к пониманию; «упущение — суть искусства» (Дягилев). Жизнь крепится на обретении. Жизнь выше искусства.

б. Побудительность, духоподъемность. Руководствуясь первоисточным, — человек есть никогда не заверченный имперфект¹¹, — констатируем: «совершенный» человек — фикция; человек может быть лишь совершенствующимся. Совершенствование как капитальная основа человеческого коррелирует его сущность со «становлением», «незавершением». Действительно, сапиент существующий есть сапиент становящийся, незавершаемый. Ввиду всеобщности модуса «совершенствование в становлении», невозможно «завершение», возможно «вовлечение в завершение». Сошлёмся на Дьюи: «В строгом смысле слова для личности невозможно остановиться, она находится в постоянном становлении. Именно в качестве становления заключается её достоинство. Мы устанавливаем ту или иную цель для достижения, но сама цель способствует нашему росту... Многие... становятся морально обескураженными, если не достигают объекта, к которому стремились. На самом же деле моральный статус личности детерминирован её движениями по направлению к достижению объекта, а не обладанием им. Если человек направит свои мысли и желания на сам процесс эволюции, а не какую-то конечную цель, то он обретёт свободу и счастье»¹².

Конец совершенствования, равносильный достижению завершения, означает конец личной истории, имеющей вырожденные исходы:

- кризис тела (физическое истощение);
- кризис духа (духовное обнищание).

Как говорил Батай, мы обречены умирать от тоски быть человеком. О чём речь? О тоске от неудовлетворенности по поводу самонезавершенности. Полная завершенность человека — смерть. В первую очередь творческая. Неполнота самозавершения человека двойственна. С одной стороны, оптимистична: человек есть горизонт предстоящего в кругу проективного. С другой стороны, пессимистична: человек обречен на неполноту завершения в некоем доскональном смысле. В подобном же смысле обречена на неполноту человеческая жизненная филосо-

¹¹ См.: Ильин В.В. *Философская антропология*. М., 2008.

¹² Dewey J. *Theory of moral life*. N.Y., 1962. P. 172.

фия. Никогда ещё в основу философии «не был положен целостный, полный, неискаженный опыт, а с ним целостная, полная действительность»¹³, — сетовал Дильтей. Не был положен потому, что и не мог быть положен. Наиболее тонкий, чувствительный тип философии — всегда открытый опыту моментализм, ищущий завершений не в финализме, а в полноте переживаний мигів жизни.

Сопровождающее крушение надежд саморазрушение — наиболее болезненный опыт, предотвращает который проективная природа человека символического.

Животные достигают цели выстраиванием антиципирующих схем, рефлексных экстраполяций, адаптирующих к обстоятельствам. Человек не смиряется с обстоятельствами, он изменяет их. Ното sapiens есть homo effiсax, проявляющий свою решительную сущность постановкой, преследованием амбициозных целей. Цели предстают почвой преобразования наличного, будирования чаемого. Таким образом, правомерно зафиксировать ответственное движение разумно действующего человека: осваивая связи предметного мира, он созидает предметы культуры. Творение второй природы не самочинно. Главное состоит в сообщении таких параметров предметам, которые отвечают высоким требованиям гуманитарной состоятельности. Volens — nolens человеческая техника средового благоустройства есть техника собственного возвышения; перекрывая ареал естественности в обмирщении целей, человек руководится логикой не выживания, а самосовершенствования. Мы оказываемся свидетелями каузального первенства гуманитарно-символического.

Следовательно, наш тезис: в плане инициации предстоящего символическое действует как рычаг мотивации выхода из аморфного состояния и сильнее — инструмент стимуляции развития. Слабость символов — слабость целевых ориентиров, простор невыверенных теплохладных акций.

Отнесение к символу, причастность символическому позволяет избегать недостойного, способность чего сказывается не через знание, но сознание. Человек — носитель сознания, свободы, выбора — ответствен за деяния не по указу, а усмотрению. Он есть homo conscience — человек сознающий. Сознание означает со-знание, сближаемое с со-вестью, — способностью осознавать смыслы самодеятельности, нести ответственность. Со-знание

¹³ Dilthey W. Gesammelte Schriften. 21 Bänden. Bd. VII. S. 171.

соседствует с совестью как формой само-контроля, само-стояния. (Совесть и сознание восходят к греч. *syneidos*. Впоследствии сознание сблизилось с латинской калькой греч. *conscientia*; отсюда наиболее точная его трактовка — душевное, а не рассудочное *ratio*.)

Сказанное дифференцирует рациональность и сознательность. Первая аттестует расчетливое действие, вторая — действие совершенное. Серьезная философия истории человеческого по этой причине начинает с «небес» — только тогда она достойна претендовать на оправдание своего громкого, обязывающего имени¹⁴.

Уподобление со-знания со-вести — наиболее созвучная база экспликации символического — позволяет переходить к заключениям основополагающей ценности. Однако же опыт даёт примеры их несовпадения. Как часто бывает в жизни, верное в тенденции может утрачивать правоту в эпизоде. Постулат тождества гуманитарного проявления символического сознания с самим сознанием в некотором роде искусствен. (*Expressis verbis*: «никто из смертных не велик настолько, чтобы его нельзя было помянуть в молитве».)

При унижительной механизации, дегуманизации человека, сбивающих с «пути томленья» (Блок), универсализации негативной этики традиция неуместна. Подобно тому, как есть индукция и отрицательная индукция, есть духоподъемность и отрицательная духоподъемность символического.

Духоподъемность в контексте анализируемого предмета не проблематизируется. Проблематизируется, так сказать, ее интенциональность, подкреплённость фронезисом — практической мудростью выявлять важность, полезность, приемлемость человеческих предприятий.

Резкая социальная примета деформации символического — гуманитарное выхолащивание продуктивных инструментов бытия, перевод науки, искусства, политики в режим отстраненного формотворчества. Попытаемся передать смысл сказанного вызывающей безудержное отвращение мыслью Ламетри: «...самое важное... это освободить человека от ... совести». (Схожее, не в виде пожелания, а уже в виде предписания, практиковали громилы III Рейха, искоренявшие из сознания «химеру совести».)

Символическое по внутреннему призванию своему — ресурс теургический, превосходящий творчеством смертность в культу-

¹⁴ См.: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 13.

ре. Ввиду данного своего статуса оно обязано получать как разумное (всеобщее), так и совестливое (индивидуальное) удостоверение. Символическое, обретающее самоценность (получающее лишь всеобщее удостоверение), безнадежно деградирует. Политика перерождается в мизантропичное политиканство, наука, право, искусство — в беспардонную, одиозную апологетику.

Граница тела — начало иного. Самоощутительная канва символического — недопущение порчи человеческого.

Вменяемый взгляд на излагаемое, следовательно, таков: совесть есть последний удел познания и понимания. В том строгом смысле, что лишь совесть выступает конечной, воспрепятствующей инстанцией мотивационного обмельчания деятельности. Ввиду совести не может быть бутафории. Грандиозный общечеловеческий материал — всё народно-эпическое, фольклорно-мифологическое достояние, вся заключенная в преданиях, былинах, легендах, заповедях, сказаниях, назиданиях народная мудрость, оставляющая наедине с небом, заряжающая энергией жизнелюбия, стимулирующая сосредоточие души на достижении правомерного полноцения, — всё это всецело сопротивляется тлетворному глумотворству. Символизм жизни, отменяя жизнь в кругу посягательств на святыни, тем самым обуславливает ее значительность. Высшее в бытии есть одновременно символическое в нем.

Глава I

НОМО SYMBOLICUM

§ 1. Понятие символа

Опорное положение, которым надлежит пользоваться при характеристике символа, следующее: символ — широкоохватная категория (гипероним), вводимая в лексический оборот под видом абстрактной выразительной единицы для обозначения значимого реального и реально значимого; символ обслуживает общепознавательную необходимость осуществлять знаковую кодировку (шифровку) предметности (отсюда — символизация), нацеленную на образное замещение многообразных содержательных отношений. Родовым концептом символа является «знак».

Не совпадая с предметностью ни структурно, ни функционально, «знак» передает пространную идею её (предметности) образной воплощаемости. Последняя крепится на

— идеальном преобразовании — перевод предметных связей в мысленно-аналоговый реконструктивный план;

— наглядном представлении — наделение мысленно-аналогового реконструктивного плана осязаемостью.

Знак в силу сказанного — материализованная мыслительная репрезентация явления, удостоверенная образностью его метка. Будучи разновидностью знака, играя в познавательном опыте сходную роль, «символ» естественно подводится под формулировку «знака». Поскольку же всякий символ есть знак, но не всякий знак — символ, экспликация «символа» требует более точных определений, поиск которых удовлетворяет формально-логической установке нахождения *differentia specifica*.

Символ — не понятийная трансценденция, высвечиваемая надкатегориальным прозрением; содержательно вполне эффективно он уточняется варьированием признаков знака. Исходно соотносясь со своим более объемным контрагентом, символ консолидируется с ним по признакам: «заместимость», «образность», «репрезентативность», «значимость». Далее — атрибутивные нюансировки, завязанные на введение уточняющих различий. Видовые шиболеты символа относительно знака обуславливают:

— надситуативность. Знак допускает сцепку с пространственно-временным, предметным локалом (знаки-индикаторы, знаки-копии, знаки-сигналы), символ — никогда. Инспирацией символического служит не материальный, а идеальный фактор. Скажем: что может быть заштатней обычной руки? В случае «знака» она пребывает «конечностью» — физиолог, криминалист снимает с неё отпечаток, делает слепок. В случае «символа» тот же орган выступает «олицетворением» — художник, воодушевленно осваивая его, создаёт шедевры. Одно — знаковая фиксация обстоятельств. Другое — вдохновительная символическая эпопея. Это может быть гимн-прославление (Рембо); это может быть полотно-воспевание (Делакруа). Как бы там ни было, не рука, а «образное наполнение» руки становится самодовлеющим; — изображение предметности оказывается воплощением идеалий, оформляющихся на стыке «романтической приподнятости», «гражданской панорамности», «эмоциональной сопричастности» и близких им смысловых линий. Фантазия, темперамент, шлифуясь композиционно, изобразительно, достигают правдоподобия в сочленении событийного и сентиментального измерений происходящего, возносят неоригинальный предмет обыденности на пьедестал оригинального произведения. Часть тела манифестирует непреходящее измерение жизни; стандартный соматический элемент получает символическую инкарнацию;

— самонетождественность. Стандартная мыследеятельность универсализирует закон тождества, — все ординарные объекты мысли самоидентичны, несомоизбыточны, применительно к штатным ситуациям удовлетворяют правилу $A = A$ (синтагматический ряд: равенство, эквивалентность, тождество, присущность, автоморфизм, инвариантность, самоподобность, конгруэнтность, соразмерность, самосоответственность, совпадаемость). В контексте символических форм правило тождества объявляется неправильно направленным императивным усилием.

Любой символонесущий объект утрачивает идентичность. Вместо того чтобы выражать самого себя, он выступает в роли выразителя другого. В таком случае правило тождества отступает, замещается правилом сопричастия. Те же иконы, картины, флаги, гербы, пребывая материальными объектами, как таковые, т.е. как материальные объекты, человеку символическому неинтересны (интерес к ним как материальным ценностям выказывает реставрация). В реальный опыт символического праксиса они вовлечены как метки-заместители располагающихся за ними идеа-

лий. Соотносясь с тем, что материальную оболочку превосходит, что возникает через связывание её (оболочки) с какими-то духовными комплексами, символюёмкие объекты могут быть лучше всего квалифицированы в терминах знаков-субститутов, знаков-инспираторов образно-семантической сферы. Скажем: хлеб, инкорпорированный в евхаристию, трансформируется в просфору, фигурирующую в культе под видом тела Христова в качестве пищи духа. Никому в голову не придёт насыщаться просфорой. Хлеб-просфора становится не средством утоления голода, а способом почитания Спасителя, орудием единения христиан.

Так как символ всегда не презентант, но репрезентант, выразитель не себя, но иного, гносеологически он эксплицируется актами расщепления формы и содержания, облика и наполнения, создающими предпосылки дубликации бытия — расслоение его на «материальный носитель» и «манифестацию». Традиционные формально-логические концептуализации в имплицативной схематике «причина—следствие» заменяются интерпретативными концептуализациями в схематике «причина (предмет)—значение», придающими сознанию специфическую многоликость, многозначность. Формально-логическая компетенция, чурающаяся образности, ветвящейся мультиплицирующейся онтологии, по сути дела, дает сбой. Симвология взыскует иной логической основы. Последняя обретается в теории нечетких множеств, комбинирующей классами с жестко очерченными границами, когда переход от принадлежности к классу к непринадлежности происходит постепенно (нерезко). Принятие нечетких значений истинности, нечетких связей, нечетких правил вывода (т.е. сугубый отказ от условностей классической двузначной логики) — то, что нужно.

Вслед за Л. Заде и А. Кофманом следует признать: нечеткость — универсальный атрибут человеческого — символического — общения. Символическое как признак человеческого для целей своего уточнения нуждается в разработке аппарата обращения с нечеткостями в систематическом смысле. Поскольку символическая реальность постигается в контексте моделей, приближений, интерпретаций, отвечающих наличным состояниям ума и коммуникации, должны быть приняты в расчет соображения сопутствующего плана, которые заведомо нечетки.

Формальная логика, булева алгебра эксплуатируют посылку: элемент принадлежит или не принадлежит подмножеству данного множества. В варианте символической предметности, где «поч-

ти все зависит почти от всего»¹⁵, имеет место не принадлежность, а намек на нее, что позволяет руководствоваться активирующим нюансом, стимулирующим воображение правилом сопричастия («взвешенной принадлежностью», в терминологии Л. Заде).

«Stultum est difficile habere nugas», — замечал Марциал.

Любой знак в коммуникации передает идею «представления». По формулировке лидеров логической школы Пор-Рояля, когда некий объект рассматривают только в качестве представляющего какой-то другой объект, его идея является идеей знака, и этот первый объект называют знаком¹⁶. Следовательно, знак, включая идею вещи представляющей и идею вещи представляемой, вызывает вторую посредством первой.

Повторим — идея знака всегда несет идею представления. «Пустяк» заключается в том, что в случае символа «представление» воспаряет до «олицетворения». Потому знак «больше» — замещающее представление, тогда как символ «больше» — замещающее олицетворение.

Портрет, фотография, снимок могут быть и знаком-представлением (изображение), и знаком-символом (воплощение).

Восстановим феноменологическую интригу блоковского:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Лицо «в простой оправе» — прозаизм, сближающий с изображением. Однако же его духоподъемная значимость, гуманитарная значительность всецело перекрывают узкие границы рядовой изобразительности. Сказанное подкрепляется лексически. Тривиальная физиономия (из разряда «все на одно лицо») не укладывается в фигуру «сияла». Это — во-первых. Во-вторых, ввиду «сиянья» вдохновенного лица происходит нечто необыкновенное: на горестной земле предаются забвению трепетнейшие ценности. Обыденность, своеобычность, конечно, не навлечет ревизии сакраментального. Оттого не лицо, а «лик» чарующей женщины требует отнесения не к «изображению», а «воплощению».

Экзистенциальная обстановка способна переменяться. Будующий ореол некогда возносимой до небес особы способен

¹⁵ Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств. М., 1982. С. 10.

¹⁶ См.: Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М., 1991. С. 46.

рассеиваться. В таком разе чувства истончаются, пафос иссякает. Финал-развязка — удручающая: утрата иконы.

Уж не мечтать о нежности, о славе
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола

Изображение можно стереть, но такое действие более отвечало бы разгрузке памяти. У Блока — не то. У него — не разгрузка, не память. У него — развенчание. Лик перестает вдохновлять, олицетворять, приобщать. Высокое исчезает. Смотреть на обожаемое, боготворимое страждущими глазами и не усматривать избыточного преобразительного... Какое разрушающее прозрение!

Восходящий фазовый переход: от лица к лику — пестует символ; нисходящий фазовый переход: от лика к лицу — уценивает его до знака;

— полиморфность. Символ связывает предметы с идеальными значениями. В самом способе подобного связывания заложена вариабельность и условность.

Как содержательное отношение символ представляет абстрактные связи в вещно дифференцированном виде. Символом мира может быть и голубь, и ветвь оливы. Таким образом, символическое, транслируясь через объектное, с объектным не совпадает. Эту свою особенность символ перенимает у знака, пребывающего самоизбыточной, смыслонесущей сущностью. (Знаковые конструкции как языковые выражения — предмет изысканий лингвистики; в коммуникативный процесс они вовлекаются под видом сигнальных легализаций содержательного.)

Как знаковое отношение, крепящееся на манипуляциях со знаками, символ представляет абстрактные связи в условном виде. «Кузнец» индуцирует образ силы, труда (Рембо, Шкулев), «сидящий» — образ безжизненной бездуховной плоти «человека-конторки» (Рембо, Маяковский).

Сопоставительно со знаком символ аттестует специфическую способность «тайнозрения» — способность узревать в материальных формах ценностно-образное. Лавр в таком курсе видения перестает быть кустарником, становится инкарнацией «победы, признания». Тезис позволяет категорически не согласиться с Соссюром, полагавшим, будто символ, в отличие от произвольного знака, имеет шлейф естественности в связке означающее—означаемое. Дескать, символ «весы» ввиду самооче-

видности жестко сцеплен с правоприменительным. (Озаботимся риторическим: что мешает «весы» как символ связать не с правосудным, а с метрологическим?) С точностью до наоборот: не символ, а именно знак в ряде случаев обнаруживает «естественную» генеалогию. Отличное подкрепление мысли — учение о сигнатурах, эксплицирующее корреляцию «внешний вид — внутренняя сущность». По Парацельсу, форма, цвет, вкус, запах растений — индикаторы ремиссии, избавительной терапии. От болезней желудка рекомендуются желтые цветки, от болезней почек — листки почкообразные и т.д.

По способности формировать возможные миры, потенциальные проекции содержательного на предметное символическое ничем не уступает знаковому. Между тем знак участвует в создании знаков, символ — нет. Символ есть многозначительная условность условности;

— иносказательность. Стандартным свойствам предметного мира символические формы сообщают дополнительное содержание, в предметные сущности действительности привносят «инородные» значения. Как чувственные знаки сверхчувственного символы разыгрывают на сцене духовности подлинные *mysterium tremendum*.

Заостренная способность символов быть орудием «тайного» — активация «второго плана» бытийного, коей «первый план» представляет. Пленницей прорыва символического в жизнь становится любая единица человечности, воспаряющая над своей естественной основой, подменяющая реалии воображаемым, мнимым. Речь идет об образной завороченности носителя духа, уравнивающего нарочитый умо-зрительный и действительный мир. Своеобразный синдром Пигмалиона просматривается у всякого влюбленного, поглощенного предметом воздыхания, до первого «открытия глаз». Кризис в таких раскладах наступает стремительно, заставляя озабочиваться хотя бы наивным цветаевским: «Как живётся вам с другой, земною женщиной?»

Основное в знаке — замещение, что отражает его двуединую природу: замещаемое воспринимается как содержание, замещающее — как выражение¹⁷. Символ усиливает замещающую потенцию знака, становясь образом иного события. В случае знака замещающее несамостоятельно, в случае символа — самостоятельно.

¹⁷ См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 404.

Символ — смысловая реалья, знак — обозначающая. Символ свидетельствует о большем, нежели что-то значит. В точном смысле слова он отменяет оптофанию (проявление сущего). Коль скоро это так, символическое отношение активирует фабульную сторону (в отличие от рассудочно-аналитической стороны, руководствующейся тождественностью, каузальностью), ответственную за («индетерминистскую») избыточность.

Сказанное радикализует в символическом планы:

- смыслозначимость;
- перенос;
- избыточность.

«Ни одна вещь не может быть своим собственным символом»¹⁸ по той простой причине, что, требуя располагания за осязаемым умопостигаемого, символическое объективируется в пространстве столкновения различного, выступая предзнаменованием, знаменем скрытых за поверхностью явлений.

Семиология Соссюра — наука о знаках в жизни общества. Симвология — сходная наука о символах — таких структурах (логонах) духовности, которые соотносятся не с видимой канвой предметов, а с воплощением — многозначительными, много-смысленными инкарнациями — значениями, значимостями. Естественно, как во всех тонких делах, тут следует соблюдать меру. Гиперболизация «выразительного» чревата дереализацией, сопутствующей вырождению символического в символизм и формализм. И один, больше жизни любя украшенную метафорами мечту, и другой, подменяя жизнь замкнутой в себе игрой языка, чистым формотворчеством, погрязают в призрачном. В любом, даже самом абстрактном типе духовного опыта, жизненное не заслониимо и не заместимо. Ни форма, ни мечта не исключают тему, содержание произведения;

— герменевтичность. По Хайдеггеру, человек развертывается четырехкратно. Четырьмя базовыми символами, своеобразными интерпретативными архетипами экзистенциальности оказываются спасение земли, восприятие неба, ожидание божественного, провожание смертного. По-нашему, вместо того, чтобы полагаться на четверицу, следует полагаться на бесконечность. Интерпретативные архетипы символического можно связывать с любым предметом. Настаиваем: чувствительностью к символической эlegantности обладает любой экземпляр предметности.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 94.

Добротная иллюстрация сказанному — смысловозначимости человеческого в предметных воплощениях: узниками тайного порыва символического предстают все и всякие кодируемые вещи. Таковы на поверхности наделяемые шифруемыми значениями талисманы, амулеты, обереги, требующие интерпретации сакральные (суеверные) знаки.

Все герметические искусства *ex definitio* выстраиваются на герменевтических техниках. В Каббале

— темура предлагает практику разгадки текстов (перестановка букв) по ключу (таблицы сочетаний);

— гематрия интересуется численными значениями букв — слова с одинаковыми количественными показателями родственны;

— нотарион проводит идею составляемости слов из букв данного слова — слова писания разворачиваются во фразы.

У розенкрейцеров выстраивается модель превращаемости как природного, так и социального универсумов (своеобразный эволюционизм). Астрология, освобождая от фатализма судьбы, дарует свободу. Алхимия, проецируя учение о вещественном трансформизме на гражданственность (оппозиция «плебей—аристократ»), навевает равенство (как иначе истолковать тезис Луи-Клода де Сан-Мартина «каждый человек — король»). Магия, обеспечивая контакт с супранатуральным, подвигает к братству.

Мыслительные добавления по ходу версификационных интерпретативных синтезов — общее место в опыте жизнеустройства, выстраивания картины мира аборигенов. Одни — уподобливают части тела светилам, природным стихиям: глаза — Солнцу, лысину — Луне, дыхание — ветру, кости — камням, волосы — траве (аналоги позднейшего времени: оккультизм — постулат связи микро- и макрокосма; натуральная магия — мистические идеограммы: человек — пентакл, Вселенная — звезда Соломона; схоластическое умозрение: по Альберту Великому, аметист — инкарнация концентрации, изумруд — целомудрия, агат — здоровья зубов; ятрохимия по Агриппе, Парацельсу, органы тела поставлены под юрисдикцию 7 планет). Иные стандартные человеческие жизнеотправления рядят в тогу священнодейств. Таковы у народа омаха регулятивные техники иерогамии: деревня делится на две части, называемые «небо» и «земля»; вступающие в брак обязаны принадлежать разным половинам населения¹⁹.

Конспект бытия в обобщенной истолковательной редакту-

¹⁹ См.: *Элиаде М.* Цит. соч. С. 334.

ре таков. Толковательная сущность символического управляет-ся универсальной способностью связывания: Homo symbolicum суть Homo religiosus по вектору — от явного элемента к скрытому праэлементу.

Если в характере связывания одного с другим превалируют термины трансцендентного, открывается перспектива иерозиса — оккультизм, мистицизм, спиритизм, месмеризм, хиромантия, хирология, френология, мантика, геомантика, телепатия, оракульство, иллюминатство.

Если в характере такого связывания превалируют термины художественного, открывается перспектива эстезиса — мифология, эпос, искусство.

Если здесь превалируют термины фидеистического, открывается перспектива апофеозиса — религия.

Если превалируют термины поведенческого, открывается перспектива праксиса — право, традиция, мораль.

Если превалируют термины объективистского, открывается перспектива ноэзиса — наука.

Если превалируют термины знакового — открывается перспектива семиозиса — звук, слово, буква, жест, рисунок как базы фонолого-центристской, иероглифо-идеограммно-центристской, пиктограммно-центристской, традиционно-центристской коммуникации;

— контемплиционность. Средство познавательного освоения знака — восприятие, визуальное одействование, понимание. Вариант символа указанные способности души усиливает, преобразует. Выработывая характерологическое, правильно сосредоточиваться на созерцательном, интерпретативном, схематическом.

Апеллируя к античным дистинкциям интеллектуальных возможностей, эффективно актуализировать принятую стоиками дифференцировку «катаlepsис—контемплисис». Первый означает целостный чувственный захват воспринимаемого; второй — особый тип духовного созерцания. В нашем пейзаже души катаlepsис аттестует действия человека знакового, контемплисис — действия человека символического.

Начнём с уточнения требуемого.

Созерцательное определяется как усмотрение, просмотрение через выстраивание перед духовным взором сцепок осязуемого с неосязуемым. Нетрудно распознать в нем нижний порог потенциального прозрения, предреkania, угадывания.

Интерпретативное определяется как приписывание смыслов, установление значений. Ввиду духовно эшелонированной (многозначной, многомерной, многозначительной) реальности стереоскопично, динамично протекающие процессы установления причастия, сопричастия получают материализацию лишь в свободной игре ума, дающей простор ассоциативной, сочетательной, версификационной мощи интеллекта.

Схематичное определяется как узаконение общей формы предметности. Концепт «форма» многослоен. Традиция, идущая от Аристотеля, трактует его в терминах «план», «композиция», «архитектоника» (гилеморфизм). Традиция, связанная с Декартом, трактует его в терминах «внешний вид», «очертание», «абрис» (модельно-изобразительный геометризм). Наши цели лучше обслуживает аристотелевская традиция, примыкая к которой, мы толкуем форму как принцип, закон строения.

Сказанного довольно для разъяснения. В основе символического лежит не столько образ, сколько схема. Иконическое (как говорил Аристотель, «подмечание сходства», уловление родства) способно аттестовать знак, но не символ. Образное присутствует и тут и там, но релевантнее знаковому; символическому адекватнее схематическое. Как образование ассоциативное, полифундаментальное, кодированное, символ есть сочетание понятия и созерцания через опосредование генеративной схемы. Ментальные схемы — продуктивные монограммы интеллекта — проводят означивание реальности в человеческом отношении (в истоках — распространенные эффекты одушевления, одухотворения, оживления мира).

В силу отмеченного символическое конституируется

— понятийно-созерцательным: мыслительная обработка, а не иконическое скольжение (исключение визуально-обозрительного, узрительно-удостоверительного);

— схематико-продуктивным: выражение, воплощение, а не изложение, изображение (исключение экфрасиса);

— гуманитарно-ангажированным: плодотворная, новообразовательная мультипликация, катарсическое, экстатическое, а не опрошенческий примитивизм, элементаризм, вербализм (исключение досужей мелкотравчатости, убогой бездуховности).

Следовательно, контемплиционность, гарантируя символу смыслозначимость, позволяет вовлеченным в символонесущие контакты вещам обретать содержательную сущность (флаги, гимны, гербы — инкарнации «державы»). Как тип духовного, а

не «живого созерцания», контемпляционность усиливает в символическом те же моменты полифундаментальности, условности (см. полиморфность).

Полифундаментальность (полиморфность) в данном разрезе — дериват продуктивной воображаемости, истолковательности. Ветвимость онтологии символического — производное не мистического (грезы, бредни, эманации, проскопия, оракульство), а ноэматического — содержательных достоинств интеллекта. Слепые «видят» не зрительные, а звуковые сны, что доказывает разнофакторность символического смыслопородительного морфогенеза.

Условность в данном разрезе — дериват не произвольности, а полноты потенциальных разверток смыслозначимостей, соотносимых с предметом систем толкований. Богатство, глубина символа — перспективность его прочтения, духовных удостоверений. Складывание символического проходит в довольно четко фиксируемых координатах герменевтического, и хотя, сопровождаясь подменной реального нереальным, оно выходит на широкий фарватер условности, его условность не призрачная, не безусловно-условная, она условно-условная. Исключение — откровенно эзотерический опыт, комбинирующий неясными, неотчетливыми идеями «видения», «прозрения»: «Я изумлен был видением своим, и не понимал его»²⁰, оттого и отлагается он на обочине интеллектуального прогресса человечества;

— идеографичность. Мыслить — значит, забывать о различиях на базе общего. Компактный комментарий общемыслимого в символе может выглядеть примерно так. Символ есть смыслозначимая, созерцательно-схематическая, контемпляционная, не имеющая прямых чувственных аналогов (имеющая косвенные визуальные корреляты) продуктивная мыслительная форма. Внутренней стихией символического выступает духовность. Внешней его стихией выступает идеографичность.

Идеограмма — письменный знак, обозначающий (в отличие от буквенных знаков) не звуки языка, а понятия. Таковы математические, химические, эзотерические нотации. К неалфавитному письму относятся многочисленные древние (письменность египтян, майя, шумер, вавилонян, ассирийцев, семитов) и современные (китайский, японский — идеографически-фонетическое письмо) языки.

²⁰ Дан. 8; 27.

К идеографическому письму примыкает

— клинопись (аккадский, эламский, хеттский, урартский языки), генетически являющаяся идеографически-ребусным письмом, в дальнейшем приобретающая черты письма словесно-слогового;

— логограммное письмо — оперирующее не абстрактными понятиями, а реальными словами (выражающими понятия) — иероглифические системы типа китайской, египетской, переднеазиатской клинописи.

Идеографичность поддерживает, подпитывает понятийный закал духа символического. Уже знак — не копия вещи. Копия требует чувственных дубликатов; знак — заместитель, чувственно-образный представитель вещи. (Локальный случай знаковых копий — иконические знаки.) Момент «представительности», «заместительности» знака, его плотской независимости, непоглощаемости визуальным субстратом предопределятельно лежит в основе дедикации — создания неинтерпретированных исчислений. Относительно «бессмысленные» своды формальных записей встречаются как в науке — электродинамика Максвелла, гиперболическая геометрия Лобачевского в авторских редакциях, так и в искусстве — содержательно непритязательные, но выразительно более или менее сбалансированные ритмические решения:

Ли́ла, ли́ла, ли́ла, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.

Вплоть до чистых звукообразов-идеофонов:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй — пелся облик,
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Тема несводимости знака к чувственно-осознательной базе (при ее наличии) многократно усиливается в контексте проблематики символа. Перефразируя Станиславского, можно сказать: перед нами именно тот случай, когда внешнее должно быть

оправдано изнутри, и потому — захватывать. Утрируем лишь такую мысль.

Все символы — идеограммы. Онтогенетически идеограммы пиктографичны. Мало-помалу предметные рисунки мысли трансформируются в условные знаки, каждый из которых обозначает слово. Возникает идеографическое (фразовое) письмо. Впоследствии оно вытесняется фонетическим (словесным). Организация звуковых сигналов, звуковых знаков обогащает коммуникацию знаковыми типами значений. Складывается способность переноса — посредством слов (выражений) приписывать признаки одних реалий другим. Обособливаются фонетико-признаковые слова, знаково-признаковые обозначения, появляются носители чистых образов-смыслов. С завершением монополии узкого пиктографического, фонетического опыта, где значения получают чувственно удостоверяемые корреляты, набирает силу семантический опыт, где значение знаков (графов, звуков, слов) создается.

Избегая обсуждения данного сюжета, с большим сожалением ограничимся констатацией нужного: с фазы семантического опыта устанавливается связь слова не с предметом, а со словесным значением (Свифтом осмыслена ситуация коммуникации лапутян, заменявших слова предметами: в операциональной невозможности предъявлять не образы, а вещи в общении, аккумулировать опыт интеракция разваливается), вызревают предпосылки дифференцировки знака и символа. Знак как общая выразительная, заместительная, означающая инстанция функционирует на разделении концептуальной сущности, предметной плоти, образности. Он — абстрактно-духовное замещение. Символ — более, чем знак; он — идеограмма, где в знаковой оболочке синкретизированы визуальное обрамление, интерпретативный контур, гуманитарная ценность.

В знаковом ареале «выражение» серпа, молота, циркуля, зверя интеллектуально-созерцательно, интерпретативно-схематически ничем не связано. Последнее распахивает дверь метафоре, позволяющей оттенять «стремнина понесла», «человек понес», «женщина понесла», «Остапа понесло» и т.д. В символическом ареале все визуально и концептуально удостоверительное увязано. Потому символ — конкретно-духовный воплотитель, знак-компакт. Имеется прямое, в границах систем отсчетов, однозначное соответствие содержания заключенной в символе внутренней идеи внешним ее атрибутам: серпы — молоты;

молоты — циркули; орлы; барсы; лисицы и т.д. на флагах, гербах, штандартах;

— креативность. В общем случае — проецирование действительного на фон возможного, открытого в бесконечность, свободно создаваемого умом многообразия. Творение мира по логосу производится упорядочивающей процедурой нормирующего формотворчества. Творение мира по символу производится стимулирующей процедурой будирующей потенциальности. Для обогащения мысли новыми обертонами уместно обратиться к учению о потенциях Шеллинга, который фундирует его идеей парения бытия между сущим и несущим. Сообразно такому ходу возникают исходы: тяготение к бытию, тяготение к небытию, свободное витание между одним и другим. В случае символа синкретизируются элементы троицы, позволяющие передавать трансформационную природу не скованного узами действительности (в зависимости от судьбоносных интенций) человеческого существования.

Субъект есть то, что реализуется в последующей возможности сообразно *actus purus*. Онтологические параметры антропной реальности задаются в оттенках «открывающегося бытия» — становящегося, развертывающегося сущего по признакам ценностно-целевого-символического полагания. По этой причине вводятся соображения «*es suae potestatis*»: символический субъект — полномочно-самовластный; «*instar omnium*»: символический субъект — полномочно-самоизменяемый.

Будирующая природа символа, предопределяющая потенциальность природы человека — его носителя — раскрывается уяснением общей логики упрочения символической реальности, крепящейся на фазовом переходе от потенции к акту (действию) через воление. Напрашивается аналогия с конструктивным заданием объектов математики.

Натуральный ряд чисел — «в себе бытие» — с символической точки зрения воспринимается как свободно становящаяся последовательность (ССП) через трехзвенную креативную процедуру:

- введение исходного элемента — единица (1);
- введение принципа порождения — переход от исходного к последующему через идею «всегда еще одного» (Брауэр) — прибавление единицы к предыдущему (2);
- введение мультиплицирующего акта (итерация) — воспроизведение «всегда еще одного» относительно предшествующего (3).

Возникает триада: «бытие в себе» — «бытие вне себя» — «бытие при себе» (истолкование шеллинговских потенций К. Фишером), — вмещающая адекватный образ самоизменчивого бытия символического как бытия «разумно возможного».

Универсализация алгоритма задания ССП для натурального ряда чисел позволяет прийти к общей формуле развертывания символического:

- введение символа (целе-ценность);
- введение порождающего механизма;
- введение креативных смыслов — продумывание, передумывание, претворение, перетворение (символ без смысла — пустая оболочка).

Триада: символизация, итерация, семантизация — в полной мере определяет судьбу символического. В нашем примере задания рядов чисел возможно (1) — оставлять без изменения: вводить в качестве исходного единицу; (2) — видоспецифицировать, замещая идею «всегда еще одного» идеей «всегда предыдущего»; с сохранением итерации (3). Отредактированный алгоритм дает развертывание нового типа символической реальности — ряда чисел Фибоначчи: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13...

Если в системе целых чисел утрировать операции сложения и умножения, возможно сплачивать их в своеобразные целостности, выражаемые понятием «кольцо». Если элемент «е» кольца (полугруппы, группоида) приравнивать к своему квадрату $e^2 = e$, получаем идемпотент. (Равным образом в логике принимаемый закон идемпотентности « $a \cdot a = a$; $a + a = a$ » отменяет алгебраические соотношения $a \cdot a = a^2$; $a + a = 2a$. Объяснить смысл идемпотентности ребенку, лишенному символической культуры, усваивающему абстрактные операции через комбинирование предметами в мире твердых тел, — практически невозможно.) Если в порядке развертывания последовательности чисел натурального ряда утрировать конкретные потенции субъекта счета, руководствоваться идеей обозримости получаемых совокупностей, следует апеллировать к конечности деятельности в интервале «до изнеможения» (ДИ), получая конечные варианты производимых многообразий. Для субъекта счета S_1 натуральный ряд имеет вид $S_1 \langle 1...k \rangle$ (в интервале ДИ относительно S_1). Для субъекта счета S_2 натуральный ряд имеет вид $S_2 \langle 1...p \rangle$ (в интервале ДИ относительно S_2). Для субъекта счета S_n натуральный ряд выглядит $S_n \langle 1...n \rangle$ (в интервале ДИ относительно S_n). Выстраиваются действительные типы реальностей относительно

возможностей S (по Шеллингу, принимая в расчет потенцирование S).

В данной проекции «случайно встречающегося действительного на фон а priori возможного, полученного нами в некотором конструктивном процессе»²¹, — отличительная черта символического сознания, как такового.

Являются следом подобных проективных движений и утопические изобретения: от нумерологии Платона — число жителей идеального (!) города 7! — 5040 (?); до «Икарии» Кабе и марксистско-ленинской «коммунии». Не говоря уже об установлении символического содержания мировой историей (с разбросом: что одним — сова, то другим — соловей).

Символическое бытие суть бытие *ase esse*, бытие, которое мы создаем, состязаясь с Всевышним в творчестве. С одним отличием. Бог-творец — носитель всеведения; его креатуры для него — твердо определены, прозрачны. Человеческие же символические креатуры лишены данных качеств. Мы знаем принципы порождения любых ССП от натурального ряда чисел до ряда чисел Фибоначчи, но мы не знаем ни всех их членов, ни всех их свойств.

Остается тайной за семью печатями, почему изобретаемые нами объекты:

— сопряжимы с действительностью: числа Фибоначчи корреспондируют модели «золотого сечения» — гармонического деления (деление в крайнем и среднем отношении — $2/3; 3/5; 5/8; 8/13 \dots$);

— несопряжимы с действительностью: проекты «светлого будущего», запускающие социальные технологии, выказывают незаложенную в них мизантропическую сущность.

Мы не можем обозреть всю совокупность вводимых символами их жизненных смыслов (мы не можем постичь Бога, освоить завершенную бесконечность...). И в этом — несимволическое мучение жизни человеческой;

— сопричастность. Путиами обретения «Я» являются:

— в качестве интеллектуальной инстанции — «сомнение» (Декарт);

— в качестве экзистенциальной инстанции — «отчаяние» (Кьеркегор);

— в качестве душевной инстанции — «стыдливость», «совестливость» (Соловьев);

— в качестве символической инстанции — «сопричастность».

²¹ Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989. С. 61.

Оценка знака по самоцели — дело искусства. Оценка знака по скрытому в нем смысловому содержанию — дело науки. Как подчеркивал Фреге, в науке знак — только произвольно выбранное средство выражения мысли, остающееся полностью вне рассмотрения²².

Символия, в отличие от науки, интересуется существом знака. Плодом данного интереса пребывает убеждение: символ в отличие от знака связан не столько со смыслом, сколько с «инкарнацией». Знак указывает на обозначаемое, требует толкования. Знак замещает вещь через смысл, открывает двери герменевтической процедуре. Выделяя глаголы, скажем: подобно знаку, символ «указует», «замещает», «требует». Но добавляет к этому глубокую интимную прочувствованность, в которой стандартный знак возвышается до ранга персонального «присутствия», «причастия», «совместности». В отличие от нейтрального знака, символ взыскует субстанциональной близости, определяющей его дальнейшую судьбу.

Человеческие существа обмениваются между собой практически всем, кроме существования²³, — высказывает Левинас. По предлогу «кроме» задается водораздел знака и символа. «Все» вовлечено в знаковый обмен; «все», что после «кроме», — в обмен символический.

Феноменология рекомендует различать *quid* и *quod*: что (*was*) и что (*Daß*). Одно распространяется на знаковое бытие, другое — на символическое существование. «Чтотость» вещей, полагаемая в идее, есть их сигнифицируемая сущность. «Чтотость» вещей, полагаемая в сопричастии, есть их символизируемая сущность.

Повседневный предмет — элемент быта — «перчатка», «концертная программка» в символическом созерцании (влюбленного Г.С.Ж. из «Гранатового браслета») влечет полагание сокровенного (едва не сакрального) тут-бытия, раскрывающегося не через вещиности, а «знаменья». Для непосвященных подобное бытие бессмысленно, бесполезно. Любая попытка проникнуть в него оказывается «топорной работой».

Фолкнер хранил в шкатулке вместе с письмами Джоан Уильямс посланную ему высохшую розу; она тут же превратилась в прах, когда ее попробовала взять в руки его вдова Эстелл.

²² Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Bd. 2. Jena, 1903. S. 105.

²³ См.: Левинас Э. Время и другое // Патрология. Философия. Герменевтика. Труды Высшей религиозно-философской школы. I. СПб., 1992. С. 937.

Чувство глубокого сожаления, связанное с посрамлением возвышенного, вызывают внешние действия по утилизации предметов сугубо персонально значимых. Можно ли пускать с торгов любовные послания (как письма Джона Китса возлюбленной Фанни Брон)?

Оценивая происходившее, О. Уайльд писал:

Вот письма, что писал Эндимион, —
Слова любви и нежные упреки;
Взволнованные, выцветшие строки,
Глумясь, распродает аукцион.

«Наши» символически представленные «чувства» — не продаются. Последнее свидетельствует о нелепости распродажи символонесущих, окрашенных в сакраментально-пламенные тона объектов.

По проникновенным словам Веновитинова:

Природа не для всех очей
Покров свой светлый поднимает.
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?

В створе сказанного (опуская «иррациональное» и упирая на «сокровенное») поражаешься глубине суждения Вяч. Иванова: «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многомыслим и всегда темен в последней глубине»²⁴.

Систему уточнений символического завершает характеристика знакообразного — того, что с символическим сближать, объединять не пристало. Главный содержательный принцип, каким следует руководствоваться при проведении дополнительных дивергенций, обособлений, — роль материального и идеального начала.

Согласно гностической типологии, в сообществе людей выделяются:

— пневматики — причастные божественному духу (идеалисты);

— психики — в природе которых заложено смешение духовного и материального;

²⁴ *Иванов Вяч.* По звездам. СПб., 1909. С. 39.

— соматики (гилики) — в организации которых превалирует материальное.

Таксономические разряды — жестки, непереходимы, непроницаемы. При всей условности переноса оснований разбивки человеческой организации на организацию знаковую не будет натяжкой утверждать: знаки-символы — идеалистичны, знаки-гилики — материалистичны. Они разделены китайской стеной. Идеалистичный знак-символ оживляет дремлющие мыслительные, эмоциональные ореолы; он пафосен, духоподъемен, динамичен, всегда готов (по Фету)

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец.

Материалистичный знак-гилик статуарен, применяется с целью зафиксировать визуально регистрируемые признаки, позволяющие проводить на поверхности лежащие опознавания-распознавания. Ограничение непосредственным ощущением («живым созерцанием») наводит на знаки-значки.

Жезл — указатель почетного положения.

Жетон — указатель принадлежности обладателей к группам, функциям, должностям, полномочиям, прерогативам, памяти, правам на приобретение, выполнение действия, доступу к благам.

Индекс — указатель последовательных изменений величин, числовых характеристик, перечней, реестров, принятых систем условных обозначений.

Эмблема — указатель принадлежности (товарные, фирменные знаки), собственности, различий (звания, разряды, должности).

Монограмма — указатель причастности, авторства.

Шеврон — указатель принадлежности к общности.

Квиток, талон, квитанция — указатель выполнения обязательств, приобретенных возможностей.

Клеймо, тавро, этикетка, ярлык — указатель принадлежности со специальными сведениями (изготовитель, собственник, качественная группа, количество и т.д.).

Вензель — узор-указатель рода, фамилии.

О переходе из знаков-значков в знаки-символы не может быть речи. Соображения относятся и к «эмблеме» при нарочитой передаче, кодировании содержания. Избитый пример: набившая оскомину эмблема «мерседеса». Она — не символ технологического качества, надежности, добротности. Саморекламное

клише: машины бывают хорошими, очень хорошими и ... «мерседесами» — сущая издѣвка в свете постоянно снижающихся кондиций изделий автопрома в их массовом тиражировании.

Эмблема как опознавательная инстанция всего лишь отличается своих от чужих: эмблема французского патриотического движения «Свободная Франция» — старинный лотарингский крест. Эмблема изображает, но не символизирует. Изображение матери может быть эмблемой. Символом материнства способна быть «Божья мать».

В отличие от знаков-значков, используя слог Шкловского, целью символа является дать ощущение вещи как видения, а не как узнавания.

Итак, символ — научно-постижимая форма знаковых явлений, отличающаяся от знаков-индексов, знаков-значков, знаков-жестов, знаков-рисунков. Сущностно расходясь с пиктограммой, логограммой, в точном смысле слова символ есть разновидность идеограммы.

Как ёмкий знак идеограмма имеет:

— план выражения: графемы, фонемы, слоги, слова, синтагмы (как правило, не захватывая предложений, хотя комплексные символы строятся комплексно — «произведение» как таковое, воспринимается как символ совершенного, как такового);

— план содержания: семы, семемы, морфемы, лексемы, пропозиции, развертывания.

Синтез обоих планов дает символ, скрепляющий образ и смысл гуманитарной значимостью.

Путь от мысли к слову (знаку) проходит риторика. Путь от образа к духоподъемному понятию проходит символика. Проходит при действенном участии наполняющих продуктивным воодушевлением концептуальных схем.

Знак чувствен, но, реализуя закладываемую в него функцию отхода от чувственного субстрата, выводит за пределы чувственного актом обозначения (сигнификация). Символ чувственно-сверхчувствен, выводит за пределы чувственного герменевтическим актом (интерпретация). Знак объективирует символ, символ субъективирует знак. Специфические типы символической субъективации крепятся на специфических конструктивных принципах задания символической реальности в широчайшем диапазоне, от эстематических до нозематических вариаций.

Таков интенсивный сценарий демаркации символического и знакового. Дополняющий его экстенсивный сценарий менее

многословен. Полнота самоосуществления знакового покрывается задействованием в коммуникации фонем, граем, хирем — соответственно единиц звукового, письменного, жестового общения. В отличие от знакового, символическое — предельно избирательное отношение; точкой его роста выступает письменное: грамема — авансцена идеограммы (не являющейся графическим изображением звуков речи, т.е. не являющейся сортом фонетического письма). Знаки-жесты иконичны. Знаки-письмена символичны.

Символ — означающая идеально-смысловая конструкция — семантически сближается с идеалом — идеально-смысловой конструкцией чаемого. Дифференцировка одного от другого обуславливается основанием выражения: символ — идеально-созерцательный образ совершенного. Идеал — инициативно-активистский его образ. Символ сопряжен с неосязаемым сущим, с каким, по Платону, сопряжено знание, — а именно: он соотносится со сферой, которую объемлет «бесцветная, лишённая очертаний, неосязаемая сущность, подлинно сущая, зримая лишь кормчему души — разуму; на неё-то и направлено истинное знание»²⁵. Идеал сопряжен с осязаемым сущим, на какое нацелено его будирующая, подвигающая сила.

Символ требует умственного проникновения. Идеал взыскует практического переустройства. Воплощение идеала практично. Символ есть плод умственного воплощения. Обмирщение идеала, как правило, соседствует с разочарованием: в связке «намерение (идеал) — действие (практическое усилие) — итог (следствия по действию)» элементы трехчастичной фигуры не когерентны. А ріоі ріоі одно не согласовано с другим и третьим. Обмирщение идеала лишено признаков *harmonia prestatitata*. Так, освободительную борьбу можно выродить в brutальный грабеж. Идеал «национального интереса» возможно обвалить. Но невозможно обвалить символическую идею чистоты помыслов ведения освободительной борьбы за национальный интерес. Разница: идеал «свобода страны» — символ «герой-освободитель» фундаментальна. Она выявлена Гельдерлином, в романе которого герой (Гиперион) при невозможности обмирщить идеал (национальный интерес) становится отшельником — носителем символа (чистота борьбы за национальный интерес не как акция, но как интенция).

²⁵ Платон. Федр. 247 с.

Вышесказанное резюмируется: символы — идеально конституирующие смыслозначимые интервенционистские формы, вбрасывающие в предметные данности сверхпредметные содержания. Наука о символическом опыте — симвонология — изучает механизмы образования смыслозначимой продуктивной сферы — ее композицию, характер динамики, способы осуществления. Поскольку символический опыт знаковый, учение о символической сфере (символосфера) опирается на семиотику как свой онтогенетический базис. Поскольку знаковый опыт не исчерпывает человеческий опыт, являющийся знаково-символическим, симвонология превосходит возможности семиотики в трактовке собственно человеческого в человеке.

Нерв символогии — не знаковая, но гуманитарная (духовная) морфология, не дедикативное, но нозматическое (понятийно-схематическое) формообразование. К последнему причисляются собственно сюжетные (не чисто синтаксические) связи. В живописи акцентуируется «линия», в музыке «мелодия» (тон, лад, ритм), в поэзии «рифма» (метр). Символическое переводит действительный мир из безусловного залога в условный, разукрупняет, типизирует его, испытывает в нарочитых кондициях.

Искусство радикализирует «возможно-невозможное»; наука «возможно-возможное»; религия «невозможно-возможное»; право «необходимо-возможное». Над препарированной действительностью ставится мысленный эксперимент с целью выяснить, что может происходить с предметностью в разных представлениях-воплощениях. Обособленная и квалифицированная *en gros* способность «представлять-воплощать» оказывается не чем иным, как способностью параморфного моделирования действительности (выражение одного через другое), составляющего краеугольный камень символического.

Бессознательный (примитивный) перевод предметности в параморфный план аттестует архаичное сознание, падкое на чувственно-образные инкарнации — антропоморфизм, анимизм, аниматизм, фетишизм, гилозоизм, родовой социоморфизм. Сходная с ней сознательная операция аттестует рафинированное символическое сознание, выискивающее в предметности всякого рода «склонности», «способности». Ученый «видит» в осязаемом — энергии, силы; художник — гармонию; музыкант — мелодию. Говоря просто, если человек способен в звезде усмотреть «душу», он — не охваченный необузданной фантазией дикарь, не живущий в мире иллюзий безумец, он — заслуживающий уваже-

ния Homo symbolicum, осуществляющий своё всечеловеческое призвание.

По самому своему призванию, назначению символика пронизана стремлением проникновения за пределы опытной реальности. Последним обнаруживается ее принципиально антипозитивистский характер. Именно позитивизм тщился укоренить проект плоской наглядной философии, что представляет *contradictio in adjecto*. Философия не может быть наглядной.

В опытном мире, замечает Вейль, «мы живем как люди, составляющие часть природы»²⁶. Однако как носители символического мы выходим за пределы природы — пытаемся быть сопричастными стоящему за чувственными данностями миру.

§ 2. Рождение символа

Генеалогия познавательных евангелий весьма ординарна. О ней, как о принципиально бедном действии сюжете, говорят «нечто из ничего». Символическое обусловлено сугубо человеческой привычкой вставлять изменчивые земные реалии в твердые рамки вечности.

Оперативное восстановление собственной сложности символического позволяет подводить его под регуляризирующую картину. Исток: будничность факта. Опосредование: образные, складывающиеся в цельность обобщения. Упор на правдоподобие (без которого правда — отвлеченная аллегория). Завершение: приведение к типическому (без которого правдоподобное случайно). Гипостазис (наделение статусным существованием). Эффект: в пламенной ночи человеческого воодушевления возгорается искра воображаемого — дивный образ в знаковой плоти — идеально выведенная выверенная конструкция с ясной гуманитарной миссией. Согласно принятым ориентирам — не хорошо, не плохо, — неизбежно разворачивается символическое самостроительство.

Присмотримся к технике выведения из сносного наилучшего, используя показательный материал: героизация нудных, банальных событий, создание культа подвига.

Исток. Составляет проблемное, были ли те или иные участники боевых действий героями или, как предположительно в случае матроса Кошки, лазутчиками, шпионами, brutальными

²⁶ Вейль Г. Цит. соч. С. 157.

мародерами, пьяницами? По части соответственных показаний, свидетельств недостатка нет (тексты Берга, Голохвастова, Пирогова, Валуевой-Мунт)²⁷. В общем солдат как «существо грубое, грубеющее еще более в сфере лишений, трудов и отсутствия оснований образования, знания образа правления, причин войны и всех чувств человека»²⁸ героическому как разряду поведенчески совершенного, возвышенного сам по себе не причастен. Объективная обстановка войны, «севастопольское сидение», где население оказалось заложником «страшного места смерти», — точно к героическому не предрасполагала. Условия 349 дней кровавого хаоса ничего, кроме отчаяния безысходного, исключительно не навевали.

Опосредование. Наборы «кочующих сюжетов», черпаемые из сообщений участников — агентов действия, самоотчеты заинтересованных лиц создают почву закрепления в коллективной памяти ассоциированных ассоциативных образов тех или иных персонажей, становящихся маркерами прошлого удачного опыта.

Завершение. Коллаж из множества источников связывает с маркерами всю полноту положительного участия.

Гипостазис. Обобщенные образы в коммеморативных практиках получают функциональную проекцию. Проводится социальная систематизация героического. Обособливаются кластеры «матрос», «медсестра», «ребенок», куда, как в ячейки, заносятся фигуранты. Ассоциативные идеально-средние типы (таксоны) идентифицируются с историческими прототипами.

Эффект. Олицетворения (образы-обобщения, ассоциации-универсалии) «подвиг матроса», «подвиг медсестры», «подвиг ребенка» обретают лицедеев. Один — Кошка. Другой — Дарья севастопольская (у которой масса «последователей»; или напротив, она — идеально-средний тип участников событий, на фоне которого безвестны люди, совершившие схожие подвиги, проявившие, быть может, большие чудеса храбрости)²⁹. Третий — 10-летний Н. Пищенко, которому дали военный орден 4 степени, а потом попросили вернуть в департамент.

Собирательные, ассоциативные образы обслуживают ответственное предприятие: воспевание выдающихся заслуг народа.

²⁷ См.: Федотова М. Образы «народных героев» войны 1853—1856 гг. // Россия XXI. 2010. № 4.

²⁸ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 400.

²⁹ См.: Сенявская Е.С. Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999. С. 215.

Продумывание резкой, ясной, отчетливой идеи ратного подвига, тем не менее, сталкивается с критическими комплексами души, навевающими сомнения (в свете многочисленных «достоверных» фальсификаторов-контрпримеров) в добропорядочности «ритуального благочестия». Падет ли утвержденный нормой жизни символ героического? Никоим образом. Используя оборот Фета, можно сказать: целый мир символического свидетельствует, что человек, помимо всякой достоверности, всякой вещественной пользы, ищет в возвышенном на свою потребу чего-то другого. Другого чего? «Святого безумства». Чем, к слову сказать, была жизнь Дон Кихота.

На нисходящей дистанции символ проходит лишь путь от самоотрицания к самоотречению. Других путей не бывает. Несогласное с ним, инородное ему символ воспринимает с вежливой невозмутимостью...

Итак, цель — производство больших и маленьких героев — отменная (нижние чины входят в отечественный военный пантеон). Средство — гносеологическая символизация — совершенное. Казалось бы, обескураживающ результат: народ-герой, полководцы-таланты (Нахимов, Корнилов, Истомин, Тотлебен) проигрывают. Но и он не заставляет расстаться с небом. Накопленный негативизм снимается спасительным: причина поражения — царизм, бездарность правительства.

«Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место», — высказывает Пушкин.

Планы символического и наличного в общественном сознании разводятся. План «символическое» укладывается в духоподъемный контур — тотальное прославление подвига играющих героическую роль легендарных (ассоциативно-персонифицированных) лиц. План «наличное» укладывается в критико-аналитический контур — тотальное неприятие деятельности государственной управленческой элиты.

С позиций теоретико-познавательных рассмотрений символ сближается с идеалом: подобно последнему, будучи тончайшим инструментом конструирования действительности «по понятию», он обогащает жизнь интересными плодотворными веяниями. Символический опыт, утверждалось выше, открыт в сверхреальное. За счет чего? Лучшие умы человечества бились над темой, ища пути выходов в сопредельное, отыскивая рычаги скачков в трансцендентное. К чему пришли? Актив позитива не

то, что скромн, он — скуден, фактически исчерпывается одно-возможным — судьба. Однако:

— судьба в ее рефлексивной реконструкции не есть «темный фатум»; судьба есть взаимное действие меня на мир и мира на меня; судьбу имеет тот, кто имеет свободу — свободу действия, выбора, утверждения; вещи, лишённые всего этого, не судьбоносны³⁰;

— покрыт мраком гносеологический остов позиции — в результате каких именно процедур талант проявляется, озарение наступает. Не впечатляют догадки (первоисточные объяснительные платформы) ни Платона (контакт с потусторонним — испить из Леты «глоток сомнения и злобы, «Федр»), ни стоиков (допущение связывающего человека с миром разума-гегемоника), ни Прокла (допущение состояния «озарения», где сознание, единая с сущим, проникает в его сущность). Эзотерика, мистика, наитие (многочисленные учения о творческом «безумии» — Декарт, Шеллинг, Верлен, Рембо, Блок, Вагнер и др.) — но не теория.

Разрубить гордиев узел в состоянии доктрина символического. Символогический взгляд на вещи поставляет такую трактовку.

Оттолкнемся от замечательного платиновского «место людей — между богами и зверьми». Что это за место? Оно определяется двойственностью, смешением двух капитальных начал — самости и чужеродности. Стереотип дуальности человеческой природы, точно молния, буквально пронизывает толщу культуры: оппозиции божеского — человеческого; небесного — мирского; духовного — тварного; психики — физики (физиологии) и т.д. Модель принципиального дуализма, параллелизма начал человеческого, невзирая на изъяны, составит эвристическую прелюдию последующих рассуждений. Феноменологически установившая антиномия, с какой придётся комбинировать нам: символическое — профаническое.

Первое — созидательная сила сопричастия высокому, катарсический эффект воодушевления, беспрецедентный душевный подъем, творящая мощь возвышенного, восторг приобщения прекрасному, могучие импульсы внутреннего роста. Второе — разрушительная тяга к осквернительному, пошло-заурядному, бесовскому, ходульной стихии, где «черт всюду сует свой хвост» (Гофман).

³⁰ *Tillich P. The Systematic Theology. V. 1. Chicago, 1951. P. 183—184.*

Первое — платоновский эрос, самообогащительные, самоприрастительные стремления души. Второе — фальстафовская утроба, которая губит.

В первом «вечное» говорит. Во втором «вечное ... молчит» (Сезанн). В первом открывается вид с «самой высокой башни» (Рембо), забравшись в которую, облачась в тогу «вечности заложника» (Пастернак), погружаешься в созидательную среду мышления, заставляющую «жить то, что не существует» (Валери). Во втором — сектор обзора ползучего гада, не способного поднять головы, дабы превзойти бессознательное, где нет «Я», где добро и зло, прекрасное и безобразное не различимы (морально-эстетические квалификации вырабатываются сознательной частью «Я»).

Что привносит символическое? Возможность следовать на небеса, куда за героями, праведниками, блаженными устремлен Номо symbolicum, приобщенный к эталонным символическим формам. Здесь: «подвиг», «любовь», «друг», «мать», «красота», «сила», «добрая воля», «свобода» и т.д. Символические формы играют роль прочнейших архетипов, — воспаряя над действительностью, приобщают не к тому, что есть, а к тому, что должно быть.

Верно, правда жизни — сермяжна. Между тем деонтологически полнота жизни к данной правде не сводится. Не сводится потому, что есть символическое — представления высокого, глубокого, светлого, окрыляющего. Номо symbolicum есть Номо efficas — он самопревозмогает, самопреодолевает себя. Руководство к действию дает символ, поддерживающий тонус деятельности порыва императивом «правды жизни нам дороже нас возвышающий обман». Жить по символу трудно, но обязывающе.

Толстой всю свою жизнь проводил в том, что искал «красоту». В этом поиске, противостоя сущему, именуемому «геенна огненная», он тешил себя светлой надеждой, упоялся воодушевлением. Может, он прожил не самую красивую жизнь (иначе не бежал бы из дома), однако же реализовал призвание: «жить как хочется ... плебейство, благородны долг и верность» (Гёте).

Реально-нереальный всепоглощительный поиск всю свою жизнь вел Достоевский, искавший земное пристанище спасительных заветов Христа.

Сходное обуревало Соловьева, под занавес жизни открывшего: в жизни есть смысл — «культ силы и красоты невольно указывает нам, что этот смысл не заключается в силе и красоте,

отвлеченно взятых, а может принадлежать им лишь при условии торжествующего добра»³¹.

Невыразимые в словах, понятиях шифрограммы «божественный голос», «эманация» вдруг получают достаточно точную фиксацию: достоинство человека — высота Бога.

Символическое есть точно в бытии Божеское, обязательно берущееся духоподъемно. Символическое замещает «тяжелую нерасчлененную музыку жизни» (Лосев). Замещает образностью без посягательств на музыкальность. Те, кто поступает иначе, плодят не символы, а профанические химеры. Таков Ницше, предлагавший экспериментировать над людьми и терзать их, доводить до крайности, возбуждать человека против человека, народ против народа — тогда как бы из отлетевшей в сторону искры, зажженной этой страшной энергией, будто бы возгорается свет гения³². Из высвобожденной страшной энергии человеконенавистничества действительно занимается пожар, но порождает он не гения, а пепелище. По точной характеристике Т. Манна, не стоящее «ни в каком отношении к жизни»³³ мышление Ницше — апрагматично, безответственно, аполитично. Такое мышление не символически.

§ 3. Символическое и человеческое

Хотя основные представления относительно существа человеческого давно сформулированы в теоретической антропологии, объективная логика тематизации *Homo symbolicum* требует возвращения к исходному. Некий типаж человеческого, по необходимости нивелирующий, но все же намечающий родовую историческую судьбу, состоит в утрировании признаков:

— разумность: *Homo sapiens*, человек разумный, — носитель абстрактно-понятийного потенциала, рефлексивной способности самосознания (когнитивный комплекс);

— социальность: *Homo politicus*, человек политический, — носитель вовлеченности в «роевой» межличностный обмен деятельностью, коммуникацию, интеракцию (социальный комплекс);

— целеполагание: *Homo projectivus*, человек целеустремленный, — носитель мотивности, воображаемости, достижительности, способности преодолевать средовость экстраполяционным

³¹ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 89.

³² См.: Ницше Ф. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1911. С. 170.

³³ См.: Манн Т. Соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1961. С. 388.

упорядочением мира, конструированием действительности «по понятию» (целеориентирующий комплекс);

— продуктивность: *Homo habilis*, человек умелый, — носитель способности обихоживать, преобразовать реальность творением «не-живого», заниматься искусственным формотворчеством (культуротворческий комплекс);

— знаковость: *Homo signifikas*, человек знаковый, — носитель общительности-сообщительности (выразительно-самовыразительный комплекс).

Эволюционно кристаллизованные замечательные способности сапиента филогенетически опосредованы прогрессивными соматическими подвижками, как то: переходом к прямохождению — формирование *Homo erectus*, развитием речи (языка) — формирование *Homo loquens*, производством орудий труда — формирование *Homo farber*, физиологически фундированными в свою очередь цефализацией. Вследствие сказанного человек по праву трактуется как *Homo additus naturae*.

В эволюционистике сложилась ситуация, когда дефицит идей не удается перекрыть даже самым смелым броском мысли. Колоссальное затруднение эволюционизма — необъяснимость тенденции к усложнению мозгового субстрата, увеличению объема мозга живых существ, целенаправленного движения по вектору «цефализация» (кортикализация функций). Суть в том, что простейшие (вирусы, бактерии) прекрасно адаптированы. Между тем магистралью развития сложных систем является наращивание кортекса. Как бы там ни было, мозг торжествует над генами, в то время как над мозгом торжествует культура.

Действительно, мозг человека — натуральный абсолютер прошлых эволюционных стадий. Морфологически он трехчастичен. Различают:

— Р-комплекс — физиологический субстрат эволюционной ступени хладнокровных, детерминирующий примитивно-агрессивные акты;

— лимбическую кору — физиологический субстрат эволюционной стадии птиц, млекопитающих, курирующий глубинные эмоциональные состояния, регулирующий деятельность внутренних органов, инстинктивное поведение, память;

— новую кору (неокортекс) с двумя полушариями, отвечающими за генерацию нерасчлененных комплексов-образов, ассоциативных связей (правое полушарие); выделение из них обедненных структур с явно фиксируемыми связями (левое по-

лушарие); контакт между ними (обмен образным материалом) обеспечивает мозолистое тело (*corpus callosum*) — физиологический субстрат эволюционной стадии приматов.

Поворотные пункты последней стадии: австралопитеки — архантропы (питекантропы, синантропы — антропоидные ископаемые люди) — палеоантропы (неандертальцы — древние люди) — неоантропы (кроманьонцы — люди современного типа).

Функционально в отдельных зонах мозгового вещества локализованы разные умственные способности. (Если повреждена височная доля, развивается афазия. Повреждение правой затылочной доли влечет неспособность освежать в памяти несловесные образы. Повреждение левой затылочной доли вызывает потерю языковой памяти. Повреждение теменной доли обуславливает утрату способности пользоваться языком. Повреждение извилины неокортекса (теменная часть мозга) провоцирует алексию. Короче, новая кора отвечает за умение пользоваться знаками, вести знаковый образ жизни.)

Генеалогически деятельность сознания определена не только анатомией и физиологией мозга — в том смысле, что она не следствие работы его частей, действующих солидарно или разрозненно. Сознание — функция мозга и культуры. В такой же степени, как физиологический, оно культурный продукт. Да и сам мозг — соматическая подоснова сознания — развивается по мере включения в социализацию. Таким образом, умственные достижения человека есть привходящий результат многих высоко развитых интеллектуальных способностей, которые вытекают из постоянного употребления единиц все более совершенствующегося символического процесса.

Здесь мы подошли к фикс-пункту. Ядро человеческого — символическое, позволяющее действовать свободно, независимо, продуктивно. Неавтоматичное сверхприродное соматически фундировано неокортексом, а социокультурно (социализационно) — символическим комплексом. Возврат к бессознательно-автоматическому происходит в случае либо соматического разбаланса — эпилепсия, поражение области Вернике, ответственной за опознавание слышимых слов, соотнесение звуков с понятиями и т.п., либо разбаланса социализационного — выдворение из естественного контекста знаковой целе-ценностной коммуникации. Феномен Маугли с этих позиций получает однозначную трактовку: сужение пространства символического общения коррелировано с усечением поведенческого, психологического про-

странства человеческого, где атрофия прямохождения, мелкой моторики, функциональная дистрофия передних конечностей, голосовой щели влечет не просто задержку человеческого развития, но при переходе некомпенсируемого барьера (3 года) — необратимую деструкцию мозгового субстрата, деменцию.

Физиологическое раскрывает социализационное филогенетически; социализационное раскрывает физиологическое онтогенетически. Все дело в причастности к человекообразной, символонесущей среде обитания. Лишь один пример. Та же голосовая щель есть продукт расширения анатомических возможностей, но она усиливает возможности гуманитарные. Слово — известное сочетание звуков, производится в гортани и полости рта при посредстве мышечных движений. Архитектоника голосовой щели влияет на звуковую коммуникацию. Звуковая коммуникация влияет на качество человеческого в человеке. Звенья цепи: «щелкающие звуки — телеграфный стиль — развитая речь» (с подверстанным под них физиологическим и интеллектуальным уровнем) отмечают стадии наращивания человеческого. К физиологическому субстрату приурочен гуманитарный потенциал; качество гуманитарного обеспечено физиологически (генетически). Одновременно к гуманитарному субстрату приурочен физиологический потенциал; качество физиологического обеспечено гуманитарно (функционально). С 16 недель утробного развития плод различает звуки родной речи. Дабы избежать невротизма, во весь перинатальный период и далее необходимо задавать благоприятный звуковой фон восприятия. С конца перинатального периода (с недельного появления на свет) до 1 года необходимо подключать будущего сапиента к активному манипулированию предметностью передними конечностями. К годовалому сроку ребенок должен вставать. (Эволюционная проекция — *Homo erectus*, высвобождение развивающихся передних конечностей.) Параллельно наращивается интенсивность вербальной коммуникации. Ребенок должен различать звуки, адекватно на них реагировать (иначе — задержка психического развития; в случае патологии (глухота) малыша следует подключать к компенсирующим программам, иначе — невосполнимые потери). Для двухгодовалого ребенка коммуникативный запас должен (!) составлять около 300 слов, для трехгодовалого — 1000 слов (этот момент характеризуется и усвоением грамматических правил, позволяющих строить предложения), для четырехгодовалого — 2000 слов. (Эволюционная проекция — *Homo significas*.)

Подобная динамика регулирует индивидуальный физиологический и гуманитарный прогресс, рекрутирует потенциального сапиента в стандартную ситуацию *Homo sapiens* — по мере социализации (и приуроченных к ней физиологических перемен) человек становится носителем «меры разума» (Фейербах). Он становится *Homo callidus et spiritalis*, человеком знающим и духовным.

Дистанция складывания указанного человека антропологически недоуточнена — технические сложности реконструкции синкретического процесса, совмещающего физиологический, социальный, языковой, ментальный рост. Что же касается гуманитарной стороны дела, здесь вполне подготовлена почва квалифицирующего суждения.

Творящая сила человечности — совместность, взаимность, общительность, сообщительность. Человек как высший разряд мироздания есть *Homo interactivus*, в самопроявлениях которого упакована игра базовых побудительных начал. Таковы, утверждалось ранее³⁴, сознание, труд, язык, социальность. В поисках предельных форм человечности далее идти невозможно. Именно сознание, труд, язык, социальность, не допуская субординации и предполагая координацию, в своем взаимоусиливаемом оформлении намечают старт человеческого. Какова в предельной реконструкции исходная точка, от которой, как от системы отсчета, возможно отталкиваться в выражении человеческой самости?

Ответ, какой даем мы, — содержательный остов такой точки задает понимание: существо человеческого таится в склонности вести символический образ жизни. Говоря прямо, — существовать в человеческом смысле — значит, иметь способность самоопределяться символически. Отсюда доктрина *Homo symbolicum* разворачивается как специфический тип антроповыразительной пьесы, где символическому уготовливается заглавная роль. Генеалогической предтечей символического статуса человеческого выступает коммуникативно-знаковая природа его предковых форм, — а именно: с определенной стадии отпадения от сугубо вегетативных общностей, самоутверждающихся с помощью элементарных тропизмов, таксисов, инстинктов (трофические цепочки жизненных циклов), укореняется коммуникативно-знаковый стиль жизнеподдержания популяций, прекрасно удостоверен-

³⁴ См.: Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 2010.

мый зоосемиотикой, проксемикой. Разумеются такие моменты группового налаживания существования, как «роевость», ролевость, функциональная частичность, приоритетность. Знаковые связи, конечно, не случайны, оказываются хорошими маркерами проникновения символических закономерностей в человеческую природу. Монументальное величие человеческой, символической жизни подготавливается эволюционно.

Относительно упрочения симвононосной среды стадии сапиента выскажемся лапидарнее.

Это аксиоматично, что человек — существо природное. Но не только. Необратимые содержательные перемены в естественно-исторической трактовке человека связаны с признанием того, что вся эволюция сапиента есть каскад культурно-символических инноваций. Отсюда, в ракурсе предпринимаемых рассмотрений, человека правильно определять как носителя сверхприродных способностей. Именно так: человек — существо, выказывающее свою сущность внеприродным образом. Генеральный признак человеческого — символическое, осуществляющее роковой разлад гуманитарного и натурального универсумов.

Без всякой метафорики «душа, над которой основательно поработала судьба, достигает редкого счастья быть самостоятельной»³⁵. Если «судьбу» заменить на «великое напряжение сил», а «самостоятельность» на специфическую способность содержательной выразимостью, целеориентированностью, ценностной причастностью, мотивностью преодолевать вещьность, мы получим требуемое. Человеческая сущность не предана. Она вырабатывается по ходу многотрудного опыта культивировать в себе навыки символических действий. Отлаженный инстинктивный порядок на природном уровне перекрывается обретением собственного неинстинктивно-человеческого порядка на надприродном уровне, в пространстве символического.

§ 4. Пространство символического

Перевод с языка образов на язык мыслей дает такую трактовку пространства. Пространство — логически конструируемая форма,

- служит средой-абсорбером всех релевантных событий;
- задается отношениями, определяющими возникновение типологичных явлений.

³⁵ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 100—101.

Сказанное, разлучая с толкованием «множество объектов», сближает с толкованием «порождающая структура», уточняемая не аксиоматически, а конструктивно. Востребуется, таким образом, не метрическое, не событийное многообразие с включаемыми в него составляющими, востребуется фазовое многообразие с совокупностью реализующихся в нём креативных процессов. Символическое пространство, следовательно, передает идею духовно оформляемого порядка, позволяющего духовной мерой измерять величие души.

Поскольку фазовое пространство есть множество с надлежащей структурой, элементы которого представляют модификации всевозможных его состояний, требуют разъяснения особенности структурообразовательной техники, ответственной за ход морфогенеза.

Пробить просеку в лесу специфических (сущностных) черт символического позволяет реконструкция базовых принципов завязывания символическости. Символ, как условный опознавательный знак с глубокой подоплекой (образно-смысловые инкарнации, инкорпорации, интерполяции), обретает выразительную состоятельность через способы кодирования, репрезентирования содержания. Реперами символического выступают типы семиозиса, агрегирующие звуковые, световые, моторные параметры и поставляющие акустические, осязательные, оптические коды. В более общем смысле, если исходить из того, что вся полнота символической ситуации исчерпывается синкресисом «общения» и «сообщения», ариаднову нить хождения по лабиринтам символического поставляют семантика (содержание коммуникации — «сообщение») и прагматика (ситуационная семантика — правила поведенческой коммуникации — «общение»).

Контекст «сообщение»: семантика. Активирует «содержание», более или менее чётко проступаемое в коммуникативных полях. План «содержание» не редуцируем к плану «форма» ни предметно, ни выразительно (невыполнимость программы Гильберта).

Предметная плоскость: и явные, и тайные смыслы оправдываются подразумеваемым (фоновым знанием), удостоверяются герменевтически (экзегетически).

Выразительная плоскость: социальная циркуляция смыслов оправдывается практикой применения знаков, удостоверяется невербальными техниками — операционными, позиционными параметрами (смыслы в общении, согласующиеся с нюансами

коммуникации и культуры, сами по себе полисемантически, полифундаментальны).

Смысловые интенции имеют знаковое оформление, но не имеют однозначных знаковых замещений.

Итак, контекст «сообщение» многосоставен. В нем просматривается:

— выразительный момент: звуковой текст (речь, свист, удар, нота); жестовый текст (пантомимика, пластика); графический текст (буквенное письмо, идеограмма, иконограмма, пиктограмма, нотация, рисунок);

— архитектурный момент: содержание текста (выверенность смысловых образов — квалифицированные последовательности реконструктивно-продуктивных актов-мыслей); имманентная организация текста (выверенность сигнальных образов — квалифицированные последовательности репрезентативно-репродуктивных актов — акустические, осязательные, графические, телодвигательные оболочки мыслей).

Подчеркиванием сказанного утверждается: не бывает стерильной знаковой коммуникации. Последняя всегда позиционно-локальна; никакая логизация ее невозможна. В естественной стихии интеракции не существует ситуации, где упорядоченность языка определяет характер передаваемого содержания безотносительно к условиям.

Следовательно, жесткий императив Брауна о максимальной доступности, нейтральности, полноте, однозначности знаковой ситуации³⁶ не состоятелен. (Не состоятелен и проект логически совершенного языка раннего Витгенштейна.) В знаковой ситуации в качестве полноценных агентов содержания фигурирует как артикулируемое, так и неартикулируемое (окутанные скрытыми целями — социальная, психологическая позиционность — значения, так или иначе идентифицируемые коммуникаторами; если отказаться от их признания, язык предстанет самодостаточным исчислением знаков, влекущим выхолащивание не только символической, но и коммуникационной определенности). Язык как сознание есть общественный продукт и остается таковым, пока есть люди³⁷. Это первое, что надлежит принять во внимание.

Второе, что не может быть выпущено из вида, — тематический синкретизм духа: «информация, — указывает Альбрехт, — ох-

³⁶ *Brown J. Loglan — a logical language. Gainesville, 1966.*

³⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 29.*

ватывает... не только сферу рационального, но и ... эмоционального — в языке осознанно выражается все, что отражает сфера чувственного... В противном случае мы остаемся в сфере нижней стороны бессознательного, в сфере вегетативной системы»³⁸.

Наконец, третье: язык нашпигован отягчающими «план выражения» содержательными постулатами значения (карнаповские А-постулаты), пресуппозициями, онтологическими допущениями, гипотезами существования, присутствующими и в наиболее абстрактных языковых конструкциях. Тезис Гильберта «вначале... стоит знак» корректируется естественным «вместе с интерпретацией». Ту же логику Аристотеля, замкнув на онтологию (гилеморфизм), можно сформулировать в рамках родо-видовых отношений, а можно изложить как пропозициональное исчисление (систематизация Лукасевича). Так что радикализм Гильберта по поводу недопустимости привнесения в строгие языки содержательных компонентов³⁹ — не осмыслен. «Число» не заместимо «цифрой». Как констатирует Лукасевич, «никакая дедуктивная система не может базироваться на определениях как на своих последних основаниях. Каждое определение предполагает некоторые основные термины, посредством которых могут быть определены другие термины, при этом значение основных терминов должно быть разъяснено с помощью примеров, аксиом или правил, основанных на опыте. Истина а priori всегда является синтетической. Однако она представляет собой не результат некоторой таинственной способности разума, а следствие весьма простых экспериментов, которые могут быть повторены в любое время... Аксиомы логики и математики основываются на такого рода экспериментах; никакого существенного различия между априорными и апостериорными науками нет»⁴⁰.

Контекст «общение»: прагматика. Ассоциирует сопровождающие «сообщение» эффекты личностного взаимодействия. Разумеются инструменты варьирования смысловых параметров применительно к характеру общения в интерактивных локалах. Здесь — показатели особенностей фонации (интонация, модуляция, оркестровка, тембровка); кинесики (выразительные телесные движения); просодии (акустические компоненты общения, мелодика); стилистики (совокупность изобразительных,

³⁸ *Allbrecht A.* Einführung in die Philosophie. Т. 1. Greitswald, 1964. С. 30.

³⁹ См.: *Гильберт Д.* Основания геометрии. М.; Л., 1948. С. 391.

⁴⁰ *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 282—283.

выразительных приемов, подробностей общения); роли (маски общения); визуальности (предметная атрибутика общения); вокализации (звуковой рисунок общения); графики (расположение текстов).

Весь этот сцепленный с тематическими моментами коммуникативный декор трансформирует «текст» общения, привнося нюансировку «подтекста» и «контекста». Если семантика сосредоточивается на онтологии фиксации содержания, то прагматика — на его (фиксации содержания) феноменологии.

ФОНАЦИЯ. Связана с физиологией речепроизводства. Детализирует голосовые качества, признаки артикуляции — темп, тон, тембр, диапазон. Совместно с вокализацией (интенсификация гласных — согласных) актуализирует высотно-мелодическую, акустическую картину языковой коммуникации.

Звуки вначале «звучат» и лишь потом «значат». Звук — компонент словесной (слово, речь) коммуникации выполняет функцию общительную. Если его изолировать, вывести за пределы общения, возникнет вырожденная схема эзотерического, капсулированного функционализма. В варианте Рембо — приписывание звуку (букве) цветовой функции — оформляется суггестивистика (импрессионизм, символизм); в варианте Хлебникова — приписывание звуку (букве) смысловой функции — парадигматика⁴¹.

Свободно, безразлично к опыту общения вводимые толкования — искусственны, нарочиты. Непреодолимый порок функционализма — формальность, причем двойная.

Общение протекает как словами, так и идеями (ср. с платформой Малларме: поэмы пишутся словами, а не идеями). Сосредоточение на «слове» грозит вырождением в нетерпимое словотворчество (едва не графоманию). Сосредоточение на «идее» грозит вырождением в нетерпимую конъюнктуру (ср. «партийная» литература). В разработке символических форм следует строго придерживаться фарватера, ограниченного сигнальными знаками: «совместный мир» (Плессер) — «символический обмен и смерть» (Бодрийар).

Первая вежа: язык есть практически позитивное сознание, действительная оболочка мысли. В строгих типах выражений каждому понятию приписывается одно значение (исключение многозначности); в нестрогих типах выражений многознач-

⁴¹ См.: Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981.

ность, двусмысленность не устранима. Выражения обыденной речи нечетки, нестроги, но за счет этого гибки и всё-таки достаточно определены для налаживания коммуникации (применяя лексику нечетких диффузных множеств, можно представить положение дел так: в реальной стихии коммуникации вводится функция принадлежности, фиксирующая крайние значения, что позволяет рассчитывать, «закладывать» промежуточные значения выражений).

Вторая вежа: значения вытекают из практики употребления знаков. Поскольку последняя необозрима, возникает соблазн утрировать многогранность человеческой коммуникации, истолковывая поле значений знаков как вполне открытое. Отсюда — установка игрового статуса символической деятельности. Творческое варьирование выразительных ресурсов в общении естественно и очевидно. Непреднамеренная импровизация такого рода, сообразуясь с оригинальными языковыми ситуациями, навевает и трансформацию регламентов словоупотребления и словотворчества. Между тем свобода инноваций здесь регулирована: горизонт символического обмена намечает логика взаимопонимания. Именно она влечет сплачивание агентов языковой коммуникации, и она же исключает подрыв правил ведения языковых «игр».

Гиперболизация игровой природы символического обмена (постмодернизм) обрекает на беспорядочно-бессистемное самовыражение, где культура, как таковая, становится заложницей произвола. Создание «сумасшедших» (отталкивающих своей новизной) символических форм как сугубо формальное упражнение обычно локализуется в экспериментальных, студийных площадках. В противном случае — развертывание вполне ассоциальных фантомов в створе: фетишизация слова — мозаизация мира. С хорошо предсказуемым исходом. Символизм для символизма — опасная, антижизненная линия, заводящая в тупики сциентизма («наука для науки»), дидактизма («мораль для морали»), эстетизма («искусство для искусства»), кратократизма («власть для власти») и т.д.

Уровень нынешней трактовки и понимания задает стратагема: неологизмы конструируются не по фонетическому, а по словотворческому принципу — с активным использованием переносов, трансляций из стандартных слов корней, суффиксов, префиксов. Новый выразительный материал поставляется монтажом готовых блоков. Скажем:

И светло мне глаза оросили
Слезы гордого счастья, и я
Восклицаю: ты — символ России,
Изнуривающаяся струя.

В далеко идущем северянинском новообразовании «из-недрива-ющ-ая-ся» фонетическая мотивировка заменяется мотивировкой семантической, морфологической.

КИНЕСИКА. Содержание мысли (текста) передают звук, жест, маска. Жест выступает в качестве а) обслуживающего декораума звуковой ситуации; б) самодостаточного инструмента общения. И там и тут функционально он — орудие бессловесного выражения внутренних душевных состояний посредством передачи содержания с помощью мимики, пластики, согласованных телодвижений. Организационное обособление производства образов на основе жестовых средств стоит у истоков пантомимики, танца, балета (хореографии).

На фоне сказанного хорошо поддается критике отождествление языка с речью (словесным процессом). Язык, как знаково-информационное образование, применительно к человеку является всеобъемлющей родоопределяющей категорией: не бывает человека, не отмеченного приобщенностью к знаковой деятельности. Однако же языковые типы выразительной активности не совпадают с речевыми. Язык как коммуникативное средство реализуется в разных фигурах. Творческое развертывание мысли заявляет свою символическую природу в разнообразных объективациях. Воспользуемся данным доводом для выдвижения более пространного суждения.

Кинесис консолидируется в качестве обособления моторно-двигательного компонента отправления жизненно важных актов через его ритуализацию. Своей генеалогией он воспроизводит, удостоверяет кристаллизацию всех и всяких изобразительных символических форм.

Выживание сопряжено с добыванием пищи, нацеливающим на организацию охоты. Охота, как разновидность рискованной групповой деятельности, устраивается не инстинктивно, а целесообразно — распределением ролей, налаживанием согласованных, взаимосвязанных по целям, времени, месту операций, проводимых по единому плану, подчиненных проникающим задачам. По ходу осуществления подобной деятельности оттачивается арсенал средств, совершенствуется инструментарий, приобретают-

ся навыки. Антиципирующая природа сознания, однако, генерирует будирующую установку: наращивание результативности деятельности детерминируется ее предварительным ритуальным предвосхищением, воспроизведением в имитационном залоге (отработка техники, влияние на агента действия, посвящения).

Обособливается условное пространство, заранее создающее склонность, предрасположение к достижению искомого. Положительный жизненный акт расщепляется на практическое и подражательное действо, — одно обслуживает витальную потребность, другое — ее символическую реконструкцию. Институализация первого влечет отработку технологий поддержания бизнесферы; институализация второго — отработку технологий поддержания символосферы.

Проекция сказанного на верифицирующий материал этнографии поставляет эксплицирующую схему.

Перед началом охоты бушмены устраивают обрядовые (культуво-ритуальные) пляски. Конголезские пигмеи рисуют на песке изображения зверей, затем пронизывают их стрелами. В аналогичных целях тунгусы вырезают фигурки будущих жертв. Что происходит?

В поведенческом комплексе автономизируется слой не стандартно сигнальных моторных актов (как общее место он обнаруживается в животном царстве), а актов имитирующе-инициирующих — церемониальных. Их назначение — культовая подготовка (вдохновение, воодушевление, приобщение) реального действия. Последнее, следовательно, дивергирует на собственно действие и преддействие, оказывающееся образно-условным, обрядовым воссозданием, воспроизведением своего прототипа.

Из собственно действия проистекает праксис — инструментальные формы. Из образно-условного, культуво-обрядового преддействия проистекает эстезис (танец, живопись, скульптура) — символические формы.

Таким образом, есть всеобщий знаково-символический код и есть его специфические проявления в разных отсеках деятельностного обмена (скажем, практическое требует предмета, к которому относится; символическое — традиционного самовнушения). Разнородные грани социальной жизни взыскуют разнородных знаково-символических воплощений. В обобщенном порядке они систематизируются символогией, рефлектирующей богатство самозаявлений человека символического. Как и письмо (графема), жест (хирема) проводит консервацию мыслей, высту-

пает оперативным транслятором сообщений. Однако в отличие от письма, преодолевающего время, жест преодолевает пространство. Потому и уступает письму по всем количественным параметрам от быстро- до дальнодействия. Достаточно сказать: разрешающая способность жестовой трансляции информации — 60—70 знаков в минуту, что лишает его конкурентоспособности сопоставительно с вербальным инфообменом, протекающим с 25-кратным скоростным превышением.

ПРОСОДИЯ. Верь в звук слов:

Смысл тайн в них, —

декларировал Брюсов. Как мы пытаемся показать: не только. Сакраментальное сближение голоса с логосом производится в европейской традиции. Иные эмпирически находимые сближения дают неевропейские культуры. Скажем, мексиканские индейцы развертывают общение на свисте; меланезийские аборигены — на ударах гонга. Используются, следовательно, не фонемы (здесь: единицы не звукового, а речевого строя языка), а форманты (резонансные частоты). Таким образом, базис коммуникации диверсифицирован; в качестве его опор фигурируют фонемы, графемы (единицы письма), хиремы (единицы жестикуляции), естественно дополняемые формантами, рисунками (линейные элементы картины).

Тем не менее, вне слова — нет вещи. «Нет» в качестве ментально одействованного предметного содержания. По этой причине, минуя детали, для обеспечения именно гносеологических штудий выразительный момент мысли (чисто технически) отождествим с речью, толкуемой *cum grano salis* — в качестве субститута всей палитры выразительного.

Итак, речь (изъяснение в любом синтаксисе) поставляет человеческое звучание (напоминаем: не только звучание, но и толкование — разделение «мысли» и «плетения словес», словесной техники концентрируется в нарочитом нежизнеспособном локусе самодостаточного словотворчества — Хлебников, Каменский и др.) проявлений мира. Удержанием связи понятия и звука (акустический образ) слова приобретают черты осмысленности (не бессвязицы, как в случае «заумного языка»). Осмысленные словесные группировки образуют речевой (акустический) поток, членящийся на различимые ухом фонемы (число которых в европейских языках колеблется от 30 до 40).

Собственно просодия, составляя часть фонетики, озабочивается количественной стороной звуков речи (долгота, ударение,

сочетание икт — ритмических акцентов со слабыми слогами — тезисами, образующими размеренность речи). В наиболее узком смысле просодия раскрывает существо просодем — суперсегментных единиц фонологической системы языка, значащих частей акустических компонентов (вплоть до интонационного рисунка фраз) общения.

Для проведения заявленной платформы в контексте обсуждения просодии адекватней говорить не о фонологии, а о фоносемантике, имея в виду момент содержательности, предметности, звуковой языковой формы. Вслед за А. Журавлевым здесь правильно различать понятийное ядро (семантический образ), признаковый аспект (система предметных характеристик — реификация, предикация, атрибуция), фонетическую значимость⁴².

Семантически пустая информация, тем не менее, что-то передает, что-то значит (как в известном примере Щербы). «Значит» по морфологическим очертаниям слов, лексическим оформителям. Если их исключить — устранить родовые, субъективные, кинетические определения, получится всеполнейшая бессмыслица.

Просодия, таким образом, не отгораживаясь от семантики (а как иначе, оценивая, к примеру, синтагматический ряд: страх — ужас — жуть), акцентуирует звуковую экипировку слова.

Генетически дело выглядит так, что речь произрастает из а) содержательности звуковой стороны природных явлений, небезучастных перипетиям человеческого мира; б) сигнальных звуков животных, приурочивающих акустическую экспрессию к качеству значимых локальных ситуаций. Естественно-историческая детерминация фоносемантики вызвала своеобразную пролиферацию потенциала звукового ряда, адаптирующегося к выражениям как опасных, вредоносных, так и безопасных, благоносных событий. На одной стороне: шум шторма, урагана, вулкана, рык хищника (низкие, немелодичные, грохочущие, шумные звуки); на другой стороне: щебет птиц, журчанье ручья, звон капли (высокие, негромкие, мелодичные звуки).

Характер мобилизационной реакции на устрашающее привел к оформлению кратких резких звуков; тогда как характер умиротворительной реакции на располагающее привел к оформлению медленных протяжных плавных звуков⁴³. Смысловая связь «явление — звук» закрепляется фоносемантически, приоб-

⁴² См.: Журавлев А. П. Цит. соч. С. 28.

⁴³ Там же. С. 125.

ретаает вид устойчивого условного рефлекса. Как видно, предпосылка наделения звуков значением — в самой корреляции типов звучания и типов предметности, явлений и реакций на них. Содержательность звуков передается мелодикой, за которой — настроение, интенции, сцепленные с существом прожитых ситуаций. Таков диахронический разрез эффекта звучащего слова.

Синхронический разрез данного эффекта требует несколько иных комментариев. Дело в том, что значимость звукового сигнала может быть истолкована в терминах не содержательной (событийной), а сугубо акустической привязки. Звук сам по себе не обязательно связан с звучанием некоей предметной данности. Произнесенный звук, — подчеркивает А.Журавлев, — имеет собственную содержательность, и это позволяет указывать на любой предмет, соответствующий такой содержательности, независимо от того, звучит сам предмет или нет⁴⁴.

Перед нами надситуативная универсализация, преодолевающая локальность ситуаций. Обособление «значения» звука дифференцирует статус его выразителя — знака. Намечается подобие бифуркации: мотивированность фонологии — от логики природы; произвольность её — от логики общения. Мотивированность сохраняет связь знаков с предметами, звучащей материей (если её — связь — ужесточить, знак утратит универсальность). Произвольность способствует перекрытию знаком ситуативности.

Доязыковые значимости звучания снимаются в последующем оформляемыми специфическими значимостями подобного рода. На авансцену выходят акустика и артикуляция, требующие различной энергетики речепроизводства. Возникают собственные фонетические значимости: взрывные, звонкие, глухие, фриктивные, дрожащие согласные; междометия-экспрессии, звукоподражания и т.п.

Приобретение речевых навыков в постнатальный период начинается со звукоподражания (до 1,5 лет) — упражнение мышц гортани, языка, губ в артикуляции. С двух лет практикуется не имитация слов, а их осмысленное использование. Физиологически к 2 годам (при выверенной социализации) созревают определенные участки головного мозга, ответственные за понимание речи (развитие нейронов в речевой зоне коры головного мозга). К 20 месяцам возникают первые связи в областях Брока (задняя

⁴⁴ Там же. С. 126—127.

часть лобной доли левого полушария — центр моторных образов слова) и Вернике (височная доля левого полушария — центр сенсорных образов слова)⁴⁵.

Вместе с тем за изображением образов звуками — эшелонированная содержательная подноготная. Возьмем «топ-топ».

1 уровень — ареал фонетической значимости; звукоподражательная фигура вводится как речевой эквивалент локальной шумовой ситуации.

2 уровень — ареал признаковых эффектов: «топ-топ» расценивается как речевой аналог «топота».

3 уровень — ареал понятия: «топ-топ» интерпретируется как «шум, вызванный передвижением».

СТИЛИСТИКА. В узком смысле стиль есть варьирование изъяснений. В широком смысле стиль есть варьирование самозаявлений. В любом случае речь идет о специфичности манеры, общности приема, индивидуальности демонстрации, особенности оформления, обработки материала, способе воздействия на аудиторию, причастности к иерархии, статусу. Далеудаленной предпосылкой стилизации выступает живая сущность языка, сугубо творческое семиотическое моделирование реалий, находящее непроторенные пути от смысла к слову (в широчайшем толковании), от мысли к вариантам ее закрепления, передачи.

Стиль появляется там, где присутствует установка на выражение⁴⁶; стиль обслуживает идейно-образительный и выразительный замысел. Как ядро лингвокреативной техники, стиль охватывает необозримое множество процессов:

— экстенсивно — от морфологии (словообразование) до синтаксиса (словосочетание);

— интенсивно — от формы (лексические, грамматические параметры) до содержания (семантика, парадигматика, тематика, сюжетика, поэтика, риторика, идиоматика, жанрика).

Сверхназначение стиля — регуляризация, кодификация общения, его нормирование. Стилиевая норма как коммуникационный императив в виде предписаний к агентам действия обособливается из самотека массового общения: «надлежит поступать так, как привычно, обычно». Норма имеет разную крепость — орфография и орфоэпия; различную регулятивную силу — морфология и стилистика.

⁴⁵ См.: Панов Е.Н. Знаки. Символы. Языки. М., 1980. С. 6.

⁴⁶ См.: Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2002. С. 281.

Динамика норм определяется динамикой смыслообразовательных, стилепродуцирующих процессов, в свою очередь детерминируемых линейным прогрессом культуры, циклическими внутрикультурными зависимостями (периодика, ритмика чередования социокультурных форм).

В основе стилообразовательной кинетики — типы выразительной культуры:

— коммуникация: вербализация, графизация — закрепление системы выражения в устной (бесписьменной, внеграмматной), письменной речи;

— целеориентация: мобилизация, апологетизация, агитация, фактофиксация;

— тематизация: популяризация, сциентизация, профессионализация;

— адресация: лексическая среда — прозаизм, маньеризм, эвфуизм, фразеологизм, архаизм, примитивизм, варваризм, макаронические фигуры, кальки, жаргоны, диалектизмы, неологизмы;

— эвфемизация, орфоэпизация: звуковой подбор словесного материала;

— эвфонизация: просодия, вокализация, артикуляция, дикция, интонация — звуковой состав речи;

— эвритмизация: организация ритмической речи, характерная расчлененность голосового потока на ударно-безударные единицы.

Дадим необходимые пояснения лишь стилистической стороне дела.

Вербализация. Слово пребывает в фонетической (набор звуков), графической (набор букв, графов), семантической (набор значений, сем) оболочке. Вербализация, аттестуя строй устной речи, актуализирует фонетическое (просодическое) семантическое измерение. Говорящий — непосредственно творящий речевой ресурс — погружен в обозримый контур языка. Его предметные, выразительные признаки всецело исчерпывают локал общения. Устная речь активней, импульсивней, репрезентативней письменной. Есть 50 способов сказать «да» и столько же способов сказать «нет»; тогда как только один способ написать это, — утверждает Б. Шоу. Отличительные признаки вербальной коммуникации — обозримость, контекстуальность, прямой контакт — своеобразно редактируют стилистику интеракции.

1. Грамматические наклонения обретают дополнительную элокутивную силу — констатации, императивы, вопросы, обе-

щения предопределяются природой обмена деятельностью в обособленной ситуации.

2. Синтаксические трансформации дополняются, соподчиняются многообразными психологическими, телеологическими потенциями — экстра- и паралингвистические эффекты, индикации.

3. Высказывания несут скрытые, амбивалентные (выявляемые или невыявляемые) цели (по этому поводу Остин вводил специальную фигуру «перлокуционные акты»).

4. Развертывается диакритическая (различительная) способность, устраняющая неопределенность за счет локализации смысловых потенциалов, встраивания знаков в действия, — так называемое эмпрактическое мышление (прозрачная фраза: 95 — 4 — 500, не требуя разъяснения на АЗС, выглядит сугубой шифрограммой за ее пределами).

Графизация. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отвлекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка (Пушкин). Следовательно, в письменной речи нельзя «писать, как говорят», — надобно «писать, как должно бы говорить». Единый поток письменности дает литературу, использующую систему кодифицированных средств фиксации содержания. Лексически и грамматически письменная речь отличается от устной более строгими требованиями к соблюдению языковых норм — отработанность синтаксиса, фразеологии, лексики.

Графическое удостоверение языкового материала позволяет производить учет ритмических частей излагаемого по пробелам (указывающим на паузы), абзацам, вводящим принципы членения текстов. Сходной цели восприятия текстовых массивов подчинено качество шрифтов, способов печатания (корпусы, курсивы, кегли, размеры литер, пункты, квадраты, форматы, рондо).

Расположение слов на страницах выступает средством композиции, к чему неизменно прибегали в поиске А. Белый, Маяковский. Графические приемы могут сообщаться (плакаты, орифламы, афиши, вывески) или разобщаться (письменная компоновка выражений как художественная самоцель — творчество Зданевича, Вознесенского) со словесной функцией.

Целеориентация. Стиль как речь с установкой на выражение представляет единство передачи мысли и её эмоционального переживания. Выразительный момент всегда связан с нахож-

дением нужных коммуникативных единиц, релевантных адресатам, темам, настроениям. Целеориентация вводит градиент «кого, что обслуживает сообщение». В зависимости от субъекта и объекта диверсифицируется корпус коммуникативных средств, проводящих приурочивание лексики, жанрики к сверхзадачам ситуации. Последние, собственно, предорганизуют речь, которая, как множество слов, ассоциируется во фразовые единства с позиционной лексикой (выбор слов), синтаксисом (способы сочетания слов в предложении), эвфонией (звуковой подбор словесного материала)⁴⁷. Только встроенное в обслуживающие замыслы фразы слово несет смысл. В противном случае: бесчувственность шаблона, либо бессмысленность штампа, либо вымученность «зауми».

Тематизация. Запросы реципиентов обуславливают лексическую, жанровую окраску слова, автономизируют тематические таксоны: научная, популярная, публицистическая, официальная, деловая, художественная, агитационная литература, оказывающая дифференцированное влияние на поведение, умонастроение, социальную, экзистенциальную ангажированность акцентов. Особенности литературы изучаются критикой, особенности художественной литературы — поэтикой, особенности нехудожественной литературы — риторикой, особенности агитационной литературы — пропагандой.

Адресация. В стандартной своей функции выражение обслуживает информационные запросы коммуникации. Однако нередко случаи подчеркивания нестандартных его функций, где поиск распорядка, взаимоположения, оборота, отбора слов обретает самостоятельную эстетическую ценность. В синкресисе выражения, следовательно, просматривается тематизм и эстетизм. Один коррелирован с семантико-парадигмальным, предметно-содержательным планом, другой — с планом эмоционально-художественным, орнаментальным. (Уравновешение этих планов осуществляет вкус, традиция, мастерство.) Присмотримся внимательнее к последнему плану.

Эстезис языка — от совершенно сознательной звукоосмысленной оркестровки, выделения звуковых, цветовых, предметных доминант соблюдения пропорций, выдерживания тональностей. Сказанное относится к полноте языкового эстезиса, захватывая все многообразие символических форм, группирующихся вокруг

⁴⁷ Там же. С. 30.

ритма, тоники, колорита. Преобладающим основанием распределения здесь служит каноника сочетания (жанровость, фабульность, мотивность), размерность упорядочения (экспозиция, сюжетосложение), порождающая эффект совершенства.

В искусстве — деле разыскательном, созидательном — главное, тем не менее, упорядоченность. «Совершенно случайный рисунок, — подчеркивает Пирс, — увы, также и наиболее скучный... Непредсказуемость (случайность) желательна с точки зрения разнообразия или неожиданности, но если мы хотим, чтобы рисунок выглядел привлекательно, необходима ... упорядоченность». Аналогично в музыке — единицы разного уровня — ноты, аккорды, каденции, темы — организуются в определенном порядке, по правилам музыкального синтаксиса⁴⁸.

Разрыв с порядком, выход из регулярности (с иллюзией обретения свободы, точнее — произвола) чреват переходом на полную условность, утратой осязаемости, депрофессионализацией, разрывом контактов с сообществом подобных себе, — трагедия экзальтированной одинокой души, не находящей ни признания, ни понимания.

Вместе с тем нужен и простор самовыражения. Чтобы, с одной стороны, не коснеть в традиции, а с другой — не впадать в произвол «заочерченности к утонченности» (Карамзин) индивидуально «культивированной души», отрабатывается довольно тонкий механизм преодоления теснин наличного с выводом на раздолье персонального охвата жизни. В материале словесности проясним действие данного механизма.

Слово — это абстрактная живопись (Гарнье), пробивающая лед будничности смелостью и даже дерзостью художества. С одним ограничением: лишь бы она (дерзость) «безвкусно и бессмысленно не выходила за пределы искусства» (Фет). Дышать чистым, свободным воздухом искусства позволяет словесное формотворчество — сооружение оригинального из пластичного, мягкого материала слова, которое, как таковое, единосушно есть «минимальная свободная форма» (Блумфильд).

В статичном залоге слово — оперативная дискретная единица общения, состоящая из упорядоченных слогов, фонем. В динамичном залоге слово — причастная эпифании когнитивная манипуляционная единица, в качестве творящей стихии создающая платформы формирования новых значений, номина-

⁴⁸ См.: *Панов Е. Н.* Цит. соч. С. 62.

ций, концептов. Архимедовой точкой опоры в ответственном деле обеспечения всей полноты метаморфоз по широчайшему спектру от словообразования, экспрессивной окраски текстов, передачи авторского отношения к миру до смыслопорождения, восполнения понятийных лакун, преодоления установленных границ таксономии выступают:

Метафора: гносеологически — средство выдвижения гипотез, модель выводного знания; лингвостилистически — вид тропа; семантически — способ идентификации предметов, соизмерения сущностей, образопроизводства, синтеза смысловых ареалов, перекрестного содержательного опыления. Соединением несоединимого, генерацией шокирующих парадоксов метафора подрывает капитальный для интеллекта закон тождества, воспринимается на ранних фазах онтогенеза (детьми до 7 лет) как познавательная аномалия. Логическое восстановление тока мыследеятельности по руслу метафоры дает образ: переход от должного к существующему (что есть) и от того, что есть (сущего), к возможному. На сходной основе строятся модальные логики. Следовательно, в фактуре слова метафора воплощает модальность и многозначность. Прекрасная демонстрация сказанного — определение поэзии Пастернака:

Это — круто налившийся свист,
Это — шелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Ну, и так далее.

Истолкование метафоры крепится на введении условий истинности, правдоподобности; буквализм интерпретаций обесмысливает, обесценивает, обессиливает метафору.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.

Как бы на пастернаковский — нет, не совет, — завет! — отреагировал врач? психолог? педагог???. Комментарии исключаются.

Метафора вводится путем предикации — приписывания предмету признаков отстраненного, отъединенного, побочного контрагента:

Мои стихи — туманный сон.
Он оставляет впечатление...

Пусть даже мне неясен он, —
Он пробуждает вдохновение...
О люди, дети мелких смут,
Ваш Бог — действительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймут, —
Его почувствуют, не думая...

(И. Северянин)

Возникает эффект синергии (совмещения несовместимого): предмет предстает в двух ипостасях: исходное (обозначаемое) — производное (образное средство), взаимодействие которых дает новый смысловой комплекс:

Мы живы острым и мгновенным, —
Наш избалованный каприз:
Быть ледяным, но вдохновенным,
И что ни слово — то сюрприз.

(И. Северянин)

Глубину метафоры дает богатство ассоциаций, резонирующая сила неожиданных употреблений:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

(Н. Гумилев)

Или:

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

(А. Белый)

Примыкает к метафоре (средство уподобления) сравнение — средство нащупывания подобия:

Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, —
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

(К. Бальмонт)

В масштабе более развернутом:

Я жить хочу совсем не так, как все,
Живущие, как белка в колесе,
...
Я жить хочу крылато, как орел,
Я жить хочу надменно, как креол,
...
Я жить хочу, как умный человек,
Опередивший на столетье век,
...
Я жить хочу, как подобает жить
Тому, кто в мире может ворожить
Сплетеньем новым вечно старых нот, —
Я жить хочу, как жизнь сама живет!

(И. Северянин)

К средствам создания художественной речи относятся близкие метафоре метонимия, синекдоха, эпитет (в отличие от метафоры, однако, в подспудье не реализующие фиктивный залог *als ob*: нечто толкуется так, как будто бы оно было другим — принцип партициптивности — «а» кажется, т.е. выставляется под видом «в»).

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту ...

(Б. Пастернак)

(эпитет, сравнение, инверсия, синекдоха)

Не плита, не распятые —
Предо мной до сих пор
Институтское платье.
И сияющий взор.

(И. Бунин)

(инверсия, синекдоха, эпитет)

Объективной основой использования этих тропов, как и метафоры, служит недоуточненность, нестрогость, расплывчатость понятий, допускающих объединение по нестандартным признакам.

Земля, как смутный сон, немая,
Безвестно уносила прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

(А. Фет)

(эпитет, сравнение)

Именем любовь назови!
Именем назвать не могу!
Имя моей вечной любви
Тает на февральском снегу!

(Г. Иванов)

(инверсия, метафора)

И улыбаются уста
Шептанью вешнему берез,
И снова чаша не пуста,
Приемля ключ горячих слез.

(Ф. Сологуб)

(синекдоха, метафора, эпитет)

Я вырос в тех краях. Я говорил “закурим”
их лучшему певцу. Был содержимым тюрем.
Привык к свинцу небес и к айвазовским бурям.

(И. Бродский)

(метонимия, метафора)

Схожие цели — осуществление семантических преобразований, влекущих выработку содержательных оттенков, условностей, косвенных смыслов, иносказательности, фигуральности, — обслуживают аллегория, анфиболия, перифраз, гипербола, антономазия, аллюзия, эллипс, литота, парабола, экивока.

Общепотребительными средствами придания выразительных оттенков речи являются

— словотворчество: введение номинаций, словесное изобретательство, словопроизводство (в особенности творчество Бенедиктова, Баратынского, Языкова, Северянина, Хлебникова, Маяковского, Салтыкова-Щедрина);

— риторические фигуры: обращение, эмфаза, эпистрофа;

— приемы варьирования речевой практики: асиндетон, аллитерация, амплификация, анафора, эпифора, катахреза, парцелляция, симплока, параллелизм, градация, хиазм, солицизм, оксюморон, плеоназм, анаколуп, силлепс, инверсия, гипербатон, гистерпротерон, гендиазис, анадиплосис, алогизм, узус, ассонанс, анаграмма, гипаллог, сентенция, стилизация, идиома, фразеологизм, руссоизм, диалектизм, архаизм, галлицизм, не-

ологизм, калька, жаргон, прозаизм, новояз, стеб, контаминация, умолчание, бессоюбие, многосоюбие, метатеза;

— пользование особыми формами речи: афереза, апокопа, синереза, систола, эпентеза, диереза, парагога, протеза.

В отличие от обыденно-практического, обиходно-бытового языка, в языке высоких поэтических жанров применяются⁴⁹

— палиндром:

Утро черту!
Сетуй утес!
Мы, низари, летели Разиным.

(Вся Хлебниковская поэма «Разин» выполнена в таком стиле)

— каламбур:

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

(Д. Минаев)

— заумь:

Арымар — хары-мар,
Перегары — бар-быр,
Шпарь-да, жги-да,
Жарь-да, жри-да!

(В. Каменский)

— макаронический стих:

Вот в дорогу я пустилась:
В город Питер дотащилась
И промыслила билет
Для себя, э пур Анет.

(И. Мятлев)

— анациклический стих:

Жестоко — раздумье. Ночное молчанье.
Качает виденья былого;
Мерцанье встречает улыбки сурово:

⁴⁹ Используются примеры Н. Безменовой.

страданье —
Глубоко — глубоко!
Страданье сурово улыбки встречает...
Мерцанье былого — виденья качает...
Молчанье, ночное раздумье, — жестоко.
(В. Брюсов)

— внутренняя рифма:

Огневой крюшон с поклоном
Капуцину черт несет.
Над крюшоном капюшоном
Капуцин шуршит и пьет.
(А. Белый)

— рифма-эхо:

Ни тоски, ни любви, ни обиды
Все померкло, прошло, отошло.
(А. Блок)

— акромонограмма:

Лети, невиданное время,
Мягкенько кутая пространство.
Стволов лесных слоновье племя,
Мягкосердечнее мещанства.

— фигурные конструкции (Рукавишников, Брюсов, Вознесенский)

— архаика:

Царю, прославленному древле от всех,
Но тонушу в сквернах обильных.
(А. Толстой)

— акrostих:

Волны стремят свой яростный прибой,
А скалы все стоят неколебимо.
Летит орел, прицелов жалких мимо...
(М. Кузмин)

— просторечие:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне.
(С. Есенин)

— анафора:

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
...
Рассказать, что лес проснулся,
...
Рассказать, что с той же страстью,
...
Рассказать, что отовсюду...

(А. Фет)

— антитеза:

Я — царь, я — раб, я — червь, я — бог.

— оксюморон:

горячий снег.

— эпифора:

Все куплю, сказала злато;
Все возьму, сказал булат.

— парцелляция:

Хорошее имя Сергей. Тонкое.
Требующее парности.

— параллелизм:

Гляжу на будущность с боязнью.
Гляжу на прошлое с тоской.

— ассонанс:

Брожу ли я вдоль улиц шумных.

— аллитерация:

Город грабил, греб, грабастал.

— градация:

Где Мазепа? Где злодей? Где Иуда?

— окказионализм:

Серпастый, молоткастый советский паспорт.

— гипербола:

Редкая птица долетит до середины Днепра.

— литота:

Мужичок-с-ноготок.

— перифраз:

Лев — царь зверей.

Эвфемизация. Облагорожение речи подбором, выбором благозвучных, благопристойных фигур (эквивалентов), одаривающих общение благовоспитанностью. Наружней стороной эвфемичности оказывается орфоэпийность — самопроизвольное следование нормам образцового литературного произношения, отличающего внутреннюю культуру, образованность. Ходячие примеры подчеркнутого отсутствия одного и другого — Горбачев, Буш-младший, Черномырдин, компиляции изречений которых позволяют выстраивать колоритнейшие центоны.

Эвфония. «Если мы употребляем слово «звук», — замечает Томашевский, — то разумеем под этим ... и представление о движении языка, мускулов гортани, напряжении голосовых связок, выдохе и т.п.»⁵⁰. По роли звуков в системе языка различается итог произносительной работы, «звуковой состав речи: произношение, скорость говорения, повышение-понижение голоса, ударение, качество звуков, усиление, длительность, высота тонов. Типичные, несравнимые свойства звуков (гласных, согласных) именуется фонемами. Музыкально-слуховой аспект фонемы — акуσμα; артикуляционный аспект (движение органов речи) — кинема; их единство — кинакем»⁵¹.

Гласные отличаются высотой тембра от высокого «и» до низкого «у»; степенью лабиализованности «о», «у». В согласных выделяются сонорные, носовые, язычные, лабиодентальные, взрывные, фрикативные, аффрикативы. Сочетание гласных и согласных образует слоги. Благозвучие дают приятные для слуха, удобные для произношения слоговые сочетания, чередование легких и затрудненных фонем.

Шкала легкости имеет вид: гласные — сонорные (без «р») — звонкие фрикативные — глухие фрикативные — взрывные — аф-

⁵⁰ См.: Томашевский Б.В. Цит. соч. С. 82.

⁵¹ Там же. С. 83.

фрикаты (с «р»). Речь, избыливающая «ч», «ж», «щ», «ц», «к», почитается неблагозвучной (ср.: «Шорох в тиши камыша»). Такова же речь, комбинирующая несколькими гласными «долгоношее» или согласными подряд «отвлечение». Повторение фонем (звуковые повторы) используется для достижения подобозвучания:

И в суму его пустую
Суют грамоту другую.

(А. Пушкин)

Выдвигается остроумная гипотеза естественной (?) ассоциируемости со звуками определенных тембров (характер звука в зависимости от унтер- и обертонов — звонкость, глухость, вкрадчивость, напевность) определенных цветов. На этом основании устанавливаются звукоцветовые соответствия. С нашей точки зрения, предположение связи звука с цветом лишено (пока?) надлежащей обоснованности.

Восстановим коррелятивные ряды.

Рембо: А — черный

Е — белый

И — красный

У — зелёный

О — синий

Журавлева: А — густо-красный

Я — ярко-красный

О — светло-желтый, белый

Е — зелёный

Ё — желто-зелёный

Э — зеленоватый

И — синий

Й — синеватый

У — тёмно-синий, сине-зелёный, лиловый

Ю — голубоватый, сиреневый

Ы — тёмно-коричневый или черный

В случае как индивидуальных (самоотчеты Рембо, Скрябина, Римского-Корсакова), так и частотных (в обследованиях Журавлева) ассоциаций под связь звука с цветом не удастся — опять же пока (?) — подвести надлежащую регулярность. (В скобках заметим: у Бодлера перекликаются звук, запах, форма, цвет, обретающиеся в слиянии какой-то интригующий, но всё-таки темный смысл.)

Эвритмия. Организация количественных моментов дает ритмическую, равномерно текущую речь. Эвритмия суть характеристика расчлененности голосового потока на объединяемые в произношении слоговые единства — речевые такты, прозаические колоны — интонационно (ритмико-мелодическая сторона общения — тон, манера воспроизведения слов), синтаксически целостные, разделяемые паузами ритмические разряды речи. Число слов, порядок расположения ударных и безударных слогов в колонах обуславливает разную затрату энергии. Порядок распределения энергии произношения во времени составляет естественный ритм речи⁵² в звуковом объеме: отрывистая, рубленая, быстрая — неотчетливая, затушеванная, медленная речь. Расположение периодов ударений в колонах может составлять самостоятельную задачу, являться способом достижения художественности — в «Котике Летаеве» А. Белого ударения расставлены через два слога на третьем.

РОЛЬ (МАСКА). Совокупность выразительных эффектов, под аккомпанемент которых протекает общение. Коммуникативный процесс облекается в разную плоть в зависимости от планов, намерений, целей (замыслы, помыслы, умыслы). Роль означает претворение в конкретных вещественных образах принятых поведенческих линий, разыгрывание партий. Эссенциально исполнение роли предполагает отделение реальной сущности явления от способов её деятельного заявления — значение семиотического материала утрачивает всеобщность, содержательные единицы общения — семы — претерпевают релятивизацию в зависимости от контекстов, подвергаются расширениям, изменениям, смещениям вплоть до эксцессов, энантосемии. Акцидентально исполнение роли связано с надеванием маски, сокрытием подлинных чувств, истинных мотивов.

Все различается мерой. Латинское «норма» передается как «наугольник» — мера вертикали, где наносились отметки, насечки, выявляющие высоту измеряемого, позволяющие сравнивать его отступление от начального. Согласно символической шкале мер, человеческая личность как носитель выразительного духовно-образного исходно вписана в ролевые планы.

Поскольку латинское «persona» эквивалентно «театральная маска, роль», постольку символическое человеческое есть «сущее для лица». (Стоики впрямую «место человека» приравни-

⁵² Там же. С. 87.

вали «маске, роли».) Панещий полагал, будто каждый из людей подводится под маску «человека», «индивида», «социального положения», «профессии». Совершенно очевидно, масок — оперативных образно-выразительных символических реализаций человека — много больше.

Если душевную человеческую сущность связывать с целостностью, возникает модель последовательно, единосущно действующего лица в модусе «характерной роли». Кстати, греческое «характер» совпадает с легко распознаваемым, резко очерченным обликом, получаемым как изображение (отпечаток, оттиск) на чем-то от надавливания печати. С одной стороны, как мера поведенческой определенности («естество, каковое есть») целостность желательна; с другой стороны, она ущербна — ущербна в отношении прямолинейности, одноколейности, предсказуемости, а потому тривиальности. Мера человека — безмерность; выразительно лимитированное проигрывание роли в качестве неизбежного финала имеет деградацию — вырождение «личности» в «тип», занятие примитивной ниши «человека в футляре».

Если же душевную сущность человека связывать с многогранностью, символические реализации, утрачивая специализацию (разбивка на амплу), обретают свободный игровой статус, существование становится сценически непредопределенным, нестесненно театрализованным. Испытывать недовольство по данному поводу не пристало: символически-игровое коренится в человеческом организме; недовольство пристало испытывать по поводу универсализации театрализации, когда жизнь превращается в игру, обмен деятельностью переводится на театральные подмостки.

Участное мышление, крепящееся на единстве слова и дела, здесь необратимо деформируется: отделение мысли от поступка конденсируется в пресловутых топосах притворства, обмана, лицемерия, мимикрии. Его культурными систематизациями выступают формы маскарара, буффонады, балагана, комедии дель арте.

Учитывая, что фиксация значений фигур общения допускает разные варианты кодировок, полноту деления объема «знаковой коммуникации» обеспечивает вербальный и невербальный (жестовый) способы передачи информации (нам практически ничего не известно о незнаковой коммуникации; паранормальное прямое узрение содержания, намерения, смысла (пока!?) не вошло в орбиту научного (рационального) сознания).

В стандартных (неэкзотических) обстоятельствах (и составляющих *par excellence* предмет теории познания как теории) коммуникация всегда знакова. Вербальная коммуникация проходит путь от мысли к слову. Невербальная коммуникация проходит путь от мысли к жесту.

Вербальная коммуникация. Интенции общения дифференцируют фигурную обработку и проработку сообщений. Классическая античная риторика разработала для указанной цели весьма представительный механизм речевого воздействия на аудиторию.

Первый фазис: оценка темы речи, подбор фактов, доказательства — инвенция.

Второй фазис: композиционный ток речи, порядок аргументов — диспозиция.

Третий фазис: вербализация — элокуция.

Четвертый фазис: разучивание текста.

Пятый фазис: художественная декламация.

Сообщения (тексты) выполняются, таким образом, в определенной стилистике под специфику коммуникации.

Известная нарочитость, приноровленность, позиционность коммуникации, развертывающейся в фарватере целей, породила рефлективное отображение в метасознании в терминах фиктивности, — а именно: вещное (замещаемое) реально — знаковое (замещающее) иллюзорно; знак — представительный образ, как таковой, сопоставительно с представляемым прообразом — условная инстанция. Следовательно, беззнаковость — искренность, истинность, справедливость; знаковость — искаженность, предвзятость, ложность. (Избитое: «мысль изреченная есть ложь»; «о чём нельзя говорить, о том нужно молчать» и т.д.)

С библейских времен «слово» боготворилось, расцениваясь «демиургом-логосом». Со времен Просвещения утвердилось критическое отношение к слову как орудию обмана (оппозиция «слово — дело»). Наша реакция на сказанное:

1. Внеязыковая коммуникация, преодолевающая ложь, — рационально неудоверяемая химера (в конце концов, эмпатия знакова).

2. Гипертрофия не Достоверности знаковости в пределах доктрины человека символического — направление бессмысленное и беспредметное. Любая линия, выстраиваемая вокруг оси «знак — искусствен» — «незнак — естествен», «обозначающее призрачно» — «обозначаемое прозрачно», — несостоятельна. Знак усло-

вен, как условен человеческий опыт, самое человек, — признание чего, однако, не колеблет значимость ни условности, ни знаковости. Все решает отстранение как фундаментальный принцип восприятия вещей человеком символическим: символические вещи возникают там, где возникает образ; вещи же сами по себе воспринимаются «невыведенными из контекста»⁵³ символического. Скажем: в шекспировском театре женские роли играли мужчины. Как это называется? Трансфигурация полов — и ни слова больше!

Невербальная коммуникация (жест). Диверсифицированная демонстрация нужного без вербализации. Множество поведенческих образов, формируемых фиксацией положений тела, жестикуляцией, гримасами (намеренное, невольное искажение черт лица), мимикой (передача душевных состояний показательными движениями лицевых мышц), пантомимикой (передача содержания, создание образов пластическими движениями тела), пластикой (искусство ритмических телесных актов). Использует невербальные средства созидания смыслов (невербальная семантика) на базе кинетических средств. Важно иметь в виду: не только звуки речи участвуют в воспроизведении строя мыслей, закрепляемых в понятиях; понятия вводятся и невербально (жест, музыка, светомузыка, поведение, паясниченье, поза).

Таким образом, слова настолько же разъединяют людей, насколько и объединяют. Внесловесная коммуникация сама по себе ложь не преодолевает. «Истинный вкус, — настаивает Пушкин, — состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

ВИЗУАЛЬНОСТЬ. Напомним: коммуникация представляет интерактивный процесс, слагающийся из сообщения (речевой акт) и общения (паралингвистический акт). Последнее детализируется предметными, вполне ощутимыми, значимыми чертами, атрибутами поведения, олицетворяющими способы выхода за пределы смыслов, значений слов. (Расширение модели языковой ситуации должно быть поставлено в заслугу идеологам Пражского лингвистического кружка.) Значения, смыслы закрепляются, передаются и лингвистически, и поведенчески. Как одно, так и другое — непрозрачно. Отягощения речи — намерения, интенции, позиции — скрытые цели. Отягощения обмена деятельностью — визуально удостоверяемые влияния, производящие паралингвистические эффекты обозначением статусов.

⁵³ См.: Шкловский В. О теории прозы. М.; Л., 1925. С. 15.

Как подмечает Уайтхед: «В любом человеческом обществе одной из фундаментальных идей, пронизывающих каждую деталь людской деятельности, является общее понятие статуса индивидуальных членов групп, какое бы место в сравнении с другими людьми они ни занимали»⁵⁴.

Влияние статусов — элементов социальной системы по горизонтальному основанию дополняется влиянием статусов — элементов подобных систем по вертикальному основанию. В качестве солидарного влияния статусно-статусного присутствия кристаллизуется эффект весомости коммуникационной позиции: заявляемая языком линия усиливается либо ослабляется существом представляемой агентом коммуникации «социальной организации» (равно как стабилизационного, кризисного и т.д. сознания).

Сюжет отягощения коммуникации статусно-статусным воздействием в нужном нам ключе обсуждает Хомский, утверждающий: «Хотя рассмотрение намерений, с которыми делается то или иное высказывание, позволяет обойти некоторые проблемы, оно ведет в лучшем случае к анализу спешности общения, а не к анализу знаний или способов использования языка, причем эти способы совсем не обязательно включают в себя общение или хотя бы попытки к нему. Если я использую язык для выражения мыслей, или для внесения в них ясности, или же для того, чтобы, например, обмануть, снять неловкость от наступившего молчания и т.д. и т.п., мои слова имеют строгое значение; весьма вероятно, далее, что я хочу сказать именно то, что я говорю, но даже исчерпывающее понимание моих намерений в чем-то убедить или к чему-то побудить моих слушателей... может оказаться весьма ненадежным показателем значения моих слов»⁵⁵.

Выводится ли значение коммуникации из нелингвистических намерений? Если брать чистый семантический аспект сообщений, — нет. Но если подходить к вопросу стереоскопичней, принимая во внимание контекст общения, — безусловно.

1. Всем своим видом говорящий способен продемонстрировать, что то, что он излагает, — сущая ложь: его слова легковесны, деструктивны, дереализующи; они вообще не то, что обычно значат или могут значить.

2. Есть неязыковые пласты предложений — латентные цели,

⁵⁴ Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 398.

⁵⁵ Chowsky N. Problems of knowledge and Freedom. N.Y., 1971. P. 19.

зачастую не совпадающие с буквальными значениями высказываний.

3. Слова, жесты, позы, фигуры поведения — суть обрамления самости, элементы персонального мира, заявляющего экспектации (через одежду, ритуал, обряд и т.п.) по основаниям положения, чести, достоинства, причастности к иерархии, вписанности в малые и большие группы. Всякий человек, острит Толстой, подобен дробинке. В числителе — множество обстоятельств лица, как оно оценивается обществом в качестве социального агента; в знаменателе — сомнение — система персональных самооценок. Чем больше знаменатель, меньше дробь. Ролевые притязания, личностные идентификации, индикации должны быть сбалансированными.

4. Связь «значения» и «поведения» опосредована не столько конвенциями, сколько знаниями жизненного мира. Фоновое, базисное знание, диспозиции *Lebenswelt* позволяют: а) выявлять скрытые цели, подтексты языкового взаимодействия; б) квалифицировать паралингвистический антураж, обладающий собственным автономным значением. Оформление «значения» протекает как синтез лингвистической и экстралингвистической явной и неявной информации в опоре на знание о мире. Семантические пласты (смысловые инварианты, универсалии) всегда соседствуют с прагматическими пластами (ситуативные, локальные, трансформационные значения). Семантические уточнения отношений языка к действительности в кругу общения недостаточны, неполны; они должны быть адаптированы к контекстам, в которых проявляется языковая способность субъекта. По этой причине разрабатываются правила «коммуникативного сотрудничества»⁵⁶, «ситуационной семантики»⁵⁷.

Сказанное позволяет резюмировать: референциальные значения во многом зависят от коммуникативных намерений носителей языка; природа языка не эксплицируется вне анализа сознания и поведения; язык не сводится к «базам данных» — он как бы надстраивается над «базами знаний», и не просто знаний, а не допускающих формализации «знаний о мире»; испытание языка не «опытом», а «словом» влечет логомахию.

ГРАФИКА. Фонема — звук речи. Ему корреспондирует графический элемент — буква, графема. Изоморфизм одного с другим утвердился не сразу. Генеалогические вехи данного пути

⁵⁶ *Leech G. Principles of pragmatics. L.; N.Y., 1983.*

⁵⁷ *Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Cambr., 1983.*

- идеографическое, иероглифическое, иератическое, демо- тическое письмо, не являющееся изображением звуков речи;
- слоговое письмо (шумеры, семиты); силлабограммы, сил- лабемы (греки);
- алфавитное письмо, отображающее соотношение звуков и букв.

Следовательно, налицо последовательность: от фразового письма к словесному (где каждый знак — логограмма — изобра- жал слово), от него — к слоговому и далее — к фонетическому (расценивающему слово как множество незначащих вокальных единиц, выражаемых графами).

В, казалось бы, прозрачной картине имеются свои отяго- щения. Нюанс в том, что фонограмма (фонетический знак для абстрактного понятия) в микрорельефе коммуникации способна проявлять себя звуком-ребусом («глас» — «глаз»). Во избежание лексических и семантических контаминаций в ряде языков (в особенности изолирующих, где слово равно морфеме) стали использовать детерминативы (ключи вхождения в родовые общно- сти), обозначающие понятийные классы, под которые ребусные слова могли быть подводимы.

Таким образом, дополняющая вербальную письменная ком- муникация (единный поток письменности — литература), подоб- но своему *vis-à-vis*, фундируется экзегетическими (истолкова- тельные), операциональными (сопоставление значений знаков с практикой их применения), позиционными (значения знаков, вытекающие из соотношения знаков с другими знаками, контек- стом культуры) параметрами (удостоверяемыми историческими методами описания языка, социальных типов общения, прикре- пляющих или открепляющих человека от группы).

ВОКАЛИЗАЦИЯ (тонировка звучащего слова). Физические свойства звуков не совпадают с сюжетными значениями слов; звуки звучат, и это рождает музыку речи (орнаментировка, тем- бровка, оркестровка, мелодика, интонация, артикуляция), пере- дающую настроения коммуникантов. Естественное назначение вокализации — привнесение оттенков в ритмико-мелодический строй речи с использованием

- характеризаторов: эмоциональные состояния агентов об- щения (смех, плач, грусть, тревога и т.д.);
- классификаторов: ритмические модуляции (переливы, ва- рьирование тональностей, высота, окраска голоса, мерность, на- певность, элегичность);

— разделителей: чувственные реакции на речевой поток — аффективы (междометия)⁵⁸.

Пятиостными ингредиентами вокализации выступают: лирика, драма, эпос (роман, повесть, рассказ), песня, повествование (обыденная речь).

Лирика (стихотворная форма словесного искусства). Зиждется на придании содержательного ритма высказываемому за счет членения его на строфы. Внутренняя ритмика стиха задается сочетанием икт (ритмоударения, акценты) со слабыми слогами — тезисами. Продуманная ритмическая и интонационная система стихосложения, звукоосмысленная оркестровка с выделением звуковых доминант, тональностей, соблюдением нужных пропорций складывается в античности. В основе античной метрической системы — чередование групп ударных и безударных слогов в стихе. За единицу ритмических рядов принята «мора» — время, затрачиваемое на произнесение (пение, музыкальное декламирование) кратчайшего слога. Сочетание мор даёт такт (стопу) — ритмико-мелодический минимум. Античные стихи представляли различные комбинации мор — от стоп в 2 до стоп в 8 мор:

- стопа в 2 моры — пиррихий;
- стопа в 3 моры — хорей (трохей), ямб, трибрахий;
- стопа в 4 моры — дактиль, амфибрахий, анапест, спондей, дипиррикий (проклеувсмастик);
- стопа в 5 мор — пеон первый, пеон второй, пеон третий (дидимей), пеон четвертый, бакхий, кретик (амфимакр), антибакхий (палимбакий);
- стопа в 6 мор — молосс (тримакр), малый или восходящий ионик, диямб, антиспаст, хориямб, дихорей (дитрохей), большой или нисходящий ионик;
- стопа в 7 мор — эпитрит первый, второй, третий, четвертый;
- стопа в 8 мор — дисpondeй⁵⁹.

Метрическая система дополняется тонической системой — основана на упорядоченности ударных слогов в стихе и силлабической системой — распевное произнесение стихов с равным числом слогов и одинаковой цезурой в каждой строке (богослужебный речитатив). Синтез силлабической и тонической систем привел к утверждению силлабо-тонической системы, базирую-

⁵⁸ См.: *Колшанский С.В.* Паралингвистика. М., 1974. С. 22.

⁵⁹ См.: *Томашевский Б.В.* Цит. соч.

шейся на упорядочении чередования метрических ударений (в России — с XVIII в.).

Промежуточные формы между тонической и силлабо-тонической системами — тактовик (объем слабых промежутков между ударными местами колеблется от 1 до 3 слогов) и дольник (сходный объем колеблется в диапазоне от 1 до 2 слогов).

Поэтические декламационно-говорные типы речепроизводства могут переходить в музыкально-речитативные типы. Тогда поэзия смыкается, плавно перетекает в песню.

Песня. В песне, как и поэзии, основное — не смысл (вспомним: «поэзия, прости Господи, должна быть глуповата»), а звучность — издание внятных чистых звуков, и не просто звуков, а звуков определённой высоты (благозвучие), отличных от шума.

Драма (пьеса, комедия, трагедия); эпос (роман, повесть, рассказ). В отличие от обыденного просторечья, литературно-художественные формы слова выстроены сюжетно, композиционно, стилистически. Внутреннюю архитектуру их поддерживают инвариантные принципы организации содержания, сохраняющие неизменность относительно любых перипетийных преобразований. Речь идет об экспозиции (прямой, задержанной), фабуле, коллизии, интриге, укладываемых в системообразующий интервал «завязка — кульминация — развязка» и обуславливающих цельность сюжетных линий — художественно построенных распределений событий, оправданность свободных и связанных мотивов, ответственность жанрам (группировки приемов, характеризующих устойчивые разновидности художественного творчества).

Ощущение меры свободы, как известно, — в отрыве от закона. Однако интенция на преодоление правил жанра (достижение внежанровости) есть порочная тенденция творческой аномии. Стремясь превзойти символическую условность, тот же Рембо создавал новый персональный жанр — «поэзию в прозе» (вовсе не то, что у Тургенева). Дело, конечно, не в нововводстве. Дело в разрушении канонов художественной деятельности, означавшем полный разрыв отношений с профессиональным сообществом, и в итоге — утрату собственного «Я» (что и случилось с Рембо, фактически оставившим стезю поэзии). Избыточная субъективизация любого занятия обрекает на одиночество.

В жанрах, рассчитанных на произнесение (пьеса), — свои устои регуляции процессов, задаваемых климаксом, градацией, нарастанием, перечислением. Аналогичное утверждается отно-

сительно пространственных точек, направлений — топосов. Так, преимущественная сценическая «визуальная линия» — на левой стороне площадки; последняя более «сильная», нежели правая; именно тут сосредоточиваются ролевые доминаты.

Повествование (обыденная речь, просторечье). Не подлежащая редактированию, композиционному оформлению свободная лингвистическая зона естественного речевого самотека, ориентированная на полноту самовыражения. Не лежащие на поверхности содержательно опосредующие пласты будничной обиходности слова сводятся к:

1. Фоносемантике — теории содержательности звуковой формы языка. Объект интересов — голосовые качества, языковые признаки артикуляции речи, наличие пауз, эмфаз, интенсификация гласных, согласных, назализация, прерывистость в подаче речи, ускорение-замедление темпа, шепот — крик, варьирование голосового диапазона, повышение-понижение тона, степень раскрытости рта, мелодические обороты, каденции, напевность, замирание, резкость в обрыве строк, фраз;

2. Эмоциональной семантике — представлении чувственных состояний, данных в модальности, передаваемых классически, грамматически (наклонения), интонационно.

Считается, что избыточность языковых средств в речевом общении доходит до 50%⁶⁰; на этом фоне требуется отдавать должное неречевым средствам межиндивидуального взаимодействия;

3. Рациональному опыту речевой коммуникации, абсорбирующему оптимальные вариации выражения мыслей, закрепляемые обособлением адекватных соответствий языка действительности. Скажем, в архаичном русском имелось тройственное понятие числа: один — два — больше двух, что иллюстрируется фигурным рядом — плечо (единственное число), плечи (двойственное число), плеча (множественное число)⁶¹.

Вспомним Пушкина:

И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь.

В настоящем «двойственное число» упразднилось. Упразднилось ввиду развития абстрактного мышления, закрепления в языковом сознании отвлеченных концептов «единое — многое», «единица — множество».

⁶⁰ См.: *Колшанский С.В.* Цит. соч. С. 8.

⁶¹ См.: *Костомаров В.Г.* Жизнь языка. М., 1984. С. 19.

Диалектное, индивидуальное разнообразие, архаизмы, стилистические, риторические, смысловые модификации, вариации норм снимаются кодификациями в словарях, грамматиках. В каком-то отношении не подлежит кодификации просодия — акустический компонент общения, экспрессии, мелодики, эмоциональная наполненность интонаций (хотя везде есть свои регуляризации).

* * *

Внутренний мир проявляется в словах; с их помощью развертывается способность суждения, производится рассуждение. Язык как средство семиотического моделирования действительности обладает буквально необозримыми, несчетными ресурсами знаковыразительности и знакопредставительности от фонетики (просодия, орфоэпия, эвфония, вокализация, артикуляция, дикция, интонация) до семантики, от стилизации (единообразие лексики) до стилистики (приемы уклонения словесных конструкций от «норм»), от словесной до несловесной (паралингвистическое варьирование смыслов фраз) коммуникации, от экспрессии до компрессии (экономия сообщения, свертывание речевых оборотов), от изъяснения до умолчания (когда можно не говорить и даже лучше не говорить, полагаясь на эмпатию⁶²), от разъединения до объединения (введение тождеств, использование сочинения при сопряжении несопрягаемого — «партия и народ»), от архаизмов до неологизмов, от индивидуализации до деиндивидуализации (новоязовская тактика устранения субъекта, обезличивающая замена человека поименованной сущностью — «специализация», «механизация», «кооперация») и т.п.

В лингвистических актах как способах кодирования, репрезентации мыслей просматриваются физиологические (органы речи, голос), эмоциональные (переживательные), семантические (смыслы, значения) планы. В коммуникации к лингвистическим присоединяются паралингвистические акты: система интенций, способы соотнесения себя с миром, ожидания относительно выполнения скрытых целей, отношение к циркулируемой информации.

Складывается, следовательно, подобие коммуникативной поэтики, где выражаемая вещь берется с производимым ею эффектом (ср. со стратагемой символической поэтики, сформулированной Малларме: «рисовать не вещь, но производимый ею эффект»).

⁶² Подр. см.: *Ильин В.В.* Философская антропология. М., 2006.

Образ фазового пространства общения с силовыми «слово», «цель», «значение», «смысл», «отношение» позволяет принять обновленную интерпретацию традиционного сюжета «мышление и речь». «Операция выражения, — говорит Мерло-Понти, — совершается между мыслящим словом и говорящей мыслью, а не между — как об этом легкомысленно заявляют — мышлением и речью. Мы говорим не потому, что мышление и речь параллельны друг другу, — они параллельны, потому что мы говорим»⁶³. И не просто говорим, а общаемся!

Общение многообразно и многозначительно редактирует выразительные возможности Homo significas, позволяя реализовывать специфические стратегии дискурса, генерировать контекстуально проявляемые содержания.

Гносеологически стандартное «язык есть материальная оболочка мысли» получает уточняющее понимание.

Во-первых, язык. Язык — практическое сознание. Вне языка и поведения нет данных сознательности. Язык, поведение — действительное, положительное сознание, содержания которого задаются прежде всего словосочетательно — как выразительно-понятийные присутствия. В языке науки (в идеале) каждое понятие имеет одно значение (денотат), что на предметном уровне влечет исключение многозначности. В иных языковых пространствах, где содержательного изоморфизма «значение — объект» достичь не удастся, господствует многозначность, двусмысленность. В подавляющем множестве реальных ситуаций, от художественного до практически-обыденного опыта, развертывание мысли идет по ассоциативно-метафорическому, тропному пути, совмещающему выразительные фигуры с разными предметными данностями. (С одной стороны, это изъян: выражения ненауки нечетки, неопределенны; с другой стороны, — это достоинство: неотчетливость выразительных планов обеспечивает гибкость, саморазвитие мысли.) Последнее активизирует уточнение определенности выражаемого посредством выделения качества ассоциативных комплексов. На уровне языковых (лингвистических) актов роль смысловых вариаторов-маркеров играют модальности, функции принадлежности (в аппарате теории нечетких множеств), позволяющие дифференцировать речевой поток на утверждения, директивы, обязательства, декларации, экспрессы⁶⁴.

⁶³ Мерло-Понти М. Знаки. М., 2001. С. 23.

⁶⁴ Searle J. Speech Acts. Cambr., 1969.

Во-вторых, — своеобразие коммуникации, имеющей психологический, социокультурный колорит. Вообще говоря, языковое поведение — автоматичное: процесс речепроизводства (в силу линейности мышления) не допускает имманентной рефлексии собственных оснований (синтаксические, морфологические, стилистические и т.п. принципы, правила). Налаживание «трансцендентной» (внешней) рефлексии, тем не менее, позволяет (как демонстрировалось ранее) вычленивать в языковом поведении внутриязыковую и внеязыковую ситуацию, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о коммуникативной контекстуальности знаков, серьезно видоизменяющей их смысл (интенциональность) и предметное значение (экстенциональность). Более пристальный взгляд обязывает связать значения и смыслы языковых выражений с практикой их употребления. Вопрос статуса последней, по-нашему, решается в терминах антиконвенционалистских, а именно: практика употребления знаков фундирована не соглашениями, а механизмами жизненного функционирования языков, погруженных в фоновое знание, традиции, историю кристаллизации речевой культуры.

Подтверждение сказанному — оправдывающие примеры. Семантические трансформации: в древнеславянских языках «уродливый» означало «хорошо уродившийся» (в польском «uroda» значит «красота»); в современном русском «уродливый» означает «безобразный». Фонетические (фоническое) трансформации: в ранее употребляемых «вельблюд», «колидор» мягкое, твердое «л» заменены на «р».

Ономастические трансформации: исконно мужские имена «Инна», «Юлий», «Римма» стали женскими⁶⁵.

Культурно-выразительные трансформации: в едином литературном процессе обособляются два пути, два направления в зависимости от проявления личностного. Греческий путь — индивидуальное авторство, развивающее литературу как самозаконный тип духовной деятельности. Восточный путь — традиционность, безымянность, развивающие литературу как экстатическое вещание, культово-обрядную, пророческо-провидческую деятельность (наблюдение С. Аверинцева).

В-третьих, — смысл и значение языково-выразительных единиц. Под данным углом зрения, коммуникация складывается из: — речевого акта (элокутивная сила высказываний);

⁶⁵ См.: Журавлев А.П. Цит. соч.

— установления значения выражений (идентификация референтов);

— определения условий истинности предложений (опыт использования языка).

Содержательный момент коммуникации озабочивается (взаимо)пониманием, достижение которого требует учитывать опыт выстраивания предложений в языке; обладать способностью опознавания предметных знаков; принимать в расчет поведение коммуникаторов. Из сказанного вытекает: понимание языка складывается из различения в последовательностях произнесенных звуков слов и их комбинаций; усмотрении в них значимости применительно к ситуации; установлении предметных коррелятов.

В-четвертых, — фиксируемый значением предмет. Знак имеет смысл и обладает значением. Смысл знака — его содержание, устанавливаемое мыслительными связями (координация, субординация, корреляция) знака с подобными ему знаками в рассуждении. Значение знака устанавливается отнесением его к предметным реалиям, оформлением предметных образов. Лучший способ определения значения — контекстуальный анализ. Опыт употребления слов в общении пластичен, многогранен, открыт, завязан на преднамеренные и непреднамеренные импровизации. Достаточно вольный строй образования и преобразования знаков придает игровой характер словесной коммуникации. В постмодернизме идея игровой плоти знаковой деятельности экстраполировалась на культуру в целом: плоды второй, искусственной природы стали представляться как побочные продукты непредсказуемого формообразования через произвольные сочетания, коллажи. Критика мозаицистской философии (постмодернизма, конвенционализма) проходит по вполне предметному рубежу, утрирующему следующее.

а). Употребление слов в языке, как всякой целесообразной деятельности, регуляризовано (и любые, самые бесшабашные игры контролируются ясными правилами); в каком-то определенном отношении регламентирована и деятельность по словоупотреблению и даже словопроизводству (обслуживающему более или менее рационально очерченные проблемные ситуации). Ригидные правила словесной коммуникации в специализированных символических ареалах максимально сковывают свободу словотворчества. Наименьшей ригидностью правил словопорождения отличается обыденный язык, возможность апелляции к которому составляет предельный базис сплочения субъектов—носителей

языка. Она же (апелляция) ограничивает простор игровых инсталляций, интервенций, экзерциций;

б). Пределы игрового постава выразительных ресурсов кладет техника общения, опыт межличностного взаимодействия, первоисточно детерминированного устоями жизненного мира. Любая наиэкстравагантнейшая новация может быть осмыслена в терминах экзистенциальной герменевтики (в противном случае — «безумство храбрых», коим не «поют славу»);

в). Заслон произволу в языковой (выразительной) сфере ставит требование адаптированности к социальной и вещной среде. В опыте общения отслаиваются когнитивные универсалии, сцепленные с подробностями освоения действительности той или иной группой в том или ином предметном локале. Параметры жизни обуславливают параметры и языка, и сознания (гипотеза лингвистической относительности). Объемный феномен глоттогонии, дивергенции языков крепится, в том числе, на предметно-социальном моменте интеллекта, находящем гносеологическую проекцию в доктрине ноэмы и ноэзы (определимость актов сознания типами предметности). (В связи со сказанным актуализируется проблема перевода с языка на язык: как, скажем, объяснить русскоязычному, что еврейское «хохма» означает «премудрость»; как быть с реконструкцией цветопредставления Ксенофонта, различавшего в спектре 3 цвета — пурпурный, красный, желтый; Демокрита, наполнявшего спектр 4 цветами — черным, белым, красным, желтым; Гомера, говорившего «море, что и вино» и т.д.).

Наше обобщенное квалифицирующее суждение таково:

1. Язык выступает а) средством передачи сообщений (коммуникативная функция); б) средством мышления (экспликативная функция). В единстве данных функций он является привилегированным способом объективации содержания субъективной сферы — и в плане внутренней речи, и в плане речедвигательной внешней экспрессии.

2. Язык, как выразительный ресурс, всегда расслоен на персональные и социальные диалекты (профессиональные, жанровые, поколенческие, средовые и т.д.); он представляет собой многообразие социолектов, разноречий. Единица языка — слово — двусторонне: содержательно, коммуникативно определяется и тем, чьё оно, и тем, для кого оно⁶⁶. Социальная ситуация и психолингвистическая среда обуславливают структуру, конфигурацию высказываний.

⁶⁶ См.: *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

3. Мир таков, как формирует его для восприятия культурно адаптированный язык, проводящий тотальную символизацию мира в аспектах

- мышления — реализуемость внутреннего субъекта,
- высказывания — трансляция внутренней речи вовне,
- понимания — трансляция внешней речи внутрь, добивающихся содержательного резонирования коммуницирующих сознаний.

4. В языке заложено (в силу символичности) несовпадение (разрыв) слов и вещей (такое совпадение достигается в крайне жестких искусственных неметаболических языках), что порождает уникальную возможность передавать значимое в наличии способности передавать переданное (отсутствие подобной способности влечет нечеловеческий язык, например, пчёл).

5. Некогда аналитическая философия выступила с амбициозным, но не реализуемым в ее постановочных и установочных границах проектом универсальной лингвистической терапии, избавления сознания от фантомов через тотальную критику языка. Засилье предрассудков и имманентно ложных интенций исключает возможность серьезного его (проекта) восприятия. Восприятия в целом, но не во всем. На фоне множества несообразий плодотворен лейтмотив критики — последовательной санации сознания. Работа по удалению фетишей из методологии, миропредставления, тем более в наши дни, стимулирующие вплетение мифологии во все поры социальной жизни, должна быть признана крайне значимой.

Подчеркивание этого преследует одну цель — привлечь внимание к текущему замещению письменной (книжной) культуры культурой бесписьменной, безбумажной. Суть в том, что движение от «галактики Гутенберга» к «галактике Маклюена» само по себе отягощено колоссальными дефектами, связанными с сужением пространства символического.

Разумеются столь негативные явления, как

- подмена образования обучением, медиаоперационностью, к чему относится привитие умений проходить тесты с утраченной креативных способностей создавать произведения;

- упразднение творчества, содержательной инновационности, оригинальности, самостоятельности, замещаемых натаскиванием, механическим тиражированием текстов, передачей сообщений, приобщением к готовым результатам, распознаванием информации;

— вытеснение знания сведениями, способности думать способностью идентифицировать, расширение тезауруса движением внутри него.

Здесь «мысль» редуцируется к «сообщению», сознание — к имитации, генерация к трансляции, продукция к репродукции.

Перед нами специфическое бегство от мышления, выражаемое снижающими параллельными рядами нашего культурного времени.

Движение к массмедийному социуму с характерным вытеснением творчества информационным потребительством давно и точно осмыслено в философском сознании под видом становления «технического интеллекта» (Шелер): «вычисляющего мышления» (Хайдеггер); «псевдомышления» (Фромм). Такого рода движению оппонирует подлинно символическое контрдвижение, поднимающее на щит культуру как прорыв, а не распознавание; «Я» — как свободную реализацию, а не калькуляцию; познание — как поиск, а не приобщение; мышление — как активность, а не реактивность.

Личное участие в наращивании символической формации — разработка наук и искусств, — а не знание прежней мудрости, определяет прогресс культуры.

6. Ни один знак не свидетельствует об адекватности билатерального подхода к слову, согласно которому последнее — суть комбинация звука и значения. На деле в сцепках «мысль — слово», «слово — мысль» — множество опосредований, разрушающих трактовку слова как простого знака или средства логического определения (обозначение, термин). Слово — ключевой фигурант коммуникации, вбирающее всё богатство кристаллизующих в ней межсубъектных (а не исключительно номинативных, дефинитивных и т.п.) связей. В конце концов, «мужика» позволительно назвать «бабой».

Амбивалентность, поливалентность «слова» заявляется общением, активизирующим, актуализирующим сопутствующие, примыкающие, неспецифические «значения», возникающие как смысловые фигуры «плана выражения»; посредством варьирования модальности, предикативности, интонационности достигается эффект контекстуальности объективируемого словом духовного материала.

Глава II

СИМВОЛОСФЕРА

§ 5. Предварение

Символосфера — объемное, ассоциативное понятие, вмещающее богатство духовных и практически-духовных символических форм. Озаренный светом познания содержательный горизонт их крайне широк — обозреть его детально возможным не представляется. Посему последующее изложение, не обещая дать полноту картины, претендует лишь на предоставление шанса задуматься над символическим как реальным знаком высокого.

Хотя основные комментарии о существовании символа как культурного феномена развернуты ранее, правильно тем не менее сделать уместные для настоящего случая уточнения. Поскольку внутреннее содержание символического определяется формами духовного опыта, не прибегая к конкретизации, выдвинем нужные квалифицирующие суждения принципиального, т.е. нормативно обобщающего порядка, расценивая символосферу как средоточие «общего интеллектуального достояния», удаленного от «житейского попечения». Последнее помимо прочего позволит активировать ресурсы релевантного дальнейшему погружению в предмет метода дочерпывания.

1. Символические формы частичны в наиболее затрапезно-стандартном отношении — в смысле неуниверсальности, невсеобщности. На персональном уровне символического созидания рычагом мультипликации выступают специфические идеалы, интересы, углы зрения, предопределяющие несхожесть самореализации креативных натур в способности выражать нечто в некотором языке при посредстве неких орудий. На социальном уровне дробление символической формации предрешено творческим движением в пределах жанровых родов, сюжетных, стилистических образов действия.

Символическое сообщество консолидируется принятием, разделением однотипных ценностей, исповедованием схожих убеждений. В культуре вообще не удаётся достичь символической общезначимости. Человечество расчленено по множеству

оснований (половых, расовых, культовых, поколенческих, языковых, державных и т.д.), препятствующих его сведению к единому эккуменистическому знаменателю. То, что позволяет всё же спланировать «розное стадо» в родовую общность, — суть перспективы выживания, интенция на эффективное, оптимальное, достижительное вершение истории, пролонгацию собственной жизни.

Видовые общности складываются менее пафосно — в качестве культурных, когитальных, исторических, гражданских ареалов, образующих символа-топосы, ценностно-целевые ниши. В их рамках утверждаются, наследуются, перерабатываются более или менее долговременные (кратковременные) символические связи. Предельным (невырожденным) количественным показателем популяционной устойчивости символического ареала служит формула символической конвенции: продукт символотворчества — произведение — есть любой плод символического труда, который наряду с его автором хотя бы еще одним воспринимается как значимый. Если находится некто, удостоверяющий ценность творческого самовыражения герольдов, паладинов, пророков необычного, заявляющих себя в створе «оригинального», мы вынуждены сохранять терпимость в суждении вкуса, не проводя его по разряду духовной распущенности. Речь может идти о самых экзотических казусах, порождаемых стремлением души «в абсурд», «примитив» (Северянин), о создании диковинных акций новаторства типа расписок за получение средств, которые поклонники могут вешать в гостиных вместо ненаписанных картин (Клейн)...

Можно ли искать ключи на ощупь? Различно ли богатство знаниями и бедность мудростью?

Метасознание дает рецепт, состоящий в различении субъективной и объективной плоскости символического созидания. Апеллируем к Шеллингу: «...субъективно, в плане внутренней явленности, действуем мы, объективно же это уже не мы, но через нас действует кто-то другой»⁶⁷. Мысль сталкивает субъективную незначимость — объективную значимость. Одно движимо частной свободой, другое — всеобщим идеалом. Учитывая, что идеал (подобно истине) рождается как ересь и погибает как заблуждение, критерии значимого—незначимого размываются. Как быть?

⁶⁷ Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 359.

Адресоваться к культуре. Лишь совокупная культура преодолевает дуализм субъективного—объективного. Только она не позволяет толпе затаптывать мерилы высокого, скажем проблематизируя живописания по линейке Малевича, Николсона, Олберса. Только она обладает чутьём бить тревогу в недопущении лицемерной саморазгрузки. Только она утверждает: не все достоинства человека состоят из недостатков. Только культура, привлекая мысль Вебера, обязывает человека сознательно относиться к миру и придавать ему известный смысл⁶⁸.

2. Символические формы искусственны, нарочиты в самом прямом отношении неестественности, природной неподлинности. Символосфера — пространство духовных измерений, мысленных представлений, нацеленных на «принимание вида», конструирование воображительных возможностей. Символические формы возникают как намеренные смысло-образные конструирования действительности с ориентацией на разные мегасвязи: предметность — наука; художественность — мифология, искусство; интересы — идеология, политика; нормосообразие — право; абсолютное — религия; потустороннее — эзотерика. Есть бытие, — говорит Баратынский, — но именем каким его назвать? В зависимости от способов произведения подходящих имен складываются отличительные типы строя духовной жизни, разряды символосозидания. Институциональное сплочение их осуществляется

— онтологически: освоением разных срезов сущего, — а) бытие как данность — наука; б) бытие как заданность — миф, политика, право, искусство; с) бытие как предданность — миф, религия, эзотерика (окультизм, мистика, магия);

— гносеологически: освоением сущего разными стандартизирующими схемами, — а) каузальность — причинно-следственная типологизация явлений; б) телеологичность — инверсия каузальности — следственно-причинная типологизация явлений в движении от проекта (цель, интерес, идеал) к объективации; с) сакраментальность — священность, заветность, сопричастность — типологизация явлений через связку «причина — значение»; д) профетичность — трансцендентность, заопытность — типологизация явлений через связку «значение — причина» — предре-кание, проскопия, оракульство, знахарство, мантика;

— феноменологически: освоением сущего по разным «априорным» рамкам-правилам принуждения мысли, — а) социокуль-

⁶⁸ Weber M. Wissenschaftslehre. Tübingen, 1921. S. 175.

турный контекст — варьирование атрибуций реальности (количество цветов в спектре); б) сословный контекст — дифференциация идеалов (трансформация категорий «прекрасное», «безобразное» и т.д. в зависимости от кластерной принадлежности); с) онтогенетический подтекст — выстраивание «семьей», «школой», «эпохой» персонального миропонимания (фон личности, фобии, пристрастия);

— логически: освоением сущего разными гомогенизациями действительности в опоре на абстракцию отождествления, — а) логика высказываний не концептуализирует «бесконечность»; б) логика предикатов, превосходя потенциал логики высказываний, оценивает отношения присущности свойств, отношений предметов, не учитывая при этом фактора «времени» (естественная изменчивость вешности); кроме того, она обходит анализ иерархии свойств («свойства свойств» в качестве предмета выводятся за сектор обзора эксплуатируемой сеткой предпосылочных допущений, уровней идентификации); с) более богатые, нежели логика предикатов, системы типа логики предикатов высших порядков, модальных, параконсистентных логик, сохраняя привязку (через идентификацию предметности) к каким-то уровням реальности, опытом своего функционирования демонстрируют: логические зависимости не тождественны зависимостям объективным. В противном случае реализуется сомнительный панлогизм. (Глубоко неправ Витгенштейн, отождествляющий композицию атомарных высказываний с элементарными фактами, которым будто бы высказывания соответствуют. На деле атомарные высказывания, входя в фонд символического, элементами действительности не являются.) Поскольку выбор систем, аксиоматик предорганизует структуру вывода, чувствительную к набору исходных презумпций, никакое символическое конструирование всецело не толерантно реальности: реальность находит репрезентацию в множестве символических реконструкций. Сказанное, разумеется, дезавуирует вульгарную (зеркальную) теорию отражения;

— методологически: освоением сущего разной императивной каноникой. Формальная логика — совокупность законов корректного мышления — правила: 1) тождества $A \equiv A$ (« \equiv » — знак эквивалентности), выражающего идею стабильности, несамоизбыточности сущего; 2) непротиворечия $A \cdot \bar{A}$, по которому невозможно, чтобы одно и то же было и не было одинаково присуще одному и тому же в одном и том же отношении; 3) исклю-

ченного третьего $A \vee \bar{A}$, сущему можно приписывать лишь одну из взаимоисключающих характеристик.

Данная эвристика, как видно, отвергает образ становящегося, самопротиворечивого бытия, которое в каком-то вполне ясном смысле нерационально: невозможно мыслить нечто, что есть и чего нет, что является самим собой и одновременно другим.

Нейтрализации идеологии «становления» служит и весьма развитый аппарат, образованный законами сохранения (идея качественной стабильности вещей), принципами цикличности и ритмичности развития (идея воспроизводимости, «нетекучести» действительности), требованиями относительности, симметрии (идея инвариантности «содержательных» аспектов мышления относительно его «формальных» аспектов) и т.д.

Диалектика, как особый тип рациональности, способ теоретической реконструкции отношений действительности, зиждется на прямо противоположной эвристике. Она задается законами: 1) нарушения тождества $A \neq A$ — развивающееся несамотождественно; исходное трансформируется в иное; 2) противоречия $A \cdot \bar{A}$ — развивающееся есть единство преходящих взаимоисключающих стадий бытия: того и не-того, данного и другого; 3) опосредованности взаимопереходов в развитии $A \dots \bar{A}$ — развивающееся трансформируется в свою противоположность через ряд промежуточных звеньев.

Являясь наукой о противоречии в самой сущности предметов, диалектика представляет концептуальный аппарат, который на теоретическом уровне моделирует природу отношений и связей, присущих самопротиворечивым, самоизменчивым феноменам. Последнему подчинены основные и неосновные (соотношения парных категорий) законы диалектики.

Интерпретируя всякое динамическое целое как комплексное, однородное, слагающееся из непосредственно несовместимых компонентов (структур), первый закон диалектики характеризует источник самоизменения (развития), который заключается во взаимоотношении (единство и борьба) его (целого) определяющих внутренних противоположных сторон.

Поскольку самоизменение есть направленный процесс последовательной качественной смены состояний, усложнение уровней организации, второй закон уточняет механизм возникновения новых качеств в объективном развитии. А именно: развитие объектов действительности осуществляется путем постепен-

ных количественных изменений, которые, перекрывая интервал меры, обуславливают переход к новому качеству.

Выражая преемственность отношений последовательных стадий развивающихся объектов, третий закон диалектики задает понятие направленности самоизменения (идея взаимосвязанных переходов исходного в противоположное и противоположного в очередное противоположное). Формулировка третьего закона такова: развитие объектов действительности осуществляется путем отрицания наличных состояний с формированием новых, где сохраняются компоненты предыдущих, которые в свою очередь подвергаются отрицанию, но воспроизводятся (сохраняются) в «снятом» виде на новом уровне.

Аналектика. Естественной подпочвой, генератором диалектического сознания оказывалась ситуация как в духовном производстве, так и социальной практике, узаконивающая биполярность, альтернативность реальности: в борьбе конкурирующих единиц знания, общественных сил, слоев, классов виделся универсальный возбудитель развития. Подобная картина, однако, корреспондирует с доподлинно классическими, доглобальными реалиями. На современном неклассическом, глобальном фазисе положение дел меняется. В познании осязаем переход от жесткого соперничества односторонних исследовательских программ к интертеории. В историческом творчестве воплощается тенденция развала блоково-дипольного мира; цивилизация приобретает очертания регионально-плюралистической организации.

Что означает инициация бескомпромиссности, сшибки, конфликта, борьбы, противопоставления применительно к неклассической науке, предполагающей толерантность, дополнительность, и применительно к глобальной стадии жизни, характеризующейся ядерностью, технической продвинутостью, интернационалистичностью (вследствие механизмов универсального космополитического рынка)? Она означает одно — бесперспективную регрессию.

По этой причине уместно провести эвристическую ревизию метасознания: не противоречие, а его блокирование; не вражда, а терпимость; не конфликт, а консенсус; не диалог, а полилог; не противодействие, а взаимодействие оказываются магистралью развития. Диалектика, следовательно, выступая в полной мере классическим, доглобальным доктринальным инструментарием, на неклассической (и тем более неонеклассической), глобальной ступени существования целенаправленно, последовательно должна замещаться аналектикой, трактующей развитие не в

терминах «противоречия», «отрицания», «борьбы», но гармонии. Предпосылкой прогресса в неклассическую, глобальную эпоху способна быть конструкция, а не деструкция; согласие, а не разногласие;

— эвристически: освоением сущего разными ментальными техниками, — а) рассудок — деятельность по применению мыслительных схем; б) разум — креативная деятельность по разработке мыслительных схем (фигурный, расширяющий синтез); в) душа — проекционная интроспекция, прочувствованное вдохновенно-исповедальное соитие-постижение-сопереживание; г) дух — представленно-преобразовательное конструирование действительности посредством продуктивного воображения. Рассудок и разум объединяются в «умо-зрение». Душа — тяготеет к искренне-согласованному во всех частях, воодушевляющему «откровению». Дух — внутренне плодотворяющая сила — схватывание в созерцании связей реальности.

Противопоставление выразимого невыразимому в понятиях даёт начало дихотомизации символических форм: вера — разум; откровение — умозрение; частное — общее; легенда — жизнь; Иерусалим — Афины. С позиций развиваемых взглядов подоснову подобных приемов составляет принимаемая трактовка замещаемого-замещающего. Правилom, которым, по-нашему, следует руководствоваться в тематизации эпизода, выступает максима: самоценность замещаемого исключает его производную символизацию через замещающее. Скажем: озарение — не художественный приём, а персональная судьба; у неё могут быть почитатели, но не может быть последователей;

— структурно: освоением сущего по разным планам группировки, организации материала, — а) предметно-категорные корреляции — ноэматический строй; б) подобию, контрасты, акцентуации — проекционный строй; в) императивы, инспирации, диспозиции — деонтологический строй. Критерием оправданности использования тех или иных средств (символопорождающих техник) оказывается их соответствие преследуемым целям. Человек символический действует только так, как может. Но это «может» определяется высотами, глубинами поставленных целей. К примеру, художник-любитель рисует то, что знает, а не видит. Художник-профессионал рисует не то, что видит, а то, что задает образ. Когда видимый факт возводится в достоинство художественного факта, — тогда перед нами не «мазня», а «искус-

ство», ибо цель искусства — «дать ощущение вещи как видения, а не узнавания...»⁶⁹;

— целеориентационно: освоением сущего по разным функциональным залогам: а) духовные формы — созерцательно-рефлексивны, направлены на отрешенное создание в условном плане «отчужденных призраков»; б) практически-духовные формы — побудительно-принудительны, возбуждают предприимчивость, будируют гражданский порыв, катализируют энергию масс.

Характеризуя символические формы, недальновидно упирать на «надмирность», «безразличность», «отстраненность»; символы созидают мир не только вымышленно-условный; будучи охвачены идеей общественности, они проявляют себя доподлинно исторической силой, окрыляющей умы, завладевающей волей, пестующей из филистеров подвижников.

3. Символические формы эфемерно-мнимы, переводят действительность в фигуральный игровой модус *als ob*. Причинно-следственные отношения, претерпевая изощренные метаморфозы, замещаются отношениями сопричастности, архетипичности, телеологичности, морфичности. В этой ферментной среде складывается специфический интеллектуальный этос с причудливой тропной онтологией, представляющей отдаленное эхо фигур, тем жизни. *Nomo symbolicum* вращается в воображаемых сферах, заполняемых мечтательным. Условное соприсутствие — костяк символического.

С одной стороны, человекоразмерное — кондиционально; проблематизировать таковой его статус — значит впасть в неглубокий романтизм. С другой стороны, погрязать в кондициях — дереализоваться.

Возвращать на твёрдую почву существования позволяет здравый смысл. В качестве истинного и непреложного должно быть принято то, что симвонологии паушально оппонирует доксология. Символическое определяется доксическим — убеждениями полноценного жизненного мира, предписывающими вершить историю, пролонгировать существование не по нарочитостям, а непредвзятостям.

Обыденность крепка укоренённостью в естественный самотёк процессов самовоспроизводства, коими не жертвует. Она превозносит не призрачный духовный порыв, а неэкзальтиро-

⁶⁹ Шкловский В. Цит. соч. С. 12.

ванное о-бывательство. Человек символический духоподъемен, креативен, но жизненно отчужден, практически беспомощен. Свое житейское благополучие он вполне способен променять на инициированное «назначение». Подменять же жизнь ролью, маской, утверждалось выше, означает впадать в тягачущую иллюзию, посрамительное, некомпенсируемое, разрушающее жизнь лицедейство. Все слабости человека можно простить актёру, но ни одной слабости актёра нельзя простить человеку (Гёте).

4. Символические формы — самоценны; достижение «правды мира» для них не всепоглощительно. Символические формы утрируют не «адекватность», а мастерство, изящество. По Аристотелю, они могут стоять на бессмыслице⁷⁰, лишь бы она была талантливой. В изображении действительности, следовательно, акцентируется не «действительность», а «изображение».

Противоречия действительности оправданы. Не оправданы изъязыны фабулы, экспозиции, художественного решения. Пиндар мог не знать, что «оленья самка не имеет рогов», но компенсировал фактический диссонанс «живостью описания»⁷¹. Аналогично Лермонтов: хрестоматийное «... Терек, прыгая как львица с косматой гривой...». Дело не в том, видел или не видел поэт описываемое. Дело в том, насколько глубоко он смог проникнуть в суть явлений, показать «раны своей души» (Белинский).

Символические формы не воспроизводят, они производят — воображательно, продуктивно конструируют. По этой причине пребывают не подражанием — мимесис, но «созданием», «произведением» — поэзис.

Обыденность — возможность действительного. Символичность — действительность возможного, здесь мир имеет основание не в себе, а в ином. От высот последнего позволительно многое — например, неприятие рутинно-профанного, заурядного.

Как эпатировал Северянин: «Я презираю спокойно, грустно, светло и строго людей бездарных: отсталых, плоских, темно-упрямых». И хотя с позиций более мощных символических систем отсчета сам Северянин не дотягивал до «высот и глубин» (по Брюсову, «вместо бесконечности мировых путей таланта перед ним всегда ... лишь тропки его маленького садика»⁷²), презирать посредственность (подражательность) он, несомненно, имел право.

⁷⁰ См.: *Аристотель*. Поэтика. М., 1957. С. 125.

⁷¹ Там же. С. 129.

⁷² *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 453—454.

§ 6. Духовные символические формы

Основание русла, где течет символическая жизнь, — мыследеятельность, духовные экзерциции, — сфера интеллектуально-созерцательного, в зависимости от направленности — создающего или воссоздающего конструирования, порождения, изображения. В самом нерасчлененном значении слова это — мимезис в том смысле, в каком использовал его Аристотель, — а именно: подражание, предполагающее образное воссоздание собственного (т.е. подражания) предмета без эффектов влияния на человеческую природу. Таковы совокупная наука, телеология (провиденциализм, эсхатология, финализм), пророчество (прорицание, оракульство, ведовство, мантика, магия, колдовство, мистика, тавматургия, оккультизм), натурфилософия, берущие мир в разной оптике, но не перекрывающие пределов мыслительного. Определяющим для их обособления в автономный таксон выступает основание образно-изыскательного и одновременно отрешенно-бездеятельного, пассивно-отстраненного отношения (идеально средние типы — «чистая» наука, «безынициативный» оккультизм).

Стихия духа — безучастное рассуждательство, самостояние в границах отвлеченной рефлексии, умо-зрения.

Духовные символические формы поглощаются триадой: знание (episteme) — ум (nous) — мудрость (sophia).

ЗНАНИЕ. Гносеологически богатая, в себе дифференцированная логически мыслимая форма, выступающая содержательной средой, где осуществляются иные интеллектуальные формы. Знание как умственное пространство задаётся эвристическими отношениями, в зависимости от которых возникают различающиеся по структурным свойствам познавательные образования. Поскольку пространство уточняется как множество каких-либо объектов, ассоциируемых способом связи, вводимыми отношениями, знание как пространство мыслительных возможностей удостоверяется типом фиксации результатов, алгоритмом установления значимостей.

С позиций противопоставления, различения последних сфера знания членится на множество составляющих, понятие которых развертывается учётом переливов, полутонов, нюансов внутренней каноники творческой самоорганизации. Различие в духовном производстве обуславливается характером образования, конструирования символической формации, под чем разумеется

утрирование специфических ценностей, регулятивов образа действия.

Наука — категориально-логична, имплицативна, концептуализирует действительность через связку «причина — следствие» (каузальность), аналитична, нацелена на постижение объективного порядка вещей («самого по себе»). Ей присущи: интересубъективность (устранение индивида из контекста исследования); однозначность семантических единиц (максимальная уточненность используемого аппарата); безымянность (для науки не важен «фон личности» — его поглощают общезначимые теоретические курсы, включающие дискурсивную (начало достаточного основания) всесторонне обоснованную истину); воспроизводимость результатов (сериация); верифицируемость (потенциальная опытная опробуемость утверждений); преходящность основоположений и установлений — предыдущие занятия ученых впоследствии неизбежно становятся «детской игрой» (Гегель); линейность прогресса (наука развивается от постановок проблем к поискам их решений).

Будучи познанием «из основания» (Гуссерль), наука даёт наиболее прочные (из известных) гарантии обладания истиной. Между тем универсализация приемов научной процедуры как в генерации, так и трансляции конечных продуктов никак и ничем не оправдана; доподлинно наука не способна быть всеобъемлющей наставницей символодеятельности; ее принципы не в состоянии выступать правилами, мыслимыми при всех условиях в качестве абсолютно соблюдаемых.

Не впадая в поверхностную критику науки и не борясь с самонадеянным сциентизмом, подчеркнем лишь следующее.

1. Проблемный комплекс: наука — культура.

В основе всякой человеческой деятельности — порядок нормосообразия, тип регуляризации⁷³. Канонизация, стандартизация единиц науки осуществляется весьма жесткими правилами операционализации, верификации, логизации, квантивизации, метризации, каузализации, естественной детерминации. Рациональное призвание данных регулятивов — задать логически и практически обоснованное право субъекта на обладание истиной, уверенность в достижении достоверности. Отсюда — ригоризм в отношении содержательной формации, не достигшей надлежащей опытно-логической упорядоченности. Подозрения

⁷³ См.: *Ильин В.В.* Аксиология. М., 2005.

в ненадежности продуктов ненаучного поиска влекут воинственную охранительную позицию, в крайних своих проявлениях принимающую форму организационного пуризма. Сошлемся на Юма. Если, удостоверившись в истинности научных принципов (опытно-логическая дисциплина мысли), — пишет он, — «мы приступим к осмотру библиотек, какое опустошение придётся нам здесь произвести! Возьмём в руки, например, какую-нибудь книгу по богословию или школьной метафизике и спросим: содержит ли она какое-нибудь абстрактное суждение о количестве или числе? Нет. Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах и существовании? Нет. Так бросьте её в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждения»⁷⁴. Что даёт расчистка библиотек, сиречь избавление от «софистики, заблуждений», прочей доморощенной ереси? Ответ в самом сциентистском пафосе налаживания духовной санации. Избавление духа от богословско-метафизической (культурно-символической) беллетристики преследует тотальный перевод продуктов символосферы на язык строго оформленных логически и метрически систематизированных понятий. Возможно ли это?

Как быть с невыразимым в словах, категориальных присутствиях божественным голосом в душе, совести? Как быть с откровением, самораскрытием — тем, что делает нечто совершенно ясным, понятным. Как быть с наитием — внезапно приходящей верной вдохновенной мыслью? Как быть..?

Если пространство духовной жизни уместить в интервал: высокая, будирующая существование мечта (идеал) — пусто-порожнее бесплодное мечтание (гоголевский собирательный тип философ Кифа Мокиевич, бытие которого «обращено более в умозрительную сторону»), то из него (пространства) вследствие выборок по прихоти или по произволу узурпаторов окажутся изъятами многочисленные предметные зоны. Что останется? Наука? Но и она, как продемонстрировали болезненные перипетии позитивизма, не может быть сведена к набору логических тавтологий и фактуально удостоверенных представлений. Пользуясь нагелевским: что всё это значит? — приходишь к одному. «Я конечно, могу, — заключает Джемс, — поставить себя в позицию фанатичного сциентиста и вообразить, что мир научных законов и объектов может охватить всё. Но когда я делаю это...

⁷⁴ Юм Д. Исследования о человеческом разумении. М., 1995. С. 229.

тотальное выражение человеческого опыта невидимо зовёт меня за узкие пределы «научных» ограничений... Реальный мир имеет совсем иной характер — он устроен более сложно... чем это позволяют обнаруживать... науки»⁷⁵.

Духовный мир включает прорву того, что науке неведомо, что не может возыметь познавательных эквивалентов. Постигание этого даётся опытом, многотрудным практическим мужанием, жизненным умудрением. Радостное служение знанию по «внутреннему убеждению» исключает культуροкарательные меры. Понять аргументы сциентистов можно, согласиться с ними нельзя. Ум, изнуренный работой, только на том и стоит: «Мне... казалось, — признается Борн, — что научный метод предпочтительнее других, более субъективных способов формирования картины мира — философии, поэзии, религии... Теперь я смотрю на мою прежнюю веру в превосходство науки перед другими формами человеческого мышления и действия как на самообман»⁷⁶.

2. Проблемный комплекс: логистическая процедура науки, не подпадающая под научную логизацию действительность.

Сугубо ошибался Витгенштейн, проводя некритический логизм и гипертрофируя дискурсивно выразимое: «так как все присутствует здесь и всё открыто, то не нужно ничего объяснять. Так как то, что скрыто, нас не интересует». Странная линия. И в жизни, и в духе многое скрыто. Но объявлять это неинтересным по меньшей мере неадекватно. Нас радикально интересует именно скрытое. Открытое — лежащее на поверхности — тривиально, неглубоко, несерьезно. Скрытое же — существенно, серьёзно, глубоко. Мы выстраиваем межсубъективные связи не по логическим операциям, а по «неощутимому, невнятному, неразличимому почти», от чего «щемит в груди».

Человеческое не сводимо к логистическим схемам, обрекающим общение на духовный провинциализм. Основоположения логики не могут быть отнесены ко всему содержанию духовной сферы — они применимы локально — как императивы текущих рассуждений. (В противном случае мыслесфера — собрание тривиальностей, сковывающих продуктивный процесс теснинами истинностной двузначности.)

Человек производит смыслы, значимости в логически неупорядоченном общении, где посредниками в деле отличения ис-

⁷⁵ *Джеймс В.* Многообразие религиозного опыта. М., 1910. С. 509—510.

⁷⁶ *Борн М.* Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 7.

тины от лжи выступают не матрицы истинности, а экзистенциалы (Белинский в данной связи указывал на смех)⁷⁷, являющиеся плодотворными инструментами установления истинностных значений. Как говорил Пирс, логика коренится в социальном (лучше — экзистенциальном) принципе⁷⁸.

3. Проблемный комплекс: каузальная — некаузальная организация материальной и духовной реальности.

Комплект каузальности — закон основания; причинно-следственный строй рядов вещей и идей; номологичность. То многое, что представляет это немногое, — законосообразность, естественность, обоснованность.

Перед лицом многоликой полиморфной реальности, однако, не избежать вопроса: является ли (логическое, практическое) удостоверение результатов через законосообразность, естественность, обоснованность исчерпывающим? В разные жизненные моменты на щит поднимается не рационально демонстрированная достоверность, а по обстоятельствам — то одухотворение, то ритуальная связь, то свобода выбора, то чувство собственного достоинства, то... Как обобщенно высказал Цицерон: *historia magistra vitae est*, в чем в полной мере сказывается значение «научно необоснованного» суждения.

Речь не о провале науки — речь о фундируемости *Lebenswelt* вненаучными ценностями, позволяющими избегать, как минимум, сведения жизнеобеспечивающего процесса к рационально выверенной схематике. Рациональная всеобщность, необходимость науки в житейском плане оборачивается обезличением, деперсонализацией, репрессивным подчинением частной судьбы универсальным установлениям (тоталитарные цели тоталитарной организации). В жизни на деле встречаются такие отсеки; однако в норме а priori они имеют жесткую локализацию. Разумеется прекращение всех «нормальных» человеческих функций в технологических контурах «монастыря», «казармы», «зоны», «клиники», «кладбища».

Проблематизация всеобщности «научного разума» имеет истоком античную Грецию, где в противоположность сциентологической парадигме Платона (мир самотождественных дискурсивно постигаемых идеалей) обозначается доксологическая парадигма Диогена, утрирующего чувственно-конкретную, глубокую в своей безыскусственности, идущую от самой бытий-

⁷⁷ См.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10.

⁷⁸ *Pierce Ch. Chance, Love and Logic. N.Y., 1923. P. 73.*

ственности правду существования. Вопреки Ленину правильно говорить не о линиях Платона и Демокрита, а о линиях Платона и Диогена. Одна — средоточие отрешенных фикций. Другая — средоточие полноценных самоосуществлений⁷⁹. Сказанное налаживает полновесную критику удостоверительной стати науки.

Законосообразность. Подоснова научного разума — идеология объективного причинения, в которую практически не вписываются эффекты целесообразности, целеполагания, мотивности, достижительности, самоорганизуемости, прогрессивной адаптации, творческого роста, ароморфоза, арогенеза. Из введенного в оборот Аристотелем учения о четырех причинах наука (пока?!) активно освоила лишь одну (материальную). Что же до конечных, целевых, формальных типов причинения, знание (опять же пока?!) кредитов не открывает. Возникающие колоссальной остроты эпистемологические проблемы локализируются в телеологии (от Августина, Вольфа, Лейбница, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Э. Гартмана до адептов антропоцентрической, утилитарной, имманентной телеологии, витализма, провиденциализма, эсхатологизма, неотомизма), так или иначе эксплуатирующей модель «телоса» (антитеза физиологических доктрин досократиков).

Отсутствие прорывов в трактовке механизма «законосообразия» — того, что считать номологически состоятельным, — многократно осложняет развитие

— макросоциологии: эвристическое ударение современной модели большой социальности — подпадающее под статистику поведение массы. Между тем «личность каплей льется с массами» лишь в заорганизованном массовом обществе. В гуманистически либерально-демократически оснащенном социуме личность самоценна. И будучи таковой, именно этим привносит в историю продуктивное начало. Отсюда: общество — для человека; человек — для людей. А не наоборот. Личность, обладающая потенциалом гражданственности, активности, утвердительности, — энтелехия прогрессивных сдвигов. Сущность ее — не «совокупность всех общественных отношений»⁸⁰, а самовозвышение, самостроение — творчество (из картины, к несчастью, сугубо выбивается Россия, население которой в силу сложившегося не становится «сознательным и историческим деятелем» (Ленин). Для захваченной исканиями личности в нашем обществе не создается про-

⁷⁹ См.: *Слотердаик П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.

⁸⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 262.

стора реализации. Продуктивный самодостаточный человек от нас эмигрирует. И это — беда и вина отечества);

— биологии: синтетическая теория эволюции, сфокусированная на видообразовании, опускает вопросы динамики биоценозов. Из доктрины микроэволюции не вытекает сценария макроэволюционного процесса. СТЭ не вмещает морфологию, анатомию, эмбриологию (теории целостных живых форм). В геноме кодируются видоспецифические признаки, что подрывает рычаг рассуждений — «творческую роль отбора»; игнорируются немутационные модификации изменчивости (хромосомное видообразование).

Вероятно, по этой причине на переднем крае науки (где спрягаются «сумасшедшие идеи») просматривается двоякая тенденция: апелляция, с одной стороны, к паранаучным конструкциям — витализм, аристокенез, автогенез, психоломаркизм, с другой стороны, к «малообоснованным» построениям типа «эволюции без отбора», аутопоэзиса, номогенеза, холизма, моделей синхронизированности слабо связанных удаленных нелинейных систем, некаузальных обусловленностей (несиловых) явлений в разных частях Вселенной (ср. с парадоксом Эйнштейна—Подольского—Розена), идеям автомодельных закономерностей мегаразвития, концепций геомерады (глобальная экологическая схема живого покрова);

— экономики: современный воспроизводственный контур поддерживается не вещными, а информационными связями. Товарными ценностями выступают не стандартные изделия, а нестандартные интеллигибельные образцы, когнитивные образы, знания. Налицо сдвиг с универсальных умений к уникальным навыкам, с предметности к символичности, становящейся локомоцией продуктивной деятельности. Между тем экономика, согласно традиционной изыскательской культуре наторевшая в освоении «труда», «капитала», «природного богатства» как основоположений производства, (пока?!), не способна тематизировать образно-символическую формацию («знание») как рычаг инновационного развития. Кроме того, поскольку символический труд всеобщий, в экономике знаний возрастает роль не конкуренции, а кооперации, консолидации, что во многом лишает экономику автономного предметного статуса, обязывая расценивать ее фрагментом всеобъемлющей доктрины сбалансированного обмена деятельностью — общесоциальной интеракции, гуманитарной коммуникации;

— истории: задание номологичности в истории сводится к методикам оформления типичной сциентистской номологии⁸¹. Необходимость учета «поступков и лиц», «деяний индивидов» в выстраивании порядков полных причин нацеливает на формулировку мостонаводящих законов — инструментов привнесения смыслов, значений в, казалось бы, лишнюю всякой ценности мировую бесконечность. Противопоставление одного другому не корреспондирует плоской дихотомии естествоведение—культуроведение в неокантианской редакции: действительность «становится природой», когда рассматривается с точки зрения общего, и «становится историей», если рассматривается с точки зрения особенного⁸².

В данном случае речь не о субстрате (рефлексивный просчет баденцев и следовавшего за ними Вебера — недопонимание того, что в науках о культуре достигается освоение общего, закономерного; другой вопрос, что последнее гносеологически специфично — не альтернативно, но видоразличительно сопоставительно с получаемым в науках о природе, где также имеет место эпистемологическое ветвление, — скажем, качественный тип формулировок в науках палео-, эволюционного цикла), а о характере интеллектуальных процессов, не о структурных началах реальности, а о поисковых усилиях, потенциях мыследеятельности;

— антропологии: имплицативный строй мысли науки, комбинирующей связями вида $P(x) \rightarrow Q(x)$, неизбежно корректируется гуманитарно-антропологическими рассмотрениями, осваивающими телеологические связи вида $P(x) \leftarrow Q(x)$ ⁸³. Предорганизуемое движение от следствия к причине позволяет вводить в содержательный оборот проекционные, мотивные, идеально-конституирующие, интенциональные, позиционные опоры поступков⁸⁴. Поступок, говоря строго, — не физическое действие. Это — акт «любви и ненависти», навязывание субъектом действительности через инициативное усилие с персональным таинством оттенков (антропные хронотопы); реконструкция его не поддается логоцентристской операционализации.

Естественность. Нерв научного сознания — природная норма, натурализм, признание существующим того, что отвечает законам

⁸¹ См.: *Ильин В.В.* Философия истории. М., 2003.

⁸² *Rickert H.* Die Grenzen der Natur wissenschaftlichen Begriffsbildung. Tübingen, 1891—1902. S. 255.

⁸³ См.: *Шиллер И.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1937. С. 603.

⁸⁴ См.: *Ильин В.В.* Философская антропология. М., 2008.

природы. Посторонние вмешательства, скрытые силы, аномалии выводятся вовне, объявляясь «фикциями», «фидеизмом». Концентрация на естественно узакониваемых установлениях легализует каскад стандартных регулятивов типа «воспроизводимость», «сериация», «верификация», «объективация», отсекает разлагающее мыслительное «сверхъестественное» (призрачное, предрассудочное, мнимое). Но действуя так, концептуальная культура впадает в необоснованный консерватизм (охранительство): гиперболизируя «обычное», она исходно дискредитирует необычное («паранормальное»), которое и должно быть предметом исследования без оттенка пейоративности (почему «гравитация», о которой мало что известно, — «нормальное», а «левитация», о которой известно не более, — «ненормальное» взаимодействие?). По крупному счету наука должна интересоваться картинами необыкновенными (ср. с сюрреалистическим кредо: чудесное в повседневном). Это — во-первых. Во-вторых, коренной предмет осмысления — существо «естественности». Наука в контекстах объективных причин апеллирует к всеобщим, необходимым факторам, утрирующим «общие места», типичные случаи. Так, заболевание как стандартная форма патологии квалифицируется в терминах этиологии, вирулентности, патогенеза, спрягается в фигурах не личностного, но физиологического, анатомического материала. Нездоровье трактуется в понятийной сетке болезнетворного. Почему не злокозненного? Почему обдумывание превратностей соматического адресует к натуральным зависимостям, а не супранатуральным изъянам судьбического? В чём преимущество номологии перед эсхатологией, закона перед предопределением?

Представители южно-суданского племени азанде в качестве объяснения причин заболевания указывают на «колдовство». Человек повредил конечность, она не заживает. Ссылки на общие основания инфицирования организма в ход не идут: до этого в аналогичных случаях все выздоравливали, а тут... Ситуация, связанная со спецификацией, персонализацией, не получая толкования в границах науки, находит осмысление в терминах мифа, чародейства. Вопрос «почему» в формулировке «всегда — везде» (в общем) наукой освещается. Интригующий же вопрос «почему» в формулировке «здесь — теперь» (в частности) наукой обходится. Содержательный вакуум заполняется провиденциализмом. Мир наводняется скрытыми силами, магическими влияниями (удвоение миров — контрапункт мифологии, оккультизма). Пределы рациональности раздвигаются.

Американские индейцы вводили компенсирующее обстоя- ние — «оренда», древние перуанцы — «хуака». В трансляции на наш язык обнаруживается подходящий эквивалент — «духов- ная сила», заполняющая лакуны «детерминизма», «практически оправдываемого», «каузального»⁸⁵. Исключаемая наукой «поту- сторонняя реальность» активно вмешивается в экспликацию «су- щества дела» применительно к случаю.

Движение от принципов к прецедентам идет рука об руку с прониканием в будущее. В чем разница между ненаучным про- рицанием и научным прогнозом? Для снятия вопроса охаракте- ризуем базовые понятия.

Пророчество. Оракульство, предрекание, прорицание есть вид профетической, сакральной, оккультной, тайной практики уловления и выражения высшей, потусторонней воли. В вариан- тах жреческой, священнослужительной, паранормальной духов- ной миссии оно может вызывать глубокое душевное понимание, участие, сопричастие, средствами *ratio*, однако, как любое ман- тическое трансцендентное, не схватываемое.

Утопия. Во всех разновидностях — дистопия, какотопия, эн- топия, антиутопия, ухрония — выступает ресурсом абстрактно- го конструирования потребного вне практической адресации к реалиям. Утопия черпает силы из действительности мысли, а не наличной действительности. Как указывает Мор, в утопическом социуме имеется много такого, чего можно более желать в на- ших государствах, нежели ожидать. Стихия утопии — перекры- вающее несостоятельность, неосновательность существующего воображение, влекущее некое видение предстоящего. Послед- нее, выражая предметность потенциально сущего, ветвится на кошмар и упование.

Кошмар — гнетущее, тягостное предвосхищение будущего. Упование — радостная, благоприятная надежда на осуществле- ние ожидаемого.

То, что позволяет утопии становиться величиной, прини- маемой в расчет, есть не нескончаемое устремленное к чуду за- клятие, а приближение бытия к ценностям, превышающим во- площенное.

Когда созревает ученик, рождается учитель. Когда формиру- ется потребное понятие жизни, оформляется побуждение транс- формировать жизнь по понятию. Ввиду сказанного нельзя не от-

⁸⁵ См.: *Голдстейн М., Голдстейн И.* Как мы познаем. М., 1984; *Вильсон К.* Оккультизм. М., 1994.

дать должное правоте О. Уайльда, расценивающего прогресс как объективацию утопий. Спрягая бытие с ценностями через побуждение, волю, утопия будирует социальное зодчество.

Почему утопия находит путь в жизнь? Потому что подчиняет жизнь интенции ее улучшения.

«Поэт творит призраки, а не подлинное бытие», — утверждал Платон, усматривавший в деятельности поэтов великую опасность для общества. Социальная опасность поэтического труда в ценностном разворачивании, обуреваемом идеалами, захваченном порывом превозмочь сущее. Превзойти, преодолеть, пересилить, стремительным броском перекрыть имеющееся — пафос утопического сознания, образующий причину его длительных и глубоких влияний на социальную практику.

Заставлять думать об обществе (гражданской участи), которого еще нет, — великое призвание утопии, накапливающей смысловое напряжение в человеке и тем самым потворствующей его самопревращению. Если пытаться выразить значение утопии для культуры одним словом, им может быть «ценностное причинение», «идеалоемкое целеполагание». Долженствовательным идеалообязывающим воскормлением — именно им пропитаны многоликие ветвления утопических композиций, у истоков которых — творения Эвгемера («Священная запись») и Ямбула («Государство Солнца»), живописующие идеальные общественные состояния, в изобилии данные в пересказах и независимых проработках позднейших авторов.

Классические образчики утопий, сообщающих мощный толчок скованной заскорузлым неудобьем жизни энергии народа, — сочинения Платона («Государство»), Августина («О граде божьем»), Мора («Утопия»), Иоахима Флорского («Вечное Евангелие»), Андреаса («Христианополис»), Бэкона («Новая Атлантида»), Кампанеллы («Город Солнца»), Гартлиба («Макария»), Гарлингтона («Океания»), Кабе («Путешествие в Икарию»), Ренувье («Ухрония»), Морриса («Вести ниоткуда»), Ш.Фурье («Новый хозяйственный социетальный мир»), Батлера («Эревуон»). В жанре негативных утопий-предупреждений и антиутопий выполнены труды Бульвер-Литтона («Грядущая раса»), И. Греча («Через зодиак»), Г. Честертон («Наполеон из Ноттинг-Хилла»), Э. Форстера («Машина останавливается»), Хаксли («Пре-красный новый мир»).

В России построением утопий занимались М. Щербатов («Путешествие в землю Офирскую»), А. Радищев («Путешествие

из Петербурга в Москву»), В. Одоевский («Город без имени»), А. Улыбышев («Сон»), Г. Данилевский («Жизнь через сто лет»), Н. Чернышевский («Четыре сна Веры Павловны»), Н. Федоров («Вечер в 2217 году»), А. Богданов («Красная звезда»). Вариант антиутопии — замятинское «Мы».

Упомянутое, хорошо известное — лишь краткий ни на что не претендующий перечень; вообще же с XVI по середину XX в. выпущено около тысячи утопических текстов.

Конечно, представитель социального добра не имеет права на бездействие. Между тем «договоры без меча — только слова» (Гоббс). Одно дело парангон, другое дело технология его получения. Одно дело «перманентное фойе с буфетом» (Мандельштам), другое дело средство его обретения. В реальном движении от образа (идеал) к исполнению (воплощение) приходится сталкиваться с пылью и грязью на дороге, брёвнами и камнями под колесами. Преодолеть житейские неурядицы на пути претворения проектов утопия не способна. Неискоренимый изъян её — надмирность, отсутствие гражданского обсчета, выверенных способов достижения идеалов.

Лишенная объективного общественного смысла, отображающая лишь мощь субъективного провидения, утопия демонстрирует и силу, и бессилие человека. Силу дерзновенного духа, бессилие косной, связанной устоями жизненной плоти.

Любая попытка обмирщения утопии неизменно, неизбежно терпит крах, влечет всеохватную, проникающую гуманитарную катастрофу.

Прогноз. С эпистемологической точки зрения прогноз (предвидение, предсказание, предвосхищение, предугадывание) есть выводное утверждение о будущем, имеющее вид гипотетической (вероятностной) импликации «согласно основаниям (факты, законы, свидетельства) X возможно (во всей видимости; скорее всего) осуществится Y». По своему познавательному регламенту прогноз выгодно отличается от профетических (мантических), проскопических утверждений (прорицаний) относительно будущего, получаемых в рамках знахарства и шарлатанства.

Насколько состоятельна прогностика в качестве когитального ареала, некоего познавательного поля, способности суждения, имея в виду возможности, значения, границы социальной науки, условия реализации позитивного знания? Вопросу нельзя отказать в остроте, учитывая онтологический модус будущего, — а именно: будущее как *status rerum* не есть объективная

данность, а значит, не может выступать содержанием никакого верифицируемого исследования; знание предметно, о том, что не существует, т.е. не составляет плоти размышления, не может быть знания. Вероятно, по этой причине дискредитируется возникшая во второй половине XX в. на Западе футурология, квалифицируемая нашими ортодоксами не иначе, как псевдо- и квазидисциплина.

Что же — предвидение невозможно? С поспешным утвердительным ответом на вопрос не позволяет согласиться реальность науки, в познавательную компетенцию которой наряду с описанием и объяснением входит предсказание. Хрестоматийны антиципации

— Адамса (1845), Леверье (1846) (на базе исследования возмущений Урана) о существовании Нептуна, открытого Галле (1846);

— Галлея — о времени нового появления (1758) кометы 1682 (комета Галлея);

— Менделеева — успешное применение периодического закона для фиксации свойств галлия;

— Дирака — о наличии позитрона.

Пожалуй, намечается антиномия: предсказание невозможно ввиду отсутствия *status regum* (невыполнимость методологического условия предметности знания) — предсказание возможно как технический, стандартный, благодетельный мыслительный акт (выполнимость функционального условия познавательной деятельности). Преодоление антиномии просматривается в перспективе понимания самой когнитивной природы предсказания как эвристической процедуры.

Поскольку регулятивная презумпция предметности знания радикальна, предвидение актуально не заданных состояний невозможно. Непреднамеренное указание на предметные данности незаведомым образом (догадка, тем более оракульство, мантика) в счет не идет. Позитивное научное предвидение реализуется как фиксация потенциально заданных состояний, имеющих укорененную диспозицию становления. Будущее в первом и втором значении различно. Одно трансцендентно, непознаваемо. Другое тенденциозно — вымогаясь настоящим, принципиально познаваемо. Инструментом освоения будущего во втором значении служат динамические и функциональные зависимости, опора на которые обеспечила научный успех вышеупомянутых исследователей.

Точность, строгость, детализированность прогностики варьи-

руют в зависимости от параметров онтологических сред, репрезентирующих их концептуальных моделей. Вехи эвристического роста здесь намечают стадии:

— организованная простота (неорганика) — классическая механика;

— неорганизованная сложность (неорганика) — статистическая физика;

— организованная сложность (органика, надорганика) — синергетика, цивилизационистика.

Методологическим оформлением реальности прогнозов на базе установленных, эмпирически подтверждаемых законов служит максима: предвидение высказывает о возможном, а не существующем. Реальность не фатальна, а значит, нерационально логична; ресурсами не принимающей в расчет случайности формальной логики адекватно восстановлена она быть не может (другого взгляда придерживался Демокрит, предложивший исходно пуристический сценарий познавательного опыта: редуцировав реальность к логике, он элиминировал из нее случайность. Универсум Демокрита до мозга костей фатален, рационален, а потому тривиален).

Применительно к социосфере возможность предвидений как эмпирических констатаций, дедукций из капитальных законов (закон возрастания потребностей) не проблематизируется. Объект проблематизаций — возможность предвидения удаленного будущего.

Общество, в отличие от природы, будучи формацией мотивной, целерациональной, достижительной, утрирует волеоформленные ценности, интересы, а значит, подтачивает способность суждения, проецированного на перспективу. Прозрачным образом данное обстояние дел выразил Вундт, сформулировавший принцип гетерогении целей, согласно которому цели, преследуемые человеком, во-первых, не осуществляются непосредственно, в чистом виде; во-вторых, модифицируются, видоизменяя поступки, вследствие чего результаты деятельности: а) оказываются независимыми от ее агентов; б) не вытекают из исходных мотивов; в) не могут быть реконструированы из строя человеческого духовного мира.

Сказанное подрывает пресуппозицию рациональности общества, обуславливая стихийность, волюнтарность, турбулентность, а вместе с этим непредсказуемость социальных процессов. Открыть ворота истины через методологическое восстановление

полномочий ratio в общественном знании пытались идейные прогрессисты.

Посредством изучения основных фактов истории Милль предполагал установить обязывающий закон прогресса, который, будучи однажды выявлен, «должен позволить ... предсказывать будущие события точно так же, как в алгебре: установив несколько членов бесконечного ряда», возможно «открыть принцип регулярности в их образовании и предсказать, каким будет следующий участок ряда для любого числа членов»⁸⁶.

Представляющий концептуальный остов прогрессизма, нацеленный на дополнение каузализма гносеологический функционализм знаменательно оптимизирует экстраполяцию понятием роли, места, назначения элементов в системе. Интерес аналитика с этих позиций озабочивается разложением целого на составляющие с конституированием зависимостей между частями и их целым с прояснением оснований адаптированности, жизнеспособности целого. Все дело в том, однако, что антиципирующий потенциал социальной мысли методологический функционализм должным образом не усиливает и не расширяет. Издержками императивов этого достаточно перспективного направления в их фактической реализации выступают абстрактность, статизм рассмотрения, искусственность допущений равновесности, интегрированности, неконфликтности общества, невнимание к индивидуальному. В качестве ресурса обеспечения идейного прогрессизма, следовательно, методологический функционализм не состоятелен.

Мотив прогрессизма как базиса предвосхищения социальных реалий пропитывает позитивизм и марксизм. Духовная близость одного другому почему-то не получила до сих пор надлежащего истолкования. Между тем и Конт, и Маркс крепили свою доктрину на идентичных посылах. Оба разделяли

— универсализм: человеческая история удовлетворяет единым законам развития социальных организмов — модель смены духовного (Конт) или материального (Маркс) строя общественных систем (стадии, формации);

— эволюционизм: детерминированное движение от менее к более совершенным фазам; вариант Конта — духовный (интеллектуальный, моральный) рост; вариант Маркса — материальный (производительные силы) рост;

⁸⁶ Милль Дж. Ст. Логика. СПб., 1892. С. 183.

— финализм: допущение предельных фаз совершенствования; вариант Конта — позитивное состояние; (вариант Спенсера — «законченное счастье»); вариант Маркса — коммунизм;

— профетизм: живописание «на наших глазах» утверждающегося грядущего;

— активизм: инициация чаемого; вариант Конта — проповедь новой религии человечества; вариант Маркса — интернационал — революционное преобразование общества.

Если миллевская редакция прогрессизма страдает издержками функционализма, то контовско-марксовская его редакция страдает издержками механицизма. Последний проявляется в некритической способности утверждать о будущем по «прошлому и настоящему» с игнорированием перипетий живого творчества истории агентами деятельности.

Живое творчество истории непосредственных ее вершителей — людей Конт тшился перекрыть («снять») воспитательным, Маркс — силовым преображением. Ни один, ни другой не допускали возможности привнесения новых фактов, определений (вследствие инновационного инспирирующего обновления) в историческое развитие. Печальный финал и позитивистской, и марксистской философии истории — прокламация неизбежного в жизни. В случае позитивизма — стадия социального равновесия; Спенсер, спроецировавший второе начало термодинамики на общество в фазе «идеальной» стабилизации, столкнувшись с кошмаром «тепловой смерти», пережил сильнейшую депрессию. В случае марксизма — стадия социализма с вегетативными свойствами: отсутствие жизненных состояний (доктринальное упразднение товарно-денежных отношений, классовых, национальных различий).

Такого рода «неизбежности» вызывали обоснованный протест критиков «научного социализма» справа, что дало повод Марксу констатировать: «...коммунизм видит, что другие социалистические учения ... возникают против него не случайно, потому что он сам есть только особенная, односторонняя реализация социалистического принципа»⁸⁷. За этим эвфемизмом, как задним числом мы знаем, — властно-силовое, принудительное вызывание потребных состояний через террористическую авторитарную диктатуру. Для оправдания ее действий и потребовалось развернуть идеологию научного предвидения человеческого будущего.

⁸⁷ MEW. Bd. 1. S. 344.

Обмирщавший трагический опыт волюнтарного безумия Сталин высказывался на сей счет предельно последовательно: сила марксизма-ленинизма в том, что он «дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий», предвидеть их ход, «распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны (! — *В.И.*) развиваться в будущем»⁸⁸.

Итак, возможность пророчества оправдывает социальный волюнтаризм, неистовство насилия, самовластное самоуничтожение.

Хорошо предсказуемы фигуры заорганизованного (механизированного, дисциплинарного, милитаризированного) общества, где мысль и воля правящей элиты выступают рычагом создания наличных реалий. Однако в своем положительном богатстве даже самая заорганизованная социальная действительность не может быть порождена ни мыслью, ни волей; управление человеческой свободой не может быть безграничным.

Во-первых, есть гетерогения целей (на что указывал Вундт). Во-вторых, есть полная или частичная деперсонализация результатов индивидуальных действий (стихийность обмена деятельностью) (на что указывал Кондратьев). В-третьих, есть научно-технический прогресс, радикально модифицирующий исторические судьбы человечества (на что указывал Поппер). В-четвертых, есть спонтанность частного выбора (на что указывал Реклю, утверждая: «Равновесие общества является неустойчивым, исключительно вследствие тех причин, которые ставятся отдельными личностями в свободе расширения их деятельности. Свободное общество создается путем представления свободы развития каждой человеческой личности, которая является первичной и основной частицей общества и по собственному желанию соединяется с другими такими же частицами»). В-пятых (на что указываем мы), есть испытание человеческой веры, ценностные переакцентировки, смена символических ниш, обновительная роль идеалов, переводящие действия из одного плана в другой.

А ргорос: распад СССР доктриной не предусматривался. Оставляя за рамой обсуждение темы — хороша ли доктрина? — напомним лишь, что в предсказании устойчивости роста советского общества были единодушны и отечественные обществоведы, и советологи ЦРУ (наблюдение А. Фурсова).

⁸⁸ История ВКП(б). М., 1946. С. 339.

Подытоживая, обозначим: самовластие сердца, воли, мгновенных вспышек огня; эпизоды перехода черты разума или, напротив, его универсализации; случаи вмешательства объективных факторов, когда природа вступает в свои права; расщепление духовного мира, отмежевание от самих себя; гипертрофия чувства предстояния, утверждение собственной исключительности; драматичные вовлечения в иные игры — всё это, принятое во внимание, позволяет вывести положение о непредсказуемости ценностных основ жизни, а с этим — её общую непредсказуемость.

Утверждения об удаленных будущих состояниях человечества либо невнятные утопии, либо бессмыслицы. Мудрая осмотрительность обязывает высказывать не о будущем, а о возможном; лишь это не обманывает ожиданий.

Обоснованность. Обоснованным (доказательным) знанием считается знание рационально организованное. В идеальной логической реконструкции при переводе познавательной информации из «контекста открытия» в «контекст оправдания» дело выглядит так: оформляется древовидная ветвящаяся структура, именуемая дедукцией, — из обособливаемого более или менее убедительного запаса посылок по логически систематизированным алгоритмам выводятся когнитивно каузальные следствия. Научная обоснованность, следовательно, стоит на 5 китах: закон основания, логическая опосредованность, ментальная детерминированность, демонстративность, имплицативность.

Не смазывая идеальный взгляд на вещи подчеркиванием выпадения из картины ситуации с индуктивным, гуманитарным знанием, знанием «переднего края науки» — активных исканий, с невозможностью полной и непротиворечивой формализацией богатых теорий, обратим внимание лишь на принципиальные упущения обосновательного потенциала традиционного знания (рациональный империализм сциентизма).

(1) Не разделяя ньютоновской линии на реабилитацию «первопричины»⁸⁹, равно как кантовской трактовки целесообразности в терминах *als ob*, констатируем досадную отстраненность науки от феномена цели на субстанциальном уровне. Действительно, наука не работает с целью в линейке ее производных — целеориентация, целесообразность, целеустремленность, целенаправленность, целевоплощение, значение, назначение,

⁸⁹ См.: *Ньютон И.* Оптика. М.; Л., 1927. С. 287.

предназначение, предопределение, предначертание, предуготовление. Точки роста, пункты ожидаемых прорывов в мысли намечают антропный принцип в космологии, аристократизм в биологии, глобальный эволюционизм в методологии, взыскующие создания инновационной телеологической доктрины, где имплицитивно-дискурсивные, причинно-следственные типологизации явлений расширяются включением ценностно-целевых автоморфных связей. Цель, как и ценность, задавая особый мотивный модус кристаллизации энергии, концептуализируемый аппаратом «самоиндукции», «самоорганизации», буквально ломится в плотно закрытую дверь современных исследований (приятные исключения — расположенные на периферии изысканий модели ритмодинамики, энерго-информационных полей, опережающих потенциалов, несилового взаимодействия и т.п.).

(2) Слияние двух форм объективного процесса (природы и целеполагающей деятельности) в единый синтетический процесс человеко-природного развития (антропо-социо-техно-натурный комплекс) взыскует оформления мегатеорий, представляющих симбиоз фундаментального знания с аксиологией и деонтологией. Познавательная экипировка данных только складывающихся единиц интеллекта — последовательный расчет свойств реальности через призму принципов ее конструирования (сценарии бытия как потребной целевоплотительной среды обитания с позиций перспектив выживания, обеспечения родового призвания).

(3) Логика прогресса общественнознания диктует пересмотр тематизации малой социальности в терминах большой социальности: индивид — совокупность общественных ролей, отношений. Практикуемый эвристический редукционизм, фундаментализм никак и ничем не оправдан. Влекущие деперсонализацию индивида эпистемологические конвенансы в виде общесоциологических критериев повторяемости (история без человеческого лица) должны быть скомпенсированы императивами антропологичности: каузальность вовлечена в контекст казуальности. В фигурах действия человека требуется, наконец, усматривать пробивание не тенденций, а внутренних побуждений, получающих адекватное осмысление в символических терминах (аппарат понимающей социологии, глубинной психологии, герменевтики, культурной антропологии).

(4) Когнитивная сфера не покрывается ареалом «понятийности»: категориальная ипостась духовности пронизывается как

«образностью», так и «откровением». Тезис о логической всеобщности как необходимой атрибуции «мира идей» есть плод крайне искусственных допущений классической когитальной философии (от Аристотеля до Гуссерля), вводящей нежизнеспособную презумпцию субъективной идентичности. Весьма проблематично добиться общности мысли (пикировка: формализм — конструктивизм; фиксизм — мобилизм; преформизм — эпигенез; коммунизм — социал-демократизм и т.д.); оппонентов в науке не переубеждают — по правилам естественного отбора они либо вымирают, либо воспроизводятся. Практически невозможно достичь общности вкуса: суждения предпочтения партикулярны, как партикулярны питающие их онтогенетические инстанции (шлейфы «семьи», «школы», «эпохи»). Содержательный тонус науки поддерживается институциональными группами, понимание чего влечёт дополнение гносеологии социологией. «Каждое познание, — замечает Манхейм, — направлено... на определённый предмет и применяется прежде всего к нему. Однако характер подхода к предмету зависит от природы субъекта... ибо для того, чтобы стать сознанием, видение должно быть формализовано и концептуализировано, а формализация и концептуализация зависят от состояния теоретико-понятийной системы отсчета. Какие понятия и уровни соотносены существуют... не в последней степени зависит от историко-социального положения ведущих (*de facto*), мыслящих представителей определённых групп»⁹⁰. Причастность группе, упраздняя «свободно(логически) текущую мысль», привносит момент эвристической (символической) ангажированности, с которой соотносятся концептуальные стандарты. Вследствие давления групп (не важно какого) Зворыкин, Сикорский не нашли себя в России, Уфимцев — в СССР. Кто выиграл от их эмиграции? Оставляя за рамой серьёзный вопрос, — почему в какой-то период саморазвития творческой личности становится тесно, душно (ср. Пушкин) в отечестве, — требующий столь же серьёзного ответа (т.е. специальной проработки), в данном месте подчеркнём только несостоятельность классической гносеологической модели универсальности истины и способов к ней прихождения.

(5) Методологические регулятивы теоретической науки не обслуживают теорию символа. В эпистемологии — генерализация, объективация, детерминация. В символогии — инициация,

⁹⁰ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 77.

целесоориентация, самореализация. На основе первых возникают «факты», «предметы», на основе вторых — «события», «поступки».

Болтающаяся на верёвке самодельная чайка — не муляж (макет, чучело, фигура) птицы, а символ. Для агента действия — сверхцель, сверхценность жизни. Для внешнего заинтересованного наблюдателя (живописателя, хрониста, биографиста) — индикатор бесконечного трагизма прожитого единым устремительным порывом и не нашедшего творческого разрешения существования.

Человеческое несчастье Караваевой — в подчинении жизни не связанным с жизнеобеспечением символическим ценностям. Такой казус, естественно, бессмысленно описывать средствами науки (психиатрии?). Тут правильно применять приёмы мотивной реконструкции, вскрывающей основания отягощения жизненных обстоятельств целевыми, ценностными значимостями.

Говоря об этом, нельзя не отметить плодотворность введенного Луманом понятия «контингенция» (сгусток предметно-смысловых связей), являющегося заместителем традиционной причинности и оттеняющего изложенное выше: (2) — наука, включающая в свой фарватер целевоплотительные, инициативные отношения, не может не обогащать собственный экспликативный арсенал представлениями символостимуляции.

Символ — жизненная утопия. Применительно к человеку (используя оборот Т. Молнара) она проявляется как «вечная ересь». «Судьба любого человека, — утверждает Борхес, — как бы сложна и длинна она ни была, на деле заключается в одном единственном мгновении — в том мгновении, когда человек раз и навсегда узнаёт, кто он»⁹¹. Узнавание самого себя производится человеком по осознанию способности производить символы. Имманентная сущность человека — символотворчество, исключающее отрешение от него как от занятия еретического.

УМ (NOUS). Вне и помимо разнообразных антропологических, онтологических, космологических, натурфилософских, мифологических, теологических, демонологических трактовок (от Гомера, Фалеса, Ксенофана, Демокрита, Эпихарма, Экфанта, Архелая, Анаксагора, Сократа, Платона, Аристотеля до Арнима, Панеция, Посидония, Плотина, Нумения, Аммония Саккаса, Ямвлиха, Прокла) будем связывать содержание указанной объёмной категории лишь с гносеологическим смыслом, а именно: ум есть интеллектуально ёмкая сфера мыслящей души —

⁹¹ Борхес Л. Проза разных лет. М., 1989. С. 144.

theoreia, поглощенная отрешенным духовным созерцанием бытия. Как когнитивная способность nous обеспечивается

— телесно (физиологическая норма, психическая дееспособность);

— интеллектуально (обладание рассудком — умение рассуждать и разумом — умение нестандартно мыслить, целесообразно поступать).

Краеугольная предпосылка ума — возможность производить дискурсивные действия, быть сопричастным дианоии. Последняя составляет компетенцию как рассудка, так и разума. Вычленение в духе двух типов специфических потенциалов находит опору в учёте ресурсов, качества производимых продуктов в разных случаях.

Рассудок — «конечное» мышление — ориентирован на мыслительное упорядочение, системоорганизацию ментального материала, тогда как разум — «бесконечное» мышление — подвизается на рефлексии имманентных оснований продуктивной деятельности. Рассудок формально структурирует; разум подводит умственное многообразие под единящие принципы.

Задача рассудка — рассуждать с вполне предсказуемым эффектом — достижением рассудительной формально-абстрактной правильности. Задача разума — понимать, доходить до исходно неочевидного целостного видения предмета посредством обретения категориальной конкретности — обусловливания упорядоченности требованиями понятий.

На фоне различения рассудка как «способности сохранения» (Фихте) (обеспечение устойчивости понятий) и разума как «созидающего созерцания» (Шеллинг) представляется безосновным взгляд Юма, интерпретировавшего разум в терминах совершенно инертной субстанции⁹². Более респектабелен подход Лейбница, усматривавшего в разуме инстанцию, сообщающую мышлению характер «существенной деятельности», средоточие стимулирующей открытия эвристической проницательности⁹³.

МУДРОСТЬ (sophia). Житейски глубокое толкование явлений, сущность которых не совпадает с поверхностью, кажимыми атрибуциями. В данном контексте есть все основания привлекать завораживающую идею «конкретного понятия», сообщающего трактовке целостное видение, соотношенное с жизненно прочувствованным, опытным его пониманием. Если традиционное

⁹² См.: Юм Д. Соч. Т. 1. М., 1965. С. 287—288.

⁹³ См.: Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л., 1936. С. 128.

гносеологическое различие ноэзы—ноэмы уточняют в терминах: мысленное усмотрение сущности; мыслимое содержание, постижение многообразия вещей как предметного единства, то мудрость как жизненно-практическую основательность, воспринимаящую многосложность вещей через призму преходящности относительно более глубоких (именно — жизненно-практических) моментов, возможно квалифицировать посредством фигуры: благоприобретенный ноэзис.

Мудрость вскрывает и перекрывает пределы символического. Выше утверждалось: символ условен, активирует далеко не прозрачные умственные действия по интеллектуальному созерцанию; обретение символического содержания осуществляется по меткам, отличительным знакам, интерпретируемым как значимости в пространстве культурного опыта. Мудрость чувствительна к присутствию символического умением не только распознавать, но и «снимать» его. (Отсюда — трезвая относительность, осмотрительность, посрамляющая всезнайство, отказ от безапелляционности, максимализма, верхоглядной жизнеубогой торопливости.)

В известном гегелевском размышлении за абстрактным клеймом «преступник» умудренный жизнью способен распознать конкретную «личность». Здесь самое время вернуться к лумановскому нововведению. Когда символическое заслоняет жизнь — «причинность» подменяется «контингенцией» — на авансцену выдвигается подчинение жизни искусственным символическим ценностям, провоцируя поглощение существования образом, ролью (трагедия лицедейства). Логическая реконструкция подобного поглощения детализируется синтагматическим рядом: «инициация», «иллюзия», «дереализация», позволяющим обуславливающие неординарные события (поступки) причины идентифицировать с моментами ценностной детерминации — мотивностью, целепобудительностью. Как видно, речь приходится вести не об объективных факторах, признаках, опосредующих поведение, а о привносимых субъектом эфемерных грезах.

Последнее, естественно, разрушает гносеологические императивы общезначимости, необходимости, имперсональности, обязывая принимать в расчет «гуманитарную исключительность» («навязчивые идеи»).

Апелляция к «причинности» предполагает формулировку законов. Апелляция к «контингенции» — вскрытие индивидуальных устоев, не выводимых из «общих мест».

Мудрость как эвристический ресурс

— распознает присутствие такого рода выбросов субъективности, агрегируемых в типы: эйдос — умопостигаемый тип (интеллектуальная канва жизни); этос — нормосообразный тип (регулятивная канва жизни); биос — организмический тип (телесно-гигиеническая канва жизни); праксис — деятельностный тип (динамическая канва жизни); эстетизис — художественный тип (выразительная канва жизни);

— квалифицирует их как локальные и тотальные значимости;

— связывает их с телосом — мотивный тип (целевоплотительная канва жизни);

— выносит вердикт о состоятельности типов символической реализации по жизненно прочувствованным страатагемам — «возможно», «должно», «недопустимо».

Итог — превосходящая рамки частичности объемная картина сущностно целесообразного (взятого субстанциально, а не фиктивно-модельно, как в кантовской конструкции *als ob*).

Поскольку абстрактный «преступник» является конкретным «лицом», его деяния должны подлежать и судебной, и гуманитарной юрисдикции. Вследствие сказанного к социальному участию как функции во многих отсеках общественного жизнеустройства надлежит допускать не только «знающих», но и «понимающих»; решение вопросов, требующих радикальных вердиктов, должно опираться не столько на ум, сколько на мудрость.

«Мудрость» как золотой запас духовности, возникающий в результате недоктринального формирования конкретных понятий (пропускание знания через толщу практического опыта), получила своеобразную тематизацию в завораживающей концепции «цельного» (славянофилы), «живого» (Рерихи) знания. Соображения на этот счет, буквально рассыпанные в трудах почвенников и их последователей, сводятся к кредо: мы знаем не потому, что познаём, а потому, что живём (Хомяков).

Идея не вполне разумного (переживательного) разума, прожитого разными интенциями-токами — то ощущениями жизни, то высокой духовностью, — конечно, интригует гносеологию головоломными веяниями, однако же не проясняет существа предмета. Дискурсивно не развитый аппарат программ «сознание — болезнь» (Достоевский), «наука — инстинкт» (Одоевский), «органическая критика» (Григорьев), «соборность» (Самарин, Аксаковы, Вышеславцев) не позволяет квалифицировать его как профессионально выверенный. В лучшем случае речь может идти о романтически приподнятом наделении ментальности не соб-

ственно духовным, но практически-духовным статусом. В такой редакции сфера мысли (знание, ум, мудрость) обретает не свойственное ей амплуа настоятельницы жизни.

§ 7. Практически-духовные символические формы

Коль скоро принципы есть исходно принимаемые приоритетные правила, установления, то внешние приметы различий духовных и практически-духовных форм конституируются несхожестью их основоположений.

Зеркала, поставленные друг против друга, дают анфиладу взаимных отображений находящихся между ними предметов. Фикс-пункты, где преломляемые сущности не получают отчетливых взаимоотображений, где точки пересечения лучей в случае контакта духовных и практически-духовных форм перестают падать на оптическую систему параллельным пучком, тем самым видоизменя ожидаемую картину, состоят в следующем.

(1) Воление. Духовные формы миропредставительны. Практически-духовные формы миропобудительны. В отличие от первых последние — иницилирующи, изобретательно-экспрессивны, созидательны. Духовные формы вырабатывают понятие о действительности (в терминах теории корреспонденции — поглощены поиском истины). Практически-духовные формы стимулируют преображение, преобразование действительности согласно понятиям (обмирщение, воплощение идеалов).

(2) Самостояние. Духовные формы созерцательно-теорийны, отрешенно-категориальны. Практически-духовные формы — экзистенциально и социально устроительны, имеют общественное звучание. Духовные формы дискурсивны, способом их самоопределения являются самоцельные сугубо знаковые манипуляции. Практически-духовные формы оформляются как сверхденотативные, зачастую недискурсивные комплексы, обслуживающие гуманитарное самостояние.

(3) *Nous praktikos*. Духовные формы понятийны. Практически-духовные формы образны, откровенны, спроецированы на предприятия не познавательного, а существовательного порядка — самопроявление, саморазвитие в *Lebenswelt*, — к чему приноровлены *phronesis* — практическое нравоучение и *euboyleia* — практическая рассудительность.

(4) Фиксация предметности. Стихия духовных форм — дескрипция; познающий интеллект техничен, нейтрален, невос-

приимчив к деонтологии и аксиологии. Стихия практически-духовных форм — налаживание жизненного процесса по нормам, устоям; созидание самостоянья, произведение реалий управляется законами жанров. В случае права, моралистики — это аскрипция. В случае политики, философии, идеологии, мифологии, религии (теологии), здравого смысла это — комбинация прескрипции и аскрипции. Духовные формы поглощены существующим. Существует то, что возможно; возможно то, что непротиворечиво; непротиворечивое принципиально возможно, т.е. потенциально объективируемо (отсюда радикальность закона непротиворечия как методологического регулятива). Практически-духовные формы увлечены как возможным, так и действительным и необходимым (должным), и прескрипция и аскрипция взыскуют сильной деонтологии, аксиологии.

Границы духовных форм чётко очерчены (та же непротиворечивость). Границы практически-духовных форм вообще не могут быть очерчены (дезауирование непротиворечия как центрального императива, замена его лабильными сюжетно-стилистическими соотношениями). Духовные формы осваивают реалии; практически-духовные формы не ограничиваются такой задачей — воспаряют от реалий к любым видам позитивного и негативного существования.

(5) Интенции. Духовные формы когнитивны. Практически-духовные формы экзистенциальны. Будучи единицами символическими, мы погружены в условное, но обуреваемы стремлением достичь безусловного. Ресурсы духовных форм с их жесткими правилами в деле перекрытия барьеров условностей фатально непригодны. Надежду крепят практически-духовные формы, сообщающие жизни менее ригидные рамочные кондиции. Наука избегает «интереса» — им упивается политика. Познание чурается «контрадикции» — ей наслаждаются мифология, философия, идеология, теология, искусство. Разум ищет «обоснования», жизнь — «удовлетворения».

(6) Универсальность. Духовные формы всеобщи. Практически-духовные формы частичны. Хотя и неравноправно, в них сосуществуют разные традиции, что сообщает им открытую тенденциозность. Внимание здесь привлекает не надуманность потенциального единообразия, но единство мирских оттенков — переливы, полутона, нюансы, — на которые сфокусирована чувствительная оптика. Духовно-практические формы питаются пищей не общезначимости, а общежительности.

Хождение по анфиладе отличительностей завершается констатацией корневой общности духовного и практически-духовного, частей символического целого:

— реальность уместается в символические комплексы лишь асимптотически и никогда полномерно;

— продукты символотворчества — произведения духа — самостийны, живут автономной, собственной жизнью, не идя по стезе, намеченной их создателями;

— по мере гуманитарного прогресса, разрастаясь, символосфера всё более и более разлучает человечество с объектосферой (хороша аналогия «техне — фисис», имеющая латинский эквивалент «ars — ingenium». Одно — мастерство, другое — природное дарование. Логика существования, утрирующая самоопределение через отличие, чем дальше — больше, радикализует потенциал техне, угнетая фисис);

— предел символических экзерциций — онтологически индивидуальное и онтически безусловное, не имеющие символических коррелятов (единосушно взятые сами по себе «безусловное» и «индивидуальное» рационально не выразимы; они рационально выразимы настолько, насколько способны быть носителями символического).

Перефразируя Ницше, можно сказать: всё, что нас не убивает, делает сильнее. Символическое, убивая безусловное и наращивая условное, усиливает человеческое в человеке. Человек человек по причине символичности самопроявлений. Духовные формы берут мир как фиктивную реальность в условном залоге: пространство конструкторов, предельно-идеальных созданий — «точечная масса», «идеальный газ», «инерция». Практически-духовные формы также берут мир как фиктивную реальность в условном залоге уже не концептуального, а поведенческого пространства событий: установления, конвенансы, предрешения — «норма», «красота», «благопристойность».

И там и тут символические доминанты — отрешенные образы происходящего.

Конечно, образ слабее события, понимание чего обязывает, во-первых, разоблачать необоснованность отождествления одного с другим (сущее по символу автоматически не обладает бытием в реальности и обратно); во-вторых, удостоверить обоснованность подкрепления одного другим в разнообразии человеческих предприятий.

Задачи символогии, прямо вытекающие из изложенного,

— устанавливать наличие пускай колеблющегося, но про-света между объективной вещественностью и образной не веще-ственностью;

— специфицировать образопородительные, образопредста-вительные техники в разных функциональных зонах, нюансы перевода реалий в символические разряды, выстраивания знако-во-представленческих сетей;

— утверждать дисциплину осязательных символических проявлений.

Применительно к духовным формам рефлексия сосредото-чивается на «глубине», «достоверности» понятийных соору-жений. Применительно к практически-духовным формам — на «силе», «образности», «возвышенности» выражений, душевных впечатлений. Так или иначе центр перспективы — символиче-ская плоть, которой не хватает (что демонстрирует бесхитрост-ное: пересказ слабей показа; ценность дороже слов, откуда повеление — не растворяться в символах, не обманываться обра-зами), но которая, не обескураживая беспредельностью, вполне плодотворно упорядочивается типологическими фигурами от-правления духовного процесса.

По аналогии с известными фундаментальными физически-ми и введенными нами фундаментальными социальными кон-стантами (ФФК и ФСК) возможно говорить о фундаментальных ментальных константах (ФМК), вбирающих инвариантное в че-ловеческих символизациях.

Дальнейшее движение в теме подчинено простой логике — уяснить определенность ФМК в практически-духовном симво-лическом.

МИФ. Рассмотренный не как прерывистая линия, но сквоз-ной мотив (в духе ФМК), миф есть этап и состояние мыслитель-ной культуры, образа жизни. Ни в коем случае он не «досадное недоразумение», «тривиальный предрассудок». Будучи цельной символической формой, миф располагает признаками связного подхода к действительности вне и помимо «младенческой мен-тальности», ряда «инстинктивных действий», вызванных «злопо-лучной реакцией звероподобного человека на явления природы»⁹⁴.

Постоянное во всей предметной, характерологичной неис-черпаемости, переменчивости мифа наиболее ёмко может быть выражено словом «традиционность» со стандартной атрибутикой:

⁹⁴ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 246.

— парадигмальность: обмен деятельностью по примерам, образцам — жизнепорождающим допотопным фигурам — обычаям, неписаным законам, преданиям, установлениям, сказаниям;

— архетипичность: обмен деятельностью по имитационным схемам, данным в откровении во «глубине веков» (сакральное правремя), сближающим позднейшее самоосуществление с осуществлением родоначальников — первопредков, героев;

— ритуальность: обмен деятельностью по предписанным свыше (богами) канонам, поддерживающим непрерывность, сохранность некогда заведенного порядка — воссоздание в подражательных актах примордиальных ситуаций.

В синкретичном мифологическом комплексе отчётливо проступают контуры двузвенной структуры, где одним выступает сакрально-символическое, бессознательно-художественное; другим — культово-магическое, обрядово-церемониальное.

Сакрально-символическое. Этиология (космогония, антропогония, зоогония, эсхатология, «теория катастроф») — эпическая картина превращения хаоса в космос, возникающая как безрефлективная (бессознательно-художественная), эмоционально-аффективная мыслительная переработка антропоморфного образа мира, привязанного к моторной среде (космогонические, астральные, этиологические, эсхатологические мифы).

Обрядово-церемониальное. Героика — подвижническая, легендарная, культовая (циркуляция, демонизация, инициация, табуация) картина вершения богатырских «славных дел» пращурами народных общин древности; инсценировки кардинальных эпизодов «правремени», кристаллизующих базовые состояния мира, реактуализирующих замечательные деяния богов, героев (героические, культовые мифы).

Гносеологическая реконструкция подобной антропореализации предполагает введение модели аффективного, диффузного мышления, прибегающего к чувственным инкарнациям, антропоморфизациям, персонификациям, метафоризациям реальности, влекущим слитие субъект-объектных, предметно-знаковых, вещно-понятийных (словесных) параметров, подмену принципов прецедентами (нерасчлененность генезиса и статуса, закона и факта, сущности и явления).

Скажем: «влечение к Матери, истолкованное в непосредственном и конкретном плане... как желание обладать ею, значит только то, что значит», — т.е. инцест, рационально концептуализируемый в терминах психиатрии, социологии, права, этики и

т.п.; «если же, напротив, речь касается образа Матери, это может быть истолковано одновременно на множество ладов, поскольку... включает в себя готовность приобщиться к блаженству живой, но ещё не оформленной Материи вкупе со всеми её космологическими и антропологическими расслоениями...»⁹⁵, — т.е. *mysterium tremendum*, условие рационально концептуализируемых ресурсами *coincidentia oppositorum*.

Сказанное даёт простор детализации мифодеятельности.

Миф многозначен, многозначителен. Чувственно-мыслительные, аффективные инкарнации имеют в онтологическом срезе умножение реальности (сорт мультиплицирующегося обрашающегося мира); в гносеологическом срезе — диффузность мысли, взаимопрорастание слов (понятий) друг в друга, ассоциативности. В стандартном философском аппарате (метасознание) состояния такого мира моделируются конструкцией *panta rhei* с соответственно диалектическими представлениями о становлении; в себе различающейся цельности; самопротиворечивой координированной раздельности; самонетождественности, совпадаемости с иным; любом в любом; единстве противоположного; сходимости расходящегося, созвучности несозвучного; едином во многом и многом в едином; противопоставляемом самому себе; взаимопроницаемости полярностей; превращаемости одного в другое; самоотрицании; противоречивости сущностного.

Многоликость действительности, многомерность её мыслительных воссозданий, полисемантичность отображений — стержень мифологической ментальности. Что, впрочем, вполне объяснимо: терпимость к противоречию, несоблюдение закона тождества, подрыв принципа двузначности оценки истинности суждений (абстрагируясь от методологических ограничений, следующих из доказательства Черчем алгоритмической неразрешимости истинностной дилеммы и опыта науки, стимулирующего прогресс многозначных логик) обуславливает лишенные критико-рефлективного чутья содержательные проработки.

Фактуальной проекцией сказанного, тем не менее обязывающего относиться к мифологии не как к предрассудку (Тейлор, Фрезер), но как к специфической символоформе, воспроизводимой в культуре, оказываются стандартные сюжетные линии близнецных, тотемических мифов.

Миф технологически назидателен, дидактичен. Элемент наставительности, поучительности пропитывает — не может не

⁹⁵ Там же. С. 131.

пропитывать — мифологическое сознание — обеспечение личного сопричастия значимому обусловлено демонстрацией. Во время оно Дильтей допускал «всеобщий жизненный опыт» — противовес «благородному самодовольству» — рычаг преодоления исторического релятивизма. Нечто сходное реализует миф, выражающий совокупное мирознание, осуществляющий связь предковой и текущей практики.

Обозначенные выше стилеобразующие особенности мифа — парадигмальность, архетипичность, ритуальность — получают конкретизацию указанием на обращение, возвращение, — а именно: имеет место деятельностное ретарде — воспроизведение начальных условий бытия общности в правремени, к которому через соответствующие процедуры приобщаются, в которое входят неофиты. Таковы обряды посвящения, инициации, связывающие с родозначительным.

С этой точки зрения многочисленные для внешних наблюдателей бессмысленные действия исполнены сокровенными смыслами — они суть символические практики обретения духовного возмужания и общинного единства (предхудожеественные техники — не развлечение, а священнодействие, обрамляющее опыт обновления посвящаемых).

Не требует пространного доказательства превращенная в триумф идея *orbis terrarum*. Топологически пространственно-временное многообразие мифологической реальности неоднородно, прерывно. Выделенными полосами-топосами оказываются сакральное правремя и профанное текущее время, способ связи которых производят инициации-ритуалы. Имеются и своеобразные сингулярности — точки рождения и возрождения мира (якуты говорят «мир прошел»; юки говорят «земля прошла» — в смысле «прошел год»). Торжественное возобновление мира, трактуемое как осязаемый плод созидания демиурга-бога, отмечается всякий Новый год. Ритуал посвящения обслуживает групповое воскресение (календарные, человеческие мифы, мифы смены эпох).

Миф церемониален. Порядок обрядовых действий определяется мотивной сферой, приурочен к налаживанию, отправлению циклических жизнеподдерживающих процессов (календарные обряды, аграрная магия, ритуалы инициации — вплоть до субинцизии и эксцизии — сотериологические движения). Поддерживая преемственность в традиционном сознании, связывая прошлое с будущим, правремя с современностью, обряд оказы-

вается гарантом поддержания космического и социального порядка, нерушимости бытийственных устоев, исключения неизвестных, свободных, стихийных начал⁹⁶.

Миф синкретичен, нерелективен — не дифференцирует мир и образ мира.

Как результат — иллюзорные картины персонифицированной природы, в перипетиях которой человек участвует целиком: описания событий реализуются как действия, по необходимости приобретая форму рассказа⁹⁷. Скажем: мы полагали бы, что некие атмосферные процессы прекратили засуху и вызвали дождь. Вавилоняне же, наблюдая сходные явления, «внутренне переживали их как появление гигантской птицы Имдугуд, явившейся им на помощь. Она покрывала небо черными грозовыми тучами своих крыльев и пожирала Небесного Быка, чье горячее дыхание спалило посевы»⁹⁸. Аналогично индонезийцы, «придерживаясь верования, что... рис обладает душой... обращаются с ним с таким же почтением и такой же заботой, как и с себе подобными... Чтобы не испугать *душу* риса, которая могла бы сделать выкидыш и не принести урожая, они в полях не стреляют из ружей и не издают громких звуков... Более того, они подкармливают цветущий рис пищей, которая считается полезной будущим матерям. Когда же начинает наливаться зерно, с ним обращаются как с новорожденным, женщины ходят по полям и, как младенцев, кормят растения рисовой похлебкой»⁹⁹. Мифологическое мировоззрение складывалось и проявлялось как очеловечение бытия, проецирование на внешнюю реальность личностных переживаний, чтобы «воспринимать их вслед за тем как воздействие демонических сил»¹⁰⁰.

С позиций своей теоретико-познавательной основы мифология суть грандиозная логика движения в образах, крепящаяся на схеме конкретного исчерпания смысла жизненных реалий (оппозиций). Абстрактность вводимого объемного представления какого-либо явления содержательно преодолевается здесь посредством оценки деталей, акцента на контрастирующие нюансы. Смысл целокупного мифологического образа, указывает Голосовкер, всегда многогранен, потому «принцип контраста

⁹⁶ См.: *Лифшиц Мих.* Мифология древняя и современная. М., 1980. С. 132.

⁹⁷ См.: *Франкфорт Г.* и др. В преддверии философии. М., 1984. С. 27.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 387.

¹⁰⁰ *Вундт М.* Греческое мировоззрение. Пг., 1916. С. 145.

проводится в разнообразных планах, создавая как бы систему кривых, по которым двигаются детали единичных конкретных образов того или иного мифа или его варианта... Контраст вызывает последовательную метаморфозу в рамках целокупного образа, раскрывая единичные его обнаружения до полного исчерпания... смысла»¹⁰¹.

Скажем: понятие «видения» дробится на созерцание, прозрение, знание, понимание, всеведение, задаваясь цепочкой односторонних мифопоэтических картин. «Одноглазый циклоп — это лишь простое внешнее ведение, но не знание. Ему противопоставляется Аргус — зрящий во все стороны тысячеглазый страж Ио. Видящий во все стороны — это не всевидящий. Всё видит лишь Гелиос, у которого «что ни луч, то глаз». Этот ряд видения, но не ведения завершается Линкеем — героем, взор которого проникал сквозь все препятствия. Далее анализ захватывает пару Эдип — Тересий. Первый зряч, но слеп — действует как слепой, совершая предписанные судьбой преступления. Второй слеп, но зряч, получил от богов дар провидца, и глаза ему не нужны»¹⁰².

Миф приобщает к трансцендентному. Человек архаичного (традиционного) общества реализует своего рода скачки в трансцендентное — выход за пределы наличного существования, «живёт в вечности». Как подчёркивает Элиаде, «в деталях своего сознательного поведения первобытный ... человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — непрерывное повторение действий, открытых другими»¹⁰³.

Миф бездоказателен. Мифология, выступая «педагогикой человеческого рода» (Гегель), в связывании профанного с сакральным исключает дискурсивность, демонстративность, аргументативность. Не имеющий объективного смысла миф начинается там, где обостряется вопрос потустороннего, и кончается там, где обостряется вопрос посюстороннего (нацеливающего на разыскание истины). Миф — царство фабулы, передающей непроблемные — известные — ситуации¹⁰⁴. Стандартность содержательных мотивов мифа (тотемические, космические,

¹⁰¹ *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987. С. 50.

¹⁰² *Донских О.А., Кочергин А.Н.* Античная философия. М., 1993. С. 75.

¹⁰³ *Элиаде М.* Цит. соч. С. 26.

¹⁰⁴ См.: *Лифшиц Мих.* Цит. соч. С. 70.

героические сюжеты) заслоняет мастерство изложения — и это противопоставляет миф искусству, утрирующему формальные законы, условность порядка фиксации идей. Миф — стихийно-художествен; искусство художественно канонически-предумышленно.

Ассоциативно, перцептивно выражая реальные обстоятельства жизни, миф передает «элементарные мысли человечества» (Бастиан). Миф двуслоен — представляет апперцептивный синтез материи восприятий и предпосылочной (функционально априорной) фантазии (плод анимизации, антропоморфизации, гилозоизации, аниматизации). Под такой фирмой те же ритуальные действия (жертвоприношения) выглядят как отстраненные от их агентов — не технологические, а символические акты. Последнее позволяет, к примеру, транслировать ответственность вовне, создавать алиби, обвинять не карающую десницу, а топор, упирать не на причину, а следствие.

Базис мифа — непрерываемая циклика жизни от рождения до смерти через сакраментальные воскрешения. Персональные, героические, космические литургии осуществляют приобщение существующего в реальности к некогда бывшему существованию в райской эпохе, где люди «не знали смерти ... понимали язык животных и жили с ними в мире; не трудились, находили обильную пищу в пределах досягаемости. Вследствие некоторого мифического события... «райский период» завершился и человечество стало таким, каким мы его знаем сейчас»¹⁰⁵.

Между тем с помощью определенных методик возможен возврат к исходному — таковы ритуалы, воспроизводящие действия богов, героев, предков.

Миф ритуален. Фундируясь сакральной моделью сущего, приобщает к сакраментальному состоянию, реактуализирует предковое правремя. По своей содержательной сути ритуал, обряд нацелен на сообщение нового качества: через символическое умирание к обновляющему перерождению — очистительный смысл преобразовательных инициаций. В кругу последних различают действия, опосредующие: а) переход от детства к зрелости; б) посвящение в секретные братства; в) приобщение к профессии. Ассоциация (а) — возрастные обряды, сопровождающие обретение статуса; ассоциация (б) и отчасти (в) — специализированные акты — опосредованные трансформации человеческих

¹⁰⁵ *Eliade M. Myth, Dreams and Misteries. N.Y.; L., 1960. P. 57.*

состояний (качеств) вплоть до способности общаться с потусторонними силами (впадение в транс).

Миф реверсивен. История есть последовательность необратимых самодостаточных событий. В противоположность истории миф есть последовательность событий обратимых и несамодостаточных. История есть набор явлений самоценных — «в себе» и «для себя». Миф есть набор явлений несамощенных коррелированных с перводействиями во «время оно».

Центр истории — земной человек с обозримыми интересами. Центр мифа — одушевленное, одухотворенное, очеловеченное происшествие, образные оттенки которого воспаряют к надземной иерофонии, воплощающей модусы сверхъестественного. Знать мифы — значит приобщаться к тайнам происхождения, назначения вещей. Быть приобщенным к тайнам вещей — значит обретать над ними магическую власть.

Миф синкретичен. Лишенный критико-аналитического самосознания мифологический человек — носитель нерасчлененной образно-переживательной духовности, являющей симбиоз восприятий, волевых интенций, деятельностных импульсов, первичных понятий. (В психике рационально развитого человека данные комплексы связаны, но разделены.)

Миф неперсоналистичен (наиндивидуален). Мифологические «коллективные представления» — плод не личностных духовных проработок реалий, а результат общевыработанных убеждений, продукт «стадной» духовности. В атрофии «Я-концепции» практикуется двойная совмещенность как со средой, так и группой. Ритуальность действий, обслуживающих влияние на потустороннее, неотрефлексированность собственного человеческого статуса усиливают момент гуманитарной зависимости (по выражению Т. Манна «мифологического отождествления») — подкрепление самости наведением мостов от текущего к предковому опыту. (Коннотации подобного рода — в позднейшей «героической» истории. Тот же Наполеон при походе на Восток отождествлял себя с Александром Великим; при походе на Запад — с Карлом Великим.) Обратим внимание — высказывает Т. Манн: «не «я похож на него» или «наши судьбы аналогичны», или ... «я, как он», а именно «я — это он». Такова формула мифа»¹⁰⁶.

Миф императивен — сплачивает малую группу, консолиди-

¹⁰⁶ *Mann Th. Gesammelte Werke. B., 1955. Bd. X. S. 517.*

рует общность единомыслием, единочувствием, единодействием. Миф — сильнейшее средство социального влияния: овладевая массами, он позволяет перевертывать человечество¹⁰⁷.

В бессмысленных трактовках созданного «мною» мира просматривается восприятие сущего как должного; отсутствие рефлексии заполняется благоговением перед действительностью. (Современный миф — специфический идеологический продукт, рассчитанный на обработку малограмотного населения с целью манипуляции филистерским податливым опытом. Эмпирические верификаторы рекультивирования мифологического сознания в современности

— «ветер всеобщего скоморошества» (Гелен) — шуты, ханжи, безрассудные интеллектуалы выходят на авансцену ответственной «большой социальности»;

— популизм — беспринципная «промывка мозгов» населению на фоне деградации профессиональных институтов.)

Мифологическое, архаичное (и детское) сознание — калейдоскопично, разорвано на множество локальных интервалов с неясной, чуть пробивающейся взаимосвязью. Понимание этого

— дискредитирует потуги выработать универсальный ключ-дешифратор содержания мифа (редукция мифологических сюжетов к пресловутому алгоритму эдипова комплекса — безвкусная, предвзятая стряпня дилетантов);

— аккредитует трансформацию мифологии в иные типы символического опыта — мифология кончается не только там, где, как отмечалось, начинается предметная истина, но и там, где начинается аллегория¹⁰⁸.

В допущении совпадения причин и значений мифология естественна. В допущении отношения к общему через особенное аллегория преднамеренна. Расщепление мифологического исходного типа целью символического («первичного материала» (Шеллинг) духовности) на предметное и аллегорическое даёт начало дивергенции практически-духовного с обозначением науки, искусства, религии. Через рационализацию и аллегоризацию мифа производится демифологизация — из мифа произрастают иные формы духа. Дадим пояснение.

В рамках иллюзорного мифологического сознания (в земледельческих культурах) нива сопоставляется с женским, semen — с мужским началом. (Содержательные параллели-реставра-

¹⁰⁷ См.: Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907.

¹⁰⁸ См.: Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М., 1966. С. 109.

ции мотива — Атхарваведа: «...женщина — как земля: засевайте её семенами, мужчины»; Коран: «...жены — это ваше поле»¹⁰⁹. Сельскохозяйственные работы сопровождаются символическими ритуалами «совокупления». Гносеологическая реконструкция мифического символического навеивает вывод: стандартные жизненные предприятия получают наджизненное значение с манифестациями «рождение», «возрождение», «плодородие»; персонификациями «Усир» (египетская мифология), «Осирис», «Дионис», «Адонис» (греческая мифология), «Диана», «Либер» (римская мифология). Почему это так — повествует миф, свидетельствующий о том, что произошло *ab origine*; рассказанный однажды, т.е. «открытый, миф становится аподиктической истиной, абсолютной правдой»¹¹⁰. (В мифе, указывалось выше, не заложена интенция на демонстрацию: нечто таково, потому что выставлено в повествовании таковым.)

По мере преодоления символического мифологического мало-помалу восстанавливается здравая обыденно-практическая основа: из исходного синкретического субстрата обособливается корпус технологий (деятельностная воспроизводительная канва жизни) с устойчивой атрофией ритуально-экзегетического корпуса (надчеловеческая причастность человеческого космосу, богам, героям). Повседневные акты пролонгации существования вписываются в прозрачный масштаб собственно жизненных устремлений. (Язык некоторых земледельческих племен Австралии и Азии имеет одну морфему для обозначения лопаты и фаллоса, при всём том, однако, это функциональное предназначение их в сознании все-таки разделяется.) Остальное — ритуально-экзегетические, оргиастические инкарнации-сопровождения — отходит в специализированные сферы символического — религиозный, художественный, традиционный опыт.

Итак, миф есть образно-представленческая вариация эпического с явно выраженным тяготением к героико-фантастическому воспроизведению явлений действительности, сопровождаемому конкретно-чувственной персонификацией психических состояний человека. Потенциальное или реальное ослабление этих качеств трансформирует миф в сказку, лишённую образительности, собственно назидательную разновидность фольклора.

В структуре мифа просматриваются:

¹⁰⁹ Коран. 2:225

¹¹⁰ *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 296—297.

а) когнитивный (познавательный) компонент — миропонимание, этиология мира, происхождение сущего, вопросы первопричины, явленности из неё вещности, богов, людей;

б) нормативно-императивный (предписательно-побудительный) компонент — принципы жизнедеятельности: инструкции, ценности, установки, идеалы, директивы, регулятивы;

в) активистско-манипуляторский (практический) компонент — миродействие: обмен деятельностью, социальное взаимодействие, межиндивидуальное общение, линии поведения, самоутверждения, ритуально-мистические, культовые акты, влияние на среду обитания (фесмофории, жертвоприношения), символические обряды, магические техники, заклинания, имитации, инициации.

В самом точном смысле слова сказка выстраивается вокруг компонента (б). По-видимому, древнейший опыт назидательного сказа — подогнанная под нормы культурного чтения писцами античного Египта «Сказка о двух братьях».

Фабульное богатство сказки — от естественного богатства жизненных ситуаций, допускающих эстетическую переработку. Стилистическое богатство сказки — от естественного богатства языка, обслуживающего ассоциативное мышление, передающего оттенки чувств. Генеалогия сказки — литературная обработка фольклорно-эпических, мифо-поэтических форм, песен, легенд, былин, преданий.

В мифе прекрасно прослеживается структурно-инвариантные линии, проявляющиеся в общности сюжетики, трактовок, тематизаций. Даже персонажах-стихиях. Такова, скажем, демиургическая персонификация. В мифах ибибио фигурирует эка Абаси — «богиня-мать» — прародительница предков землян; в мифах бурят обнаруживается сходное лицо Эхебурхан — «мать-богиня», праматерь богов.

Подобно этому фабульная сторона сказок (от летописей, народных сказов, повестей, скоморошин, «богатырских песен», былин) определяется генеральными лейтмотивами инверсии (превращение наличного в противоположное: глупость — ум; безобразиие — красота; непризнание — признание); странствия (хождение «за три моря», «на край света», «туда, не знаю куда») и т.д.

Миф представляет «истинное сказание», событие, которое «никогда не случилось, но постоянно происходит» (Саллюстий), распространенное поверье. Сказка — вымышленная история с занимательным сюжетом и назидательным концом. Сюжето-

бразующий фактор сказки — чудо — поразительные, сверхъестественные непосредственные (как в диалектике) превращения героев (отмеченное, впрочем, пребывает в рассказе, детективе, басне, притче, однако с опусканием откровенного вымысла). И миф, и сказка реализуют модус уповательного сознания с тем различием, что выдавание желаемого за действительное (*wishful-thinking*) в мифе опирается на традицию: нечто делается, бывает, пребывает таким в силу завещанного богами (предками) порядка; в сказке — на чудо.

МАГИЯ. Собирательное обозначение сакральных действий, таинственных обрядовых, культово-символических, ритуально-колдовских актов, призванных влиять на реалии. Содержательное ядро магии — вызывание в действительном желаемого посредством чудо- и чародейства — волшебных практик, развертывающих сверхъестественные (мистические, адские) силы. Субъектно-носители магических полномочий — шаманы, знахари, ведуны, операционализирующие (рецепты, заклинания, предписания, способы) волю духов.

Подобно мифу композиционно магия двуслойна: просматриваются пласты мистической онтологии (китайское учение о силах — фэншуй; в геомантике земля — «живое существо», имеющее собственную энергопульсацию) и оккультной техники (тибетская техника са джад, оптимизирующая капитальное строительство).

Технико-технологическая, рецептурно-операциональная составляющая магии (в отличие от мифа) становится самодовлеющей.

Магия пытается взломать (чего не помышлял миф) плотно закрытые ворота, выводящие на дорогу обретения господства над природой. Будучи более древним типом практически-духовного символического, миф более осмотрителен: он словно бы избегает деликатной ситуации «один на один» с выпростанной естественной стихией — преднамеренное, целенаправленное воздействие на объективность чревата сопротивляемостью; благодаря технологическим провокациям сущее зловредствует. Утверждается деморализующая линия скрытого демонизма существующего, повергающего в трепет, священный ужас перед грозным непостижимым величием неизбывного (позднейший мотив Дестют де Траси, Мен де Бирана). Эту линию, отмечалось, миф предусмотрительно обходит, сосредоточиваясь на ритуальной — имитационной — стороне дела (сближающей с архетипическим) и

впрямую осуждая деятельностное отступничество (этико-гуманистическое порицание активизма — сказания о Прометее, Сизифе, Поликрате, Крезе). Миф нагнетает идею технологического грехопадения: поработав природу, человек впадает в кризис; цивилизация, ее агенты становятся на путь преступления (Каин — изобретатель земледелия, потомок Каина Тувал-Каин — первокузнец).

Разделяя мифологический мотив подспудной роковой зависимости (судьба), магия отвергает мифологический же мотив «практицистская гордость ведёт к гибели». Отметая квиетизм, магия тщится оседлать судьбу — оседлать методически, операционально.

Говоря кратко, миф есть сакральное повествование о «реально» бывшем; персонажи мифа героичны, жизнедействуют в надобденном. Магия, хотя и апеллирует к сакральному (мистическая онтология), связывает поту- и посюстороннее технологически.

Миф, овладевает природой, под которую подверстывается «общество»¹¹¹, воображательно, магия — экспериментально. Миф взывает к *regressus ad uterum* (в некоторых архаичных языках — язык алмазков — отсутствует будущее время), подменяет событие образами, категориями, исторические лица архетипами (жить по архетипам — следовать установлениям). Магия вторгается в происходящее, подчиняет вечность собственным правилам.

Сказанное справедливо, однако все же характеризует в большей степени магию позднейшего периода (натуральная магия). Что же до генеалогии, не будет отступлением от истины утверждать: магия развивается из обрядово-ритуальной, культово-заявительной, церемониальной стороны мифа, прочно оседающей также в недрах игровой народной культуры, где «слово» переплетается с «делом», технологические цепочки встраиваются в художественные реализации, не обрамляющие процесс труда, но инспирирующие удовлетворение деятельностью (обряды завершения жатвы; почитание последнего сжатого снопа — «именинника»).

ОККУЛЬТИЗМ. Система суеверных представлений о сверхъестественных скрытых тайных силах, подвластных посвященным. Гносеологический базис оккультного — допущение особой духовной способности избранных непосредственно схватывать, зреть значения-сущности явлений (без исследования есте-

¹¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 737.

ственных причин) с последующей их волшебной утилизацией. Онтологический базис оккультного — «латентные» свойства реальности, дискурсивей не осваиваемые. Возможность магии, оккультизма удостоверяется санкциями культуры: пространство переработки вещества природы в тех или иных практиках конституируется общекультурным антисозерцательным вердиктом. Та же ятрохимия могла сложиться и состояться с ликвидацией общемировоззренческого запрета на преобразовательные-субстратные действия. И никак не раньше, понятие чего можно составить, приняв в расчет целеориентирующую максимум церковного столпа раннего Средневековья Григория Турского: «не следует прибегать к земным средствам тому, кто раз уже имел счастье испытать врачевание небесными средствами».

Ахиллесова пята оккультизма — адресация к запытным трансцендентным обстоятельствам, не подпадающим под действенное опробование, а значит, пребывающим *terra incognita*. Сказанное, разумеется, не означает какого-то нигилизма в отношении неясного, неизвестного, не уместяющегося в плоскую формулу «быть — быть в восприятии». Мы можем снимать шляпу перед людьми с экстраспособностями, но обязаны, сохраняя рассудительность, полагать, что последние располагаются за гранью аналитической компетенции. Есть ли духи, можно ли контактировать с потусторонним — неведомо. Как, впрочем, неведомы пути-перепутья, связывающие с запредельным иллюминатов, спиритов, хиромантов, телепатов, медиумов и прочих освоителей тайного.

РЕЛИГИЯ. Иллюзорно-фантастическое воспроизведение реальности, опирающееся на религиозность, под которой понимается безотчетно исповедуемая уверенность наличия высших, сверхъестественных, потусторонних независимых сил, каким-то образом определяющих порядок мира и человека. Базис живой религиозности — мифологическое миропонимание и миродействие. В гносеологической плоскости — фетишизм: обожествление (персонификация, тотемизация) предметов, явлений природы, стимулировавшее упрочение вероисповедного (суеверного) сознания. В праксиологической плоскости — ритуализм: оргиастические, мистериальные культы, магические техники, обряды, жертвоприношения, обрабатывающие методики воздействия, влияния на супранатуральную действительность.

Переходу от частных (местных, автохтонных) племенных культов к общезначимым способствовала традиционная си-

стематизация пантеона. Действительно, самоидентификация людей во времени, осуществляемая будирующим воображением преданием, означала выработку многопоколенного среднего субъекта, снимающего в себе как сыновьем лице родовую историю в целом. Культивируемое традицией чувство родовой общности примечательно в двух отношениях. В организационном плане оно влекло обособление «создателя» как полнокровного, постоянного и полномочного обитателя родовой среды *in toto* (преодоление предметно-явленческих дифференцировок тотемистского сознания). В познавательном плане оно подкрепляло мистико-символический образ мироздания с дуальностью миров в основе: повсеместные элементарные инкарнации духовного в естественное вытеснялись более зрелым обобщенным понятием сакрального универсума, наводненного знаменами, циклами, демоническими, тайными, роковыми факторами, расцениваемыми как подлежащие расшифровке волеизъявления свыше.

Идейный корень религии, следовательно, двоякий. С одной стороны, противопоставление человеком самому себе продуктов своей духовности, объективируемых, наделяемых независимым, автономным существованием. С другой стороны, традиционализация устоев, норм, канонов жизни, придающая им надличностный, транссубъективный, имперсональный статус и одновременно связывающая их появление с тем или другим священным авторитетом (систематизация в более раннее время мистерийных культов — Аттиса и Кибелы, Деметры и Митры, Адониса, Исиды, Сараписа; в более позднее время — императорская эпоха (Рим) — официальных культов — Благоденствия, Справедливости, Мира Августа, Предусмотрительности и др.).

В свете вышесказанного кажется справедливым: религия — часть глубокого и мощного потока развития символического.

Если территориальность подкрепляется правом собственности, то данное право учреждается символически, вводя координаты, специальные разметки, символ очерчивает пространство духовных значимостей, задает целеориентации, сообщает деятельности момент целесообразного возбуждения. В противном случае всё — риторическое обобщение. Используя мысль Бодрийера, можно принять: когда наша история становится символонезначенным (утраченным) референтом, всё обращается в миф.

Ещё раз: символ — знак реального. Вариации сигнификации варьируют представительства символического. Миф — легенда, рассказ «сакрального порядка» (Пропп). Искусство — прибежи-

ще для личности, ощущающей скудность жизни. Религия — возможность приобщаться к Всевышнему, духовному Абсолюту.

В различных символических нишах утрируются специфические способы развёртывания мысли по относительно формальной канонике, приёмам структурирования содержания, правилам духовного формотворчества. В науке превалирует доказательность; в искусстве — метафоричность; в идеологии — апологетичность; в религии — апофеозность (апостазийность). Опорная символическая форма познания — мысль; искусства — образ; религии — упование.

В греческой языковой традиции «символ» передаётся «столкновением», «различием», выступающим сигналом, знаком, приметой, предзнаменованием более значительных (иных) явлений¹¹². Символ — наглядная замена знаком скрытого, с чем у него имеется ассоциативная связь. Потому содержательно символ многосмыслен (ибо ассоциативен). Функционально символ представляет сочетание понятия и созерцания (что сказывается на стадии архаичных культур, где сцепка одного с другим более или менее жесткая; скажем: можно ли трактовать «пахоту», «добывание огня» как символ полового акта? — можно, не столько «отпуская» воображение, сколько руководствуясь прямой ассоциативной связью понятийного «порождения» и созерцательно-го «действия»).

Содержательно-функциональная синкретичность (внутренняя нерасчлененность) символа радикализует планы «обозначение», «предзнаменование» (перенос, ассоциативная трансляция); «значительность» (смысловая избыточность). Вместе взятое это предопределяет несамотождественность бытия символического: символ свидетельствует о большем, нежели что-то значит. По той простой причине, что активирует фабульную, в отличие от рассудочно-аналитической, сторону.

Рассудочная аналитика гиперболизирует логически строгие отношения тождества, причинности, тогда как символика — ассоциативные (логически нестрогие) отношения избыточности, причастности. В силу данного положения дел символическое бытие — кажимое, умпостигаемое, а не осязаемое.

Указанное измерение символического буквальнее и активнее всего эксплуатирует мифология. Сюжеты мифов позволяют проследивать некие «чистые» мыслевыразительные линии,

¹¹² См.: *Лифшиц Мих.* Цит. соч. С. 93.

укладывающиеся в законы оборачивания, чередования, обмена местами, медиации, перестановок, оппозиции, корреляции. Подобными правилами, говоря прямо, может быть описано всё что угодно и как угодно. Иными словами: в мифе находится всё и всё из него вытекает.

(На фоне изложенного выглядит странным утверждение: логика мифа и науки едина — она описывает разные типы объектов. С точностью до наоборот: различия науки и мифологии проистекают из различия логической культуры, несовпадения концептуального, методологического оснащения мысли. Область применения же их вполне стандартна — обычные наблюдаемые явления мира. Логический остов науки — тождество, равенство, эквивалентность, инвариантность, ковариантность. Логический остов мифа — одухотворение, одушевление, оживотворение, влекущие сопричастность. «Всякому понятно, — констатирует Лосев, — что такое камень, дерево, река или гора. И также всякому понятно, что такое радость, печаль, страдание, весёлость, волевое усилие и любой аффект. Но как понять, например, что дерево произносит человеческие слова, что река оказывается супругой для какого-нибудь бога, который в ней купается, и что гора движется или останавливается, когда слушает пение Орфея?»¹¹³. Понять сие можно в одном случае: приняв морфологическую трансформативность, онтологическую несамотождественность. Подрыв конгруэнтности, кстати, отличает и мышление культурной архаики. Конкистадоры отмечали у американских индейцев эффект утраты самоидентичности: туземцы, подмечали они, «превращаются в тигров, львов, буйволов, во вспышки света и огненные шары». Лицо подменяется маской. С субстанциальным оборотничеством, гносеологически характерным приемом — группировкой по сходству.

Оборот «группировка по сходству» с полным основанием диагностируется как проявление ассоциативного синкресиса понятия и созерцания, наблюдается у аборигенов. Так, предки якутов пользовались образной схемой «прикосновение клюва дятла излечивает от зубной боли». Ассоциативное упорядочение мира выводило терапевтическую формулу.)

В символическом, точнее, прасимволическом, мифологическом опыте, используя мысль Вяч. Иванова, чужое бытие перестаёт быть чужим: нечто (кто-то, что-то) представляется при-

¹¹³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 6. М., 1980. С. 186.

частным мне, становится для меня другим обозначением моего субъекта¹¹⁴.

Разряды символического обусловлены сменой эвристической, предметной оптики, но ядро её заключено именно здесь.

Не исключение — религия, выступающая вариацией ассоциативного, связывающего сознания.

Homo religiosus — «человек связывающий». Связывающий кого, с кем, как? Кого? — себя. С кем? — Всевышним. Как? — сакральными практиками. В вопросах и ответах — лапидарное существо религии как формы практически-духовного символического.

Перипетии складывания мироотношения в залоге «порыв к тайному» передаются знаковыми приметами, стереотипическими, архетипическими мотивами, как то:

— мотив супранатурального (сакральное, сверхъестественное, потустороннее). Можно жить контактами («человек интерактивный») — чиновники, управленцы, бюрократы, службисты, функционеры. Можно жить ценностями («человек аксиологический») — рафинированные интеллектуалы. Можно жить достатком («человек потребляющий») — обыватели, филистеры, мещане. Можно жить наживой («человек предприимчивый») — *money-making affaires*—бизнесмены. Можно жить возвышенным («человек художественный») — деятели искусства. Можно жить отрешенно-уповательным («человек верующий») — священно-, церковнослужители, воцерковленные, почитатели всевышнего. Эпицентр сознания человека религиозного — надмирное, стягивающее на себя все побуждения, чаяния. Говоря словами Шелера, — то, что делает человека человеком, лежит вне того, что именуется жизнью. И это — не просто дух, но дух святой.

Как форма практически-духовного, философия складывается в качестве самосознания эпохи от лица мыслителя. Идеология сходно реализуется в качестве апологетического самосознания идеала. Искусство представляет самосознание времени (вечности) от имени художника. Религия выступает апофеозным самосознанием Абсолютного, пронизанным пафосом эпифании;

— мотив неисповедимости. Всевышний непознаваем, неопстигаем. Никому не предоставил Господь изъяснять дела его: «... кто может исследовать великие дела его? Кто может измерить силу величия его?... Невозможно ни умалить, ни увеличить, и

¹¹⁴ См.: *Иванов Вяч.* Борозды и межи. М., 1916. С. 34.

невозможно исследовать дивных дел Господа. Когда человек закончил бы, тогда он только начинает...» и далее: «многое можем мы сказать, и однако же не постигнем его...»¹¹⁵.

Предвосхищая казусы типа опуса Гольбейна младшего «Мёртвый Христос», изображающего измученное тело всевышнего без надежды на воскресение (что косвенно оказывается подрывом веры), нереформированные религии (иудаизм, мусульманство) вводят запрет на художественные образы Спасителя (оттого в данных очагах культуры не развита живопись);

— мотив квиетизма. Всевышний не подаёт надежд на земную любовь, мир земной. С сотворения сущего он сходит с мирской юдоли, пребывает в недосыгаемой выси, не вторгается в естественный самотёк жизни (отсюда — деизм; проблема Теодицеи). Существование подвержено влиянию его учения — всеобщая доброта, всепрощение, спасение; его веры — в человека, род человеческий; его примера — самопожертвование, «благовествование»; его несгибаемого, неколебимого, несокрушимого подвига; пропигиальность религиозности в фазисе самореализации характеризуется подчеркнута антиактивистскими ориентирами примирительности, умиловительности, умиротворительности;

— мотив временного обращения. Циклический процесс, событийная инверсия, онтологическое ретарде — воскресение. Грядущее пришествие Всевышнего со страшным судом, отпущением грехов, мостом от смерти к жизни, от времени исторического к вечности;

— мотив борьбы Спасителя с враждебными людям силами во имя и во благо человека. Стереотипические персонажи — исчадия зла — предмет неустанных попечительских забот бога: Гога и Магога (Библия); Кока и Викока (индийские пураны); Йаджудж и Маджудж (Коран);

— мотив эсхатологии, хилиазма. Апокалиптическая идея конца мира и вхождения в рай после второго пришествия. Мифическая модель миллениума питает и позднейшие социальные утопии, в том числе коммунизм и национал-социализм. Хорошо об этом — у Кона: «Под псевдонаучными формулировками, которыми пользуются и тот и другой, можно обнаружить взгляд на вещи, странным образом напоминающий самые темные измышления и средневековую чушь. Последний и решительный бой избранных (будь то арийцы или пролетарии) против армии

¹¹⁵ Сир. 18:2-6; 43:25.

демонов (евреев или буржуазии); радость управлять всем миром или счастливо жить в абсолютном равенстве... достанутся по замыслу Провидения избранным, которые получат таким образом возмещение за все свои прошлые страдания; исполнятся высшие предначертания истории, и Вселенная освободится, наконец, от зла — вот те старые химеры, к которым люди питают пристрастие и по сей день»¹¹⁶.

Аналогичное — по части мифа светопредставления, за которым — золотой век. Живучесть хилиастических чаяний демонстрируют опыты выстраивания социальной нови, сопровождающиеся дискредитацией привычного. Так, в Конго в 1960 г. по случаю провозглашения независимости страны жители снимали крыши с хижин, дабы дать возможность наполнить помещения ниспосланному свыше дождю золотых монет;

— мотив фидеизма. Вера в супранатуральное, бесконечно превосходящее человеческое. Интеллектуальные экзерциции по поводу последнего наводили на модельные диспозиции с использованием отношения «самоприменимости», влекли обескураживающее парадоксальное: «может ли всевышний создать камень, который не может поднять сам? Если может — не всеильный. Если не может — не всемогущий», буквально разъедающее религиозное самосознание;

— мотив креативизма. Чудодейственно всевышний определяет и определяет всё сущее. Такой оборот дела позволяет задним числом проводить «доказательства» бытия Божия, фундированные идеей онтологической упорядоченности.

(1) Т.к. в мире есть движение, должен быть перводвижитель.

(2) Т.к. в мире есть причина, должна быть первопричина.

(3) Т.к. возможность превращается в действительность, должно быть не имеющее внешней необходимости самонеобходимое сущее.

(4) Т.к. в мире объективируются разные степени совершенства, должно быть абсолютно совершенное, обуславливающее всё остальное.

(5) Т.к. в мире всё целесообразно, должно быть основание целесообразного;

— мотив покаяния. «Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию»¹¹⁷; смысл покаяния, — утверждает Тертуллиан, — «ясен: нельзя, словно насильниками, хватать и при-

¹¹⁶ Cohn N. Les fanatiques de l'Apocalypse. P., 1963. P. 17.

¹¹⁷ Лк. 5:32.

сваивать себе свои добрые мысли и поступки. Господь не осуждает доброе: оно ведь его»¹¹⁸;

— мотив спасения. «...сын человеческий пришел взыскать и спасти погибшее»¹¹⁹; «и если кто услышит мои слова и не поверит, я не сужу его, ибо я пришел не судить мир, но спасти мир»¹²⁰;

— мотив чудотворности. «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмейтесь»¹²¹. «Я есть воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживёт»¹²². Столь диковинные метаморфозы казались трудноприемлемыми для ряда адептов создателя, так что «многие из учеников его отошли от него и уже не ходили с ним»¹²³. Горячую отповедь схизматикам давал святой апостол Павел, благовествуя: «Если же о Христе проповедуется, что он воскрес из мертвых, то как некоторые из нас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о боге, потому что свидетельствовали бы о боге, что он воскресил Христа, которого он не воскрешал, если, то есть, мертвые не воскресают; ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в присшествие его. А затем конец, когда он предаст царство Богу и отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу. Ибо ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги свои. Последний же враг истребится — смерть, потому что все покорил под ноги его»¹²⁴;

— мотив воздаяния. «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди, и когда отлучат вас, и будут поносить, и произнесут имя

¹¹⁸ Тертуллиан. Богословские труды. М., 1985. Сб. 16. С. 225.

¹¹⁹ Мф. 18:11.

¹²⁰ Ин. 12:47.

¹²¹ Лк. 6:21.

¹²² Ин. 11:25.

¹²³ Ин. 6:66.

¹²⁴ 1 Кор. 15:12—28.

ваше, как бесчестное, за сына человеческого. Возрадуйтесь в этот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах»¹²⁵;

— мотив примата духовного. Земной град — «психоматериальное царство» (Лосский) с человеком «душевно плотским». Божий град — духовное царство с человеком духопросветленным. Душевно-телесное благо утрируется утилитаризмом. Религиозное сознание пестует духовное благо; тело — объект ненависти;

— мотив эскапизма. К спасению через бегство от мира (подвижничество, столпничество, пустынноничество, отшельничество — старцы, иноки, дервиши, схимники, монахи). «Благословляющие персты требуют от нас, — утверждает Трубецкой, — чтобы мы оставили за порогом всякую пошлость житейскую, потому что «житейские попечения», которые требуется отложить, утверждают господство сытой плоти»¹²⁶;

— мотив догматизма. Некритическое почитание авторитета (постулат *Dixi*, каноны, обряды). Сущность религии — монополия на определение реальности¹²⁷;

— мотив воинственности (проскрипция). Модус *Homo violentus* — внешняя борьба с неверующими, «неверными», предотвращение апостазии; внутренняя борьба со злом в себе. Эсхатологический финал — «Да будет Бог во всем»¹²⁸;

— мотив миссионерства. Борьба за паству — от пропаганды, агитации до репрессивных, карательных мероприятий. Как подчеркивал Феофан Затворник, самый «строй церкви и все её порядки — богослужебные, освятительные и руководительные (дисциплинарные)... служат... к выражению, воспитанию и ограждению внутреннего нравственно-религиозного строя»¹²⁹ верующих;

— мотив культа. Рычаг приобщения к трансцендентному — вполне осязаемые техники: богослужение, обряды, молитвы, восхождение к глубинам себя; духовное мужание, аскеза, овладение организменными ритмами (контроль дыхания, сердцебиения);

— мотив поклонения. Преклонение перед Создателем, лицами, образами, предметами культа. Предметы культа — не фи-

¹²⁵ Лк. 6:22—23.

¹²⁶ Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. М., 1916. С. 26.

¹²⁷ Также см.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1975. С. 79.

¹²⁸ 1 Кор. 15:28.

¹²⁹ *Еп. Феофан*. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1892. С. 221.

зические, а сакральные объекты (с двойным, экзегетическим дном). Та же икона — не «доска с изображением», но символическая конструкция, сообщающая «видение иной жизненной правды» (Е. Трубецкой), духовно единящая с Господом;

— мотив смирения, духовного нищенства. Отказ от собственной самости во имя вершения воли Божьей; послушание и спасение, долг и призвание — в самопринижении, умалении гордыни, готовности подчиниться высшей воле. «Господу приятнее грешник кающийся и смиряющийся, — назидает преподобный Амвросий Оптинский, — нежели праведник возносящийся»;

— мотив человеческой несамодостаточности. «Царство Божие — праведность и мир и радость во святом духе»¹³⁰. Царство человеческое же — эфемерно. Как отмечалось ранее, человек — стихия творящая, реализующаяся в настоящем. Прошлое — ставшее, отчужденная фактичность. Будущее — проект. Модус человеческого существования — становление, самоопределение в движении от прошлого к будущему.

Заранее оконтуренный фарватер существования требует развернутой самооценки в виде рефлексивной позиции осмысленности сползания к позднейшим (тем более последним) «временам и срокам».

Итак, жизнь — цепь звеньев преодоления прошлого. Прошлое — осуществленность, овеществленность инициатив самости. Настоящее — момент творчества. Будущее — стимуляция осуществления. Отсюда следует: человек — собственный проект и собственная метафора. Проект потому, что имеет место символическая активизация деятельности. Метафора потому что, подлинно символическое (проективное) в реальной деятельности не воплощается. Естественно (в статистике) не достигаются состояния чистой высокой любви, бескорыстия, святости. Взыскующая совершенного, жизнь сталкивается с его отсутствием (как сетовал апостол Павел, — «доброе, которого хочу, не делаю... злое же, которого не хочу, делаю»¹³¹). В чём дело? В своеволии самости.

«Бог не есть бог неустройства, но мира»¹³². Человек же — существо устраивающееся — сам для себя есть собственное субъективное задание. Субъективность, — подчеркивает Маритен, — это овладение собой благодаря индивидуальному дару — «дару существования. Но для этого нужно глубокое внутреннее пре-

¹³⁰ Римл. 14:17.

¹³¹ Римл. 7:19.

¹³² 1 Кор. 14:33

ображение «Я», интуитивное понимание своей укорененности в бытии. В подобной интуиции открывается действительная бездна ... открывается возрожденная щедрость...»¹³³.

Овладеть ею, распорядиться, однако, крайне трудно. Тем более трудно, что человек символический (проективный) живёт мечтой, идеалом-вымыслом: «над вымыслом слезами обольюсь».

Кунштюк в том, что символическая эпопея жизненного самоупрочения, кампания преодоления собственной безпорности, обретения самодостаточности — незавершаема. Человек обречён на творческий порыв; состояние «чистого воплощения» не обретаемо (человек в поиске, бог — в блаженстве). Понимание этого предрасполагает к принятию: творческое самооправдание человека в качестве бытия — всегда частично; продукты человеческой деятельности — всегда заурядны (пред чем-то великим).

Фактически дело обстоит так, что человек перманентно отстаивает себя перед жизнью, вместо того чтобы наслаждаться ею как наличным благом. В последнем — феномен капитальной недостаточности человека: он неспокоен — обеспокоен сущим; он — творец, но не креатор (всего лишь бледная копия, «образ и подобие»), не дотягивает до автодефиниции, «никто из нас не реализует вполне ни человеческой сущности, ни даже полного понятия своей собственной индивидуальности... вместо того, чтобы просто существовать, мы постоянно прикладываем усилия, чтобы удержаться в бытии, чтобы сохранить и реализовать себя»¹³⁴.

Выходит, человек не живет, а собирается жить. Завершение, пугая человека, радикально его будирует: он бросается в бесконечные рискованные предприятия, ищет себя, растрчивает свободу, становится на стезю испытаний и не достигает искомого: не преодолевает сущностной неполноценности. Пустоту, незавершенность, частичность восполняет бог.

Религия, с учётом остроумного предположения Парсонса, вполне соответственно может быть идентифицирована в качестве социальной системы AGIL — адаптация, целеполагание, интеграция, латентность. Насколько она отвечает заявляемым мироустроительным функциям?

Серьёзными изъянами рассматриваемой практически-духовной формы символического оказываются:

Вера. Сфера индивидуальных жизненных решений, персо-

¹³³ *Маритен Ж.* Краткий очерк о существовании и существующем // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 242.

¹³⁴ *Жильсон Э.* Избранное. Т. 1. СПб., 1999. С. 426.

нальных выборов (вопросы счастья, участия и т.п.) не допускает перевода постановок в плоскость универсально-номологическую. В этом — границы науки (логики, ratio, дискурсии): с онтической жизнеориентацией человека она дело не имеет. Может ли на роль компетентной руководительницы существования претендовать религия? Если может, жизненный путь индивида должен быть выведен из-под юрисдикции его свободных решений. В фаталистическом мире верховодствует судьба, рок, фатум, предопределение, вмешательство свыше, от чего бог, сотворив мир, предусмотрительно самоустранился. В пределах религиозной системы отсчета остаётся отредактированная возможность (избегая давления традиционных суеверий, предрассудочных надежд) — всё-таки может, полагаясь не на призрачные вмешательства извне, а на предшествующее действию внутреннее воодушевление, предопределяющее выбор. Разумеется, вера. Вариант достоин подробного осмысления.

Гносеологически вера как форма чувственного удостоверения истины есть живая идея, ассоциирующаяся с наличными впечатлениями¹³⁵. Ничего убедительного человеку мятущемуся необязательное чувство предоставить не способно. Экзистенциально вера есть сверхчувственное упование, которое, как «скрытый параметр», стабилизирует поведение на основе адресации к свободной высшей воле, с позиций благоприятствования вмешивающейся в жизненную ситуацию. Указанная адресация, к несчастью, каких бы то ни было гарантий не поставляет. Так что, подобно чувству, сверхчувство в разрешении житейских драм не вдохновляет. Социологически вера есть способ группового контроля диспозиций. Действительно, человек утверждает в горизонте проекта. Обмирщая символы, он может дереализовываться, игнорировать объективные реалии. Чем он руководствуется? Не истиной, а веровательными допущениями — диспозициями, позволяющими мотивировать поведение, действовать. Способом закрепления объектов веры здесь служат авторитарные методики — приёмы привития конформизма. «Чем доказывается истина? — вопрошал Ницше. — Чувством повышенной власти — полезностью — неизбежностью — короче, выгодами (именно предпосылками, какую истину следует создать, чтобы она была нами признана)... Для чего познавать? Почему бы не обманываться?.. Чего все желали, так это не истины, а веры... Вера же

¹³⁵ См.: Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 194.

создаётся с помощью иных, противоположных методике исследования средств — она даже исключает последнюю»¹³⁶.

В качестве сухого остатка имеем: в любых модусах своего заявления вера не может быть перспективным инструментом решения смысловых человеческих проблем.

Институты. Сказанное всецело оправдывает взгляд на религию с позиции институциональной. В таком разрезе из животрепещущего чувства религия преобразуется в церковную организацию. Последняя, узурпируя опосредование контактов верующего с всевышним, преследует автономные — далеко не бескорыстные и не чистоплотные цели¹³⁷.

Упрочается ли вера с социальной организацией? При Нероне христиане, лишённые организации, под водительством диссидентов Петра и Павла победили власть. Аналогично — пастырский, миссионерский подвиг старца Макария Великого, при гонениях христиан сосланного в Египет и в ссылке обратившего в крепкую веру аборигенов.

Если брать наше высоко социализированное время, трудно избавиться от мысли о росте одной организации. Достаточно принять к сведению 10-летнюю институциональную динамику церкви в СССР и России.

Церковь в СССР и России

1988 г.	2008 г.
76 епархий	157 епархий
74 архиерея	203 архиерея
6 893 прихода	29 263 прихода
6 674 священника	27 216 священников
723 диакона	3454 диакона

Чудо. Чудо даёт веру; вера крепит явление чуда. Между тем в наш прагматический, меркантильный наступательный век адресоваться к массовому человеку с откровенно фидеистическими, квиетистскими, пропициальными темами, как минимум, недальновидно. Тем более что агиографически далеко не безупречная генеалогия позднейшего пантеона легко восстанавливается после упрочения монотеизма. По яркому свидетельству Тарнаса, по мере того, как «на почве классической политеистической образности пускало корни и развивалось христианское религиозное

¹³⁶ Ницше Ф. Воля к власти. Афор. 455.

¹³⁷ Журнал Московской патриархии. 2001. № 1. С. 29.

сознание, различные черты одного и того же языческого божества прилагались к соответствующим лицам Троицы, или же — в том случае, если у конкретного языческого божества имелась «теневая» сторона, — к сатане. Аполлон в поздние времена отождествлялся с Солнцем, светлый князь небес представлял теперь языческим предтечей Христа, тогда как дары Аполлона, выражавшиеся во внезапном озарении, способности пророчить... приписывали ныне проявлениям Святого духа. Прометей, страдающий избавитель человечества, растворился в образе Христа, тогда как Прометей-мятежник, дерзнувший восстать против бога, — поглотился образом Люцифера. Дух экстатической одержимости, некогда приписываемый Дионису, становился теперь атрибутом Святого духа; как приносящее себя в жертву и несущее искупление божество смерти и возрождения ныне преобразуется в Христа; а Дионис как божество разнузданных эротических и агрессивных инстинктов, неуправляемой стихийной энергии и массового умопомешательства узнавался теперь в Сатане»¹³⁸.

Воскресение. Идея циклического возрождения, физическое бессмертия — утопична. Земной путь мессии мал и трагичен, но несёт искупление и спасение в гуманистическом, морально-этическом смысле. Наподобие пути богочеловеческого — путь человеческий — духовный, — озарен светом евангельского любвеобилия:

На что винить богов напрасно?
Себя мы можем пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями миру быть —
Мы живы в самом гробе будем!...

(В. Жуковский)

Что же до «жизни вечной», человек символический может рассчитывать лишь на одно — вводящую в вечность творения культуру. В Средневековье сближали «laborare — orare»: возделывание «сада божьего» воспринималось как культурное призвание; потому и «трудиться» означало «молиться»¹³⁹.

ПОЛИТИКА. Политика — компонент общественного сознания, которое, если брать его синкретически, есть мыслительная сфера, представляющая духовное воссоздание социальных проявлений. Общественное сознание реализуется через формы,

¹³⁸ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 96.

¹³⁹ См.: Пинский Л. Шекспир. М., 1971.

оказывающиеся специализированными восстановлениями соответствующих пластов групповой жизни, последовательными осознаниями конкретных воплощений «развитого общежитного состояния людей» (Менделеев), концептуально воспроизводимых в специфических терминах. Своя соотнесенность с реальностью (система моделей) у науки, искусства, морали, права, религии, мифологии. Своя — у политики.

Как форма общественного сознания, политика не совпадает с государственно-властным истеблишментом налаживания, поддержания «роевых» связей. Государственные институты, власть и политика близки, но не тождественны. Государственные институты — полость для инстиляции политических акций. Власть относительно политики — анцестральный фактор. Она устанавливается разнообразными рычагами, задающими на пространствах совокупного взаимодействия отношения господства и подчинения. Преобладание, доминирование, влияние утверждаются через:

— диктат: навязывание решений, линий в рамках общества как механической солидарности, которое недостаточно органично, чтобы не работать в режиме элементарного инструментария «команда — исполнение»;

— язык: господство речи — господство власти (Л. Вала), единство государственности достигается единством языка, образования. Имеется и иная сторона вопроса, связанная с вовлечением масс в вершение истории за счет фасцинации. «Есть такие слова и выражения, — отмечает Пирс, — которые в определенных исторических условиях оказывают одинаково сильное воздействие на большинство людей, такое же, какое оказывали бы картины действительности, звуки и события, с которыми эти слова и выражения связаны. Так, слова молитвы могут вызвать сильные религиозные чувства, политические или расистские эпитеты — тревогу или презрение, а грязные шуточки — сами понимаете что»¹⁴⁰. Применительно к обстоятельствам фасцинация варьируется, усиливаясь и достигая апогея при умело организованном подстрекательстве, — искусство политической узурпации собственных, темных колебаний толпы;

— манипуляция: не только любовь и голод правят миром, но и конформизм, уподобление, некритическое единение с подобными себе (замятинская трансформация «Я» в «Мы»); обо-

¹⁴⁰ Символы, сигналы, шумы. М., 1967. С. 142.

гашение, подражание, тщеславие — «три кита» обывателя, политически активизируемые при творении адептов, необходимым включении различных частей в плотно неразличимую массу;

— подобострастие: настаивал господь: «Бойся того, кто может убить душу, а не тело». Наиболее сладкая власть — над душами. Ее жаждут мнимые пастыри, принимающие роль божескую: «Я есмь дорога, истина и жизнь». Воплощение этой неполитической власти — Фома Опискин, ему уподобляются современные новоявленные социальные резонеры, ищущие прецеденты публичных вменений. Моральная власть — тяжелейший крест, несоизмеримый с шапкой Мономаха. Можно развешивать версии аксиологии, но нельзя менторствовать по поводу приобщения к развернутым аксиологическим версиям. Одно дело — посильно служить высокому, иное — прямо выступать от его имени. Последнее прекрасно сознавал Толстой, с высоты прожитых лет говоривший на станции Астапово: «Только одно советую помнить, что на свете есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва».

Обреченность на правоту — магическое свойство, но те, кто, как лидеры КПСС, присваивают его себе, кончают плохо. Весь мир не погибнет, если некий моралист остановится. Моральная власть сама себя отменяет. «Вы видите, что уже изменяется мировая сцена: надо или снять с себя маску, или каждому играть свою роль», — рекомендовал Эразм. «Моральная маска — персональная роль», — антагонизм между ними глубоко чувствовал Толстой, обострявший дихотомию ценностного идеала и его жизненного наполнения. «Я все готовлюсь к тому кресту, который знаю, к тюрьме, виселице, а тут совсем другой — новый и проклятый. Я не знаю, как его нести. Главная особенность его та, что я поставлен в положение невольного, вынужденного юродства, что я должен этой жизнью губить то, для чего одного я живу, должен этой жизнью отталкивать людей от той истины, уяснение которой дороже мне жизни»¹⁴¹.

Избегать морального менторства позволяет совесть: «я стыжусь, следовательно, существую» (В. Соловьев), которая есть подлинное начало личной и социальной истории;

— демагогию: корыстная ориентация на «верность и терпение», нарочито извращающая реалии в угоду эгоистическим целям. В качестве фигуры подлежащей социальной практики

¹⁴¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 90 т. Т. 52. С. 108—109.

укажем на ассистирующую репрессиям, разжигающую самодоговорство и нетерпимость завистливую химеру равенства, которая по ходу общественной реформации «гасит высшие человеческие способности» (Достоевский);

— патримониальность: опора на сакрализуемые традиции;

— легальную компетентность: добивающаяся «рентабельности» бюрократическая рациональность;

— харизму: дисциплинаризация общественных связей через героизм, вождизм, профетизм;

— преступление: корпоративность греха, которому страшен не ад, а угрызение, постоянные душевные тревоги, сковывающие несправедностями, точно тугим узлом;

— ритмику жизни: «если знать соблюдает ритуалы, народом легко управлять», — подмечал Конфуций. Совокупность кодифицированных ритуальных регулирований общественного бытия — гарант автономности; не случайно разгоняющие центробежные тенденции в бывшем СССР республиканские националисты начинали с внедрения новых норм, упорядочивающих существование. Характерное побуждение «убить инородца», появившегося в границах племени, — от отсутствия дифференциации и индивидуации внутри племени, способности признать другого без потери своей идентичности как функции локального этоса;¹⁴²

— любовь: созидание общности на началах персонального обмена деятельностью не избегает доминирования, которое в сфере интимной близости, индивидной приязни, свободно глубоких восторгов, порывов к взаимности, восчувствования идентичных ценностей приобретает вид плотской и метафизической зависимости. Используя нашумевшие образы, возможно фиксировать две ориентации в любви, передаваемые интригами «Эммануэль» и «Орхидеи». В одном случае акцентируется сугубо инструментальный момент, оттеняемый в отношениях двух третьим. Последний осязаем и агрессивен. Настолько, что теряешься: зачем нужен второй. В другом случае любовь-техника дополняется тонкой содержательной вязью, интим не создается без духовной близости, оформлению которой третий препятствует. Любовь-инстинкт и любовь — взаимодействие душ — две программы, стратегии, в чреде которых — жизнь, борьба за равенство против рабства.

Итак, власть как доминирование конституируется правдой и заблуждением, пороком и пристрастием, достоинством и изъяз-

¹⁴² Peace and Sciences. Vien, 1979. № 3. P. 48.

ном, предательством и любовью, она не совпадает с политикой в функции специализированной семантической и деятельностной обработки действительности. В этой функции политика — раздел синэкологии, дисциплины, погруженной в жизнь сообществ и озабоченной раскрытием разновеликих по интересам, позициям, векторам, типам, способам проявления взаимоотношений внутри сообществ, между сообществами, сообществами и средой обитания. Политика как ресурс воздействия на реальность возникает ввиду учета коллизионных начал, обуславливающих интенсивность обменных процессов в створе глубоко жизненных антиномий: противник — соратник; друг — враг, согласие — несогласие, диссонанс — консонанс. Политика становится в обществе как культура практического разума по увязыванию (через компромисс, консенсус) групповых интересов. Исходя из сказанного, охарактеризуем материю политического.

Материя политического — социальность, межсубъективная ткань общения, стихия обмена деятельностью, человеческое взаимодействие, интеракция, вне и помимо которых применительно к вопросам политики ничего другого не существует. Власть выражает монополию насилия, политика — способ его отправления с опорой на легальные (официальные) и нелегальные (формально-неправовые) средства. Результативная человеческая коммуникация как эффективный процесс во всей многогранности перипетий и ветвлений — контрапункт политического.

Из данной мысли в качестве значимого удержим «результативность» и «эффективность». Согласно очевидным дистинкциям, область возможных субъективных реализаций распадается на практику и духовность. В последней обособливается теоретический и практический разум. Теоретический разум: а) «theoreia» — отрешенно умственное созерцание бытия; б) «sophia» — теоретическая мудрость. Практический разум: а) «phronesis» — практическое нравоучение, телесно-психическая гигиена жизни; б) «eubouleia» — практическая рассудительность в понимании природы вещей, умение действовать целесообразно.

Политику Аристотель сближал с этикой, поставляющей нравственно добродетельных, рассудительно осмотрительных людей — граждан, субъектов общежитности. Такой подход, разумеется, — идеализация: этика занята внутренней, политика — внешней стороной оценки, выбора, проведения и преследования интереса, зачастую удаленного от дианоэтических добродетелей. Независимо от этого, однако, уподобление политики

этике в чем-то оправдано. Оправдано в аспекте осознания, что политика — синтетическая сфера, покоящаяся на «theoreia» и «sophia», но примыкающая к «phronesis» и «eubouleia». Если не будет повиновения властям и закону, не будет политики, надстраивающейся над добродетелью граждан и политиков — носителей нравственно высоких начал, «бесстрастного разума», надзирающего за тем, чтобы властвующие властвовали и защищали от посягателей законные формы государственного быта. Выдворение этики из политики, следовательно, разваливает государство как способ гарантийного общежития граждан, пользующихся известным политическим устройством — порядком, лежащим в основе и распределении общезначимых функций власти¹⁴³.

Посему политика — не «чистое», а заинтересованное (в идеале этическое) миропредставление и миродействие на базе предвзятых принципов. Прибегая к классическому философскому слогу, можно сказать так: политика — разум в практическом измерении — оформляется на стыке силовых линий «ума», «побуждения», «воли», поставляющих законы созидания сущего, руководства самополагания. В отличие от «theoreia» и «sophia» политика технологична; в отличие от «phronesis» политика прагматична, в отличие от «eubouleia» политика теоретична. Политика, следовательно, — практически-духовная форма, крепящаяся на чистом, но обслуживающая практический разум, она не просто вырабатывает модели реальности, но подводит под них овеществление, согласованный *modus vivendi* — баланс страсти и здравомыслия, порыва и мудрости, импульса и целесообразности.

Представитель семейства идей — ученый, художник, теолог, утопист, критик — идеалист, замкнут на умственные символы, конструкты. Материализующий способность к преобразовательному воздействию политик — реалист, движется в плоскости конкретных фигур действия. Кредо теоретика: основа мира — духовное сообщество людей (Мак-Таггарт), консолидирующихся по причастности к творению образа мира. Кредо политика: основа мира — прагматическое сообщество людей, консолидирующихся по причастности к творению облика мира, не воля к жизни — следствие мира, а мир — следствие воли к жизни (Шопенгауэр).

Теоретическая сфера — теоретизм — характеризует деятельность в алетической модальности. Практическая сфера — прак-

¹⁴³ См.: *Аристотель*. Политика. СПб., 1865. С. 100, 217.

тицизм — характеризует деятельность в утилитарной модальности. Практически-духовная сфера — политизм — характеризует деятельность в деонтической модальности. Впитывая черты теоретизма и утилитаризма, политизм означает способность производить перемещение первой сферы во вторую за счет социальных технологий, трансформационных программ, вырабатываемых и разрабатываемых в створе пресуппозиций — исходных допущений (ценности, интенции), принимаемых как жизненная рама толкований и полаганий. Акцент данного обстоятельства влечет трактовку политизма, практически-духовной сферы в целом в терминах самодостаточности. Политика — суверенное образование, поддерживается особой логикой выработки, хранения, закрепления и передачи наследия, не является относительно практической сферы чем-то побочным, производным, обуславливаемым. Исходно-жизненная рама политических акций — изначальные пред-видения, пред-смыслы, пред-понимания — имплицируются социогенетически: не материальное производство, а среда, социальное взаимодействие, сцепленная с ним традиция, воспитывающая, а потому решающая судьбу, — их источник. Последнее отменяет базисный фундаментализм (экономизм) как объяснительную платформу политики.

Проводя линию самостоятельности надстройки (духовные, практически-духовные формы), причины чего усматривая в совершенной капитальности феномена обмена деятельностью, социального взаимодействия, равносильно детерминирующего как материальную, так и духовную формации, резюмируя, уточним: политика — специфическая практически-духовная форма, сосредоточена на балансировании, регуляции, оптимизации, канализации интересов, фундирующих известные виды человеческой активности; развивается на собственной основе — автономных традициях воздействия и влияния; коренится в природе человека как группового существа, исключаящего неполитические формы совместного проживания; овеществляется в упорядочении (координации и субординации) социальных взаимодействий посредством взаимочета интересов.

«Интерес» в роли ядра политического обладает «частичностью», «обособленностью», «эгоистичностью». Его обмиршение предопределяет некую одиозность политики в стандартной функции «бить по хвостам», «бунтовать против правил». Сказанное следует понимать *cum grano salis*: политика предвзята, но не произвольна.

В отличие от художественной сферы, движущейся в воображаемом, политика движется в подлинном. В отличие от правовой сферы, движущейся в должном, политика движется в сущем. Превозмогая прихоть фантазии и диктат надлежащего, политика создает возможности. В ней нет ничего вечного, но есть непреходящее, и это — вдохновенное мастерство осуществлять бытие целевоплотительное, нарочитое в конфликтной, агрессивной, конкурентной среде проживания.

Завязанный на соперничество, противоборство партикулярный обмен деятельностью без политической оснастки невозможен. Дискредитация политики как инструмента социальной техники, «роевого» ведения дел означает достижение нереальной стадии «единого человеческого общежития». В действительности «в духе и мире» человечество поляризовано, ценностно дискордантно, единимо не истиной (как полагал В. Соловьев), а выработкой баланса сил в ликвидации нужд, получении выгод. Отстраненная от сакраментальностей всех рангов по признаку минимакса (минимум издержек — максимум результатов) политика и озабочена поиском данного баланса.

Изложенного довольно, дабы утвердить: политика в качестве призвания и профессии есть чурающийся «томленья духа» целесообразный активистский ресурс социального зодчества с позиций «искусства возможного», выстраивания параллелограммов сил (поиска равнодействующих реальных источников влияний).

ИДЕОЛОГИЯ. Разновидность тенденциозного пристрастного сознания, нацеленного на апологию, агрессивное продвижение самоценных систем взглядов (жизненных платформ). Идеология — идейная доктрина, озабоченная не поиском истины (наука), но пропагандой мироотношения и миропонимания (социального интереса), подаваемого в качестве единственно возможного. Позиционирование интереса, облекаемое в наукообразное, словоблудливое, ложное глубокомыслие, варьируется по субъективному основанию в зависимости от генеральных притязаний идеологии выступать от имени истории (марксизм), индивида (прагматизм), группы (корпоративизм)¹⁴⁴. Подобно тому, как понять аргументы и согласиться с ними, — не одно и то же, представляет разные вещи понять интерес и принять его в качестве жизненной линии. Это именно тот случай, когда отсут-

¹⁴⁴ См.: *Ильин В.В.* Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 2010. С. 50—52.

стве доказательств является доказательством отсутствия. Капитальные упущения идеологии:

— *multo ex parvum*: выставлять в качестве всеобщности ограниченность (частность). К примеру, революции порождены злоупотреблениями, но всегда революции хуже злоупотреблений;

— *hic et ubique*: «нет евангелий, — передает Московичи, — которые были бы бессмертны, и нет оснований считать, что человечество впредь будет неспособно придумать новых»¹⁴⁵.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. Требования *ratio* не абсолютны; они контролируются, санкционируются жизнью. Разумность человека, говоря строго, детерминируется не интеллектом, а практической целесообразностью, склоняющей к жизнеоправданному (не формально рассчитанному) поведению. Здравый смысл — система жизнеукорененных, потому строго нерефлектируемых внутренних убеждений, поддерживающих согласие фундаментальных целей жизни с состоянием к ней причастных. Здравый смысл — жизнеориентированная фильтрующая инстанция: препятствуя допущению того, что деформирует жизнь, проявляется относительно нее фальшиво или неопределенно, стимулирует непосредственное жизнеподдержание. Жизнь — естественный самотек собственного существования — высшая цель и ценность относительно себя самое. Этой высшей целью и ценностью здравый смысл никогда не жертвует.

Вера зависит от выбора; она — интеллектуально не необходимый акт. Здравый смысл также есть плод выбора, равным образом он акт интеллектуально не необходимый. Однако, если вера складывается через почитание любых ценностей (возможно «верить» в «механизацию», «автоматизацию», «химизацию», «партию» и т.д.), то здравый смысл оформляется как почитание одной ценности: в фокусе сознания предпочтение устоев жизненного мира.

Здравый смысл — суть некий практически-духовный инстинкт (фронесис — преимущество возраста), коренная убежденность в абсолютной фундаментальности жизни — всего, связанного с ее пролонгацией. Любые интервенции в жизнь, посягательства на ее святости расцениваются как преступные, имеющие однозначную генеалогию: макиавеллизм.

Напомним: доктринальное новшество итальянского политического мыслителя сводилось к освобождению социально-по-

¹⁴⁵ *Московичи С. Машина, творящая боль. М., 1998. С. 108.*

литической деятельности от практического гуманизма¹⁴⁶. Универсализация какой-то формы практически-духовного опыта влечет развал жизненного мира. Таковы вполне дискредитированные экономизм, эстетизм, морализм, дидактизм, сциентизм, политизм. Относительно жизни солидарно и порознь они выступают ставленниками преступного нигилизма — рационально рассчитанного (интеллектуально тематизированного), но жизненно несбалансированного несправедливого образа самоутверждения. То же требование справедливости, по меткому замечанию Камю, превращается в несправедливость, если не основывается на этическом оправдании справедливости; в таком случае и насилие в один прекрасный день становится долгом¹⁴⁷.

«Полнота жизни» в понятии здравого смысла выступает первой и последней архетипической фигурой. В остратке нигилизма все и всякие контрастные оппозиции жизненности: «порядок — перемены», «власть — восстание», «устой — перевороты», «Прометей — Сатурн», «родители — потомство» и т.д. — в нее вписываются. Без изъятий. Впадения в метаною (покаятельная перемена ума посредством перестройки сознания). Последнее и позволяет поддерживать баланс жизни, компетенции духа поверять духом компетенции. Выскажемся пространнее.

Отправляясь от стандартного толкования компетенции (принадлежность по праву) как круга полномочий по знанию, опыту, осведомленности, исходя из способности, будем связывать с компетенцией духа всю полноту порождающих продуктивных процессов искусственного формотворчества. Именно так: высшая компетенция духа — конструктивная креация, сотворение «не-естественного». Последнее регулируется имманентной каноникой, акцентирующей «внутреннее совершенство» (непротиворечивость, когерентность) и «внешнее оправдание» (опытная опробуемость, верифицируемость).

В ситуации институциональной незакрепленности, гражданской неукорененности знания в метасознании спонтанно легализуется наивный императив: несовершенство от незнания, совершенство — спутник знания. Слепое следование умозрениям, на продолжительное время вытравившее из методологии признаки реалистичности, выказало такую изобретательность, что умело обходило трудности в вопросах, ясных всем. Античность трактовала возможное положение дел в терминах калока-

¹⁴⁶ Подр. см.: *Ильин В.В.* Аксиология. М., 2005. С. 88—89.

¹⁴⁷ *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990. С. 281.

гати — выстраивания существования по изначальному блоку истины, красоты, блага. Просвещение выдвинуло доктрину социомофизма — выстраивания существования по праведным истинам разума.

Между тем накопление диспропорций, дисфункций рационально организуемой жизни подводило к неутешительному: множащие знания множат зло.

На стадии немецких философских классиков, проводших фронтальную критику разума, выявилось: разум сам по себе «чист», т.е. техничен, нейтрален, невосприимчив к человекоразмерным, человеконесущим контекстам. Понимание этого сподвигло на поиск внешних регуляризаций мыследеятельности, которые усилиями Гегеля были отождествлены с прозорливым этатизмом. Однако же и тут оказалась муха в тенетах коварных обстоятельств.

Свинцовые мерзости этакратизма в виде репрессивного тоталитаризма, бюрократизма напрочь развеяли иллюзии наличия *harmonia pre stabilitata* в деятельности по разработке (генерация) и деятельности по применению (утилизация, аппликация) знания. Положительное мироощущение прозревшего человечества обогатилось окончательным: проблема гуманизации знания реальна; она не может быть адекватно освоена сферой объективно-логического (ноэматического). Границу обмирщения, предел манипуляции знанием кладет жизненная реальность, способ человеческого движения в ней. В случае недооценки этого — горнило скверного, невыверенного эксперимента в духе «всё нипочем в перемещении из ниоткуда в никуда к ничто».

Сказанное обусловило ролевую дивергенцию компетентностной сферы: компетенция духа сузилась до ареала производства идей, дополнилась духом компетенции, развернувшегося в ареал обязывающего контрольного действия, берущего ответственность за разработку и принятие решений. Как видно, объективная логика социальной циркуляции продуктов духовного производства, технологий их встройки в жизненный мир вызвала обособление в когнитивном процессе отсеков поискового и критико-аналитического. Один сосредоточивает отвлеченную экспансию в неведомое, другой — рефлексию по гуманитарной (прагматической) оснастке отрешенного полета мысли. Дух компетенции уполномочивается выработкой квалифицирующих суждений относительно целесообразности, оптимальности, эффективности человеческих предприятий по материализации

завораживающих идей; областью его разрешения становится не объективно-логическое, но гуманитарное удостоверение.

В силу упомянутой «чистоты» разума установить какой-то селектор отделения «овец от козлов» внутри него не удастся — все интеллектуальные разработки на поверку оказываются креатурами двойного применения. Одна и та же формула позволяет строить ядерный котел — следовательно, освещать, обогревать и атомную бомбу — следовательно, уничтожать.

Разыгрывание слаженного амбивалентного спектакля «чистым» разумом обостряет тему ответственности вершителей судеб знания, в своей крайней постановке приобретающей убийственную редакцию: можно ли быть праведным, оставаясь грамотным? Попробуем объяснить.

Скажем: решение прикладного вопроса об управлении термоядерной реакцией синтеза легких ядер (управляемый термоядерный синтез — УТС) с целью получения энергии означало бы прорыв в снятии глобальной энергетической проблемы. Искомое достигается при удержании плазмы (при $T > 10^8 \text{K}$ с выполнением критерия Лоусона $n\tau > 10^{14} \text{см}^{-3}$, где τ — время удержания высокотемпературной плазмы в системе, n — плотность частиц плазмы) в магнитных полях. Прорыв в прикладном вопросе УТС упирается в прорывы в области фундаментальной теории магнитной гидродинамики. Прорывы в последней сопряжены с прорывами в теории дифференциальных уравнений. Прорывы в данной теории связаны с прорывами в теории множеств (снятие проблемы Банаха). Прорывы в этой теории, в свою очередь, связаны с экспликацией «актуальной бесконечности». Следовательно, имеем картину

УТС → МГД → Диффуры → ТМ → АБ,

где в качестве полноценных лицедеев процесса участвуют техники, физики, математики, логики, философы. Допустим, они в своем ответственном полезном деле преуспели, искомое получили. Как вдруг... на авансцену выдвигается непредусмотренный персонаж — отщепенец-авантюрист, подобие инженера Гарина с корыстной претензией: у меня монополия на заветный ключ от УТС — на этом основании объявляю себя властелином мира. Иначе говоря, векторизация по «фундаментализации» способна оправдать векторизацию по асоциальной авантюризации:

АА ← (УТС → МГД → Диффуры → ТМ → АБ).

Возвратимся к исходному. Поскольку научный труд всеобщий, всяческая причастность к нему (в качестве соавтора любого прорыва мысли) обязывает разделять ответственность за выработку полифундаментальных амбивалентных продуктов. Насколько же любой грамотный — пособник асоциального авантюризма?

Воссоздается буквально пилатовская дилемма: губить карьеру (не факт, что не жизнь) ради человечества или «умывать руки» (закрывать глаза на амбивалентность знания). (Дабы не сложилось впечатления искусственности модельной ситуации, подчеркнем стандартность феноменов «амбивалентность» и «обслуживание». Апеллируем к едва не ходульным эпизодам жизни, как то: «коммунизм» (от борьбы за «прямой продуктообмен» до борьбы с «врагами народа» по мере движения к «светлому будущему» вплоть до практики социальных коновалов времен «культурных революций»); «генно-модифицированные продукты» (влияние которых на геномику никем не просчитано); разнообразные «научно обоснованные» интервенции в жизнь типа «догнать и перегнать», «пятилетку в три года», «ВВП — в два раза» и т.п.)

Близлежащий, прямо напрашивающийся ход: в стихии знания отсутствуют какие бы то ни было инструменты этико-гуманистической экспертизы. Тогда с асоциальным авантюризмом остается бороться внешними рычагами — законодательной, репрессирующей (и, как демонстрирует опыт, всегда запаздывающей, неполноценной) инициативой.

Другая стратегия: внутренняя регуляция деятельности. Говоря о ней, инвентаризуем возможности. Они, прямо скажем, невелики.

Первая: суицид — принятие персональной ответственности за форс-мажор (чернобыльская катастрофа — сведение счетов с жизнью Легасовым).

Вторая: выход из науки — отказ от участия в поисковой деятельности — радикальный вердикт Харпера, прекратившего изыскания по физиологии мозга.

Третья: персональная драма раскаяния — эпизоды Гана, Оппенгеймера, впавших в депрессию после концептуально инициированной ими атомной бомбардировки Японии.

Четвертая: коллаборационизм, шпионаж, гражданское предательство — Бор, пытавшийся поставить Манхеттенский проект под международный контроль, а по провалу попыток — занявшийся разглашением гостайны (ответы на знаменитые 100 вопросов списка Курчатова—Кикоина).

Итак, победа разума — не всегда (если не говорить сильнее) победа разумных. В последнем убеждает до обидного справедливое: «Над чем бы ученые ни работали, у них всё равно получается оружие» (Воннегут).

Не содержат ни грана социально перспективного, ни просмотренные экзистенциальные техники, ни филистерские перипетии доморожденных борцов за «разумное, доброе, вечное» («отец» водородной бомбы Сахаров в роли радетеля мира и демократии с преступным проектом расчленения СССР). Из той же оперы — персональные инициации (кстати, на фоне обвалившегося Пагоушского движения) через встройку в духоподъемные комплексы. По аналогии с клятвой Гиппократа предлагалось патетическое: «Так как я отдаю себе отчет в том, что мои научные знания дали мне огромную власть над силами природы, я клянусь эти знания и эту силу употреблять исключительно на благо человечества и воздерживаться от любой научной деятельности, которая предназначена для пагубных целей»¹⁴⁸. (Как говорят, блажен, кто верует. Только благими намерениями выстроена дорога в ад.)

Вопрос: как воздерживаться при встроенности во всеобщую самодействующую систему порождения безличных идей? — остается без ответа.

Где выход? Не пускаться же вслед за Руссо в оголтелую критику науки, обвиняя ее в порче нравов (или, скажем, нанесении урона здоровью при непредвзятой оценке «достижений» технологов-пищевиков, обогативших существование выпуском молока с 60-суточным и хлебных изделий с 2-годовалым сроком годности).

Выход в уточнении компетенций «чистого» и «практического» разума.

Назначение «чистого» разума, отмечалось выше, — искать. Назначение «практического» разума — обзрывать прикладные перспективы, аппликации продуктов поиска. Оперативную канву подобных «обзрений» составляют экстраполяция, моделирование, мысленное экспериментирование, экспертные оценки. В результате научный проект получает гуманитарное, финансовое, экологическое, хозяйственное, гражданское удостоверение. Как именно? Путем погружения потенциальной деятельности в границы контура, очерчиваемого 4 реперными точками:

¹⁴⁸ Physikalische Blatter. Mosbach. 1962. N 12. S. 89.

первая — вероятность возникновения потерь,
вторая — вероятность допустимых потерь,
третья — вероятность критических потерь,
четвертая — вероятность катастрофических потерь.

С позиций компетентностного подхода социальная техника осмыслена вплоть до приближения к интервалу $P_{кр} — P_{кат}$. Далее — табуация. Естественно, пренебречь можно всем. Правда, в этом случае реализуется не сапиент, а волонтарист (не Homo sapiens, а Homo ferum), для которого «все дозволено». Применительно к вменяемому исходу активизируется преференциальная шкала (на базе компетентностной прогностики), обслуживающая деятельность с позиций прагматической целесообразности.

Что же касается типичных рискованных решений, то дополнительные меры устойчивости обретаются здесь рекомендациями оригинальной теории социальных модулей, вводящей некие оптимумы фигур деятельности. (К примеру, военная операция не планируется ввиду опасности утратить 40% личного состава, 60% материально-технической части.)

Во всех регистрах, измерениях жизнепорождающих процедур, актов находятся благоприятные, желательные варианты из числа возможных. Историю можно уподобить весьма и весьма диспергированному по географическим, культурным, хозяйственным, политическим, гражданским, традиционным, конфессиональным и т.д. признакам образованию, где при внимательной оценке самой логики отлаживания жизневоспроизводственных действий выделяются точки разрежения (тупиковые ветви развития) и точки плотности. Точки плотности — сгустки наибольших и наилучших приближений к неким экстремальным идеальным состояниям (понятия чаемой, потребной, желанной жизни).

В регистре материального воспроизводства это — максимальная мотивированность, стимулированность продуктивной деятельности.

В регистре духовного воспроизводства это — максимальная самореализуемость.

В регистре политико-гражданского воспроизводства это — максимальное участие, вовлечение, волеизъявление.

В регистре экзистенциального воспроизводства это — максимальная самоудовлетворенность, полнота, глубина существования.

В целом это — оптимальная стратегия бытия, связанная с воплощением принципа минимакса, предписывающего участ-

никам исторического процесса (игрокам жизни) стремиться к максимально достижительным, гарантийным, успешным (выигрышным) линиям поведения.

Разумеется, в истории оптимальная чистая стратегия игроков (участников) — редкость. В истории мужество не было бы мужеством, если бы основывалось на точных, предвидимых, чистых стратегиях. Локально оптимальные стратегии попадают в класс смешанных стратегий. Глобально же (на длительных интервалах) оптимальные стратегии находятся в классе чистых стратегий. Последние передаются фундаментальными социальными константами (ФСК) — не постоянными величинами (как в физике), а функциональными показателями, выражающими характеристики эмпирических распределений.

От социума к социуму признаки их внутренней организованности варьируют; каждому варианту (значению некоторого показателя $x_1 \dots x_n$) в принципе можно поставить в соответствие одну и ту же вероятность $P_i = 1/n$, $i = 1 \dots n$. При достаточно большом количестве испытаний (и наблюдений за ними), однако, обособливаются экстремумы, фиксирующие \min и \max социальной кредитоспособности. Когда на социальное действие (от планирования до маневрирования) проецируются параметры желательности — максимальная выгода при минимальных издержках, — на авансцену выдвигаются ФСК в виде представлений разумности, целесообразности, справедливости, достойности, адекватности, сбалансированности целей, средств, результатов при недопустимости, невозможности вхождения в некоторые состояния и превосхождения некоторых величин (решение задачи с неприемлемым уровнем потерь). ФСК, следовательно, — это показатели многокритериальной оптимизации, получаемые не формально, а эмпирически, посредством статистического резюмирования исторических опытов социального устройства (социальных распределений).

Возможность обустроить общество лишь по видимости представляет собой задачу с произвольным решением. Изначально она (возможность) лимитируется условиями: 1) фазовые, временные, ресурсные ограничения — человеческий, социальный, геополитический, физический, властный потенциалы; 2) инициативные ограничения — недопустимость саморазрушения, самоуничтожения.

Откуда следует, что социальное устройство крепится на специфической манипуляции всеми видами инициатив и ресурсов,

подчиненной достижению желательных состояний с позиций определенных критериев качества. Содержательно ФСК и активизируют подобные критерии, обостряя регулятивную коррекцию деятельности, обособливая из множества допустимых динамических форм (цели, средства, результаты — намерения, механизмы, действия) магистрالی (множество актов, манипуляций, лежащих на оптимальной, эффективной, приоритетной, стационарной, траектории социодинамики).

ФСК имеют эмпирическую и критическую сущность; орудием их выделения служит аналитическое обобщение социально-исторического опыта. Действования в истории сравнимы с действиями в рамках коалиционных и бескоалиционных игр в условиях неполной, меняющейся информации. Процесс игры (исторического действия) заключается в осмысленном переходе от исходного состояния к последующему через выбор игроками (лицедеями) поведенческих стратегий (по правилам или без правил). Акты выбора соответствуют стратегиям игроков в играх с неполной информацией, когда ни одному из участников игры при очередном ходе досконально не известна позиция дерева игры, в которой он находится. Принятие решения (выбор стратегии) в условиях неопределенности производится в опоре на отслеживание расстановки сил, изучение конъюнктуры, учет ресурсов и т.д. Однако оптимизационную направленность актов выбора (принятие решений) осуществляет содержание ФСК, ориентирующее на разумное, целесообразное, предсказуемое поведение персонажей истории, участвующих, как правило, в антагонистических, затратных, конфликтных играх.

Жизнь исключает призраки (в магистральных). Она требует гарантийных, человеколюбивых регламентов своего обустройства. В качестве борьбы за такого рода регламенты — циклические, фазовые процессы, нацеленные на оптимизацию обмена деятельностью в соответствующих регистрах жизнеобеспечения согласно требованиям ФСК.

ФСК отрабатываются задним числом в ходе рефлексии протекшего опыта, затраченных в нем усилий. ФСК, с одной стороны, как оптимумы — универсальны, космополитичны, однако, с другой стороны, в силу того же (т.е. как оптимумы) — национальны.

Во всех без исключения регистрах жизнеподдержания обособливаются стандартные случаи, при их экстраполяции играющие роль регулятивных канонов. Интенция на гарантийность,

достижительность, оптимальность, эффективность, таким образом, влечет структурную унификацию используемых технологий. Поруча адекватности действий — соответствие неким императивам, возведенным в принцип всеобщего законодательства.

Организовывать существование возможно по-всякому, однако без ручательств достижения совершенного. Законное основание не упустить шансы, избежать бесплодно бессмысленного, безгранично страстного, непритязательно бедного обязывает избирать позицию сбалансированную. На бруствер осмотрительности в таком случае и выдвигаются ФСК, предупреждающие от необязательных произвольных решений.

Укоренением стандартных технологий жизневоспроизводства и жизнепорождения движет стремление добиться благоприятных, ответственных исходов. Гомогенизация деятельностных основ отличает буквально все сферы современного жизнеподдерживающего комплекса, от индустрии до релаксации, от урбанизации до культуры, от права до управления. Складывается наднациональная сетевая самокорректируемая идентичность с эффектами интернационализации существования.

Каждый народ перестает быть «географическим индивидом» (Савицкий), он становится агентом цивилизационного целого, стимулирующего его способность к амелиорации в созидании богатства и блага.

Представляя отвлеченную рационализацию незатратной мотивации и стимуляции, ориентируя на достижительность, выступая некими безличными (не имеющими национальной, расовой, этнической привязки) орудиями продуктивной организации, ФСК подчиняют поведение масштабу идеального.

Свобода — в выборе, но выбор неслучаен. Ограничивает выбор цель, вводящая интенцию на предел. Последняя, в свою очередь, выстраивает цепочку целесообразных актов его (предела) достижения.

Цель как предел, финальное как чаемое — совместно в качестве рычагов должноствательно целесообразного не позволяют начинать ни с любого (наинижайшего) старта, ни волюнтарно сходить с дистанции. В своей регулятивной функции они предорганизуют как поволение, так и поведение. В крайнем идеальном значении, будучи взяты как «категории, расширенные до безусловного»¹⁴⁹, ФСК как своеобразная «связанная свобода»

¹⁴⁹ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 392.

(абсолютная свобода — бунт против правил, устоев есть форма тривиального рабства) оказываются конденсатом всего желаемого в опыте.

Опуская нюансы, существо ФСК можно выразить установками нового взгляда на историю с опорой не на материальное производство, а на ценностные структуры самой воспроизводственной деятельности, межличностной коммуникации и интеракции.

Какая универсальная связь объединяет локальные культуры, их проявления? Это — единство воспроизводственного контура существования, типологичность жизнеутверждающих процессов, жизневершающих процедур. В наиболее широком и точном смысле слова это — цивилизованность, перекрывающая дискретность исторического процесса унитарностью продуктивных технологий жизнеобеспечения. Разумеются эффективные, оптимальные, достижительные приемы новообразования в индустриальном, аграрном, гражданском, поселенческом, релаксационном секторах общежития. Солидарность человечества — в стандартных правилах организации собственной истории (по принципу минимакса), созидании человекообразной, комфортной, достойной, внимательной к гуманитарным проблемам реальности. Дело не в метафизическом «духе народов», дело в продуктивно-достижительном опыте, сумме приобретений человечества, составляющих его материальное и духовное достояние.

Наше итоговое квалифицирующее суждение таково: целесообразное в истории — сфера достигательно-гарантийного, оптимально-эффективного. В варианте ФСК она превращается в сферу разумно-законосообразного, регулятивного. Выходящее за ее пределы — произвол, диктат, импульс.

МОРАЛЬ. Приоритет «знания» относительно жизни — декантская надменность. Едва не впервые ее в полной мере выказали гностики, оправдывавшие свое имя доктриной «знание — спасительный ресурс», противопоставляемой моралистическому учению самосовершенствования для обретения спасения через покаяние («метанойа»).

Оценку справедливости линий — в нашей редакции: идеальное знание — «выше действительности», поверяет «алгеброй гармонию» — управляемое жизнью преодоление внутренней греховности — дала родовая история. «Поверять алгеброй гармонию» позволительно лишь в сфере духовного творчества (конструктивный эстезис), вызывание же «бытия из себя» оказывает-ся эхом темы «распятие интеллекта».

Гармония как таковая есть акт жизненного, а не разумного признания. Не развивая аргументации, попытаемся резюмировать существо тезиса апелляцией к запоздалым прозрениям

— Оппенгеймера: после Хиросимы физики познали час X, и это сознание уже никогда не покинет их;

— Борна: если б я знал, что выйдет из моих научных идей, я бы никогда не занимался физикой.

Разум всегда дефицитен относительно жизни, творимой не по доктринальной схематике, а по свободе оправданного выбора. Непонимание этого крепит опыт социальных коновалов сродни испуганному неистовству оголтелых жизнепроектировщиков послереволюционных дней. Вспомнить Гастева: «... Мы все мировым миллиардом не то божески, не то демонски, еще сильнее, еще безумнее посягнем»¹⁵⁰.

Посягательство... Доктринально (формально рационально) действуя, мы словно забываем, что мы часть мира, а не «господа и владетели» его. Гарантии от посягательства... в чём они?

Для каждого дня «достаточно его заботы», потому внешних текущих гарантий, как правило, не находится. Ад — это мы сами, в наличное время судить нас некому. И тем не менее есть. Сдерживающая инстанция *Nomo violentus* — не «всеобщая организационная наука» (Богданов), не процессуальный ритуал судопроизводства; гарантия от власти «мятежного сладкого хмеля» — самоограничение, самоцициплина на основе моральной остротки, практически-духовной осмотрительности, препятствующей хвастливому, невыверенному вторжению в жизнь.

Мораль как выношенная жизнью директива — каков её источник? Однозначно, это — семантизация и институционализация

— эволюционно удостоверенных норм общежительности — запрет на инцест, матрилокальность и т.д., иначе говоря, табуация поведения как базис эффективного, оптимального, достижительного обмена деятельностью;

— первичных, на поверхности лежащих ассоциаций, связанных с проявлением природных стихий. То же понятие зла возникает как обобщенно-абстрактное подытожение действия губительных природных стихий («разрушение» в отвлеченном значении). У Гесиода, Гомера — параллелизм физико-климатических и морально-этических пар («непогода — нечестие», «обилие — праведность») налицо. Однотипное — у Солона, Феогида: эсхато-

¹⁵⁰ Гастев А.К. Поэзия рабочего удара. Пг., 1918. С. 108.

логические образы ненастья, бури применяются для выражения «беззакония», «несправедливости»¹⁵¹. Мысленное сочленение одного с другим каузальной зависимостью даёт концептуальную сцепку: «обильность» — результат праведности правления, «непогожесть» — следствие нечестивости судей.

Дальнейшая генерализация базовых этических ассоциаций, в абстрактной форме воссоздающая представления о натурально-физических явлениях, позволяет наполнять их (представления) исторически изменчивым (согласно социальной условности) содержанием.

Архаичное и родовое общество не ведаёт морали, права. Содержательно отсутствие норм замещает в первом эволюционно оправданная табуация (наращивающая адаптационный потенциал Ното), во втором — образность (впоследствии закрепляемая в этических, правовых категориях). На данной стадии пока имеются лишь метафоры «хорошего», «дурного», «зла», «добра», «правды», «кривды», отвечающие мифологически фундаментальной оппозиции «небо — преисподняя»¹⁵². Здесь (социальный фазис культурно корреспондирует мифологическому фазису) этическое вплетено в космическое: «зло — добро» коннотирует с «низким — высоким».

По ходу концептуальной систематизации вырастающих из мифа последующих мифологических пересказов (нарративов) — культовых легенд, прозаическо-лирических повествований обособливается аретология — рассказы о чудесах. По-гречески «аретэ» означает «внешний вид», наружность, зрительно данная телесность (близко «эйдос» — внешний образ). В понятийной обработке внешние качества делаются внутренними, впрочем, поведенчески проявившимися, обозримыми. Аналогично «этос» вначале сближался с «номос» — местность, земля. Затем при концептуализации отождествился с «законом», «ладом». Начав значением «хлев, жилище, логово, пристанище», «этос» завершился «правом»¹⁵³.

Как видно, локомоция этического — тройкая: эволюционная табуация поведения; натуральная эсхатология (семантизация проявления природных стихий); рационализация мифа. Итог — боги (Зевс) даруют людям (в отличие от зверей) Дику — персонафицированное начало правды, права, справедливости (Гесиод

¹⁵¹ См.: *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 430.

¹⁵² Там же. С. 60.

¹⁵³ Там же. С. 236.

«Труды и дни»), понятийно передаваемой «этосом», добровольно принятыми на себя высокими гуманитарными обязательствами. Согласно их предписаниям, собственно, живут люди (борющиеся с «гибрис» — вместилищем бесчестия, надменности).

Шекспировский Фальстаф, вопрошая: возвращает ли этика оторванную руку? — радикально проблематизирует положительные возможности этоса как руководства жизнестроения. Вопрос не риторический. Отрицательное суждение в качестве ответа на него не порождает этического нигилизма. Локально нереалистическая совокупность практически-духовных (сознательно-поведенческих) убеждений глобально выступает гранитом весьма реалистических побуждений, привносящих в общежитие момент нормосообразия.

Взять модельную ситуацию метущейся души Авраама. Зачем приносить в жертву Исаака? Дабы возыметь веру? Укрепиться в ней? Возникает сомнение: во имя чего? Какой ценой? Для преодоления себя? Но можно ли жертвовать в самоутверждении благополучием ближнего?

Испытания идеалом взыскуют лишь внутреннего роста, самовозвышения. На основе не знания, а понимания разницы добра и зла. (Урок, следующий из фабулы книги Бытия, заключается в пафосе явления человеку всевышнего, олицетворяющего идею нового бытийного порядка — существования в нравственном.)

Познание поглощено выработкой рецептуры соответствия понятия реальности (когнитивистика). Преодоление познавательного отношения означает выход из когнитивистики в прагматику и гуманитаристику, озабоченных выработкой рецептуры соответствия реальности понятию. Практическое созидание мира — жизнестроение — должно быть сбалансированным — пригодным для реализации родового назначения: вершения жизни как высшей ценности.

Сущностно дело обстоит так, что жизнь, имеющая происхождение органическое, с упрочением сапиентной фазы эволюции подчиняется зависимостям неорганическим. В том решающем смысле, что контроль, воспроизведение ее условий перестает быть, в сущности, натуралистической прерогативой. Геокосмизация человеческой деятельности на очередь дня ставит задачу гуманитарного регулирования (проектирование, объективирование) созидания среды обитания (вещного мира). Мы не оговорились: хотя видоотличительным признаком сапиента выступает наличие *ratio*, в деле деятельностного мироутверждения

радикализуется не рациональное, но гуманитарное оснащение. Это потому, что разум сам по себе нейтрален, техничен, не восприимчив к вопросам и запросам жизни и выживания. Разум — средство решения головоломок, отрешенных, «чистых» проблем, движение в которых, как демонстрирует опыт всемирной истории, может оказаться жизнеущемляющим: спекуляция и существование исходно не сопряжены. Отсюда — необходимость обсчета, критики усилий разума на его соответствие потребностям не виртуального (формально-рационального), но подлинного, реального.

Критериологию подлинного поставляет, с одной стороны, здравый смысл (доксология), с другой — деонтология (этико-гуманистическое), определяющие и определяющие круг полномочий, притязаний *ratio*. В разуме, как ни чудовищно это звучит, возможно всё. Последнего, точно, нельзя сказать о жизни, взыскующей не нарочитых, а выверенных фигур деятельности.

Как наводить мосты между замыслом и воплощением, свободным полетом мечты и отягощенным реалиями устройением? Общий ответ — гуманитарными ценностями, в деле конструирования второй и преобразования первой природы играющими роль несущих опор замышляемых созиданий. В который раз подчеркиваем: жизненный процесс разворачивается по потребностям, интересам; сообщающая ему регуляризацию организация жизни руководствуется нормами, правилами, принципами. В рефлексивном комплексе обособливается прескрипция — предписательная инстанция, назидание, тематизирующая, что предпочтительно, что должно для обеспечения торжества блага. Поскольку наука недеонтологична, она дополняется вненаучным метасознательным комплектом гуманитарного, вводящим рамочные условия человекозначимого (родооправданного). В обобщенном смысле институциональным локусом подобного комплекта оказывается мораль, квалифицирующая цель, внутренний замысел, помысел, мотив действия, равно как и его результат. В животном царстве господствует инстинкт, в царстве разума — полет мысли, в человеческом общежитии — ответственное, гуманитарно обсчитанное решение. В противном случае — безответственность, античеловеческое конъюнктурное измельчание, одичание.

Разговор о кристаллизации принудительно-побудительного комплекта морали правильно вести с позиций некоей клаузулы. Фундаментальная предпосылка отмеченного печатью морали действия (поступка) — внутренняя свобода. Где человек само-

стейно реализует свою добрую волю, является источником гуманитарного зодчества, единственной причиной своих действий, он — свободен. Категориальным антиподом свободы пребывает не необходимость — моральный человек поступает свободно, т.е. самоопределятельно неподчиненно. Категориальным антиподом свободы пребывает зависимость, зависимое поведение обзывающе обусловлено и потому несвободно.

Где фигурируют моторные реакции произвольного типа (тропизмы), не отмечается наличие морали; отмечается присутствие неадекватной трактовки морали в терминах «мораль — ветвь физики»¹⁵⁴. Справедливо и другое. Где ради свободы подавляется свобода (фихтеанская утопия «замкнутого торгового государства»), разыгрывается трагедия морального максимализма; универсализация морали (одной из форм символического) влечет brutальную деспотию — ближайшее следствие всех идеальных стараний¹⁵⁵.

На фоне сказанного чувствительно заблуждение Канта: «из столь нестройного леса, как тот, который представляет собой человечество, нельзя сделать ничего прямого»¹⁵⁶. Человечество из «нестройного» делается «прямым» благодаря моральному самостроению, правда лишь в случае, когда не мешает себе само. Многозначительная оговорка «в случае» требует комментариев.

1. Переход к «моральному порядку» не тождествен переходу к «общественному состоянию» (заблуждение идеологов Просвещения). Превращение человека в нравственное существо — обязательный процесс привития ему не общественного, гуманитарного сознания. Сознания принадлежности к гуманитарной общности. («Общественное» и «гуманитарное» совпадают в идеале; в действительности «общественное» и тем более «государственное» выказывает себя сильным, циничным, изощренным инструментом заявления, проведения, насаждения «эгоистических» интересов как орудий конкурентной борьбы, своеволия, целесообразного приспособленчества, угодничества, низкопоклонства, заискивания, лести, хитрости, своекорыстия.) «Общественное» и «гуманитарное» совпадают исключительно в принятии максимы охранения человеческого достоинства (императивы «золотого правила»), как, скажем, формула категорического повеления Евангелия от Луки: «и как хотите, чтобы с вами поступали люди,

¹⁵⁴ См.: Гоббс Т. Избр. соч. М., 1964. Т. 1. С. 52; Декарт Р. Избр. произв. С. 421.

¹⁵⁵ См.: Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. С. 330–331.

¹⁵⁶ Цит. по: Родоначальники позитивизма. СПб., 1910. С. 8.

так и вы поступайте с ними»¹⁵⁷. Или в иной редакции: «не относитесь к человеку как к средству для своих целей, но всегда как к цели в себе».

«Общественное» прививает «склонность», «гуманитарное» культивирует «обязанность» действовать морально — не по выгоде, а из одного только «благородного внутреннего чувства».

2. В чем смысл заповедей, сформулированных деонтологически (в прескрипционном залоге)? В обнаружении, демонстрации в себе меры человечности. Что означает, что нечто должно (надлежит) делать? Только то, что в череде поступков позиционировать себя причастным человеческому.

Столь отрешенная (впрочем, фундаментальная) стратегия обязывает рассматривать предмет его со слишком большого расстояния. Между тем — спрашивается: как быть в малом? К примеру, возможно ли любить ближнего (заповедь ранга императива), если он мародер, висельник, захватчик?

Пацифистская планида того же Иоанна-Павла II персонально понятна: будучи воцерковленным, он принял обет буквального следования евангельским установкам — быть «над схваткой». Что, если линию непротивления приняли бы как сокровенную все польские мужчины? Кто освобождал бы отечество?

«Моральная норма» — «социальная роль»: какую сторону выбрать в коллизии между ними?

Выбор первой чреват разрывом с обществом (которое, кстати, в форс-мажоре может упраздниться), что от индивида почти всегда требует чрезвычайного самооправдания («святость» versus «предательство»). Выбор второй чреват разрывом с моралью, что от общества (архизначимой для индивида инстанции) требует выдачи индульгенций на «простительные слабости» (пафос справедливой освободительной борьбы — «святого долга» гражданина — отменяет все и всякие душещипательные конвенансы).

Общего, справедливого для всех эпизодов жизни решения дилемма не имеет. Исходы варьируются заявлением то особого характера лица (гражданская абстиненция), то социума (подчинение морали политике, идеологии, религии, праву). Главное при этом со стороны личности соблюдать интенцию на моральное состояние: моральный образ действия в борьбе, а не святость в мнимом обладании полной чистотой намерений воли¹⁵⁸; со стороны общества — последовательно устранять все формы личной

¹⁵⁷ Лук. 6:31.

¹⁵⁸ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1964. С. 411.

зависимости (опека, заведование, утилизация), гарантируя персональную свободу (распоряжение собой, плодами своего труда).

3. Деятели Просвещения ошибочно отстаивали презумпцию конкордии внутренней природы человека и внешней необходимости. На деле законы мира, общества с внутрличеловеческими стремлениями изначально не совпадают. Какого-то тождества «обязанности» и «интереса» даже с удаленных рубежей не просматривается. Выбор целей, ориентации на ценность нельзя просчитать формально-рационально. Жизнь в терминах *ratio* (науки) не калькулируема. Наука, *ratio* есть всего лишь технологическое сопровождение жизненно важных проектов.

Подлинное, свободное назначение человека — в способности осуществлять гуманитарно оправданный, совершенный выбор. Когда же последний совершенен, удостоверяется ситуационно.

4. Различаются «целесообразность» — рациональное преследование целей (наука, бюрократия) и «целесолагание» — гуманитарный выбор, сбалансированное принятие целей. Социальная целесообразность практически эффективна; персональное целесолагание подобной атрибутикой не располагает. Моральный долг не всегда результативен. Социальные обстоятельства не всегда нравственны. Соотношение одного с другим не эксплицируется в плоскости «прагматическое состязание».

«Мораль, — настаивает Гольбах, — была бы пустой выдумкой, если бы наука морали не могла доказать человеку, что его величайший интерес заключается в том, чтобы быть добродетельным»¹⁵⁹. Зачастую вопреки рассчитывающему интеллекту, достижению устойчивого благополучия, тем более импульсивности, хитрости. Оправдывая свое высокое имя, гуманитарную миссию, человек автономно отказывается от отношения к подобному себе как объекту циничного использования, способу извлечения выгоды. «Мы окружены людьми, — отмечает Монтескье, — которые сильнее нас; они могут вредить нам на тысячи ладов, и притом в большинстве случаев безнаказанно. Какое же успокоение для нас сознавать, что есть в сердцах человеческих такое внутреннее начало, которое постоянно борется за нас и ограждает нас от их козней»¹⁶⁰.

Представляющее противовес приспособлению, конъюнктуре, раболепию, угодничеству, лести, ущемлению независимости, обмену воли на корысть, противоположному человеческому достоин-

¹⁵⁹ Гольбах П. Избр. произв. М., 1963. Т. 1. С. 313.

¹⁶⁰ Монтескье Ш. Персидские письма. М., 1956. С. 202.

ству преклонению моральное сознание есть обязующее гуманитарное сознание — сознание самоценности личности, в недрах человеческого самостроения преобразующее «целесообразное» в «целесолагаемое».

5. «Общее благо», «революционная целесообразность», «классовая выгода», «социальный успех», иные сходные с ними частичные идеалы не имеют общего содержания. Энтузиазм по поводу их обмирщения (политически, идеологически обоснуемый) не отменяет, не может отменять моральные запросы оправданности. Достоинства моральной высоты исключают технологии гражданского устройства по социальному подкупу, культивации подневольности, личной уязвимости; масштабные потребности не удовлетворяются фабрикацией преступлений¹⁶¹.

6. Как достигается «выгода всех выгод» — свобода действия лица в обществе? Пробегая частности, сосредоточимся на оценке крайних взаимоисключающих решений.

Вслед за просветителями Кант утрировал персональное измерение, вводил распространяющийся на индивидов принцип «уважение самоцельности» (подрыв коего — источник зла). Маркс утрировал групповое измерение, вводил распространяющийся на популяции принцип революционной борьбы со всеми формами внеличного, классового угнетения.

Слабость первого — игнорирование общественно-исторического контекста межиндивидной интеракции, плодящего острейшие персональные коллизии (социальные, экологические, демографические, гражданские дисфункции, деформирующие самостоянье индивидов). Слабость второго — неадекватная экстраполяция на будущее (доктрина абсолютного, относительного обнищания) социальных потенциалов раннего капитализма, фатально превращающего население в «хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений»¹⁶², ставка на неадекватные средства (революционное насилие, попирающее не только правовые, но и социально-экономические установления) достижения благих целей.

Между тем выверенная этика обязательств и санкций должна увязывать оба контекста: «моральная чистота действия» не семантизируема в ситуации «общественное несообразие»; вопрос

¹⁶¹ См.: Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1992.

¹⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 279.

«персональной вины» не тематизируем в ситуации «социальная безответственность».

Правды ради следует признать: добиться спайки одного с другим (пока?!) не удастся. Человечество не располагает родовой этикой; серьезные изъяны отличают и этику лица (утопизм просветительства, ригоризм кантианства, эклектицизм синтеза просветительства с кантианством (Сен-Симон, Лавров, Прудон), конформизм утилитаризма и т.д.).

Очевидно одно: базовый принцип персонального самоуважения (этический императив) должен быть дополнен не менее фундаментальными принципами экологического — «уважение природного, живого, как такового», культурного — «уважение этнокультурного многообразия», политического — «уважение свободного, независимого, суверенного развития» императивов.

Наряду с обеспечением поддержания самооценности лица следует обеспечить поддержание самооценности богатств природы, истории, духа.

И другое: учение о морали не может быть «надсоциальным», «надэтническим», «надкультурным»; оно не в состоянии описывать поведение вообще всех «надисторических» персонажей (дикаря и представителя цивилизации). Коль скоро отсутствует поведенческое единство рода, отсутствуют всечеловеческие законы общения, не может быть универсальной морали.

Объективацию высших возможностей жизненных отпавлений человечности (через индивидуальную преднастройку самосознания, действенного образа поведенческого самоутверждения «в миру») обеспечивает базовый общественный консенсус относительно принятия морального сценария жизни. Социум активизирует возможную систему отчета на «грядущее торжество» справедливости, блага. Если этого нет, моральные отношения не установимы. Установимы типы утилитарной или основанной на вкусе неутилитарной (волюнтарной) общительности, повременно вырождающейся в многообразные «свинцовые мерзости» чело-векоразрушительного существования деспотического, тиранического, притеснительного плана от архаичного каннибализма до Спарты и от Спарты до СССР, Китая, Кампучии с рецидивами поколенческого, сословного, этнического, культурного геноцида.

И третье: тематизируя дилемму «сущее — должное», моралистика воспаряет над практицистской целесообразностью, вводит некие идеальные допущения об устоях, перекрывает сферу «текущего». Противопоставление «должного» «позитивно действи-

тельному» в качестве регулятивного фона намечает магистраль исторического процесса — жить, выживать, самоутверждаться в качестве людей в обход поврежденности индивидуального и социального прогресса. Одновременно человеческое (гуманитарное) развитие корректирует развитие моральное — человек в человеческих обстоятельствах расширяет пределы заявления, проявления человечности. Как символическая форма практически-духовного мораль «снята»: а) единым процессом родового прогресса; б) свободным самоопределением прогрессирующих представителей рода, склонных к самоограничению, самоконтролю. Вызывает неподдельное уважение человек, для которого существует невозможное: он не делает того, что нельзя делать, избирая себя для того, что нельзя не делать.

ПРАВО. Природотворяющая сила человеческого — обмен деятельностью, межиндивидуальное взаимодействие, коммуникация, интеракция, позволяющие определять человека как существо общественное, общительное, общающееся.

Между тем общение не «делится на разум без остатка» (Гёте). Камень преткновения взаимодействия — воцарение неопределенности, неустойчивости, нестационарности. В стихии обмена деятельностью высока вероятность столкновения интересов, воля, свобод, чреватого неорганизованной массой произвольных взглядов, действий. Возникают ситуации негарантийные, в которых «побуждения пересиливают все прочее» (Сеченов). Дело можно понять яснее и резче, если сказать: где спонтанные возмущения способны влечь непредопределяемые (трансцендентные) исходы, там мы сталкиваемся со случаем некорректных задач, нарушающих условия постановки задач корректных. Напомним, задача считается корректно поставленной, если удовлетворяет требованиям наличия, однозначности, устойчивости решений. Несоблюдение хотя бы одного из требований трансформирует корректные задачи в некорректные, т.е. не имеющие даже приближенных решений.

Шок от обнаружения последних был столь велик, что Адамар ввел соответствующий запрет на их пребывание в науке, — действительно, какой смысл может иметь решение, если сколь угодно малое варьирование переменных влечет сколь угодно большие его (решения) изменения? Иначе говоря, наука требует от своих объектов устойчивости к возмущениям и, следовательно, онтологической упорядоченности, интерпретируемости. В противном случае исчезает предмет изучения.

Намного серьезнее, острее положение в социуме, передающем проявление *Nemo credens* по законам световой волны. Купирование произвольных натяжек, деструкций, выбросов самости, вызванных к действию автономно, производится предписаниями к сообществу и его составляющим, ставящим противoves безобразию человека в самих его побуждениях.

Регуляризация. Невероятное разнообразие жизненных сред, контекстов общения — можно ли надеяться ввести их регламентацию? Мечников допускал «космическое чувство» в человеке в виде любви к ближнему и миру. На этой почве вырос ортобиз — учение о рациональном образе человеческой жизни.

Допущение «врожденной человечности» (Олдридж), тяги к возвышенному в качестве «законного стремления человеческой природы» (П. Романов) не ново. «Спокойствие порядка» (Августин) в виде высшего «содействия согласованной жизни» вводили поборники законоустанавливающих рассматриваний, опосредующие универсум логосом. Таковы стоики (согласно логосу устроен мир); христиане (согласно логосу создан мир), сводящие план и акт творения к разумной схеме. Аналогичный ход в конструировании образа действительности проигрывал Конт, убеждающий: всякое явление есть просто следствие порядка, который вытекает из естественных законов.

Если устремить внимание в этом направлении, придется признать — перед нами тенденция нарочитая, решительно выходящая за пределы трезвого понимания.

«Прекрасно лишь то, чего нет на свете», — говаривал персонаж Руссо. Аксиома вечного разумного масштаба жизни страдает пропуском существенного — «разумное» не покрывает «человеческого». Сущее не крепится на разумном плане; базисом жизнедействия выступает свободное самовыражение, в рамках которого человек «за все платит сам» (Сартр).

Жизнь не делает нас совершенными — она делает нас нормосообразными, встраивая в качестве частей в глубокий и мощный строй социально выверенного. Укрощение угроз вследствие свободы самовыражения, безнарядного произвола осуществлялось *ab origine* вставлением деятельности и созидания в твердые рамки предопределения. Роль регулирующего начала с переступанием границ передаваемого рационально играли смиренные колодки судьбы, рока, фатума, промысла, вводящие момент неизбежности, неотвратимости, необходимости.

Летописи рода человеческого сохранили имена богинь, да-

ющих жребии, создающих вторую, третью перспективу провидения. В их числе мойры: Клото (прядущая жизненную нить), Лахесис (определяющая участь), Антропос (прерывающая жизнь), совокупно конкурирующие с Тихой; промойя — наделяющая заданием.

В переводе на язык мыслей указанное в темной сути транслирует из древности идею закона: предусмотрение — то, что упорядочивает человеческое движение.

Человек задуман по образу и подобию божью, а сотворен только по образу. Подобие достигается в самотворчестве по неким правилам.

Сфера человеческого в истории — сфера регуляризованного. В кругу общения мы взаимозависимы. Основание действий — наш выбор, без которого мы — элемент природы, но выбор подготовленный, экспектационный. Эффект социальности — эффект вовлечения, участия, сопричастия. В противоположность *Homo fergus*, *Homo sapiens* в сообществе себе подобных руководится максимальной «для людей с людьми». Сие означает согласование поведения с системой ожиданий по поводу правил исполнения частичных ролей. «Есть много вещей, не обязательно запрещенных, которые человек вряд ли решится делать в присутствии другого человеческого существа», — подчеркивает Шибутани¹⁶³. Обмен деятельностью крепится не на произвольных, а на вмененных фигурах, исключаящих самочиние, санкционированных порядком интеракции. Невстроенность в таковой равносильна бездомью человека, пребывающего в асоциальной форме — вне общества и его установлений. Римляне ставили на изгоев клеймо «*save furem*», обрекая на отлучение, отчуждение. Схожим клеймом отмечены отвергаемые обществом социальные типы «девианта», «делинквента», «деликта» (три «д»), патологично неспособные на сколько-нибудь прочные, глубокие отношения, требующие хоть ничтожной доли души.

Три «д». То, что обособливает человека из бытия, есть свобода. Свобода выбора. Последний, однако, не произвольная игра сил в духе «своей глупой воли». Свободу выбора в социуме выгодно отличает опосредованность полем правил, некоей инструктивной канвой, «что и как делать», ориентирующей на поведенческое преодоление низин жизни, исключаящей абсурдистско-парадоксалистские веления, самоосуществления, импровизации на-

¹⁶³ Шибутани Т. Социальная психология. Ростов, 1999. С. 25.

подобие нелепого кредо: «Какое мне дело до законов природы и арифметики (читай: законов общества. — *В.И.*), когда мне эти законы и дважды два четыре не нравятся»¹⁶⁴.

(Политический волюнтарист Людовик XVI в 1742 г. ввел формулу указа «потому что так нам нравится».)

Как показал М. Шериф, даже на восприятие реальности (стадия чувственности) воздействует позиция окружающих¹⁶⁵. Словом, казалось бы, вполне суверенный потенциал субъективности складывается через внешние оценки, квалификации, влияния.

Субъективный опыт — не сознание, а история, — говорит Дьюи. Разумеется повторное переживание и воспроизведение индивидуальностью прочных и гибких уз социальности, кристаллизованных регламентами права (юридизм), морали (этизм), традиции (традиционализм). И одно, и другое, и третье — ресурсы одного сущностного уровня, позволяющие стратегией непрямым действий, точно ключу, открывать плотно запертые двери.

Жизнь — высокая ценность. Но многократно выше жизнь патентованно достойная. Формы обеспечения достойной жизни — опробованные практикой порядки деятельности и созидания. Бес импульсивных решений, насильственных вмешательств, деструктивных маний приручается терпимостью, согласием, примирением, вытекающими из высокой резонансности инициатив социальным нарядам.

Право — формально-официальное, кодифицированное, институциональное выражение порядка (система общеобязательных долженствований) — нормы, меры, через «свободу», «равенство», «справедливость» фиксирующие правоначала (правомочность, правоспособность, правосубъектность) с обеспечивающими их сдержками, противовесами, способами контроля, санкциями.

Мораль — неформально-официальное, кодифицированное неинституциональное выражение порядка (система адресных вменений, через «совесть», «достоинство», «честь» вводящая гуманитарно прочувствованные оценки, устанавливающая внутренний распорядок души) — принципы, предписания, заповеди, максимы, непосредственно-практические повеления «что должно», формирующие способы самоконтроля, диспозиции

¹⁶⁴ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. Т. 5. М., 1975. С. 105.

¹⁶⁵ *Sherif M.* A Study of Some Social Factors in Perception // Archives of Psychology. XXVII. 1935. № 187.

«субъективной единичности» (Гегель) к благочинным, добродетельным самополаганиям.

Традиция — неформально-официальное, некодифицированное, неинституциональное выражение порядка (система стереотипных мироориентаций, устойчивых деятельностных реакций) — обычаи, заветы, обряды, ритуалы, предания, назидания, через «классические образцы», «символы веры», «кредо» поддерживающие, передающие, воспроизводящие элементы наследия, дабы выработать идентичность, задать преемственность, нащупать времени связующую нить, т.е. воплотить целесообразное культуротворчество.

Культура, вопреки Фрейдю, есть не постановка, а снятие элементарных запретов. Снятие благодаря насаждению орудий, опор гуманитарной формации — устоев, регламентов регуляризации. Право, мораль, традиция оконтуривают рамки социальных взаимодействий двусоставно: в измерении официальной признанности, общеобязательности, эффективной позитивности и в измерении санкционированной Я-мотивации. В результате проявления человеческого в человеке акты выбора поддаются рассмотрению и со стороны реализации свободы, и со стороны меры подлинности человека.

Действительно, сущностная природа Я сказывается в вовлечении, участии, наведении мостов взаимности. «Я» не автаркично, живет с публикой, для публики, за счет публики; раскрывается в отношении к «своему иному» в двухтактном цикле присвоения и отдачи. «Я» организация многоэтажная, цементированная сознанием, что «Я» нечто большее, чем его пребывание в малом натуралистическом времени. Обретение личностного в утрате биологического — это «нечто большее», от сознания пребывания в большом времени культуры, социальной памяти, наследия. Динамический срез поставляет такую картину: переход границы предличностного, предморального инстинктивно-автоматического мира и приобщение к личностно-моральному бытию означает погружение в стихию высокодуховной, идеологической жизни, управляемой законами не органического, но ценностного существования. Когда восприимчивость «Я» в сонме интенций на высокое приходит в упадок, личность перестает быть субъектом идеологии, происходит деградация «Я», выражающаяся в разрушении экспектаций, впадении в «ситуацию ноль», возвращении в «естественное состояние» (в животном царстве в отсутствие ценностной рефлексии нет идеологичной взаимности сознаний).

Как видно, регуляризованность общения есть последний базис человечности в редакции: правоспособность, совестливость, нравственность, персональная добропорядочность выступают окончательными основоположениями гуманитарного. Деформация их чревата развалом гуманитарной формации, обмельчанием человека. Прекрасно об этом у Гоголя: «Все теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств», и нет теперь нигде свободы в истинном ее смысле».

«Рефлекс свободы» (Павлов) в цивилиной оранжировке значит противодействие агрессивному принуждению, но не благочинному побуждению. Императив «автономия человеческого духа» (Маркс) допускает лишь такое прочтение «Ты должен, следовательно, можешь».

Регуляризация не возвращает пострадавшему утраченное, она предупреждает бессмысленный и беспощадный бунт, делает нормосообразным общение, координирует взаимодействие независимо мотивированных участников. Границы регуляризации — порог, за которым — ненависть, отрицание, отрешение, разрыв, распад, разложение, интервенция. Его переходят представители трех «д» — девианты, делинквенты, деликты — носители брутального, вымороченного, вырожденного, асоциального.

Три «д» — профаническая, хаотическая патология на базе выхода из порядка, изъятия из регламентов. Соответствующие разрушения субъекта прав и обязанностей возникают

— в случае девианта — по причине соматических деформаций (подрыв юридизма, этизма, традиционализма). Скажем, в Австралии человека с лишним набором хромосом не судят — считается: действия дефекта не подводимы под какую-либо канонику;

— в случае делинквента — по причине поведенческих деформаций (подрыв этизма, традиционализма). Крайним выражением аффективного самоутверждения является афронт — нарочитое игнорирование, нарушение этикета;

— в случае деликта — по причине правовых деформаций (подрыв юридизма). Варианты проступков, преступлений — виновных в противоправных деяниях, совершенных вменяемыми.

Единственным способом, каким человечество может пролонгировать гуманитарное состояние в степени, отвечающей «особенной действительности и специфическому содержанию»

(Гегель), приличествующим высшей сфере мироздания, есть регуляризация, намечающая горизонт дозволенного. Он представляет собой форму узаконения свободных самовыражений. За его пределами — неопределенность, отсутствие гарантийности, повышенная вероятность провала в деструкцию.

Сверхзадача горизонта — связывая обмен деятельностью, задавая поведенческую качественность коммуникации, нормировать, вводить норму.

Базовое понятие теории ценностей — норма. Как директивная инстанция, она устанавливает меры, руководящие начала, правила, порядки, распространяющиеся на все измерения человека как био-социо-природной организации.

Измерение «био». Первейшее условие нормосообразного — исключение уродливой ненормальности. Сказано в книге от Матфея: «Не все вмещают слово... но кому дано»¹⁶⁶. Причисление к роду Ното идет «по способности» обладать разумом, отправлять воление. По наличию данных потенций проводится идентификация: «Люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Правоспособность вытекает из обстояния «быть человеком», пребывать нормальным «по рождению».

Измерение «социо». Фундаментальное условие нормосообразного — приобщенность к социальному этосу (совокупность правил общежития, набор согласованных норм, институционально защищаемые установления). Причастность к социальности обусловлена принадлежностью к статусам — регламенты дееспособности (удовлетворение условиям «зрелости» — цензы); членства: касты (Индия), кланы (Китай), племена (арабский мир), сословия (средневековая Европа) и т.д.; коммуникации: символизм общения, — скажем, руку мужчины жмут, руку женщины целуют, руку церковного иерарха (мужчины) целуют — по его касательству к чину и т.д.

Измерение «культура». Капитальное условие нормосообразного — чувствительность к традициям, заветам, тонким духовным влияниям. Принципы объединения людей — исходные идентификации

— стереотипы: формы устойчивой целостности миродействия от привычек, обычаев, данных в предании (фольклорно-эпические выражения, свидетельства), до обязывающих смысловых дифференцировок «МЫ» — «ОНИ», вводящих картину дробной действительности (вплоть до эндогамии);

¹⁶⁶ Мф. 19, 12.

— архетипы: формы устойчивой целостности мироотношения, миропонимания, членившие единое человечество по поколенческому, культурным, расовым, половым, ареальным признакам. Отсюда разломы в понимании, кооперации: дилеммы «отцы — дети», «старое — новое», «мужчины — женщины»; трилеммы «белые — желтые — черные», «Запад — Россия — Восток» и т.д.

Нерв социальности — интеракция, складывающаяся на базе норм, нормирования обмена деятельностью во всех отмеченных регистрах. Каковы нормы, таково межсубъективное взаимодействие, каково межсубъективное взаимодействие, таково общество.

При судеитстве (общественный строй, описанный в кн. Судей) власть отправлялась по авторитету; при монархии — с изменением регламента интеракции — по принуждению.

На Западе, утрирующем «право», «гражданство», преобладает достижительность в самоутверждении. В России, акцентирующей «духовность», «моральность», есть склонность к исканиям (вплоть до самоотречения с обретением самоуважения). Откуда — отсутствие самоинициации в напряженном достижении статусов (за статусы в России не борются всеми правдами и неправдами, на статусы в России приглашают — прецедент С. Радонежского).

Таким образом, ценностный нигилизм (казус трех «д») нетерпим; регламентация обмена деятельностью как матрица ценностного санкционирования поведения

- производя смыслы, значимости в общении,
- проводя отнесение к общеобязательности,
- осуществляя передачу опыта,
- намечая способы обретения статусов,

превращает знаки в события, определяет непреходящую роль регулятивов.

Фактуальная основа норм как эффективных основоположений деятельности — «рутина» традиционных эволюционных инструментов, отработанных в недрах природы условно-рефлекторных, подражательных принципов, на уровне мотивации, экспектации очерчивающих поведенческие границы для

— согласования жизнезначимых интересов (особей, популяций) на базе «разрешенного — запрещенного» (прав — обязанностей);

— вписания индивидуальности (частное) в совместность (общее).

Роль нормативной канвы обмена деятельностью исходно играли ритуальные, обрядовые, назидательные пласты мифа.

Ритуал — канонизированный порядок церемониально-обрядовых действий. Обряд — множество установленных обычаем, традицией действий (демаркация между ритуалом и обрядом задается основанием побудительности, позволяющим различать «внешнюю» и «внутреннюю» настройку лицедеев в церемониальные акты). Обычай — совокупность исторически выработанных стереотипных фигур поведения.

Стадии кристаллизации права:

— зарождение права — архаичная социальность стадии вождеств. Право выплывает из обычая, традиции как средств регуляризации совместной жизни. На этой стадии право отличаются: казуистичность (оформление в нормы отдельных эпизодов); несистематизированность (правоприменения, правотворчества); нерасчлененность (синкретизм уголовного, гражданского, имущественного, земельного, семейного, торгового, процессуального права)¹⁶⁷; неинституциональность (отсутствие специализированных органов юстиции); общинность (надличностный характер ответственности);

— привязка нормативной формации к особенностям общегития локальных групп (племенное, обычное (от: обычай) право), регуляризацию поведения в которых поддерживают полномочные группы (вожди, жрецы);

— сословное (корпоративное) право (IX—XV вв.). Упрочение сословно-цеховой структуры общества, обуславливая ролевую, частично функциональную дифференцировку социума, узаконивает единообразные порядки общения для представителей конкретных страт (право — поведенческо-этикетная императивная канва общения);

— общегосударственное право (XVI—XVIII вв.). Система кодифицированного институционального права: государственное нормотворчество, санкционированное правоприменение, правоохранение.

Назначение: нормы, правила общественного взаимодействия, вводящие легитимные возможности самореализации.

Структура:

— права человека (естественные права — базис позитивного права), обеспечивающие предпосылки гарантийного сосуществования;

¹⁶⁷ Систематизация статей началась с институций Гая, «Саллической правды» Хлодвига I.

— принципы — основоположения права, обуславливающие «демократизм, справедливость, гуманистичность, равенство» материализации правовых норм.

Субординация:

— референдумное право (публичное право) — приоритет общесоциальных решений (плебисциты, ассамблеи) перед решениями законодательных, совещательных органов;

— централизованные нормы — изданные государством, законодательными учреждениями законы, подзаконные, нормативные акты (указы, постановления, декреты, инструкции);

— корпоративные нормы (частное право) — правила деятельности организаций;

— договорные нормы (частное право) — соглашения, регулирующие порядок социального самоопределения субъектов интеракции.

В ситуации поведенческой неопределенности, утверждалось выше, не остается ничего иного, как адресоваться к нормализующим самореализацию моральным абсолютам. Между тем мораль не поставляет универсальных ресурсов снятия жизненных коллизий. Общеизвестен недостаток морали — отсутствие всеобщности, необходимости, гарантийности. Аналогичное утверждаемо о религии.

Всевышний своим личным подвигом, преодолевая предательство, неправый суд, гонение, трусость, лицемерие, выставляет, но выказывает любовь к ... нравственным уродам. Любобно-жертвенный подвиг Спасителя искупает идею рода (по призванию — высшей ипостаси мироздания): «се человек» — немошен, слаб, греховен, податлив, но в противостоянии велик, силен, несгибаем, несокрушим. Спасение человека через возрождение веры в него — героический, самоотверженный акт, подвигающий к благородному, возвышенному, заставляющий самое имя «человек» звучать гордо. Только — гордо ли звучит «человек» в ... массовой душегубке?..

При рациональной реконструкции ситуации дело не столько в ущемлении «доброй воли», сколько «демонической свободы». Основное противоречие человеческого мира — противоречие свободы и принуждения. Торжество свободы, в отличие от предположения Шеллинга, не оказывается предзаложенным: утрата свободы, как мы понимаем, не доказывает успеха свободы¹⁶⁸. Пе-

¹⁶⁸ См.: Шеллинг Ф.В.Й. *Философские письма о догматизме и критицизме* // Новые идеи в философии. СПб., 1914. № 12. С. 120—121.

ред лицом неумолимых обстоятельств, когда внешней принудительности противостоит внутренняя свобода, победа последней а priori не обеспечена.

Когда изменить ни мир, ни себя нельзя, чем подкреплять душу? Не помогает ни наука (справедливое для рационального сознания может быть пагубным для жизни — за создание ДДТ дали Нобелевскую премию, однако отказались от широкого его использования по причине разрушения жизненного); ни религия (справедливое для апофеозного сознания — «непорочное зачатие» — для жизни бессмысленно); ни мораль (в глубочайших тайниках нашего самопринудительного «благообразного, добродетельного» сознания — роковой разлад). Перефразируя Наполеона, можно выразиться так: место фатума со времени древнего мира заняло право.

Не ограничиваясь рамками уникальных интерактивных систем отсчета, право охватывает всю полноту интеракции (по объему, но не по сути — «полное право есть полная несправедливость»), не ущемляя компетенций ни религии, ни морали.

Взятые единственно мораль, религия, право — самодостаточны, автономны; они не могут быть фундированы друг другом. Подчинение морали религии влечет корысть; подчинение религии морали влечет дидактизм, ригоризм; подчинение права религии влечет фундаментализм, морали — волонтаризм, патернализм. Наряду с прочими формами практически-духовного право оккупирует свою символическую нишу, в тематизации своей природы не допускает игры порождениями воображения вместо понятий, словами вместо вещей¹⁶⁹.

Право отменяет базирование обмена деятельностью на сверхразумности, сверхопытности, анархической свободе, безответственности (отсутствие обязывающего в выборе, поступке, действии, принятии решения), одновременно вводит в выполнение действий, отправление дел облечение полномочиями, обусловленностями. Долженствовательное (обязанное) в границах права — не то, что в морали, — означает не «совестливое», а «социально выверенное», получаемое посредством казуистически-канонического перевода переживательно-чувственного в нормативное. Кодификация «полномочного» упраздняет «расчетливо мучительное», «беспомощно заискивающее», «безропотно угодливое» и т.п., идущих от наихудшей из видов зависимости — че-

¹⁶⁹ См.: Кант И. Соч. Т. 3. С. 598.

ловческой произвольности. Еще раз: формализация, систематизация фигур общения в праве избавляет от самой скверной подчиненности — человека человеку.

Право есть нормативная форма равенства людей, носящая абстрактно-всеобщий характер (отвергающая привилегии, произвол по частным волюнтарным основаниям). Неотменяемое новшество права — введение универсальных императивов деятельности, ограждающих от деспотии, тирании, диктата. Правовое состояние есть состояние свободы не экзистенциального, но социального толка, регулируемого мерами равенства в возможности заявления своей воли на основе формальных, беспристрастных, безличных, безразличных предписаний, установлений, законов. Правовая свобода означает отсутствие волюнтарных стеснений, ограничений, связывающих самореализацию преднамеренными, умышленными, самовластными оковами. Задавая абстрактно-всеобщее равенство и свободу, право обеспечивает справедливость (какая может быть лишь правовой). (В России, к несчастью, приобрела популярность не правовая, а патерналистская справедливость, поддерживаемая нажимными методами ведения дел в форс-мажоре.)

Реперными точками, фикс-пунктами права выступают — закон. Правовой закон аттестует не «прагматический порядок», а легитимные правовые императивы, задаваемые законодотворчески «по понятию» (иначе — «телефонное», «кулачное», «революционное» право) в обход произвола доброхотства, господского осчастливливания — тот же гражданский патернализм, бюрократический авторитаризм (наставническая озабоченность, благолепие, расчетливость, отеческая заботливость). Главное в законе — самозаконие, исключающее наставительность, признание внешних (управительных) сил и позволяющее самостоятельным гражданам действовать в согласии с правом свободно. Как официально признанная норма, закон может совпадать (правовой закон) и не совпадать (ошибки, злоупотребления текущего законодательства) с правом. (Право в точности не совпадает с законом; закон, в свою очередь, в точности не совпадает с указно-декретным кодексом.) В идеале право должно быть законным, закон правовым. (Юридический позитивизм — нормативизм не критически пренебрегал казусами, где закон оказывался орудием противоправного нормотворчества. Духом правового нигилизма, фетишизацией норм права буквально пропитано советское время, приравнивающее «социалистическое право» к своду приказных

норм, установок центрально-административной системы.) Право в объективном смысле есть закон; право в субъективном смысле есть «способность» (ср. идущее от Г. Гроция различие «способность» и «соответствие»; одно предполагает освоение отношений власти, собственности, требовательности, другое сводится к вытекающей из родовой причастности дееспособности). Право — формальная и всеобщая предпосылка оптимально устроенной социальности. Право нельзя приносить в жертву чему бы то ни было. Одновременно праву нельзя что бы то ни было приносить в жертву;

— свобода. Право суть юридически выраженная мера равенства в свободе, ответственность за свободу. Право обслуживает свободного человека, являющегося целью и никогда — средством. Источник идеи права — соблюдение суверенитета «малой социальности» перед опасностью интервенций в неё со стороны «социальности большой». Эту идею начисто отметали Боссюэ и лидеры Просвещения (от Руссо до Гельвеция), без всякой публицистической элегантности высказывавшиеся за репрессивную роль государства применительно к человеку. По Гольбаху, эта-тистская машина призвана обращаться с людьми, как «укротитель с тигром»¹⁷⁰.

Тотальную и актуальную поныне добротную критику подобных умонастроений провели немецкие философские классики, расценивавшие государство (власть) как покусителя на свободные действия лиц в соперничестве и сотрудничестве. Задача государства — не господствование (человек создан для свободы!), а обеспечение равных условий, создание возможностей участия в выработке решений на общее благо.

Общественное состояние как свободно-правовое имеет тройкий корень

- права человека;
- законодательные гарантии социального равенства;
- демократические права.

Это именно тот минимум, который, избавляя от кастовых, клановых, аппаратных привилегий, культивирует почву осмысленного, участливого гражданства.

Ничего не может быть порочней несущих недоверие человеку попечительских, покровительских устремлений со стороны власть предержащих по поводу «дарования» свободного состоя-

¹⁷⁰ Гольбах П. Система природы. М., 1940. С. 173.

ния. «Не может считаться хорошим выражение, — подчеркивает Кант, — известный народ не созрел для свободы. Крепостные помещика (будто бы) не созрели для свободы, а для свободной веры не созрели и люди вообще. Но при таких предположениях свобода никогда не наступит, ибо для неё нельзя созревать, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть освобожденными, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые проявления свободоволия могут, конечно, оказаться грубыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями, чем те, при которых все стояло ещё не только под приказаниями, но и под попечением других, но созревают для разума не иначе, как только через свои собственные попытки...»¹⁷¹.

Свобода, как и право, не состоит всецело под патронатом государства (сугубо административный ресурс); наставническая забота в функции инструмента устройства (против чего всегда выступали Юм, Смит, Франклин), рано или поздно обнажая самодурство, недалекость властителей, подрывает самые основы права как всеобщего норморегулирования деятельности.

Побудительный потенциал власти — не наставительно-разрешительный (благоволенческий), а гражданско-правовой, — он устанавливается, контролируется дееспособностью как любого, так и всех членов общества, исполненных высокого достоинства самодостаточности «быть господами и владетелями самих себя».

Право предоставляет гарантии от гражданской опеки: человек поступает свободно в согласии с правом и собственными неотчуждаемыми понятиями своего призвания. «Всякий, — утверждает Фихте, — считающий себя господином других, сам раб. Если он и не является таковым, то у него все же рабская душа, и перед первым, показавшимся более сильным, который его поработит, он будет гнусно ползать. Только тот свободен, кто хочет все вокруг себя сделать свободным»¹⁷².

Предельно мыслимое бедствие, как известно, — смерть. В обычной жизни человек не преодолевает требований самосохранения. Между тем бывают случаи перекрытия императивов обыденности. Таков, к слову, случай свободы. Ущемлять человеческую свободу означает уже не только принимать на себя неподъемное, вторгаясь в компетенцию божества, даровавшего

¹⁷¹ Кант И. Религия в пределах только разума. СПб., 1908. С. 198—199.

¹⁷² Фихте И.Г. О назначении ученого. М., 1935. С. 79—80.

нам свободу¹⁷³, но и покушаться на самого человека, пребывающего самим собой благодаря свободе. Утрата свободы — потеря самости. Отсюда программа: свобода или смерть.

Жизненный опыт, таким образом, обозначает бедствие большее, нежели «несчастье всех несчастий» — смерть. И это суть «несчастье сверх несчастий» — лишение свободы. Свобода — сверхутилитарное и глубоко интимное индивидуальное благо, исключаящее зависимость от другого. Страх рабства питает энергией внутренней независимости вплоть до священного риска жизнью. Стремление к собственной суверенности через риск подтверждает свободу¹⁷⁴;

— справедливость. Социальная беспристрастность — деятельность на законных всеобщих основаниях — дериват права. (Этимологическое подкрепление: «справедливость» — *justitia* — от «права» *jus*.) Неправовая трактовка справедливости корреспондирует патерналистскому, авторитаристскому произволу (не по праву, а по милости), пожирающему общий масштаб права. Адекватным мерилom справедливости способно быть лишь правовое мерило; социальная справедливость способна быть лишь правовой. Последнее означает введение всеобщей легитимной меры социальных возможностей (равенство) и ответственностей (воздаяние за нарушение). Формально устанавливаемое соответствие (юридическая эквиваленция) предоставляемого и обретаемого («по делам его»), собственно, конституирует справедливость.

Однако подобно тому, как обнаруживаются ножницы права и реальности, закона и насилуемого нормотворчества, практическая социальная техника намечает конъюнктурную сцепку справедливости со специфически проявляемым в жизнестроении «разумным эгоизмом». В общем случае феномен укладывается в стандартную фигуру «практическая целесообразность».

Многие человекоразмерные вещи объективны, но не символичны. Сверхзадача нашего изложения — продемонстрировать: ущемление символического обрекает не неминуемое ущемление человеческого. Символы создают миры — не просто возможные миры (от способов знаковой фиксации), а миры человечески упорядоченные.

Право символично — координацию действий независимо мотивируемых индивидов в социуме осуществляет не инстинкт,

¹⁷³ См.: *Кант И.* Там же.

¹⁷⁴ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. 4. М., 1959. С. 102.

а этос, опосредующий обмен деятельностью нормами, установлениями, конвенансами. Подрыв символической формации — ориентации на обязывающие ценности общения — выставляет из твердых рамок регуляризации. Возникает турбуленция. Рушатся устои. Упраздняется закон. С ними — свобода. («Свобода, — показывает Гегель, — бывает вообще там, где господствует закон...»¹⁷⁵.) Все заслоняет пелена произвола. Человеческое разлагивается.

Мы не сгущаем краски. Специфика сущностной локализации человеческого — символическое.

Наш сюжет — право. Природу правоотношений определяет применение, соблюдение норм, иначе говоря, — символов, а не приказов, потребностей, интересов. Деформация символического, влекущая кризис норм, предобусловливает кризис человеческого в целом. Примеры трюистичны. Та же демократия — отменна, желанна. («Способность человека к справедливости, — указывает Нибур, — делает демократию возможной, а склонность человека к несправедливости делает её необходимой»¹⁷⁶.) Если же демократия не отмечена печатью права, она и не отменна, и не желанна.

Эпизод 1: «Революционная демократия» — ничем не ограниченная власть народа. Не обеспечивает сугубого пустяка — «прав личности»; перерождается в тоталитаризм.

Эпизод 2: «Демократический вождизм» — лидерство предводителя масс. Не имеет правового статуса; перерождается в деспотию.

Эпизод 3: «Народная диктатура» — опирается на силу, а не закон; вырождается в насилие.

Опыт родо-племенной, рабской, феодальной, казарменно-социалистической организации учит: не может никакая обвораживающая казуистика заслонять казуистику права. Последняя всеобща и необходима. Всеобща, т.е. социально универсальна, в противном случае — частичная (сословная, корпоративная, клиентельная) сообщественность с патентованными изгоями. Необходима, т.е. социально обязательна, в противном случае — сообщественность несвободы с патентованными диссидентами.

Если принимать, что предмет чайний, состояние свободы, складывающееся из сочетания возможного (объект) и допустимого (субъект), то обретение подобного состояния осуществляется *contagium vivum*: жизненного с символическим. Иного не дано.

¹⁷⁵ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 38.

¹⁷⁶ Niebuhr R. The children of light and the children of darkness. N.Y., 1946. P. XI.

ИСКУССТВО. Подобно тому как человек выходит из детства, все практически-духовные формы выходят из мифа, оказывающегося примордиальной праформой символического. Миф, с этой точки зрения, собственно не жанр, а исходное заявление познавательной культуры, морфологически базисная ниша последующих образных конструкций. Выступая всеобщим типом самоутверждения архаичного человека в мире, миф сочетает в себе моменты всех символических проявлений: здесь — словесный рассказ и ритуальное действие, поступок и представленческое его оформление, положительная суть вещей и данность её сознанию. Гносеологически миф — символическая образность, фантастичная по смыслу и реалистичная по категориальному выражению.

Трактовка мифа в терминах не «доисторической бессмыслицы», а перворожденного дитяти символического, минуя восторги умствования, удерживает анализ в твердом русле адекватности, позволяет применять в рассуждениях перспективные понятия «уровня», «стадиальности». Методологическая процессуальность, отправляющаяся от мифа как от системы отсчета, обнаруживает в начальной точке присутствие всех и всяких символических форм. Без натяжек и передержек — онтогенетически миф заключает в себе всю длинную линию культурно-исторических последствий.

Задача универсальности, вездесущности мифа имеет простую разгадку. Миф — эмбрион символического духовно-предметного богатства. На каком основании? На основании отладки имманентных мыследеятельности типологических фигур образотворчества.

Содержательный каркас образа — смысл, осмысление действительности; формальный каркас образа — представленческая оболочка, придающая смыслу выразительность, концентрированность. С теоретико-познавательного угла зрения образ — семантический отклик на ощущение, отображение реального в умственном.

Человек ощущает не только чувством (чувственность рецепторна лишь физиологически), но и сознанием (управляющим чувственностью). В эпоху архаики восприятие мира протекает мифологически: активность сознания выражается в инкорпорации в умственную обработку реальной фактуры чувственности иллюзорного (как задним числом мы знаем) ее толкования. Оценним происходящее синхронически.

Образ кристаллизуется перцептивно, возникая как внутренняя физиологическая реакция на внешние раздражители. Сигнальный характер перцепции позволяет усматривать наглядную конкретность. При учете того, что перцепция не только объективное (по материалу), но и субъективное (по выражению — субъективный образ объективного) образование, она включает в свой состав целеориентирующие интерпретативные допущения. Их эвристический статус, традиционно дискутируемый в гносеологии, к настоящему вполне прояснен: функционально они не априорны, а предпосылочны; онтологически они не преформичны, а культурно-историчны. Эпоха архаичного тотемизма как историко-культурный фон поставляла духовности мифологические когнитивные фигуры в виде обозначенных выше ментальных комплексов: отсутствие каузальности, симбиотичность прошлого и настоящего, старого и нового, природы и общества, единого и многого, субъективного и объективного. В слоге квалифицирующего суждения это — антропоморфизация природного и натурализация человеческого в пределах тотемической духовной организации. (Отождествление «самости» — как таковой ее пока нет — с родовым началом просматривается в названии племен. Штернберг идентифицировал «горного», «водного» человека и т.п. Скрепляемый с тотемом человек — соплеменник из «моей деревни»; другой — чужак, внеплеменник, варвар. Характерно установление родства — по тотемной, а не кровно-родственной принадлежности¹⁷⁷.)

Утрирование биосоциальной природы образа как продукта взаимодействия высшей нервной деятельности и культуры позволяет нащупать требуемое. Субъективная сторона перцептивности встраивает материю ощущаемого в череду культурно-исторических смысловых корреляций, вызывая только предугазанные системой духовности перцепции¹⁷⁸. С предметной точки зрения мифологическая духовность, инициируемые ей смысловые связи, синтезы, никакой критики не выдерживают.

Диахронный подход к излагаемому выставляет сюжетную сторону дела в несколько ином свете. Дело не в содержании первоначальной духовной среды — оно отмирает и вымирает, — дело в потенциях, способностях быть порождающей структурой, производить перспективное. С этих позиций качество мифологических преднастраивающих ментальных схем (предметно неадек-

¹⁷⁷ См.: *Фрейденберг О.М.* Цит. соч. С. 31.

¹⁷⁸ Там же. С. 26.

ватное, иллюзорное) все-таки инспирирующе. Мифологическая акаузальность, т.е. причинность «по смежности», позволяющая проводить отождествление происходящего в природе и человеке (синкретис объективного и субъективного), обогащает духовность законом партиципации — участие, причастие, сопричастие. В онтологическом плане «сопричастие», разрушая самотождественность вещи, вводит атрибутивную метафоризацию — плотское «оборачивание». «Все» становится «всем», пребывает во «всем», принадлежит «всему».

Сценарий текущей, пластичной, мерцающей действительности-трансформера, испытывающей необусловленные внутренним порядком метаморфозы, стержень мифологического мироощущения. Но одновременно данный сценарий — стержень изошренного символического миропредставления. Мифологическая архаическая иллюзорная форма, передающая восприятие окружающего и предшествующая понятийному строю мысли¹⁷⁹, символически бесценна. Мифологическое «сопричастие», «оборачивание» функционально изоморфно символической «инкарнации», действующей по сходному правилу метафоризации явлений — правилу образно-смыслового переноса.

Закон инкарнации, мультипликации миров вследствие предметно немотивированной образно-признаковой трансляции — шиболет символического. Ему удовлетворяют все его формы.

Наука: «гипотез не измышляющий» естествоиспытатель Ньютон вслед за метафизически рафинированными кембриджскими платониками (Кедворт, Паркер, Г. Мор), эксплуатировавшими идею духов в физических телах, усматривает в «гравитации» «склонности» — проявление «симпатии и антипатии».

Религия: в церковной символике «стол» преобразуется в «престол», становясь аллегорией «неба» (вещь, утрачивая черты вещественности, оказывается «измышлением»).

Искусство: постановка образа на место предмета — сугубая дереализация.

Политика, идеология: подмена реалий интересом — отчуждение жизненного.

Мораль, право: связывание интеракции конвенансами — ходульность, утрата естественности.

Ход от последующего к предшествующему уяснен: миф сообщает культуре выработанную в тотемистской архаике симво-

¹⁷⁹ Там же. С. 43.

лическую технику производства условностей, если не сказать фикций. Уясним же и противоядие — превозможение мифа: каким способом предшествующее преодолевается последующим.

Punctum saliens духовного прогресса — трещина синкретиса событийного и мыслимого, расщепление предметного и метафорийного (аллегорийного) планов миропереживаемого. От нерасчлененной мифологической образности как от естественной среды в точном смысле слова откалывается метафора, своим отщепенством навевая осознание наличия в содержании образа как предметных (натуральных), так и смысловых (ментальных) «переносных» связей. Момент различения в образе предметного и смыслового расширяет трещину в единстве бытийного и мыслимого до разногласия содержания и формы. Следующий этап эскалации конфликта — рефлексивное признание отсутствия буквального тождества вещей, осознание их онтологической отъединенности, инвариантности (крах стратагемы «все во всем»). Четвертый этап противостояния — отчленение «причастности», которая может сложиться и состояться в семантически локализуемых случаях применения тропов — иносказания (аллегория), переносы (метафора). Скажем, тождество «вина» и «крови».

Формальная сторона образа, соответствовавшая его смыслу, утрачивает самодовлеющее значение. Тропы переводятся из разновидности образа в противостоящую ему инстанцию — делаются трансляцией тождественного смысла на различные ситуации¹⁸⁰. Так, эпитет определяет вначале одно качество одного предмета, затем переходит на другие предметы той же семантики: «звездное небо» — «звездный час» (налицо большая расширительность, переносность)¹⁸¹. Воссоздавая образ в смысле мифологическом (форма) и понятийном (содержание), тропы продуцируют вторичный смысл образа, принимающий характер иллюзии.

Забегая вперед, скажем: понятие возникает из образа как его иллюзорное производное, своим «мимезисом» воспроизводит действительность в залоге «воображаемого»¹⁸². Так, потеряв мужа, Алкеона называет себя «бескрылой птицей», вводя тем самым понятийное обобщение «женская доля», «непреодолимое уныние», «тоска».

За счет перевода предметного в постигаемо-генерализованное содержание сознание пребывает «вообразительным».

¹⁸⁰ См.: *Фрейдберг О.М.* Цит. соч. С. 23.

¹⁸¹ Там же. С. 198.

¹⁸² Там же. С. 200.

В специальных рефлексивных студиях последнее

— либо наделяется собственным бытийственным статусом: лишаясь образной генеалогии, помещается в самостийную сферу содержания «в себе», трансцендентное идейное царство (неверифицируемые утверждения о запытной реальности; чистые теоремы существования);

— либо получает предметную проекцию (опытная апробация, объективация);

— либо автономизируется в качестве тропного сознания (скрытые смыслы, иносказания вплоть до тотальной абсурдизации реальности, социофрени).

Первый случай — парализация мысли спекулятивной демонизацией духовности в рационально-метафизических, теологическо-догматических учениях о мире, душе, боге.

Второй случай — аналитическое «расколдовывание» мира с лишением его атрибуций божественности, чудесности, священности¹⁸³.

Третий случай — технически сходный с мифологическим, но методически обратный ему процесс смыслового объединения вещи и образа: аллегоризация, метафоризация мира, привитие ему модуса «вообразительности». Приближенная к времени мифологическому Античность даёт фольклорные представления судьбы во плоти: Дика, Гибрис, Фемида, Мойра, Ананке, Адрастея, Немесида, в понятийной редакции получаемые как персонализация вырабатываемых народным сознанием концептов «Доля», «Правда»¹⁸⁴. Удалённая от времени мифологического современность поставляет умышленные авангардистские, контркультурные, постмодернистские представления безумно-бессмысленного мира как реальности, которую должно превозмочь.

Не перегружая изложения новыми уточнениями и различениями, остановимся на том, что высказанного достаточно для разъяснения природы искусства. Паушально подпадая под третий случай, перенимая у мифа технику символизации мира, искусство жизнедействует как ответвление тропного интеллекта, специализирующегося на производстве параморфных моделей: выставление системы S ресурсом дополнительной системы S' , выводящей в образный ареал опыта. Образ для искусства, как дым для огня, «постоянное сказуемое к переменчивым полежащим»¹⁸⁵.

¹⁸³ Weber M. Aufsätze sur wissenschaftslehre. Tübingen, 1951. S. 582.

¹⁸⁴ См.: Фрейдберг О.М. Цит. соч. С. 439.

¹⁸⁵ Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 314.

Сетка координат. Символическое разворачивание ориентировано на жанровые (родовые, сюжетно-стилистические) системы отсчета, специфицирующие образные выражения. Творческие воплощения, художественные преобразования, пересоздания мира идут с использованием разных технических решений — созвучий (музыка); палитры, перспективы, игры света-тени (живопись); пластики (балет); вокала (пение); сценического действия (театр, кинематограф); «плетения словес» (литература); резьбы, высекания, лепки,ковки, отливки (скульптура, архитектура). Это — экстенсивно.

Интенсивно художник, как философ, — апеллируя к мотто Ницше, — человек, несущий наибольшую ответственность за тотальную эволюцию человека. Не упустим: наибольшую ответственность за тотальную человеческую эволюцию. Ни много, ни мало, речь — о вселенской роли, величайшей миссии, доверяемой выдающимся по призванию. Кто попадает в круг избранных? Отмеченные «искрой божьей». Способные быть центром, душой, обостренным самосознанием. Не надо скромничать, ограничивая претензии, — именно: центром, душой, самосознанием. Времени. Народа. Человечества.

«Я с веком поднимал болезненные веки», — признавался Мандельштам. О чём признание? О творческом назначении — в проявлении мастерства даровать прозрение

Народу нужен стих таинственно родной,
Чтоб от него он вечно просыпался.

(*О. Мандельштам*)

Философия есть самосознание от имени разума, схватывает «эпоху в мысли». Искусство есть самосознание от имени образа, схватывает «эпоху в символе».

«Все в этом мире есть символ», — озадачивает Гете. Сентенция выказывает справедливость лишь в эпизоде неординарного сознания, обладающего редким талантом пробуждать и возбуждать символическое. В искусстве, как символической сфере, и в самом символе первостепенны

- обозначение;
- предзнаменование;
- значительность (смысловая избыточность).

В отличие от утилитарного, активирующего рассудочно-аналитическую сторону, символическое активирует фабульную сто-

рону, предписывающую руководствоваться не «причинностью», а «превосходительностью».

Закон символического, закон «превосходительного», вытекает из кодекса избранничества натур творческих, призванных

Молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном.

(К. Бальмонт)

И через это самоисключительно вставлять себя в твердые рамки вечного:

Среди людей ты божества наместник,
Так помни, чтоб в словах твоих был бог.

(К. Бальмонт)

Мотив божественного масштаба, долга представительства в мирском божественного, высшей богоравной участи вершителя дел людских от искусства является знаковым лейтмотивом самосознания обсуждаемой практически-духовной формы символического. Ограничимся отсылкой к Хлебникову: «Мы — новый род люд-лучей. Пришли озарить вселенную»; и Мандельштаму: «От меня будет свету светлей».

Сочинительство. Вексель, по которому следует платить в искусстве, — неординарность, оригинальность созидания. Запас прочности в науке прибывает демонстративностью факта, доказательства; в морали — представительностью опыта; в религии — крепостью веры; в политике — верностью интересу; в искусстве — необычностью, неожиданностью, неподражательностью изображения (выражения). Искусство перекрывает трясины будничного глубиной, высотой, смелостью духовного подъема. Художество — аболиция заурядного, являющегося его антиподом. По той простой причине, что, будучи онтологически косным, заурядное эвристически недухоподъемно, образно невыразительно, пошло, свертывает в «творог седые сливки бытия» (Пастернак).

Хотя греки не различали «искусство» и «искусность», пользуясь синкретизирующей лексемой «техне», Плутарх, тем не менее, вводил дистинкцию «изящное искусство» — «обыденная ремесленная выработка». Следовательно, и для во многих отношениях основополагающего античного метасознания не все в искусстве «техне». При учете сказанного искусство (не искусность) — удел богов-демиургов, творцов. Причастный искусству

художник — всемерный дерзатель, превосходитель жизненной прозы, богоподобный креатор возможного мира, вызываемого к жизни новаторским взрывом воображения, жадной самовыражения

Умей хотеть — и силою желаний
Господен дух промчится по струнам.

(К. Бальмонт)

По непрерывному обилию созидания, преодолевающего рутину затрапезного, проводится демаркация «оригиналов» — «копий». Одно — произведение, другое — воспроизведение. Одно первично, другое вторично. Одно показатель духовной силы, другое слабости. Одно продуктивно, другое репродуктивно. В одном расцвет креации, в другом его подавление. Одно оплот творчества, другое эпигонства. Между одним и другим ни в чем, никогда не может быть заключен даже молчаливый союз.

Первоначально оправданное сближение портрета с фотографией обусловлено передачей «лица лица». Между тем удаление от поверхности упраздняет «оправданность» данного сближения, упрочивает понимание кардинальной разнородности, несопоставимости двух планов: «лицо лица» — уж точно «на лице», — только как выраженном?

Фотография — светочувствительная калька; портрет — образно-метафорическое сочинение. Фотография — регистрация внешнего; портрет — реконструкция внутреннего. Фотография запечатлевает реальное, портрет — идеальное. Фотограф — агент «техне», предается «ремесленной выработке». Художник (портретист) — агент «изящного искусства», предается созданию шедевров. Разница: причастность явному (органическое соматико-эпизодическое) — причастность скрытому (надорганическое характерно-типическое) и отличает природу креатур Ното symbolicum. Как итоги его продуктивных усилий, фотография — предмет-знак (иконический), портрет — предмет-символ. Одновременно она (разница) оттеняет ранее намеченную аналогию художник — философ. Высказывает Д. Бруно: «философами являются некоторым образом живописцы и поэты (и разумеется, прочие деятели искусства. — *В.И.*); тот, кто не воображает и не изобретает, — не философ».

Широкое течение жизни художника принадлежит двум мирам, и это суть, вспоминая Спинозу, *natura naturans* и *natura naturata*.

Настаивает Заболоцкий:

Два мира есть у человека (читай: художника. — *В.И.*):
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Жизнь — щедрый дар, коему должно найти достойное применение. Тщета земного бытия преодолевается творчеством. Бесспорно, по данной причине художественное, экстракт творческого, расценивается в качестве высшего типа символического освоения действительности; субъект же его, художник, — в качестве полномочного его представителя.

Онтология. Осмысливая статус математических объектов, Аристотель реставрирует платформу Платона. Помимо чувственных предметов и идей автор диэрезы «в промежутке устанавливает математические вещи, которые от чувственных предметов отличаются тем, что они вечные и неподвижные, а от идей — тем, что этих вещей имеется некоторое количество сходных друг с другом; сама же идея каждый раз только одна»¹⁸⁶. Выделим интригующее «в промежутке». В промежутке, по-гречески «метаксю», указывает на бытие срединное. Далее Стагирит уточняет: «что математические предметы не являются сущностями в большей мере, нежели тела, и что они по бытию не предшествуют чувственным вещам, но только логически, а также что они не могут где-либо существовать отдельно, об этом теперь сказано достаточно; а так как они не могли существовать и в чувственных вещах, то ясно, что они либо вообще не существуют, либо существуют в особом смысле и вследствие этого — не непосредственно: ибо о бытии мы говорим в различных значениях»¹⁸⁷.

Итак, обозначается бытие срединное, не непосредственное, в особом смысле. О чём речь? По всем приметам — о бытии подобного. Сочленяющее черты единичного и общего (вещей и идей); существовательное не предшествующее ни чувственному, ни умопостигаемому; в особом смысле, т.е. логически, ассоциирующее акцидентальное и сущностное, — именно «подобное» бытие срединно, не непосредственно, своеобразно. Таково субстанционально родственное бытию математическому бытие художественное. Попробуем объяснить.

¹⁸⁶ *Аристотель.* Метафизика. М.; Л., 1934. С. 29.

¹⁸⁷ Там же. С. 221.

В платоновско-аристотелевской трактовке бытие много-слоинно. Начальный уровень: «первичные сущности» — предметы, индивиды. Следующий уровень: «вторичные сущности» — виды, роды материальных предметов, т.е. особенное и общее, проявляющиеся в индивидуальном. Завершающий уровень: «третичные сущности» — сверхродовые архетипы — всеобщие идеи.

Первый онтологический уровень осваивается чувственностью. Третий уровень — анамнезисом, поэзисом, дианойей. Второй уровень осваивается математикой и искусством, субстратно замкнутым на «подобное», эвристически — на «типическое». Скажем, характер человека как предмет изыскания. Орудием его овладения не могут быть ни закон, ни случай. Бытийная стихия, соответственная феномену, здесь — срединное или, в уточняющей редакции, сущностное, данное в явленческом, типическое.

Типическое заявляется не непосредственно, что вытекает из сочетательного его статуса, — оно смешение: онтологически — общего и частного; гносеологически — абстрактного и конкретного. Типическое заявляется как отличительно потенциальное в последовательном развертывании характерного через эпизодическое, проходное.

Модус потенциальности — модус неперменного обнажения значимого в малозначимом реконструктивно крайне нетривиален. В отличие от математики, в искусстве в кругу инструментов его экспликации не фигурирует ни номологически (аксиоматически), ни остенсивно определяемое. Типическое в искусстве не изъясняется, оно изъясляется. Иными словами, обнаруживается тогда, когда в ряде усмотрений опыта устанавливается твердый оправданный взгляд относительно сущностных саморазоблачений предмета. В математике в сходных целях прибегают к арсеналу правильно построенных предикатов, обобщений, доказательств; в искусстве — к арсеналу погружения в творческие импульсы героев, жизнедействующих в «особом пространстве духовных принципов», которые обитают за действительностью и определяют в конце концов эту действительность¹⁸⁸.

Бытийственный просцениум и он же выразительный полигон искусства — «общее в предметах одного вида», типическое.

Лишенное вещественного основания типического искусство вырождается в искусность. Освоение лишь сущностей близлежащих, сведение комплексной онтологии художественного к

¹⁸⁸ Hauptmann J. Ausgewahlte Dramen. Berlin, 1956. Bd. 1.

первопорядковой составляющей, произвольное варьирование реальностей как проявление свободы (убогости!) поиска чреватых невосполнимыми содержательными утратами — обеднением, упрощением, выхолащиванием художественного.

Вдохновляющее одних ужасает других. Символ — мощный духовный ресурс, позволяет созидать возможные миры силой воображения, комбинированием образного. Важно только, пускаясь в версификации, не отпускать вожжи, не утрачивать главного: инспирируемый видимой стороной вещей символ всегда — выразитель глубинного, он — воплощение, инкарнация значения, значимости. Если характер подменяется ролью, стиль стилизацией, символическое утрачивается. Обретается нехудожественно рассчитанная неправильность в виде безвкусной, вульгарной, схематической, абсурдной «суммы разрушения» символического. Мерцание несимволических смыслов в банальной вещественной оболочке бросает тусклый отблеск на поделки непревращающих глыбы мрамора в статуи.

В нестройном ряду последних

Примитивизм: интенция сложный мир выражать неотягощенными глазами ребенка.

Кубизм: интенция разносторонний мир выражать элементарными пространственными конфигурациями (рисунок — «геометрическое место» точек).

Фовизм: стихийная динамика творческих проявлений, упрощение контуров в резком обобщении объемов, их деформации.

Сюрреализм: интенция на утверждение бытийственно неоправданного, недостоверного — мира без пространственно-временной размерности, общества без людей (недействительность человеческих группировок); продуктивно не выверенные приемы монтажа, коллажа, алогичности — стыковка логически несвязного, сближение несближаемого, внесмысловая вязь слов, фраз, растекание реальности (практически, согласно установке Дюбуафе, «Я люблю живопись, когда она уже почти не живопись», Аполлинер отменял изобразительность, выполняя рисунки кровью, экскрементами, чем попало — марками, картами, губками, канделябрами, воротничками); экстравагантность, иррациональность, бессмысленность, фантазмагоричность изображаемого, экстремальность метафорического, галлюцинативное смешение реального и мнимого.

Абсурдизм: перенос естественных вещей в неестественную среду пребывания.

Дадаизм: антиэстетизм вводимых образов, художественный нигилизм (чего стоит варварство Дюшана, пририсовавшего Моне Лизе плебейскую бородку с усиками).

Ташизм: бесформенная, автоматичная, бессознательная претенциозная самореализация.

Абстракционизм: вытеснение образности «идейностью», не-позитивная нарочитость сочинительства.

Авангардизм: разрушение канонов классики, перевод новаторства в самоцель.

Неоимпрессионизм (дивизионизм, пуантилизм, соноризм, алеаторика): абсолютизация средств самовыражения (формы) в ущерб предметному содержанию.

Бездуховное не в состоянии созидать духовное. Нетворческое не способно быть творческим, нехудожественное художественным. Умение рифмовать не делает поэтом; умение ставить пятна не делает художником; умение передавать (или не передавать) шумы не делает музыкантом. Беспредметничество, эскапизм, стихийно-импульсивная техника самореализации, сиюминутность выразительного порыва, не дотягивающего до изображения (привлекая мысль Гауптмана) возвышенной сущности выводимых предметов, — все это отдельные звенья единой цепи — отмены дорогостоящего качества художнической работы демонстрировать «типические характеры в типических обстоятельствах» (Энгельс).

Развал абстракционизма, авангардизма, модернизма отмечен оформлением конфузного фигуративного псевдоискусства третьей четверти XX в. — поп-арт, оп-арт, эл-арт, окр-арт, — по трезвому размышлению покрывающегося техне и в личине «ремесленной выработки» противостоящего искусству. Не могут же в самом деле тщания по части организации дизайнера витрин причисляться к чему-то высокому.

Источник. Озабочивается Гете:

Кто вносит в шум разрозненности жалкой
Аккорда благозвучье и красу?
Кто это?..

В виде решения предлагаемое:

...человеческая мощь,
В поэте проступившая открыто

в общем, приемлемо, но не исчерпывающе — не избавляет от не-

обходимости уточнения: откуда мощь? за счет чего? То, что художник «не берет, а рождает» (Эдшмид), ясно, однако же не настолько, чтобы отчетливо представлять: каким образом? Недосказанное — генеалогия творимого (не перенимаемого) в искусстве мира — волнует, возбуждает мысль аналитическую. Подвергшись систематизации, положительные итоги последней упаковываются в три русла: обычно указывают на жизнь, природу, народ. Представим объяснительные линии с помощью цитат.

Золя: искусство — «жизнь, только втиснутая в определенные рамки».

Бальмонт: Хореи и ямбы, с их звуком коротким,
Я слышал в журчаньи ручьёв,
И голубь своим воркованием кротким
Учил меня музыке слов.
...
Плакучие ветви берёз
Мне дали певучий размер амфибрахий,
...
И дактиль я в звоне ловил колокольном,
И в марше солдат анапест.

Горький: народ — «единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»¹⁸⁹.

Для возможности строгого осмысления интриги восстановим проблемное. Камень преткновения составляет установление питательной почвы художественного: вследствие каких инспираций, как таковое, собственно, оно возникает? Действительно, вследствие проявления каких конкретных инстанций образно-выразительное пробуждается? Отсылка к жизненной, природной, общечеловеческой почве, к которой, подобно Антею, следует припадать, дабы черпать творческую силу, уместна.

Прообразом художественно базовых «порождающих структур» выступают присущие космическим процессам объективные свойства. Постепенно получая в рефлексии явное оформление, они становятся духовными явлениями, в качестве рефлексивных канонов целеориентируют созидание. Космос «говорит» шумом

¹⁸⁹ Горький М. Разрушение личности // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб., 1909. С. 353.

фундаментальных стихий: воздуха (шелест), воды (плеск), огня (треск), земли (гул), «расцветивает» палитрой красок — цветовая гамма времен года. Наделение естественных оппозиций высокое — низкое, небо — земля, теплое — холодное, быстрое — медленное ритмической, тактовой определенностью позволяет различать низкий и высокий тоны, метрические повышения и понижения¹⁹⁰ и т.п.

Планомерная ритмизация жеста развертывает технику плясового действия. Ритмизация звука развертывает технику декламации, пения, прозы, поэзии, музыки. Гармонизация цвета (пропорция, много позже — перспектива, подбор красочных сочетаний) развертывает технику живописи. Не случайно изящные искусства Аристотель именует миметическими — подражательными, — т.е. воссоздающими черты действительного¹⁹¹.

Следовательно, мнение: референт созидательного в художественном — реальное (жизнь, природа, стихия народного — фольклорно-эпического — сознания, на всех уровнях, всеми средствами чутко фиксирующего существо протекающего), вполне понятна, оправдана: генетически и функционально она состоятельна.

Однако удовлетвориться все-таки ею нельзя — оставляется без внимания интимная сторона выполнения художественной ткани как единства проблематики, метода, стиля. Совершенно справедливо подмечает Гете: «природа каждому является в его собственном обличи»¹⁹². Спрашивается: посредством чего именно?

Учитывая колоссальную роль импровизационной стороны художественной деятельности, вкрапленность в выразительное существование многообразных пафосных импрессий, экспрессий, безотчетных импульсов, размытых ассоциаций, развеивается сомнение относительно того, что не может быть художественной реальностью то, что «является как внешняя действительность»¹⁹³. Критика методологии зеркального соответствия мира природы миру науки, приведшая к развенчанию наивного реализма, должна быть учтена методологией искусства, предрасполагая к выстраиванию непрямолинейных моделей.

Сильная методология искусства — сильная поэтика — должна тематизировать творческий процесс не только в отображатель-

¹⁹⁰ См.: Фрейдберг О.М. Цит. соч. С. 56.

¹⁹¹ См.: Аристотель. Поэтика. М., 1957. С. 127.

¹⁹² Goethe Y.W. Natur und Kunst. Leipzig, 1959. Bd. 1. S. 480.

¹⁹³ Edschmid K. Leichen der Zeit. Hamburg, 1952. S. 152.

ной (объективной), но и креативной (субъективной) плоскости. Отступление от наивного реализма, натурализма в поэтике предполагает принятие позиции конструктивного синтеза, объясняющего возникновение художественного воображением, полетом мечты.

Представляют необычайную ценность признания, прозрения, самоотчеты лиц, встроенных в творчество.

Батюшков: Мечтание — душа поэтов и стихов
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве мечтой.

Жуковский: поэт поет, мечтает и — блажен!;
Мечты — его народ:
Сбирает с них доход
Фантазия крылата.

Пушкин: Идешь, куда тебя влекут
Мечты невольные. Твой труд
Тебе награда — им ты дышишь...;
Поэтам... дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье...

Бальмонт: *разбив оковы мысли, быть скованным — мечтой.*

(Если данного нет — творческий, жизненный кризис, обстановка «свинцовых мерзостей» обыденности.

Ахматова: Здесь все то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.)

Творимый искусством мир воображаемый вызван к жизни «посланицей небес», «неба даром благим», «источником сладких дум и сердцу милых слез» (Батюшков) — мечтой. Дело художника — мечтать. «На крыльях мечты», «летанья в поднебесной» отправляется труд, вершится профессиональное дело, возникает нетривиальный продукт:

В царство сказок возвратились боги,
Покидая мир, который сам,
Возмужав, уже без их подмоги
Может плыть по небесам.

(И. Шиллер)

Введением потенциала мечты — конструктивно синтетического инструментария, индуктора воображения, орудия мыслительного ассоциирования представлений — снимаются несообразия наивного реализма в объяснении «изысков» импрессионизма (выстраивание частных образных картин мира);

экспрессионизма (персональное упорядочение мировой хаологии); рефлексивной интроспекции (искусство «потока сознания»).

Искусство, как символическое выстраивание мира, реализуется по «вымышленным», «умышленным» порядкам мечты; не по достоверным законам природы, а по правдоподобным нарочитым условностям.

Возьмем в союзники узус: «над вымыслом слезами обольюсь»; «правды жизни нам дороже нас возвышающий обман»; а также казус: Л. Андреев отказывался принимать «прекрасную» истину ввиду несообразия ее прообразу — «безобразной» жизни (в его понимании). (Если тот же Горький поднимал человека со дна, то Андреев опускал его в бездну.)

Субъект. Агент искусства — не трансцендентальное (логизированное знание), а персональное начало, подлежащее самовыражению. Демонстрация неповторимости, исключительности, необыкновенности как субъективного — перипетии заявления, раскрытия самости (манера, стиль, наполнение), так и объективного — перипетии жизнедействия в существовательных локалах (поступки, герои, образы, выстраиваемая творчеством авторская реальность), — обратная типизации процедура индивидуализации. Прибегая к последней, художник использует собственный реквизит выражения — стандартные средства коммуникации интимно-авторское (исповедальное) не обслуживают; созидает скрывающуюся за знаковой авторизованную образно-смысловую реальность. Знаковые, образно-смысловые штудии подчинены разрешению тончайшей задачи — показу единосущной, не подводимой под «тип» бесподобности.

С позиций каких-то отрешенных идеальных интенций искусство стремится соблюсти баланс выразительного (обозначение) — образно-смыслового. Однако в реальном тигеле творчества приготовить однородную массу из этих двух ингредиентов непросто.

Проблему отношения знака к смыслу возможно истолковать в раннегреческом духе — под фирмой дихотомии «явление — сущность». По-гречески «явление» эквивалентно светящемуся, появляющемуся, в зрительном плане показывающемуся, т.е. преходящему, противостоящему существу. В результате сближения «явления» с «внешним видом без сути» (латинская калька *imago, forma, figura, species*) возникла оппозиция «внешне призрачная бессущность» — «идейно-понятийная суть», передаю-

щая главный признак, основное качество. Не погрязая в ретроспективе, вернемся к нашим баранам.

Соответствие «сигнификация — семантизация» трудно сбалансировать вследствие разнопричинного характера поиска, детерминируемого психологическими (предпочтения), гражданскими (ангажированность), идейными (тенденциозность) и т.п. факторами. Полифакторность, разнопричинность, как некие базовые кондиции исканий, предопределяют художественную вариативность «продуктов выхода», обязывают проводить рефлексивную привязку аналитического (критического) суждения к конкретному казусу в конкретном эпизоде. De facto носитель метасознания, профессиональный аналитик (критик), сообразует квалификации с частными реконструкциями тех или других художественных заявлений. Что же до общей (принципиальной) реконструкции, ее компетенция по необходимости может быть замкнута лишь на ареалы недетализируемых крайних исходов. С полной оправданностью, следовательно, можно только высказать: художественный поиск перерождается ввиду маниакального поглощения либо «обозначением», либо «смыслом».

Радикальная гиперболизация первого вырождает искусство в чистые формальные упражнения, трюкачество (Хлебников, Крученых — поэзия; Булез, Штокхаузен — музыка; Пикассо, Уник, Тсара — живопись).

Радикальная гиперболизация второго вырождает искусство в конъюнктурный дидактизм, публицистику, чистые идейные упражнения (Просвещение, совокупный социалистический реализм).

В искусстве, совершенно очевидно, обязан соблюдаться некий минимум художественного, на поверхности проводящий водораздел обиходного, практического и эстетического самовыражения. Здесь

- звуковая организация (ритм, рифма, эвфония);
- образность (фигуры, тропы, смысловые полутоны, обертоны, семантическая многоплановость);
- композиционность¹⁹⁴.

Это — в идее, «по понятию». В действительности — в силу подвижности критериев «обыденное», «художественное», размытости «самовыражения» — дело обстоит более витиевато. Возьмем нарочито несистемные, эпатажные кредо, декларации-программы творческого процесса.

¹⁹⁴ См.: Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 129.

Кубизм: «искусство — это ложь»; художник поет, как птица, и это пение нельзя объяснить; изображение — самодовлеющая ценность безотносительно к реалиям изображаемого; «пока искусство не освободится от предмета, оно осуждает себя на рабство» (Пикассо, Дехоне).

Конкретная музыка: переработка записанных на магнитных лентах натуральных звуков (Шефер, Анри).

Линериализм (экспрессионизм, додекафония): формальный метод сочинения, основанный на толковании мелодии как абстрактного движения звуковысотной линии с подрывом гармонии.

Минимализм: воспроизведение музыкальных фраз, ритмических модулей не в унисон, а с отставанием на фазу с последующим увеличением временных промежутков и изменением рисунков звучания (С. Райх, Райли, Д. Адамс).

Беззвучовые «пассажи» Д. Кейджа (композиция «4'33"» — 4,5 минуты тишины) — полный зал с симфоническим оркестром, храня безмолвие, внимает собственным шумам.

Авангард: творение не для масс, а профессиональной оценки музыкального потенциала узкой группой специалистов, — экспериментаторство по типу Шёнберга, введшего додекафонный ряд (ср.: поэтические экзерциции Хлебникова для узкого круга).

Сугубо ошибался Кант с идеей универсального эстетического (чувственного) суждения: дескать, когда человек судит контекстуально, он «судит тогда не только за себя, но и за каждого (? — *В.И.*) и говорит о красоте так, как если бы она была свойством вещи»¹⁹⁵.

Не существует высшего мерилa вкуса — ни в воображении, ни в мысли; суждения вкуса релятивны. До каких пределов? До пределов актуализации начала художественной конвенции: художественное конституируется в качестве полноценного любой превосходящей «авторскую» фактурой субъективного. Так — социально. А духовно? В отсутствие идеала художественного, как такового, вырабатываются практически целесообразные индикации типа «золотого сечения», законов перспективы, пропорциональности, гармоничности, которые *au naturel* регулируют выработку квалифицирующего суждения.

Статус художественного задается конкордией обозначения (выражения) — смысла (содержания). Настаивает Бахтин: язык

¹⁹⁵ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 5. С. 214.

для поэзии — «технический момент»; главное — что за словами, лингвистической определенностью. Технический момент искусства (слово, звук, цвет, жест) — синтаксис — не заслоняет, не подменяет семантику. Взятый единосошно, сам по себе синтаксис только потенция произведения. Подлинное произведение — синтаксис солидарно с семантикой.

Фета упрекали в «неграмматичности» стихов (Полонский, Страхов, Тургенев). Вместе с тем (при данном «пороке»), Фет остается непревзойденным мастером по части задания скрытых значений, виртуозом владения смыслообразной техникой слова. Фету «прощается» «неграмматичность».

Многие пьесы Шекспира созданы под «кальку». «Гамлет» до Шекспира написан Кидом. Однако воспроизведение фабулы не дает оснований ставить ему в упрек «тиражирование». (Сказанное во многом утрачивает силу в отношении Тургенева, поздние романы которого — «Дым», «Новь» — явная репродукция.)

Пушкин свит из заимствований.

Державин: Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить.

Пушкин: Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...

Сумароков: О вы, которые стремитесь на Парнас
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать.

Пушкин: О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте...
Не говоря уже

Крылов: Осёл был самых честных правил.

Пушкин: Мой дядя, самых честных правил.

Однако, подобно Шекспиру, Пушкин пребывает Пушкиным: не усвоителем, не перенимателем, а переосмыслителем, пересмотрителем «кочующих сюжетов», вечных предметных линий — «гением чистой красоты» (заимствование у Жуковско-го). Как говорил Пикассо: хорошие художники копируют, великие — крадут.

Верлен, Северянин «прощаются» за упивание «мелодикой слова». Аналогично Бальмонт, за эвфонию прозванный «Паганини русского стиха», «прощается» за «вульгаризацию аллитерации» (Блок). Импрессионисты «прощаются» за растворение

объемов в свете, постижение красоты в чувственно достоверном, созерцание без осязания, за «узость» сектора обзора инициированного человека (Ван Гог, Гоген, Матисс, Дега, Утрилло — живопись; Дебюсси, Равель — музыка). Экспрессионизм «прощается» за демонстрацию мятущейся личности, разорванности мира, смятенной индивидуальности, человеческого разобщения (литература: Кайзер, Верфель; живопись: Ф. Марк, Нольде; музыка: Шёнберг, Берг). Романтизм «прощается» за смешение реального и кажимого (Новалис, Гофман, Шелли, Гюго — литература; Шуберт, Вагнер, Вебер, Берлиоз, Лист, Шопен — музыка; Делакруа, Рунге, Кипренский — живопись). Рембо «прощается» за учреждение особого написания и произношения согласных, избрание глагола поэзии, который «когда-нибудь станет внятн сразу всем нашим чувствам»¹⁹⁶. Римский-Корсаков «прощается» за растянутые аккорды, увеличенные трезвучия, уменьшенные септаккорды (следствие «цветного слуха» — все тональности, в особенности диззные, имели для него цветовую окраску — «мибемоль-мажор — темный, сумрачный, серо-сиреневый, тон городов, крепостей»; фа-мажор — ярко-зеленый, пасторальный, цвет весенних берез и т.д.).

Сюрреалисты «прощаются» за утверждение неправдоподобного, «чудесного» (Бретон, Супо, Элюсар, Арп, Жар). Абстракционизм «прощается» за акцентуацию состояний духа в цветополифонии (Кандинский, Малевич, Купка, Тетлин, Мондриан). Тициан «прощается» за то, что порой писал пальцем. Эль Греко «прощается» за удлиненность фигур (следствие дефекта глазного яблока). Ультраисты «прощаются» за гипертрофию метафоры (Борхес). (Борхес от близорукости прибегал к воображению, преодолевавшему «размытость» мира.) Босх «прощается» за смелость в поиске колорита. Малевич «прощается» за «черный квадрат» как «щекотку для нервов» (Арнхейм).

Художник, верный себе в стилистике слова, штриха, мазка, тона, в свободе творчества заявляя свою волю, созидает искусственное (искусство), выступающее производным его индивидуальности. Наука схематизирует; искусство, типизируя, индивидуализирует. В науке выпрямление переживаний, в искусстве стихия их непосредственности. Науку держит универсальность, репрезентативность; искусство — самобытность.

Приближаться к миру в науке заставляет проверка; подниматься над миром в искусстве заставляет мечта. Ученый постига-

¹⁹⁶ Рембо А. Произведения. М., 1988. С. 323.

ет реальность через силу мысли; художник постигает реальность через силу воображения, глубину индивидуального опыта — через субъективный образ субъективного мира. «Работник науки, — указывает Горький, — изучая барана, не имеет надобности воображать себя самого бараном, но литератор, будучи щедрым, обязан вообразить себя скупым, будучи бескорыстным — почувствовать себя корыстолюбивым стяжателем, будучи слабовольным — убедительно изобразить человека сильной воли».

Субъективизация... Все дело в ней. Разрастание субъективного, однако, имеет теневую сторону. Удовольствие жить в придуманном художником рае разрушает всеобщая способность искусства выстраивать невсеобщие смысло-образные символические проекты. Клеймо субъективности в науке вытравливается логизацией: персонификации контекста открытия трансформируются в деперсонификации контекста оправдания выхолащивающей личностное обосновательной процедурой. В искусстве субъективное не вытравливаемо в принципе: художник не воссоздает, а, заявляя оригинальность, создает не имеющее аналогов. Иной способ формообразования дает либо плагиат, либо ремесленничество — исключаемое искусством тиражирование. Отсюда — максима предельной полноты, свободы самовыражения как со стороны формы, так и содержания: долг, призвание художника проявлять творческую исключительность.

Совершив круг, таким образом, мы возвратились к исходному. Благодатную интенцию на исключительность сопровождает неблагоприятная интенция на болезненную взвинченность, пустопорожнюю жалкую позу. Правомерная претензия «человек — мера дерзаний, решимости» способна оказываться вариацией тлетворной темы «горе от ума».

Дерзкую гордость — *hybris* — Гераклит рекомендовал гасить быстрее пожара. Когда же своенравие ощущений, отпадение от общности, нежелание сливаться с многолюдством (толпа) в заявлении самости прощательно, а когда непрощательно? Почему в одних случаях сбивчивость чувств, умственная предвзятость, отсутствие сердечной убедительности, угнетение суетой допускается, а в других — нет?

В искусстве многое допускается: искание спасения в безобразном; нарушение общего тона; ломка форм восприятия мира; небывалые чувствительные соответствия; пылкая отвлеченность; ошеломляющие сочетания; демонстрация бесшабашности; шокирующие эффекты; посягательство на святыни;

резкие, кричащие интонации; предельные снижения; стилистическая дерзость; подчеркнутые, афишированные выражения; жесткие, саркастические тона и многое, многое другое, что, говоря словами Иезекииля, разрешает творить «себе новое сердце и новый дух»¹⁹⁷.

В искусстве допускается многое. Но не все. Не допускается не позволяющее «дышать мыслью и благоговением» мелкотравчатое шелкоперство. Сиречь: бездарность, духовная низость, затёртость, отрицательное замыкание на самое себя. Обобщенно: художественная, человеческая пустота.

«Слова поэта уже суть его дела», — говорит Пушкин. Присовокупим сюда мелодию для композитора, гамму для художника. Двигаясь в своем материале, своим инструментарием каждый из них делает благородное дело. Дело, которое не допускает порчи. «Испортить дело, — подсказывает Чернышевский, — выйдет мерзость». На фоне любых исканий, изощрений, ухищрений субъективного духа не допустима мерзость.

Белинский сравнивал талант с почвой, которая оценивается по плодородию — по тому, что плодит. Уподобленный почве, художественный талант оценивается по способности плодоносить — производить высокий продукт высокого творчества. Творчества во всех отношениях ответственного, человекоподъемного. Искусство — выражение субъективного мира художника, но выражение это, как и сам выражаемый мир, должны быть художественными.

Эффект. Приобщение к предмету искусства вызывает состояние эмоциональной приподнятости, духовного умиления, благоговения, нравственного удовлетворения — следствие контакта с вдохновительно-воодушевительным. Нежное чувство, возбуждаемое трогательным взаимодействием с обыденному неведомым благородно-глубоким называется катарсисом. Катарсис — состояние внутреннего довольства; ощущение отрады от очистительного омовения души через соприкосновение с возвышенно-величественным — возникает в результате отделения тесного мира сует, освобождения от тщетности каждодневного. Катарсис — сжатие сердца неизъяснимой сладостью блаженства, великое томление самости, исполненность благостной истомы — позволяет, живя не своей жизнью, упиваясь не своими страстями, страдая не своими скорбями, трепеща не за свои опас-

¹⁹⁷ Иез. 18:31.

ности, — позволяет достигать наслаждения, испытывать упоение сопричастием пленительной прелести художественного.

Сугубый эффект катарсиса — своего рода таинство — находит внятнее осмысление в уяснении освоения «сакральных» символических форм. Объект веры (икона, мощи) — не физический объект («доска с изображением» не предмет поклонения верующего); он — средоточие созерцаний «верующей души»¹⁹⁸. Аналогично объект искусства — не фрагмент вечности; он — сгусток созерцаний «художественной души». В обоих случаях речь об инкарнациях, сверхважном духовном процессе «ретарде» — возвращении к себе, обращении на себя. В варианте иконы (отсутствие задних планов, обратная перспектива) человеческое восприятие, не увязая в изображении, концентрируется на священном — в душе. В варианте картины человеческое восприятие, также не увязая в изображении, концентрируется на художественном — в духе. Гносеологический базис обоих исходов составляет хорошо известная по мифологии антропоморфизация. В варианте религии это — обожение, теозис. В варианте искусства это — охудожествление, эстезис. Никакой принципиальной разницы: в образном блоковском слоге все — едино суть — «безличное вочеловечить».

Символический объект как концентрат существовательно продуктивного не прозрачен: он — креативное бытие с человеческой атрибутикой. Субстанциально он двупланов. Имеется материальная плоть, физическая оболочка (буква, жест, звук, полотно); имеется духовное насыщение, масс-энергетическую оболочку превосходящее. Картина, икона — не холст, не доска, а «умозрение в красках». Поэма, роман — не собрание знаков, не текст, а сочинение, где «дух словом дышит» (Бальмонт). Зримые, явные свойства оправы (тон, темп, тембр, колорит, признаки образной вязи), точно гоббсовы метки — некий материальный декор сокровенного — незримой, скрытой бурлящей духовности художника — творца аутентичных миров, вызываемых к жизни воображением, субъективным началом беспокойной личности.

Порука верности расшифровки меток, адекватности восстановления компетентности фигур создаваемых миров — высокий уровень компетентности — желающий наслаждаться искусством должен быть художественно образованным. Искусство — дорога с двусторонним движением: прямой ход — реализация высокого призвания творца; творчество, не направляемое одухотворен-

¹⁹⁸ См.: *Покровский Н.В.* Церковная археология. Пг., 1916.

ным, оставляет после себя пустыню (фермент деморализации, духовной низости — индикация краха опустошенной души — в эстетизациях вещиизма, натурализма, потребительского фетишизма — инсталляции Уорхола, Херста, экзерциции Дюшана, выставившего писсуары, черенки от лопат, крышки от унитазов); обратный ход — реализация высокого призвания ценителя-знатока — нужно любить искусство «всеми силами души... со всем энтузиазмом, со всем исступлением...»¹⁹⁹; перед мешанином во фраке кисть художника бессильна (Герцен).

Конкордия двух призваний и вызывает появление потрясающего душу катарсического — сладостно умиротворяющего, сокровенно сердечного, погружающего в обворожительную среду духовно упоительного.

Назначение. Назначение художественного — его жизненное дело: одухотворять, быть обнаженной совестью, обостренным самосознанием человеческого, — «человек всегда был и будет самым любопытнейшим явлением для человека»²⁰⁰. Самодостаточный ракурс освоения человеческого художественным — человек со стороны души с проницаемой жаркой границей между человеческим миром и вселенной.

Искусство — «кубический кусок горячей, дымящейся совести» (Пастернак), активизируемой не «мелочным умничанием», а думой о человеке, его ответственном бытии в мире. Говоря так, мы разумеем не только социальный резонанс художественной деятельности, отчетливо фиксируемый эмпирически.

Исторические хроники.

После постановки еврипидовской «Андромеды» в Абдерах возникла эпидемия душевных болезней. По сообщению Геродота, Фриних приговорен к уплате штрафа в 1000 драхм, его пьеса «Взятие Милета» запрещена, ибо в театре сверхвпечатлительная публика залилась слезами²⁰¹. Опера Ф. Обера «Немая из Портучи, или Фенелла» нашла столь заинтересованный отклик у парижан, что накануне революции 1830 г. на спектаклях развертывались манифестации, давшие толчок восстанию, повлекшему отделение Бельгии от Нидерландов.

После покушения на Александра II (1866) во время демонстрации оперы Глинки «Жизнь за царя» устраивались патриотические (антипольские) манифестации.

¹⁹⁹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1953. С. 78—79.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ См.: *Лифшиц Мих.* Цит. соч. С. 22.

Персональные самоотчеты.

Бальзак: «Главная задача художника, которая делает его равным государственному деятелю и даже, быть может, выше его, — определенное мнение по поводу изображаемых событий», — за что Энгельс называл создателя «Человеческой комедии» «доктором социальных наук».

Дидро: «сделать порок отталкивающим, добродетель привлекательной... вот задача... человека, который берется за перо, кисть или резец».

Блок: приняв платформу гражданственности, отождествляя отечество с огромным дышащим существом, заявлял: «Мы... писатели, должны играть роль тончайших и главнейших органов ее чувств. Мы не слепые её инстинкты, но её сердечные боли, её думы и мысли, её волевые импульсы».

Бунин: «По-моему, наивно видеть в художнике существо особого порядка... Соприкасаясь с жизнью, воздействуя на нее и в свой черёд подвергаясь ее влиянию, художник волей-неволей становится общественным человеком».

Хлебников: «Одна из тайн творчества — видеть перед собой тот народ, для которого пишешь».

Залыгин: «Большого и философствующего писателя никогда не покидают два понятия, одно из них о конце мира, другое о возможностях переустройства мира на новых и справедливых началах».

Говоря так, гораздо в большей степени мы разумеем самую сверхзадачу художественного: быть человековедением. У того же Чехова (как у всякого маститого художника) за основной прямой дробной темой «моя жизнь», — неотчетливая, приглушенная, но сквозная тема «жизнь вообще».

Какие творческие средства обеспечивают развертывание генерального художественного проекта — «человековедение», каким способом художник погружается в «жизнь вообще»?

Наблюдение (интроспекция), обобщение (типизация), воображение (фантазия, мечта) — реквизит творческого восхождения от человеческой силы к человеческой силе — обслуживает выразительное выстраивание человековедения. Внешнюю изящность и внутреннюю основательность последнего обеспечивает весьма тонкий отработанный эвристический арсенал, снабжающий художественное сознание (познание) чертами художественности. Пробегая детали, вычленим определяющее.

1. Техника «blow up» — раздувание частности, концентрация на моменте, увеличенном до рамок вселенского события.

Наука сосредоточивается на общем, по Аристотелю, на едином во многом, с отделением случайного, «о чем нет знания через доказательство». Согласно Спинозе, наука, как бог, берет действительность *sub specie aeternitatis*, изучает «только общие законы мироздания, которые относятся к роду, но не к индивиду». В искусстве индивидуализация, пропускание реалий через свое «Я» («чужое: мое сокровище» — Батюшков), их само-созидание влечет

а) гипертрофию мгновения: «мелочи жизни являются все более проводниками Вечности» (А. Белый);

б) абсолютизацию случайного: «случай — лучший романист мира» (Бальзак);

в) гиперболизацию персонального: «вся философия мира не стоит Джульетты» (Шекспир).

Философская формула «все во всем» заменяется художественной формулой «все в малом». (Ср. Жуковский: «Вся наша жизнь лишь только миг»; Бальмонт: «Жить — значит, быть в мгновениях, отдаваться им».) Через отдельное, отделенное (но не обделенное) постигается его превосходящее — и единичное, и всеобщее. Эпистемологическая головоломка «загадка индукции» находит в искусстве естественное разрешение.

Скажем: дается картина ближнего вида с ничего не значащими (не «репрезентативными») бытовыми подробностями. Неискушенному младенческому взору открываются вещи вполне заурядные. Что видится? Самое обычное — сельский дом,

... и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет...

А девочка глядит. Тут кончается созерцание. Наступает понимательное прозрение:

... в том чистом взоре
Отражен весь мир до самого конца.

Для науки — нелепость. Однако же мир не только «до самого конца» отображен, но и запечатлен, став компонентом души, устойчивым модулем *Lebenswelt*...

Многое минется, случится разного, но живость, трепетность, поучительность мироощущения детства — неизгладима. Она — органическая часть личности и пребудет таковой как божий дар,

озарение, прозрение, открытие для себя чего-то бесконечно значимого. Действительно.

... и боль сердечной смуты,
И счастье к ней придет. Но и жена и мать,
Она блаженный смысл короткой той минуты
Вплоть до седых волос все будет вспоминать.

(Н. Заболоцкий)

2. Художественный фронезис. Наука — имплицативная, партикуляристская форма постижения, удостоверения содержания. Искусство — ассоциативная, холистская форма его (содержания) постижения и удостоверения. Гений, указывал Флобер, есть «умение видеть перед собой позирующую природу целиком». И не просто целиком, но через призму специфических видоотличительных признаков. А. Григорьев говорил о «цветной истине». Мондриан разрабатывал геометрическую экспликацию красоты. Фиксируются не обосновательные фигуры, а фиоритуры впечатлений; искусство слагается из образов, а не понятий; оно есть живое, наглядное запечатление чувственности.

Миф одухотворяет действительность. Искусство воодушевляется от действительности. Воодушевляется чувственно-эмоционально, накладывая печать недискурсивности и на инструментарий, и на самое познавательную процедуру.

Инструментарий. «Сила дантовского сравнения, — отмечает Мандельштам, — как это ни странно, — прямо пропорциональна возможности без него обойтись (!? — В.И.). Оно никогда не диктуется нищенской логической необходимостью». Вопреки «нищенской» логике, следовательно, внедряются образные мыслизбыточные сопоставления-переносы (аллегория, метафора, эпитет).

Познавательная процедура. Есть вещи дискурсивно не выражаемые. Наука их избегает (та же «любовь»). Миф ими живет. Искусство на них осторожно указывает. Вникнем в эпизод: потрясенное участливым отношением к себе незнакомки проживающее обаянием прожитых лет умудренное жизненным опытом размышляющее лицо восстанавливает памятное. Всплывает случай:

... седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает ...

Обнимает без веских на то причин, исполненная неподдельной человеческой взаимности. Ситуация экзистенциальной

коммуникации. При посредстве дискурсии не восстанавливаемая. К чему адресуется поэт? К внутреннему, не имеющему артикуляции сосредоточению, достигаемому настройкой

И, бросая перо, в кабинете
Всё он бродит один.

Отказ от языковой фиксации (бросая перо); одиночество (бродит один) — предусловия, предопределяющие тон постижения

... пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

(Н. Заболоцкий)

Поиск гносеологической эквиваленции «сердцем понять» наводит на недискурсивную экспозицию (не доказательство!); аналогичный поиск аналогичного «только старые люди и дети» наводит на разновидность тончайшего фронеизиса, оформляющегося в одном случае («старые люди») как тип «конкретного понятия» (достоинство опосредованности зрелости), в другом случае («дети») как тип «живого понятия» (достоинство непосредственности детства — «устаи младенца истина глаголет», разоблачая шифруемое — «а король-то голый»). Налицо духовное освоение мира ресурсом не дискурсивного знания, а недискурсивного понимания, являющегося деликатнейшим и мощнейшим орудием «неразумной силы искусства».

3. Образность. «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений», — советует Декарт. Случай «образа» — именно тот случай, когда без точного следования декартовскому совету попросту не обойтись. Применительно к нашему контексту фигурируют две семантические редакции содержания понятия «образ»: а) живое, наглядное представление (ощущение, восприятие) от непосредственного контакта с предметностью (стадия чувственных реакций); б) обобщенное художественное отображение действительности в форме конкретных явлений (стадия понятийных процессов). Реальное многообразие художественного опыта отмечает присутствие в нем как (а), так и (б), преимущественно передающих моменты «изобразительности» и «выразительности». Имеющее миметические корни («подражание» действительности) искусство генетически привязано к визуально удостоверяемой «буквальности» мимируемого, с которым оно соотносится. Образ выстраивается как за-

печатление, воспроизведение положительных свойств действительного, их духовная переработка, аналоговое восстановление, что позволяет наделять его чертами достоверности, правдивости, ответственности. Интенция на изобразительность — достижение корреспондируемости образа прообразу — объективная тенденция искусства, отличает все его роды и виды.

Живопись: толерантность копии оригиналу — портрет, пейзаж, натюрморт, гравюра и т.д.

Музыка: отображение мелодией естественного благозвучия объективных колебательных движений воздушных частиц — напевность «времен года»; переливчатые звуковые дрожанья от быстрого повторения соседних тонов — соловьиная трель и т.д.

Поэзия: безобразная фактура, создающая настроение, формирующая настройку, подготавливающая восприятие, что не составляет озабоченности нехудожественных конструкций

Шепот. Робкое дыханье. Трели соловья.

(А. Фет)

Жандарма потеряя форма,
Носильщики, слезы. Свисток...

(А. Белый)

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертания столицы во мгле.

(А. Ахматова)

Я родился. Рос. Кормили соскою.
Жил, работал, стал староват.

(В. Маяковский)

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.

(А. Блок)

Между тем интенции на изобразительность образности не покрывает. Из «подражания» действительности в чувственном художественность постепенно трансформируется в «подражание» действительности в понятийном — иллюзорно-вымышленном, мечтательном, модельном. Не надо забывать и надо вспоминать: с гносеологической точки зрения образ — измышление-вымысел, воображательная инсталляция, рискованная гипотеза, пробабилистское допущение. Если не удовлетворяться видимостью как визуальностью и пробовать пробиваться к изображению «за

изображенным», то предметом интереса становится видимость как измышленность, сцепленная не с наружностью, а с характерностью. Движение от поверхности к внутренности совпадает с движением от окказиональности к эссенциальности, сопровождается и движением от изобразительности к выразительности, от перцептивной к ментальной образности.

Нерв понятийной (не чувственной) художественности — созидание мирообразности по иллюзорно-вообразительной технике. Продвинутая выразительная художественность уподобительную копировочную генеалогию, явную предметную основу опускает, концентрируется на «тайной» несенсибельной стороне вещей в форме сущностного идеально-типического. Образ в выразительной художественности — отвлеченное мечтательное сочинение, возникающее вследствие отбора черт, отсева случайного, обобщения, качественной оценки. Образ здесь эксплицируется в терминах не «точности передаваемого», а «обоснованности интерпретируемого».

Портрет, говоря строго, может в принципе не быть иконическим знаком, вместе с тем, возможно изобразительно удаленный от прообраза, он должен быть с ним выразительно консолидированным. Понятийно-образный строй выразительного искусства открывает широкую дорогу смысловым переносам, фигуративности, мостит тракт гносеологически родственной понятию метафоре (с точки зрения теории познания понятие — форма метафоры).

На допонятийной мифологической стадии образ значит то, что передает, и передает то, что значит. На понятийной стадии — в самом ее начале — понятие проходит фазис, когда передает «не то, что значит, и значит не то, что передает». Как точно квалифицирует О.М. Фрейденберг²⁰², это — фазис метафоры.

Мифология трактует иносказание как «иное сказывание» в смысле — большее наполнение конкретностью в обход переносности. Образ существует отдельно от понятия. Впоследствии с упрочением понятийности ментальный ресурс набирает отвлеченность, становится выразителем вообразительной семантики; фигуративный пласт нарастает.

Метафоричность (аллегоричность, эпитетность) в изобразительной (мифологической) мысли сращена с предметностью, в выразительной (понятийно оформленной) мысли — разобщена с ней. *Imago simulacrum* характеризуют фикцию, но уже не сход-

²⁰² См.: Фрейденберг О.М. Цит. соч. С. 191.

ную (внешний вид) с подлинностью, а отщепленную от нее (внутренняя суть). Ахилл-лев (ср. мифологический тотемизм) преобразуется в Ахилла с львиной душой.

Эскалация содержательного момента (понятийно-аллегорическое) образности в символической экипировке духовности довольно точно передает динамику художественного от генетически более основательной изобразительности к функционально более зрелой выразительности. Кванты данной метаморфозы — творческие ниши: парсуна — лик (изображение) — портрет — характер (выражение).

4. Логически невыразимое: недискурсивные техники удостоверения значимого. Парадигматические контексты оформляются через определение местонахождения выразительного элемента (термин, понятие, концепт, конструкт, идея) в концепции; выстраиванием таких контекстов озабочена наука. Синтагматические контексты оформляются через определение местоположения выразительного элемента в тексте; выстраиванием таких контекстов озабочено искусство. В самом общем, нерасчленном смысле искусство функционирует как гигантская машина выражения логически невыразимых впечатлений художников от окружающих предметов²⁰³.

Определением местоположения логически невыразимых выразительных элементов в системе (частей в целом) поглощены специальные художественные техники, как то:

а) группировка. Скажем: великое значение поэзии в том, что «она ничего не доказывает словами (! — *В.И.*); слова группируются здесь так, что совокупность их дает образ; логическое значение... образа неопределенно; зрительная наглядность его неопределенна также, мы должны сами наполнить (сотворчество. — *В.И.*) живую речь познанием и творчеством»²⁰⁴. Выделим: «совокупность слов (на деле — не только слов, но и звуков, жестов, мазков) дает» и «сами наполнить». Каким образом? С опорой на вышеизложенное отвечаем односложно: «дается» и «наполняется» эвфонией, семантической интерпретацией, ассоциацией, аллитерацией, аллегоризацией, ритмическим строем, звуковым обликом, грамматической оформленностью, свойствами рифмы (ритма, тембра, колорита) и т.д.;

б) сочетание. Сама архитектоника, внутренняя структура художественных текстов (сочинений, шедевров) индуцирует

²⁰³ См.: *Белый А.* Магия слов // Символизм. М., 1910.

²⁰⁴ Там же. С. 433.

скрытые (неграмматические, несинтаксические) смыслы. Приведем Вс. Рождественского: слова «их цвет, вкус, запах возникают лишь в сочетании, в органическом и естественном слиянии, в содружестве... как в некоем замкнутом комплексе, который в свою очередь живет не только прямым выраженным в нем смыслом, но и принимает в себя бесчисленные оттенки живой авторской интонации, образное богатство творческого воображения, то есть те краски жизни, какими создается чудо...»²⁰⁵. Эту особенность художественных текстов, как отмечалось, пытались оседлать символисты и эгофутуристы (доктрина суггестивно-магического призвания поэтического языка); практически ее эксплуатировал Северянин — самоупоительное увлеченное утверждение художественного «Я» в эстетстве поэзоконцертов;

в) жест. Творческая поза, добивающаяся резонанса частотных колебаний авторского и зрительского сознания; идентификация восприятия художественного предмета создателем и ценителем. «Под жестом в стихотворении, — говорит Гумилев, — я подразумеваю такую расстановку слов, набор гласных и согласных звуков, ускорение и замедление ритма, что читающий... невольно становится в позу героя, испытывает то же, что сам поэт»;

г) сюжетосложение, жанровая каноника. Отличительный прием искусства, «прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, т.к. воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен»²⁰⁶. Способ «затруднения», «зажимания» смысла коренится в использовании выразительных долгот (ритм, метр). Искусство — сюжетная, ритмоорганизованная художественность, базируется на отягощениях повествования, торможениях в предъявлении, разоблачении смыслов. Последнее обслуживает занимательность — заинтересованное включение в интригу, что Достоевский считал атрибутом художественности;

д) остранение. Способ выразительного интригования через детализацию существа происходящего в терминах связей, к самой природе происходящего не причастных. К примеру, Толстой «не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз происшедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответствен-

²⁰⁵ *Рождественский В.С.* Основания для тревоги есть? // Литературная газета. 13 окт. 1971. № 42.

²⁰⁶ *Шкловский В.* Цит. соч. С. 12.

ные части в других вещах»²⁰⁷. Утрата ошутимости со ставкой на эффект неожиданности, недоуменности, необычности вкупе с сомнениями правомерности трактовки привычного — то, что нужно для приглашения к доосмыслению, переосмыслению реалий, питающему творчество сотворчеству;

е) отчуждение. Наука разбирается с отчуждением (*entfremdung*) — явлением противостояния объективаций креациям. Социально-философская, макросоциологическая доктрина комбинирует специальным термином *alietation*. А-эффект — индикатор соответственного удаления, разрыва итога и тока порождающего процесса. Некая коннотация научного отчуждения — художественное очуждение (*verfremdung* — Брехт), несущее идею отхода от своегообычного за счет непреднамеренного (в поисках кристаллизуемого) означивания. Подобно остранению, очуждение (очужение) повышает ценность продуктивности художественного процесса за счет отношения к нему не как к отображательному, но как к проблемно-воображательному символическому действию. («Театр не отображающее зеркало, а увеличивающее стекло» — императив не нереалистичного, а размышляющего сценического и любого другого искусства.);

ж) ассоциация. Средство содержательного наполнения художественных актов актуализацией связей представлений по смежности, сходству, контрасту. Вслед за Локком — автором модели «ассоциации идей» — правильно противопоставлять ассоциативные корреляции собственно рациональным.

Стандартные ассоциации возникают как сочетание образных элементов по живости восприятий, частоте воспроизведения следов бывших влияний. Художественные ассоциации возникают по спонтанной тропной валентности — способности образно связывать несвязанное: аппарат иносказательного переноса, развернутого уподобления, намека, сближения — метафора, аллегория, метонимия, эпитет.

Обратная сторона ассоциативности — перевод выразительности в условно-игровой план, культивация вычурности, нарочитости. Ассоциативное изобилие со способностью неумного создания и пересоздания мира определяется естественным требованием замыкания на реальность; ассоциативный ряд не может уходить в бесконечность, неограниченная предметностью сочетательная версификация вырождается в алхимию слова и

²⁰⁷ Там же.

дела, импульсивную эквилибристику (авангардизм, неомодернизм, неонатурализм).

Истина «страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах, — настаивает Пушкин, — вот чего требует наш ум от драматического писателя»²⁰⁸. И, конечно, не только его.

Гносеологическое достоинство ассоциации — раскрепощение мысли, смелость парадоксальных решений без оглядки на требования обоснования. Воспринимающая действительность через интуитивно-образную оптику ассоциативность значительно расширяет круг идей, выдает продуктивные соображения, обогащает возможностями. Как отмечает Вавилов, «рядом с наукой... продолжает бытовать мир представлений ребенка и первобытного человека и, намеренно или ненамеренно, подражающий им мир поэтов... Он удивителен и сказочен: в этом мире между явлениями природы смело перекидываются мосты-связи, о которых иной раз наука еще не подозревает. В отдельных случаях эти связи угадываются верно, иногда они в корне ошибочны и просто нелепы, но всегда они заслуживают внимания, так как эти ошибки нередко помогают понять истину»²⁰⁹;

з) словотворчество. Расширение лексического — синтаксического, семантического — потенциала от номинации до денотации, варьирование выразительно-изобразительных техник. Ограничимся показательным

Снежеет дружно, снежеет нежно,
Над ручейками хрусталит хрупь.
Куда ни взглянешь — повсюду снежно,
И сердце хочет в лесную глубь.

...

О ты, чьи мысли всегда крылаты,
Всегда победны, внемли, о ты:
Возьми в ладони меня, как в латы,
Моей фиолью святя мечты!..

В таком духе Северянин высказывается о ... фиалке. В предстательно сходном ключе Мандельштам высказывается о ... черноземе

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух

²⁰⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1949. С. 178.

²⁰⁹ Вавилов С.И. Глаз и Солнце. М., 1981. С. 5.

и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли.

...

Ну, здравствуй, чернозем, будь
мужествен, глазасть,
Черноречивое молчание в работе.

Трансформация звуков в речевом потоке, словообразование, изменение значения выражений отображает динамическую сущность и символического языка, и сцепленного с ним символического сознания;

и) изобразительная точность. Речь, письмо (двигательные акты) регулируются объективируемым в словах или подразумеваемым содержанием. Подразумеваемое — не артикулируемое в духе является индуктором коррекционных импульсов, преднастраивающих моторику сообразно намечаемой деятельности. «Чувствование и движение, — утверждает Сеченов, — являются согласованными между собой в смысле достижения определенных целей»²¹⁰. Так вырабатываются схемы, фундирующие чувственные — эстетические — понятия.

Для выполняющего изображение круга чистого математика пространственная форма фигуры не важна. Его случай — полуусловная демонстрация «соотношения рисуемой окружности с другими элементами... чертежа»²¹¹. Искажения, отходы от «правильности» геометрической фигуры здесь предзаложены и допустимы. Последнее полностью исключается для выполнения художественного изображения деятелем искусства. Его случай — либо безусловное выполнение указанного «соотношения» с подчинением моторики корректирующим импульсам; либо нарочитое, но вполне оговоренное (творчески обусловленное) от него («соотношения») уклонение — кубизм; карикатура; шарж. Смысловое содержание, художественный идеал, творческое видение коррелируют афферентации, достигая исполнение намерений, претворение идеала;

к) схема. «Видеть» вещь как предмет художественного составляет талант. Интонирование восприятий мелодикой дает музыку; поэтикой — романистику. Что в основе перевода вещей в художественные эквиваленты?

²¹⁰ Сеченов И.М. Элементы мысли. М.; Л., 1943. С. 663.

²¹¹ Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947. С. 35—36.

Говоря односложно — схемы. Как утверждал Кант, базис «наших чувственных (эстетических. — *В.И.*) понятий» образуют «не образы предметов, а схемы»²¹², представляющие чувственно-сверхчувственные монограммы, планы-свертки, потенции деятельности. В истоках схем — подмечание сходства, иконичность; затем — установление рода, уловление родства; далее — метафоризация, аллегоризация (механизм схематизации); наконец, изобразительно-выразительная развертка, понятийно-образная демонстрация, экспозиция.

Возвращаясь к теме: откуда художник «знает» мир? возможно воспользоваться наводящим. Художник знает мир (не «мир вообще»), а исключительно свой мир, который, созидаясь по принятым схемам, условно-сопоставительно — через семантически-аллегорические корреляции — связан с действительным миром. В наиболее элементарной реконструкции дело выглядит примерно так. Из безмерного неохватного мира схематически «выхватывается» художественно наиважнейшее. Изобразительно-выразительная оправданность данного акта («выхватывания») обуславливается «гипнотической силой» (глубина, высота, духоподъемность, пронизательность) направляющего идеала. Его наличие, как мы уяснили, многое (если не всё!) «прощает». Человека, художника создает соблазн. Если соблазн «велик», художник «силен» (как и человек), в своем производстве символического он неподсуден — «можно все простить за плачущий сонет». Если соблазн «убог», художник слаб (как и человек), в своем производстве нелепостей, необязательностей он подсуден. Подсуден беспощадному суду Большого Осведомленного Времени. Причина проста: превращение бессистемного самовыражения в самоцель вырождает искусство в пустую несхематическую игру, лишает его субстанциональных признаков символической художественности.

Нельзя жить, «сознание свое затоваривая полуобморочным бытием», — высказывает Мандельштам. Художник выражается произведением — не «полуобморочной» поделкой. Принцип существования в искусстве — «быть» — значит, быть гармонически-человеческим. Враждебным художественности проискам дисгармоничного псевдочеловеческого (примитивизм, абсурдизм, концептуализм), вроде опусов Кейджа, Херста (заформалиненные бараньи туши в галереях), Дюшана, Л. Фрейда (безжалостно-утрированное смакование деградированной возрастной

²¹² Кант И. Соч. Т. 3. С. 233.

фактуры), подборников экспериментальной музыки, подходящее место на ярмарке нелепостей.

«Самое прекрасное в жизни — это прекрасный человек»; гетевскую символичную формулу допустимо дополнить: самое прекрасное в жизни — прекрасный человек, освоенный ресурсом прекрасного. Если художник утрачивает способность быть пророком, носителем божественного,

— поэт становится рифмоплетом, умеющим слова ставить после слов;

— живописец становится маляром, умеющим делать цветочные пятна;

— музыкант становится шумопроизводителем или вовсе непроизводителем шумов в отсутствие мелодии, то дух перестает дышать творчеством, искусство перестает быть изображением и выражением прекрасно человеческого. В таком раскладе первейшие вопросы художественности «что есть красота?» и «почему ее обожествляют люди?» не имеют ответов в створе головоломного

Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

(Н. Заболоцкий)

л) полифония. Истина в символических контекстах устанавливается в терминах не «соответствия», но «открытости». У Вагнера находим: «там, где в драме ещё видно намерение автора, т.е. воля мысли, там впечатление слабее, потому что всюду, где мы видим преднамеренность поэта в творчестве, мы чувствуем и его несостоятельность»²¹³. И далее: «сила поэта... полное устранение тенденциозности в художественном произведении, это рассудок, сделавшийся чувством»²¹⁴. И хотя, как мы задним числом знаем, «нетенденциозных» произведений не бывает, — художник так или иначе «гнет» ту или иную (сообразно идеалу) линию, — гносеологически соображение Вагнера перспективно.

Во-первых, оно настраивает на освобождение художественности от конъюнктуры: художественность должна оправдываться художественностью, а не побочным. Не так уж неправыми с этой точки зрения выглядят адепты «искусства для искусства»: искусство служит искусству (а чему еще?!), манифестируя свобо-

²¹³ Вагнер Р. Цит. соч. С. 406.

²¹⁴ Там же.

ду творчества, средоточие эстетического, не искажает действительность «в угоду... произвольным и приторным сентенциям»²¹⁵.

Во-вторых, оно заявляет крайне эвристичное толкование инструментов художественного в роли обнаружения истины, а именно: нетенденциозно, обращением рассудка в чувство истина раскрывается в напряженном диалоге-поединке с самим собой, со всеми, со всем (эпатирующий цветаевский девиз: «одна — из всех — за всех — противу всех!»), ток которого канализирует исповеднический и проповеднический мозаицизм, стереоскопические методы полифонии, дочерпывания, полиэкрана.

Творческую фокусировку на идеально-типическое, экзистенциально-значимое в разных ракурсах, локалах задает художественное мастерство — конкретно

— сила сюжетообразующих начал, животрепещущих, экстремальных, экстравагантных: без видимого напряжения нет сшибки, завязки, развития действия, кульминации, развязки (есть фактофиксаторство, документооборот); без коллизий нет заявления, проявления характера (есть бытопись, стенография, протоколирование, очеркистика);

— сила композиции — фабульное выстраивание занимательных метаморфоз, предусматривающее полноту экспозиции «мировых линий» героев;

— сила фигур первых и вторых планов (с текстами, контекстами, подтекстами, явным и подразумеваемым); художественные укрупнения, заострения, преувеличения, позволяющие героям полноценно выражать свою «правду жизни», включаться в невероятные (но правдоподобные) перипетии, чертить зигзаги, вовлекаться в несусветные водовороты событий.

5. Тропность (иносказательность). Присутствие «высшего разума и поэзии» (Айтматов). Назначение искусства — человековедение: освоение стихии возвышенного чувства как способа соприкосновения с истинным, подлинным, значительным. Таковое свое назначение искусство поддерживает совершенно специфическими существовательными опорами, роль которых играют не факты, а человеческие проявления — поступки, взаимоотношения. Искусство не фактично, не фактологично, не фактообразно — оно событийно, в смысле — жизнеохватно, жизнеобъемно. Жизнь человеческая в диапазоне от «обретение Я» до «утрата Я» — полный реестр искусства.

Без захождения в крайние, «мертвые» (как в механике) точ-

²¹⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1949. С. 271.

ки. Стадия «до-обретение Я» — соматическая, осваивается физиологией. Стадия «после-утрата Я» — психиатрическая, осваивается медициной. Искусство, как феномен художественный, — не сфера тщаний неискусства, неспособного возводить изобразительно-выразительные явления в достоинство явлений эстетических. Таковы, к слову, психоаналитические псевдоэмплятивные курьезы эстетического: дескать, Гамлет — невротик; король Лир — нарциссист. (Если к авангардному, во многом утратившему экипировку художественности искусству относиться как к искусству, то относительно его существа уместно высказывать: горнило его треволнений заполняет не шизоанализ (бредни с наркотиками), а более или менее образная тематизация нашей критической, кризисной, дефицитной эпохи, где Я и не-Я в гораздо более, нежели ранее, мере радикально разобщены.)

Отступать от фактов, двигаться в событийном, манифестировать жизнезначимую человечность позволяет тропность (иносказательность), вводящая условность, исключая натуралистичную трактовку, воссоздающая архаичный мифологический способ антропоморфного представления предметных линий.

Не существует научного содержания, существует научное выражение — способ фиксации; единицы науки конституируются удостоверением. Нечто сходное — в искусстве, единицы которого с их умением проникать в окружающий мир удостоверяются условно-образно-аллегорически, метафорически. Тропность — рычаг воображаемости в его способности освобождаться от обычного, формировать из привычного непривычное.

Продуктивная основа тропа — ассоциация, законы которой не строги; неизвестны кодифицированные алгоритмы перехода от исходного к производному с обнажением многозначности, синтетичности.

Техническая основа тропа — новообразовательные средства, создающие метафорические, аллегорические толкования, сравнения, уподобления, переносы, широко представленные в этимологии, фразеологии, словоупотреблении (обрести дом — обрести счастье; ледяной тон — холодная женщина — теплый прием — горячее чувство), транспозиции (переход одной части речи в другую — каменное сердце)²¹⁶ и т.п.

Выразительная основа тропа — номинация нужного несемантизированного понятия посредством вербализованного понятия (крики чаек — «кварк»).

²¹⁶ См.: Новиков Л.А. Цит соч.

Гносеологическая основа тропа — очеловечение, оживление, оживотворение, одухотворение реальности. «Объяснительный запас» (Потебня) мысли пополняется проекцией субъективного на объективное. Антропная предикация, атрибуция буквально пронизывает художественную лексику: солнце садится; ветер гонит; огонь пожирает²¹⁷. Мифологическая техника антропоморфического синтеза позволяет искусству идти по особенной, лишь ему одному отведенной дороге практически-духовного символического — выстраивать образную смысловую формацию за счет ассоциативности.

Взять тютчевское «звук уснул». Сочетание по неожиданности, образной глубине потрясающее. «Сколько ни анализировать понятие «звук», — впечатлялся Брюсов, — в нем нельзя открыть «сна» ... В этом суждении некоторое явление — замирание, затихание звуков ночью... истолковано засыпанием живых существ»²¹⁸. Налицо синтезация через антропоморфизацию — типично мифологическая процедура.

Тропная образно-мифологическая семантика контекстуальна — в отсутствие стандартных рецептов развертывания «чувственных», ассоциативных текстов она отличает авторскую оригинальную способность, профессиональное художественное мастерство.

Тропная техника образотворчества — сущий кладезь художественной инновационности. Выстраивание выразительных связей по смежности дает метонимию; по сходству — метафору; представление целого через часть дает синекдоху; введение разных дескрипций (обозначений), относящихся к одному денотату (значению), дает синонимию; варьирование денотаций при сохранении номинаций — полисемию²¹⁹.

В стандартной обыденно-практической (тем более в специализированной) лексике синтезирование слов в текстах (синтагматика) идет по правилам семантического согласования. В художественной лексике подобные правила отсутствуют — всякий раз они изобретаются заново. Создание каждым мастером своего языка требует (для внешнего наблюдателя-ценителя) усвоения, принятия авторского словаря (то же северянинское: грозово, кружевет, олилеен и т.д.). В противном случае не возникает духовного резонирования: настроенные на разные волны

²¹⁷ См.: *Веселовский А.Н.* Собр. соч. Т. 1. СПб., 1913. С. 131.

²¹⁸ *Брюсов В.* Синтетика поэзии // Проблемы поэтики. М.; Л., 1925. С. 14.

²¹⁹ См.: *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М., 1967.

сознания автора и акцептора не синхронизируются. Лексико-семантические группы, синтаксические поля, речевые экспрессии не способны задавать, передавать, обретать общих значений. Коммуникативный процесс разлагивается. Зритель чувствует себя оскорбленным, автор непонятым. (Совершенно так же — в музыке. Отсутствие стилевой закреплённости маркирующих лексических единиц влечет обструкцию: произведения Дебюсси, Равеля, Берлиоза освистывались.)

Если в науке противодействие новациям падает с вымиранием оппонентов (дух равным образом удовлетворяет правилам естественного отбора), то корреспондирующий ему процесс в искусстве протекает как подавление (культивация) собственных (популяционных) эстетических склонностей²²⁰.

Правда искусства развивается (удостоверяется) по своим законам — законам чувственно-образных воздействий, приводящих к идейным выводам. Неотчуждаемая, как сущность, особость художественных прозрений, уловлений «цветения бытия» (Плотин) — очеловечение:

«Я» охватывает бытие
Толща скал и влага вод —
Все живет.
В каждой капле бытие —
Всюду Я.

(*М. Волошин*)

Жизнь, рассказываемая как повесть, где «холод и жар» (В. Соловьев), обретает и стиль, и пафос, и свет неожиданных человеческих смыслов. Решает не сила мысли, не влекущая ни откровения, ни таинства, решает сила образа. Художник подменяет «познание бытия» образно-воображательным созиданием; он «знает» то и постольку, что и поскольку он творчески порождает.

Напрашивается аналогия с мифом. Миф, как искусство, комбинирует образностью, обладающей достоинством непосредственной действительности. И там и тут явления переживаются непосредственно. Отличие в том, что непосредственное переживание действительности протекает в мифе как имитация реальных сил: действие дождевых туч — окропление себя водой в культово-обрядовых актах, что Вундт квалифицировал как «чародейство по аналогии»²²¹; тогда как в искусстве оно про-

²²⁰ *Mauclair C.* Trois crises de l'art actuel. Paris, 1906. P. 267—268.

²²¹ *Вундт В.* Миф и религия // История религии. СПб., 2002. С. 287.

текает как условно-отстраненное (очуждение, остранение) действие — устранение мифологического мотива жизнезначимого обустройства через материальное воздействие на стоящее за предметностью духовное.

Антропоморфизация искусства есть оживление, одушевление, одухотворение через игру воображения, отслеживание модельно-аналогового. Избегая прямого (материально-каузального) воздействия на бытие, художник осваивает его тропным образом. Тропность — мотор художественности, выводящий на бескрайний простор постижения мира выстраиванием не субстанциональных, а выразительных связей в материале ассоциации. Мистериальная структура художественного сознания в ее гносеологическом восстановлении на удивление элементарна: фактически сознает не художник; через сознание художника сознает мудрость всех мудростей — язык.

Нерв искусства — не что, а как уподоблять, сравнивать, приводить в тропную связь. Искусство не поставщик сведений, а укрупнение нюансов с целью извлечения из них важностей, значимостей. Тропы искусства (в отличие от тропов науки — «демоны» Максвелла, «кирпичи» Гильберта, «ковры» Серпиньского, «листья» Мёбиуса) лишены рациональной буквальности; они фигуративно-эмоциональны. В науке тропы — выразители, заместители неизвестного, неведомого, непонятного; в искусстве они — путеводители по художественной свободе, орудия овладения вполне известными, ведомыми, понятными (правда, не до «конца») радостями, болями, потерями, приобретениями; они — средства возбуждения безотчетных прозрений, обнажения подлинного, сокровенного. В искусстве тропы не логически манипулятивны, они образно подвижны в своей способности выражать «тонкие идеи» относительно гуманитарной избыточности вещности, меры ее человекооправданности

Мир должен быть оправдан весь,
Чтоб можно было жить.

(К. Бальмонт)

В придании смысла существующему искусство и миф движутся самостоятельными курсами. Миф поглощен поиском сверхчеловеческого, искусство — человеческого измерения реальности. Миф с наступлением аллегории завершается (аллегорическое толкование мифов, веровательных традиций начали отрабатывать стоики. Хрисипп прослеживал в греческих богах

физические, этические предтечи. Позже Филон в духе стоическо-платоновской идеологии дешифровывал ветхозаветные картины. Гносеологический остов оформления пантеона — функционально-образная семантизация: воители с драконами генерализируются Георгием Победоносцем, боги грозы — Ильей-пророком, богини плодородия — Богородицей²²². Всевышний консолидирует противоположности, привносит порядок, гармонию. Обратная теизации процедура секуляризации создателя — модель эсхатологического правителя: идеи героя-реформатора, революционера, бунтаря, мученика, партийного лидера), искусство с наступлением аллегории начинается.

Путеводная звезда мифа и искусства едина, и это — символическое двоemiрие. Но «чувство пути» (Блок), по которому требуется идти под светом данной звезды, розно. В случае мифа путник рядится в тогу «чародея по аналогии». В случае искусства путник рядится в тогу «очарованного странника», знающего, что такое не имитация, а ускользящая прелесть человеческого бытия, — самый настоящий катарсис.

Форма и содержание: инварианты и вариации. Будучи понятиями предельной общности, категориальные пары определяются друг через друга как тавтологии: сущность является, явление существенно; действительность — реализованная возможность, возможность — потенциальная действительность. Аналогичное в случае категориальной пары «форма — содержание», элементы которой уточняются обоюдообразно: содержание — единство компонентов (свойства, связи) бытия, выражаемое в форме — способе существования содержания. Дабы не гонять мысль по беспредметному кругу, применительно к нашей теме рассмотрим связку «форма — содержание» в качестве реляционной пары, аттестующей совокупность всевозможных внутренних состояний художественной системы, имеющей определенную структуру в зависимости от решения изобразительно-выразительных задач. Главное заключается не в экспликации «содержания» и «формы» порознь, а в интерпретации их как моментов целого, что позволяет в обход логомахии оценивать идеальный случай: формальное и содержательное в художественном органичны и сбалансированы. При «количественном» градировании намечаются крены. Перекос по вектору «форма» обуславливает «формализм» (авангардизм, абстракционизм). Перекос по вектору «содержание»

²²² См.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 170.

обуславливает резонерство (Просвещение, социалистический реализм). Формализм грешит беспредметностью, алогичностью, антивещественностью; резонерство — назидательностью, безобразностью, тенденциозностью.

Словарь художественного рельефа необозрим; использующий и пополняющий его художник свободен. Но до вполне очерченных пределов, не допускающих отказа от вершения искусства как общезначимого человеческого дела. Вспомним Чернышевского: замыкание в теснинах предвзятостей позиционно-го «Я» влечет «мерзость».

Художественное определяется мерой. Это именно то обстоятельство, когда «ни одна из противоположностей не должна перевешивать другую»²²³. Излишние нажимы, нарушения общего тона, подрывающие паритет формы и содержания, повышают условность самовыражения, препятствуют достижению полноты сопереживания, характеризуют размытость вкуса, тяготение к вычурности. Сказанное ни в коем случае не сковывает суверенность поиска. Амплитуда творческих актов необозрима, допускаются любые сколь угодно большие отклонения исканий от предзаложенных положений равновесия. Творчество подвижно не нарочитостью, а вдохновенностью мечты, воображения, фантазии, не стесненной дерзновенностью духовности.

Однако же святое состязание с создателем в творчестве не произвольно. Подлинное искусство, говорит Аристотель, есть «творчество, следующее истинному разуму». Творчество, «следующее истинному разуму», означает

— по цели — преодоление наличного;

— по средству — деятельность по разработке, спонтанную активность духа, заявление «бесконечности» (Гегель) мышления, продуктивное формостроительство;

— по результату — рукотворную морфогенетику.

Рукотворная морфогенетика. Все в искусстве в качестве иконной сквозной сверхзадачи подчинено ей — свободному конструированию изобразительно-выразительных предметных сфер, воплощению идеала, перекрытию вещной действительности.

Искусством занимается тот, кто чувствует в себе силы превозмочь собственную неудовлетворенность существующим.

Гносеологически процедура «превозможения» обоюдоостра. Фактически художник-первопроходец движется в узком фарва-

²²³ *Вышеславцев Б.* Кризис индустриальной культуры. Нью-Йорк, 1953. С. 350.

тере, намеченном бакенами: инспирирующая Харибда собственного — стабилизирующая Сцилла группового художественного вкуса. В невозможности универсализации суждения вкуса художник попадает в ситуацию «один в поле воин». Он мечется между неоднозначностью самовыражения и неоднозначностью же нормоорганизованного реагирования на него публики, руководствующейся непосредственным: нельзя ничего понять (и принять) — не «мое» (Розанов).

Во избежание драм непонятой, непризнанной души, равно как тривиальных дереализаций, смешных, печальных форм самообмана, следует руководствоваться принципиальным: высокохудожественное всегда, везде заставит себе верить. Презумптивно перспективный успех на его стороне. Говоря прямо, высокохудожественное обречено на триумф; подобно посоху Авраама, «рано или поздно» цветами оно зацветет. Вопреки всему. Любому вмешательству. Любых могущественнейших сил (эпопеи Прокофьева, Шостаковича, Солженицына, Тарковского, Бродского... не хочется ставить и т.д.). Дело заключается лишь в этом «рано или поздно», что может составлять весьма острую коллизию «малого» — «большого» времени (герой трагедии «человек будущего, пришедший не в свое время» — Шкловский).

Поскольку речь идет об общественной циркуляции продуктов практически-духовного (как и духовного) производства, удостоверяемых социально, гносеология здесь уступает место социологии, компетентно прослеживающей гражданскую судьбу образов-идей. На что способна претендовать гносеология, так это на регулятивную интенцию, целеориентацию. Со стороны содержания творческий процесс любой экстравагантности, любой ангажированности, под любыми, самыми претенциозными вывесками, маскирующим суть, должен (!) быть обуравем «тоской по мировой культуре».

Идущий под данным стягом акмеизм (Гумилев, Городецкий, Мандельштам) смог вернуть искусство (поэзию) на землю к предметной образности. А вот руководствующийся нигилистическим «сбросим Пушкина... с корабля современности» футуризм стать художественным осмыслением (выражением) эпохи не смог. Следовательно, со стороны содержания деятельность агента искусства управляется императивом: выразиться до конца и «не убить музыки».

Со стороны формы творческий процесс любой новаторской весомости, дерзости, любой разрушающей размерность традици-

онного силы, любой экзотичности должен (!) опираться на некие структурообразующие принципы — сверхчувственные «визуальные понятия» (Арнхейм). Сверхчувственное, полагает Кант, есть лишь «негативная мысль» в отношении чувственно воспринимаемого мира. Реалии художественного процесса в полной мере опровергают такой подход к теме.

Мечтою в самых безднах мы создаем весну.

(К. Бальмонт)

Мечтою — создаем. А как удостоверяем созданное? Участием сверхчувственных формообразующих групп, позволяющих вводить не лобовые, а образные мотивировки смыслов как некие значения художественного. In brevi: непосредственно это — законы гармонии (ср. Лейбниц: «быть — значит, быть гармоничным»), встроенные как фильтры в подготовленное эстетически чуткое восприятие. Опосредованно это — предпосылочные схемы эстет — общие формально-структурные связи, которые, не имея вещных смыслов, предуготовливают смыслы изобразительного-выразительные.

Утверждая подобное, мы de facto высказываемся в пользу визуального мышления²²⁴, которое в модусе эстетемы (не ноэмы — отвлеченная мысль) проявляет себя как «скользящее означающее» (Лакан), позволяя изобразительному быть воплощением мысли в материале искусства. (В том же модусе эстетемы, при деформированной перцептивности, обозначенная способность дает компенсирующую реакцию — глухие «слышат» цветами. Если не касаться патологии, правильно указывать на цветомузыку Римского-Корсакова, Скрябина.)

Единство изображения (выражения) и значения обретается в словесном разряде упорядочением отношения смысл — слово; в музыкальном разряде — упорядочением отношения смысл — звук; в живописном разряде — упорядочением отношения смысл — цвет (колорит). Смысловые связи одного с другим непременно должны устанавливаться. Иначе литературное слово, звуча, перестает значить; музыка перерождается в шум (ср. Лейбниц: музыка это — скрытое упражнение в «арифметике души, которая не умеет считать»; Шопенгауэр: музыка это — «скрытое упражнение в мышлении души, которая не умеет философство-

²²⁴ См.: *Зинченко В.П.* Продуктивное восприятие // Вопросы психологии. 1971. № 6.

вать»; Гюго: музыка это — «мыслящий шум». Подчеркиваемый момент «мыслимости» «шума» указывает на схематический синтез; свидетельствует об участии сверхчувственных структурообразующих начал на стадии чувственности); живопись сроднивается с мазней (гашизм).

Упомянутое упорядочение, следовательно, осуществляется схематическим целеориентированием перцепций на мелодику, ритм, метр, лад, такт, пропорциональность, гармонию, перспективу (при нарочитом от них отступлении, как у Босха, Модильяни, Пикассо, Шёнберга, Кафки и др., творческая манера дополнительно оправдывается некоей *ad hoc* апологией; в случае ее принятия задается демаркация между заявлениями особого характера со стороны мастера, школы, традиции и профана, паяца, гордеца).

Реальность зависит от того, кто и что о ней думает, как и чем ее выражает. Однако при всех допусках и ответвлениях, зигзагах и поворотах, болезненных вздохах времени и собственной души самозаявления самости в искусстве (как и иных формах практически-духовного и духовного символического) деятельностно универсализированы. Универсализированы по тонкому изобразительно-выразительному этосу понимания художественного и его представления. *In contrasto*: творчество идет в сфере, имеющей радиус, геометрические места точек со своими «формо-содержаниями». Радиус сферы перманентно меняется (иначе — творческая выработанность, изношенность, опустошенность

Во мне, как в мертвом теле круга,
Законченность и пустота
(*Б. Ахмадулина*)),

трансформируются геометрические места точек, видоизменяется «формо-содержание», но как изобразительно-выразительный каркас творческого они обязательны.

Мотив универсальности изобразительно-выразительного оплота эстетического как в части креации, так и презентации наводит на необходимость более тщательного продумывания сюжета упорядочивающих художественных начал. Прибегая к такого рода продумыванию, оттолкнемся от двух соображений.

1. Отношения формы и содержания — образа, идеи и их эстетического представления — не допускают раскола *in medias res*. Взять крайности: даже абстракционисты не отказываются от осво-

ения «формы», «цвета», «движения»²²⁵; даже ультраисты (при недоверии рифме, пунктуации) не отказываются от освоения «слова». Содержание и форма, следовательно, проявляются в творчестве не как самостоятельные поисковые оси, а как спаянный системообразующий интервал-компакт «формо-содержание».

2. «Формо-содержательная» интервальность творчества эксплицируется способом соединения собственных внутренних элементов. Художественные тексты (в широком смысле — семантизируемый синтаксический материал) выполняются в определенной стилистике, жанрике, героике, налаживающих эстетическое восприятие — созерцание, переживание, понимание. Ключ к способу их созидания дает обозрение структуры, регуляризирующей, упорядочивающей, сегментирующей продуктивные порождающие процессы.

В науке в этой связи вводят понятие групп преобразований и отношение инвариантности к ним дериватов (законы классической механики инвариантны относительно преобразований Галилея; законы СТО инвариантны относительно преобразований Лоренца; законы ОТО — относительно допустимых преобразований гауссовых систем координат; законы классической и квантовой электродинамики инвариантны относительно лоренцовых преобразований, калибровочного преобразования электромагнитных потенциалов, сдвига координат; законы нелинейной теории элементарных частиц Гейзенберга инвариантны относительно пространственных и лоренцовых вращений, преобразований Паули—Гюрши, Салама—Тушека).

В религии из аналогичных соображений вводят понятие канона. В церковной живописи — порядок фигур первого и второго плана, обратная перспектива, отсутствие рам, вытянутость пропорций, отсутствие игры света-тени, отсутствие горизонта. В церковном пении — установления относительно тропаря, антифона, кондака, канона. (Кондак — с силлабической метрикой, строфическим членением, наличием рефрена, акростиха, диалогической драматизацией повествования с VI в. вытесняется канонам — многоголосным жанром гимнографии, построенным на строгой имитации.)

В искусстве вводят понятие циклической формы, выражающей идею каноничности, нормативности творческой реализации художника. (Против допущения инвариантов в символосферу активно выступали софисты, настаивавшие на отсутствии духов-

²²⁵ См.: *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.

ной долженствовательности, а значит, ее полной субъективности и релятивности. Как показал их поучительный отрицательный опыт, нельзя символическое взаимодействие лишать обязательности. Применительно к искусству неблагодарную роль софистов пытались играть абсурдисты (Ионеско, Беккет), сюрреалисты (Бретон, Супо, Тсара, Блум), супрематисты (Малевич), неопластицисты (Мондриан), тщетно разваливавшие художественное как значимое изобразительно-выразительное (демонстративно-аргументативное) предприятие.)

Подаваемая художниками реальность «от себя» — субъективна, атеоретична (отсутствие доктринально обоснуемых гипотез существования, налаживание онтологизации как непосредственно авторского конструирования предметных фигур мира; событийное метафорическое (не метафизическое) удостоверенное мирозерцание через фабульную, композиционную, характеристическую, жанровую развертку, не прямые, а образные мотивировки смыслов), но символически формоорганизованна. Архитектонически добивающееся большей выразительности искусство являет собой канонический вид художественности. От простейших фольклорных паремиологических (поговорки, пословицы, поговорки, гномы, побасенки, афоризмы, присловья, байки, анекдоты, сказы, шванки) до сложнейших эпико-романических образований; от одноголосной песни до многоголосной имитации (канон, fuga); от незатейливого хоровода до витиеватого балета — везде присутствие циклической формообразности.

Взять простейшее: в пословичном богатстве народного духа — знаковые, модельные, логические акцентуации, оппозиционные тематические пары, формообразующие группы, содержательные структуры. Многовековая народная мудрость закладывается в определенную логическую форму и предметное наполнение. Логические единицы (культура суждения) и художественные миниатюры (эстетическое начало) консолидируются через грамматическую полноту высказывания, типы словосочетаний, актуальное членение, распределение семантических акцентов, клиширование, фразеологизацию, штампы, оформление сверхфразовых единств — сцепок, дробление формы — трансформы — ядерные разновидности и т.д.²²⁶

Циклическая организация паремиологического материала по принципу инвариантной тематической бивалентности на уровне бесхитростного народно-эпического, фольклорно-худож-

²²⁶ См.: *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979.

жественного сознания неререфлективно проводит фундаментальнейший гносеологический принцип категориального членения действительности — разбивки на семантические контрарные таксоны. Г.Л. Пермяков выделяет 78 базовых пар (из них 66 элементарных), концентрирующих 87% пословичного фонда, и 28 формообразующих групп, объединяющих изречения сходной логической структуры и организующих пословичный массив внутри тематических групп²²⁷.

Пословичным циклическим формам: новое — старое; близкое — далекое; умное — глупое; хорошее — плохое; свет — тьма; свои — чужие; верх — низ; явное — тайное; высокое — низкое; слово — дело; богач — бедняк; полное — пустое; туда — обратно; давать — брать и т.д. — семантически изоморфны более абстрактные философские категориальные группы: форма — содержание; целое — часть; причина — следствие; возможность — действительность; свобода — зависимость; необходимость — случайность; цель — средство и т.д. Налицо, следовательно, в разной рефлексивной обертке рефрен «морфизма», играющий роль отображения множеств друг в друга, идея формоорганизуемости разрядов бытия в его разных типах миропонимания и миропредставления.

Отношениями инвариантности законов структурных, функциональных, архитектурных соответствий пронизаны событийные, тематические, ритуальные, характеристические преобразования поведенческих, мотивных линий, составляющих содержание мифов (Леви-Стросс), сказок (Пропп). По родовым доминантам: события, переживания, сценические взаимодействия героев обособливаются эпос (эпопея, былина, героическая песня, роман, повесть, рассказ, новелла); лирика (элегия, роман, газель, сонет, песня, стихотворение) (промежуточная форма — поэма — единица лирико-эпического жанра); драма (комедия, трагедия, драма, трагикомедия).

Единство (а) стилистических, (б) сюжетных, (в) композиционных, (г) тематических, (д) предметных, (е) исполнительских признаков специфицирует жанры и виды

- (а, б) — лирика, сатира, трагедия, патетика и т.д.;
- (в) — документалистика, аллегористика и т.д.;
- (г) — бытовизм, психологизм и т.д.;
- (д) — портрет, пейзаж, натюрморт, батализм и т.д.;
- (е) — соло, ансамбль, хор.

²²⁷ Там же. С. 34—47.

Автономизируются конкретные группы преобразований, типологичные таким формам, как

— строение: рондо, эпод, сонет, триолет, книттельферз, рондель, секстина, газель, рубаи, танка, касыда, меснева, монорим, тавтограмма — с твердой архитектуроникой — запрограммированным объемом, метром, рифмой, строфикой;

— порождение: копиестическое — фантастическое подражание,

— мимезис — художественное воображение;

— функции: мелос — положительная ода, антод — отрицательная ода, эфиррема — речитатив с преднамеренно площадной лексикой; комедийная ода (песня) — возвышенна; форма оды молитвенна, лирична, песенна, форма эфирремы — прозаична;

— звуковой состав: высотная (интервальная) организация музыкальных звуков на базе разных, но единых принципов (трихорд, тетрахорд, пентахорд, гексахорд, 12-звучие), дающих диссонансы (большие, малые секунды, септимы), увеличенные и уменьшенные интервалы и консонансы (прима, октава, квинта, кварта, большая и малая терции, сексты), мелодические и гармонические интервалы. Система мелодических ладов в Античности построена на трех диатонических тетрахордах, давших начало древнегреческим ладам (дорийский, фригийский, лидийский — базовые, гиподорийский, гипофридийский, гиполидийский, миксолидийский — производные); в Средневековье различались главные (автентические) и побочные (плагальные) лады; в настоящее время принята диатоника как основа ладового мышления. Упорядоченность атональной (додекафонической) системы проявляется в объявлении равноправия всех тонов хроматического звукоряда, звучащих без повторов. Определенные правила регулируют смену тональностей — хроматизм, альтерация, темперация, модуляция, энгармонизм, характер строя: пифагоров строй (квинтовые лады со сведением получаемых звуков в одну октаву); чистый строй — на основе квинт, октав, чистой большой терции; равномерно-темперированный строй (с делением октавы на 12 равных полутонов);

— сложение: соответственные видоразличительные приемы приняты в силлабических (упорядочение числа слогов в стихе в языках с нефонологическим постоянным ударением — тюркские, романские (итальянский, испанский, французский), славянские (польский, чешский, сербо-хорватский) языки); тонических (упорядочение числа ударных слогов в стихе — глав-

ным образом в языках с сильным динамическим ударением и ослаблением безударных гласных — русский, немецкий, английский); силлабо-тонических (упорядочение ударных и безударных слогов в стихе — на сильных местах метра пребывают фонологические ударные, на слабых — безударные слоги) метрических (упорядочение числа и расположения слогов определенной долготы в стихе — древне-греческий, латинский, арабский языки) системах стихосложения. (Промежуточная форма между тонической и силлабо-тонической системами — тактовик, дольник.) Основные метры: ямб, хорей (трохей), дактиль, амфибрахий, анапест.

В античной культуре единицей измерения стиха в метрическом стихосложении служит мора (доля). Краткий слог равен 1 море, долгий — 2 морам. Подобно музыкальным тактам, из них составлялись стихотворные стопы. В арабской культуре (Ближний, Средний Восток) ритмообразование шло за счет варьирования долгих и кратких слогов (аруз).

Проза — тексты (речь) без деления на соизмеримые отрезки, характеризуется отсутствием строгих правил соотношения синтаксических конструкций. Поэтические тексты (речь) строятся на особых приемах организации формы мыслей, выявляемых фоникой (сочетание звуков), метрикой, ритмикой (сочетание ударно-безударных мест, констант и доминант), строфикой (сочетание стихов в строфы посредством чередования метров, клаузул, рифм). Структурный базис стихосложения — членение речи на соотносимые соизмеримые стихи со специфической интонацией. (Белый стих не рифмован, но ритмически выдержан.)

Аналогично в музыке метр является системообразующим признаком ритма. Выделяют простой (2, 3-дольный), сложный (4, 6, 9, 12-дольный), смешанный (5-дольный), переменный ритмы. Группа долей, начинающихся с сильной (простой метр) или самой сильной (иные метры) оформляет такт. Сопоставимыми с метром, ритмом, тактом регулируемыми началами выступают размер — количество, расположение слогов в стихе, ритмических единиц в музыкальном такте (ямб — двудольный размер, вальс — $\frac{3}{4}$); темп — абсолютная скорость исполнения музыкального произведения — скорость движения (частота следования) счетных единиц метра; тональность — вид гаммы в основании произведения, преобладающее сочетание тонов в картине. Ассоциативно-родовой этим характеристикам является мелодика

мелодия — основной носитель образности — благозвучия,

осмысленно-выразительная последовательность звуков, объединенных гармоничными отношениями высоты, длительности, силы на основе лада, метра, ритма (равномерность чередования сильных и слабых долей в тактах). Мелодика — производное тональных средств (высоты звуков лада, определяющихся положением главного тона), модулирующих высот тонов, системы распределения восходящих и нисходящих интонаций.

В лирике: стих декламативный (ода), напевный (романс), говорной. Как отмечалось, стихосложение триадично: а) тексты с членениями на стихи — свободный стих; б) тексты с упорядочением строк стихов по звуковым элементам, в силлабических системах базой соизмерения строк служит общее количество слогов; в других системах учитывается количество слогов определенной высоты (мелодические системы), долготы (метрические системы), силы (тонические системы); в) тексты смешанной принадлежности — одновременно упорядочивается общее количество и расположение слогов определенной высоты, долготы, силы на известных позициях слогового ряда (силлабо-мелодические, силлабо-метрические, силлабо-тонические системы). Стихосложение зависит от фонетического строя языка, по высоте, долготе звуков вводящего различителя (в китайском языке, где высота звука фонологична, принята силлабо-мелодическая система). (В России вначале использовалась тоническая, в XVII в. усвоена силлабическая, с XVIII в. — силлабо-тоническая система, в XX в. произошло возрождение тонической системы.)

В музыке формально-структурные связи в тональностях задают гаммы: пентатонная; диатоническая; хроматическая;

— артикуляция: технические приемы использования голосового аппарата, извлечения звука, способы исполнения — легато, стаккато, портаменто, глиссандо, адажио, анданте, модерато, аллегро, виваче, престо;

— орнаментика: в живописи колорит, в музыке — мелизмы (короткий, долгий форшлаг, мордент, группетто, трель), импровизации, подчиненные достижению художественной выразительности (аналогично — агогика, представляющая отклонение (замедление, усиление) от темпа, метра);

— композиция: строение, соотношение, сочетание, взаимное расположение частей, придающее художественному произведению вид стройного целого. «Если в нехудожественном тексте семантика единиц диктует характер связей, — подчеркивал Лотман, — то в художественном — характер связей диктует

семантику единиц»²²⁸. Основу композиции составляют приемы комбинирования базовыми самостоятельными частями, раскрывающими единый художественный замысел, дающими простор порождающим процессам;

— группировка фигур, роль фона, перспективы в живописи;

— следование традициям: в греческой драме использование эпизодического начала предопределяло трагедийность; эпирре-матического начала — комедийность постановок;

— упорядочение формантов: сонатная форма выстраивается через экспозицию (контрастное сопоставление тем), разработку (мотивное, тональное развитие), репризу (синтез тем); сюита XVII—XVIII вв. использовала танцевальные склады (аллеманды, куранты, сарабанды, жиги), XIX—XX вв. — оркестровый материал нетанцевальных складов; симфония выполняется в четырехчастной сонатной циклической форме. Четырехчастная (полная) циклическая форма (быстрая первая, медленная лирическая вторая, быстрая третья — скерцо, менуэт, быстрая четвертая — финал) типична для сонаты, симфонии, камерного ансамбля. Сокращенная циклическая форма (без скерцо или менуэта) свойственна концерту.

* * *

Освобождая сознание от рабства перед вещественным миром, как совокупная идеально-типическая формация, символосфера реализует подлинное призвание человека — в приобщении к высотам духовного бытия носителем символических отношений. Одни символические формы востребуют более усилий ума, иные — излиятий горячего вдохновения. Наука радикализует обобщение, обоснование; право — норму, закон; мораль, традиция — установление, обычай; искусство — взаимодействие героев, сшибку характеров; идеология — служение идеалу; здравый смысл — укорененность в воссоздании жизни. Эстематичные формы жертвуют рациональным во имя чувственного, ноэстематичные формы жертвуют чувственным во имя рационального. Производится видоспецифическая стандартизация духовности, преимущественно в интенции на мысль или образ.

Символосфера соткана из условностей — преднамеренно фиктивных, нарочитых, сакральных рассматриваний и освоений *in pubibus*, в залоге *abs ob*, в сослагании, под углом зрения

²²⁸ *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970. С. 251.

incredibile dictu. Таковы системообразующие платформы души, позволяющие из птицы делать «синюю птицу», в предмете отыскивать воплощение, вещь объявлять инкарнацией, петь гимны изваяниям, поклоняться истуканам, искать и находить спасение в «заветной лире». Все это — не произвольное затемнение ясных мест. Все это — естественные реакции человека символического.

Символосфера — творческий продукт базовых конститутивных начал, инициирующих разворачивание циклических порождающих процессов, производящих не по законам природы, а по жанровым законам созидания «сердечным воображением» культовых духонасыщенных форм.

Символосфера превозмогает прозу обыденного, взыскует возвышенного, пускай ужасного, как в трагедии, но одухотворяющего, переворотного, катарсического, великого. Она взыскует, следовательно, демонического в том естественном древнегреческом смысле, в котором демоническое представляло не злым, дьявольским основанием, коварной, властной инстанцией, но фантастически субстанциальным, занимающим промежуточное положение между божеским и человеческим — моментом небесного в людях, загадочным поперек плоского обывательского. Стихия символического — стихия демонического в значении: перекрытие привычного, достижение необычного. В последнем — высшее практическое назначение символического: поднимая над ситуацией «мирового скотопригоньевска» (Трифонов), развязывать энергию неумного борения за утверждение чаемого надмирного. В чем каждый носитель символического должен, обязан преуспеть

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет и плачет уходя.

(А. Фем)

Глава III

МЕНТАЛЬНЫЙ РЕКВИЗИТ СИМВОЛИЧЕСКОГО

§ 8. Символический акт

Человеческое и нечеловеческое различаются по символическому основанию, способности отправлять символические акты. Ближайшей предпосылкой последних оказывается врожденность в надинстинктивные онтологические условия развития. Подобное возникает из подобного: культура выходит из культуры, символическое — из символического.

Внешние функции, обычно считающиеся элементарными, подчиняются у ребёнка совсем другим законам, чем на более ранних филогенетических ступенях, и характеризуются опосредованием общением, языковой коммуникацией — социализацией²²⁹. Опосредующая роль социально-знакового комплекса (символического обмена) более фундаментальна, нежели кажется. Человеческое — генеалогически исходно символическое — в прямом смысле слова индуцируется автоморфными конститутивными процессами в зоне ближнего социокультурного развития.

Под влиянием символического обмена (язык, общение) в данной зоне формируется собственно антураж человеческого:

- актуализируются генетически намеченные физиологические атрибуты сапиента;
- благоприобретаются навыки разумного самоопределения.

Главное состоит в обрубании эволюционно более архаичных инстинктивных признаков самоутверждения на базе наследственно передаваемых способов удовлетворения потребностей. Социокультурная преобразующая сила символического обмена, следовательно, суть сила, во-первых, негативная, прерывающая, пресекающая, на стадии *homo sapiens* она порывает с инстинктивным прошлым; во-вторых, позитивная, иницилирующая, стимулирующая, на той же стадии она выстраивает надинстинктивное настоящее.

Физиология. Благоприятное влияние социализации (социально-знакового комплекса СЗК) под углом зрения разработки

²²⁹ См.: *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1982. С. 38.

символогии сказывается в активации прямохождения, передних конечностей в комбинировании вещностью (мелкая моторика), функциональной архитектуры мозга, артикуляционного аппарата. Подробнее остановимся на речевом компоненте СЗК.

Звуки речи возникают из движения струй воздуха, выталкиваемых из легких по бронхам, трахее, через гортань, глотку, ротовую, носовую полость²³⁰. Физиологический механизм речевого аппарата напоминает способ действия духовых инструментов: легкие — меха; язык, способный к ритмическим колебаниям, дает тон; надставная труба-резонатор — полость глотки, рта, носа.

Легкие, бронхи, трахея нагнетают струи выдыхаемого воздуха посредством натяжения мускулов диафрагмы. Гортань состоит из двух больших хрящей — перстневидного и поставленного на нем щитовидного (выступ щитовидного хряща — «адамово яблоко» — кадык), являющихся ее остовом, внутри которого наклонно от верха передней к низу задней части натянута мускульные пленки в виде занавеса (голосовые связки)²³¹. Верхние края занавеса прикреплены к внутренним стенкам щитовидного хряща, нижние — к маленьким пирамидальным, или черпаловидным, хрящам, имеющим вид треугольников и могущим раздвигаться и сдвигаться к центру.

Пространство между голосовыми связками — межсвязочная щель; пространство между расходящимися пирамидальными хрящами — межхрящевая щель. Обе они образуют голосовую щель²³². Струя воздуха, из трахеи проходя сквозь перстневидный хрящ и голосовую щель, в зависимости от положения гортани издает звуки. За их диверсификацию ответствен верхний этаж речевого аппарата — надставная труба (резонатор), где образуются обертоны и резонансные тоны — шумы от трения воздуха о сближенные органы или от взрыва сомкнутых органов²³³.

Надставная труба начинается полостью глотки (фаринкс) с находящимся там хрящом надгортанника и далее подразделяется на две выходных трубы — ротовую и носовую полости. Их отчленяет нёбо, передняя часть которого палатум (твердое нёбо), задняя часть — парус нёба (мягкое нёбо) заканчивается маленьким язычком (увула). В зависимости от положения мягкого нёба и увулы (приподнятого, прижатого к задней стенке глотки; опу-

²³⁰ См.: *Реформатский А.А.* Цит. соч. С. 162.

²³¹ Там же.

²³² Там же. С. 162—164.

²³³ Там же. С. 166.

щенного, продвинутого вперед) производится звук ротового или носового резонанса.

Фонационное дыхание пропускает струи воздуха порциями, отдельными толчками, позволяет с участием органов полости рта (губы, язык, маленький язычок, мягкое нёбо, надгортанник) получать звуки разного тембра — вулярные, гингивальные, альвеолярные, церебральные, корональные, дорсальные, эпиглоттальные, назальные, разнообразящие регистры.

Нехитрая иллюстрация подкрепляет принципиальное: символическое (СЗК) по ходу социализации активирует физиологическое (феномен Маугли данной активации безучастен); активированное физиологическое увеличивает возможности развития символического (в целом психического). Подспудная зависимость одного от другого осмысливается в терминах не провиденциализма, но резонансного синергизма. Прибегая к мысли Ортеги, можно высказать: символическая судьба ставит нас в колею, скользя по которой мы соответствующим образом себя ведем, думаем.

Поведение. Животные, дикари осваивают реальность непосредственно через получаемые от отдельных раздражителей впечатления. Незатейливая поведенческая реакция на последние описывается элементарной моделью, ключевыми моментами которой являются сенсорность и моторность, опосредуемые выстраиваемыми в коре больших полушарий головного мозга условно-рефлекторными связями.

Концептуальная консолидация данных моментов и их последовательная теоретизация позволили И.П. Павлову развить учение о первой сигнальной системе как форме прямого отражения действительности в виде ощущений и восприятий²³⁴. Осмысление характера ситуации человека в среде себе подобных в дальнейшем подвело к радикальному обобщению, представляющему плод двух ревизирующих маневров

— непосредственность впечатлений от контактов с предметными раздражителями заменена опосредованными смысловыми контактами, возникающими от реакции на слова;

— первая сигнальная система заменена «чрезвычайной прибавкой» (Павлов) — второй сигнальной системой; сигнал трансформирован в знак.

В специфической человеческой деятельностной нише условно-рефлекторные связи формируются при воздействии не

²³⁴ Павловские среды. Т. 3. Л., 1949. С. 318.

предметов, а слов, не непосредственных раздражителей, а вербальных знаков. Слово (вербальный знак) — инструмент коммуникации, — вытесняя из межсубъективного деятельностного обмена непосредственность, предметность, переводит его в образно-аналоговый, сигнитивный модус функционирования (знаки имеют чувственную форму, но не имеют физического подобия замещаемым предметам). Слово — сигнал первых сигналов (не совпадающих с предметами, намечающий их смысловые образы), — становясь центром человеческого самостоянья, знаменует конституирование искусственной символической реальности (реальность как образная модель мира, калькуляция знаков)²³⁵, опосредующей (а во многом подменяющей) отношение человека к реальности естественной, предметнообразной.

Учением о второй сигнальной системе Павлов подорвал свое же учение о поведении как адаптивной рефлекторной реакции. Говоря строго, на стадии СЗК (образно-аналоговый, сигнитивный, символический способ утверждения в реальности) человеческое поведение подчиняется императиву не приспособления к среде через реакции, а приспособления среды к себе (по символическим программам) через акции. Доктрину преодоления внешних препятствий по решению значимых задач успешно развивал Н.А. Бернштейн.

Мысль. Визуальные образы предметно позитивны, реальны в двояком отношении. В отношении физиологической обусловленности они — дериваты соматических связей в коре головного мозга, возникающих от влияния предметности на перцептивный субстрат. И в отношении предметной обусловленности они — концентраты материи чувственности, правомерно воспроизводящей моменты предметности. Порукой легитимности координированности физиологической формы и предметного содержания выступает эволюционный процесс, самое природное творчество, создающее удивительный по совершенности высокоадаптивный перцептивный потенциал воспроизведения действительности. Человеческая чувственность в силу эволюционной оправданности, адаптивности предметно адекватна — чувство не обманывает; «всякое целесообразное действие регулируется чувствованиями» (Сеченов). (Эффект нецелесообразности, иллюзорности действия определяется физиологически и предметно несбалансированным оперированием вещными связями — допущение в

²³⁵ Язык есть орган внутреннего бытия, даже само бытие, — говорит Гумбольдт.

потенциальном опыте чувственно неустойчивых мнимых явлений, скажем человек-невидимка, человек, проходящий сквозь стену.)

Со ступени СЗК чувственно-предметные, визуальные образы заменяются образами знаковыми, информационно-аналоговыми. Относительно вторых первые — генетически приоритетны, исходны.

Функционально первые имеют вещные коннотации, тогда как вторые — коннотации смысловые. Генетическая и функциональная предметная ориентированность визуальных образов предопределяет их гносеологическую элементарность. Сказанное проявляется в таких атрибутах перцепции, как

(1) Разрешающие возможности²³⁶

Физический процесс	Длина волны в мм	Частота колебаний в 1 сек.	Воспринимающий орган	Качество ощущения
Механические воздействия	—	до 1,5 тыс.	кожа	осознание
Звуковые волны	выше 12 12–3	ниже 30 30–30 000	внутренне ухо	слух
Электрические волны	до 0,1 0,1–0,004	$30 \cdot 10^{12}$ 8^{14}	кожа	тепло
Световые волны	0,008–0,004 0,004–0,00001	$4 \cdot 10^{14}$ – $8 \cdot 10^{14}$ $8 \cdot 10^{14}$ – $5 \cdot 10^{15}$	сетчатка глаза	свет цвет
Рентгеновские волны	0,0000008– 0,0000005	$4 \cdot 10^7$ – $6 \cdot 10^{10}$	—	—

(2) Наглядно-действенная локальность

Восприятие — предметно-чувственная форма фиксации явлений действительности как по (а) презентационному, так и (в) репрезентационному механизму.

(а). Презентационный механизм. Предметное восприятие крепится на неких физиологически «простейших» сенсорных процессах в органах чувств, непосредственно коррелированных с ними отделах коры, анализаторах. (Анализатор — анатомо-физиологическая система приема, анализа, передачи раздражения включает расположенные на периферии механо-, хемо-, фото- и т.д. рецепторы; проводящие пути; корковые проекционные зоны. Рецепторы преобразуют энергию раздражителей в потенциалы

²³⁶ См.: Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия. М., 1973. С. 41.

действия, реагируют на изменения раздражителей, контролируются центральными отделами мозга²³⁷.) Как показано в (1), органы чувств специализируются на рецепции различных видов влияний: в зависимости от длин волн, частоты колебаний воздействия фиксируются разными органами чувств, воспроизводятся как отдельные виды ощущений (зрение, слух, осязание, вкус). Восприятие — прижизненно формируемый чувственный навык (Хэбб), а не гештальтспособность, что подтверждается хорошо известным психологии феноменом избирательного внимания к частям. А именно: порядок активации клеточных ансамблей (нейронов коры) кортекса обусловлен динамикой органов чувств (к примеру, векторами движения глаз), общей моторной активностью субъекта, обязывающими толковать восприятие как синтетическую, а не прегнантную способность.

(в). Репрезентационный механизм. Выстраивание чувственного образа не только анатомо-физиологическая, но и конструктивная процедура представленного воссоздания-воспроизведения признаков, визуальных параметров предметности. А.Н.Леонтьев назвал это «принципом уподобления» (при осязании движения рук воспроизводят очертания объекта). «Уподобление» — настраивание воспроизводительных действий субъекта согласно наблюдаемой природе объекта — имеет целью выделение характерного или напротив обобщенного, могущего быть повторенным в перцептивной копии.

Предметность, локальность, непосредственность, контактность восприятия наделяет его наряду с элементарностью свойством фундаментальности: гносеологически перцепция суть питательная и удостоверительная база мысли — продуктивность, обоснованность интеллекта конституируются чувственностью.

С позиции динамики символических форм стадия визуальной образности есть стадия обнажения в локальных опытных ситуациях «чистых» предметных значений. Здесь возникают варианты.

1. Аффектация. Значение ситуации исчерпывается субъективной на нее реакцией с использованием междометий, онома-топозиса.

Совершенно точно, утверждает Кёлер, что означивающие ситуацию знаки животных «безо всякого исключения выражают “субъективные” состояния и стремления, т.е. являются так на-

²³⁷ Там же. С. 43.

зываемыми звуковыми выражениями аффекта и никогда не преследуют цели обрисовать или обозначить что-либо предметное... С мимикой и жестикуляцией животных дело обстоит сходным образом: они также никогда не обозначают что-либо объективное и не имеют “изобразительную функцию”»²³⁸. Если брать человеческую популяцию, то характерная животным аффективная реакция в случае восприятия коровы свелась бы к оноματοпоэтической констатации «му-му» или междометной реакции «у...у!».

2. Субстантивация. Дает начало дивергенции знакоприменительной деятельности животных и человека. Движение в локальной опытной ситуации в случае человека производится за счет обособления предметного признака и прикрепления его к объекту-носителю. Обособление признака производится остенсивно (в чем сказывается предметность, наглядность, локальность) с заменой оноματοпоэтических звуков знаками (следующий, усиливающий дивергенцию момент). В случае с коровой помимо остенсива (обращение внимания) осуществляется знаковая калькуляция — остенсив дополняется не фонетическим звукорядом, а знакооформителями: расширяющему житейский опыт существу при столкновении его с коровой, указывая на нее, знакооформляют — «корова». Знакооформитель «корова» в подспуде информирует: живое, животное, мычащее, рогащенное, дающее молоко и т.д. Духовность неопита отягощается перцептивно данным остенсивно устанавливаемым предметным. Но не только. «Корова» становится не просто остенсивно данным, а еще и данным сигнификатно.

«Чистая» остенсивно удостоверяемая перцептивная «сущность» коровы может быть легко восстановлена при соответственной реконструкции, но дело не в этом. Для потенции СЗК радикальна вербализация: вербализацией оноματοпоэтических, остенсивных отношений «чистое» перцептивное значение, подвергшись сигнифицирующей обработке, упраздняется, предмет через слово становится знаком. Слово, как мы знаем, «не есть ни субстрат, ни сущее», значит, применяя знаки, «мы объявляем своим ближним не сущее, но слово, которое от субстрата отлично»²³⁹. Знаковая субституция чувственной ситуации с выделением предметных признаков и их сигнификацией ускоряет центробежное движение от перцептивного локального образа к

²³⁸ Köhler W. Zur psychologie der Schimpansen — Psychologische Forschung. Bd. I. 1921. S. 27.

²³⁹ Секст Эмпирик. Сочинения. Т. 1. М., 1975. С. 76.

образу универсальному, знаковому. Вехами на пути данного движения оказываются слова, слова, слова.

«Вначале было слово», — так обозначается фикс-пункт разворачивания и символического, и человеческого. Натурально — вопреки Гёте:

Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа, —

в случае сапиента «слово» выступает в прямом смысле морфогенетической продуктивной стихией, демиургом и человеческого, и символического.

Диахронический разрез. Мы достаточно плохо осведомлены о влиянии СЗК на утробное развитие в натальный период. Ненамного продвинулись мы и в понимании благотворной его роли на постутробное развитие непосредственно в перинатальный период. Перспективные идеи С. Грофа о складывании здесь неких (перцептивных, ментальных) стереотипов — матриц, гештальтов — в точную, верифицированную концепцию пока не оформились.

Хотя интуиция подсказывает, что появляющийся на свет сапиент *tabula rasa* не является, ни генетика, ни медицина, ни психология дополнительных данных на этот счет (пока!?) не поставляют. Остается, держась выверенного, составлять себе незамысловатую динамическую картину.

Окруженный заботой родителей ребенок включается в водоворот общения — тактильности, речевого воздействия. Благостные эффекты его (общения) сказываются непосредственно. При осложнении ситуации — разрыве семейного круга, выдворении из малой социальности, лишении родительского попечения — реакция незамедлительно проявляется: дети-отказники прекращают «гулить», видимо, дает знать негативная мутация в перинатальной матрице, у них может наблюдаться задержка психического развития и т.д. Однако, как бы там ни было, ребенок встраивается в порядок знаковой (второсигнальной) коммуникации: все его действия и все действия с ним сопровождаются словесным общением. Звучащее слово в контексте общения описывается троичной системой координат с осями «сообщение», «выражение», «обращение» (К. Бюлер).

Первая ось — содержательно-информативная, поставляет сведения об объективном и субъективном мире, стимулирует предметный прогресс мысли. Вторая ось — экспрессивно-модальная, поставляет сведения о языковом мире, стимулирует

глоттогенетический, лексико-семантический прогресс. Третья ось — адресативно-апеллятивная, поставляет сведения о коммуникативном мире, стимулирует прогресс интеракции.

Три вида прогресса, консолидируясь в единый прогресс символической человечности, фундируются словесным (языковым) фактором.

С начала перинатального периода ребенок становится существом словоориентированным, а значит, знаковым: знак исходно совпадает со словом, являющимся способом знакоупотребления. Вследствие сказанного ребенок сразу же ощущает все преимущества знакового (символического) образа жизни. Выскажемся категоричнее. Использование языка с такими уникальными качествами, как

— «перемещаемость» (Хоккет) — способность сигнализировать о внеконтекстуальных интервалах;

— ассоциативность — вызывание представления иного: «одно вместо другого», «одно, намекающее на другое», «одно, как другое», — нерв знаковых отношений, а вместе с ними языка, любой символичности, какой имманентен момент тропности, аллегоричности, метафоричности;

— значимость — языковые знаки несамодостаточны, непрозрачны (они приобретают контрадикторные этим характеристики в языках искусственных, формализованных), способны замещать «иное», потому что означивают, имеют значение; этапами означивания выступает семиотическая (введение знаков) и семантическая (толкование знаков) процедура;

— дематериализованность — «снятие» предметного, чувственного: словесные знаки — сигнал первых сигналов отделяют от вещности, перцептивности (проницаемой) пленкой синтаксической, лексической, фразеологической, риторической представленности; слово как знаковый раздражитель удаляет от реальности, а потому делает нас людьми²⁴⁰;

— опосредствованность — эффекты второй сигнальной системы — знаковая, понятийная дифференциация, идентификация, классификация и т.д. — накладывают отпечаток на деятельность первой сигнальной системы: человеческая чувственность структурирована языковыми единицами, тогда как чувственность животных аморфна, комплексна;

— репрезентантность — выражение повторяющихся компонентов представлений;

²⁴⁰ См.: Павлов И.П. Полное собрание трудов. Т. III. М., 1949. С. 569.

— генерализированность — подведение частного под общую форму;

— воспроизводимость — реставрация частного, переходящего в опыте перекрывает ограниченность, переходящность ситуационного, локального;

— дискретизируемость — дробление, сегментирование действительности лексико-семантическими вариантами.

Использование языка, как видно, содействует развитию изощренных мыслительных операций — установление сходства, различия, группировка, идентификация, предметное распознавание, объединение, выстраивание ассоциаций, учет важного, — сугубо символических возможностей. Если воспользоваться терминологией Гуссерля, уместно утверждать: с перинатального периода вовлечения ребенка в структуру СЗК, с ранних стадий социализации имеет место культивация сапиента как эйдетического существа — фактически предпринимается масштабная феноменологическая редукция, подчиненная центральной сверхзадаче — через вытеснение из субъективного опыта предметных форм получить носителя форм символических.

Сызмальства сапиент нацелен на генерацию символических актов: знаковую калькуляцию объектов, мыслей, идей, чувств.

Обобщение сказанного с попыткой уяснения диахронии подводит к квалифицирующему.

В филогенетической плоскости нет и не может быть ясно-го ввиду отсутствия прорывов в теории антропогенеза, науках о человеке палеоцикла, в том числе палеолингвистике, палеосоциологии, палеогносеологии. Следует подвергнуть более или менее тщательному моделированию происходящее в 4 отсеках — сознание, социальность, материальное жизнепроизводство, языковая коммуникация — на 4 основополагающих эволюционных интервалах — австралопитеки, архантропы, палеоантропы, неантропы. В дефиците фактуры прибегают к умозрениям типа догмы Н.Я. Марра о наличии фазиса несловесного (жестового) языка, что со многих, в том числе здесь отстаиваемых, позиций является химерой. Главное, по-видимому, заключается в прояснении хода словотворчества — звукоподражание, звукоизображение, звукопорождение (компетенция палеофонетики, изучающей акустические, физиологические — артикуляционные — признаки звуков речи) — и далее — перехода от ономотопии, междометной аффектации к речи с флексиями, аффиксами, позволяющими различать основные и побочные представления.

Выразительно-изобразительная сторона (*homo significas*) должна органично дополняться стороной социальной (уровень межсубъективной коммуникации — *homo socialis*), стороной жизневоспроизводительной (уровень продуктивной деятельности — *homo habilis*) и стороной сознательной (уровень мыследеятельности — *homo cogitans, cognoscens*). Применительно к последней, наиболее важной для нас стороне требует специального осмысления феномен диффузности языка, наблюдаемый в фазах архаики, ранней онтогенетики, комбинирования суммарным значением слов, нерелективной полисемии (нарушение закона мыслительного тождества), упрочения причинной лексики, с ней — ментального каузализма, стадийности генерализации, аналитико-синтетических операций (расчленение целого на несвязанные, несоотнесенные и связанные и соотнесенные фракции) и т.д.

В онтогенетической плоскости дело обстоит лучше, но далеко не удовлетворительно (в который раз даешься диву: за 76 лет советской власти при государственной поддержке философских штудий не удалось выполнить завет классика из «Философских тетрадей» — построить объемную гносеологическую доктрину мышления с моделью мыследеятельности ребенка): по сей день в точности не ясно, как мыслят дикари, аборигены, дети. Тем не менее здесь больше оснований для простора резюмирующего суждения.

Оттолкнемся от мысли Салливана о трезвенности сигнализации чувственного материала:

(1) прототаксис — бессвязный ток ощущений (у ребенка) — стадия «чистой» перцепции с «чистыми» ее значениями;

(2) паратаксис — фиксация причинных линий в связанных по времени событиях;

(3) синтаксис — оперирование знаками (символами) по правилам ассоциации слов для выражения мыслей.

(1) — эфемерна ввиду нашей неосведомленности об опосредованном типе перцептивности в «бессознательный» период. К сказанному стоит только присовокупить довольно настроенное отношение гносеологии ко всему «чистому», «непосредственному» — для концептуализации многомерной, развернутой в ретроспективу человеческой сущности такого рода презумпции потрясающе легковесны. Однако же, если разуместь узкий вопрос «развития речи», в обозримом наборе начальных звуков допустимо дифференцировать тоны спокойствия; дискомфорта; экс-

прессии во сне; сигналы нормальности кормления; благостности пребывания на руках матери.

Здесь же пробиваются аморфные слова-корни, употребление которых завязано на «поверхностные аналогии объектов по эмоционально-сенсорным свойствам»²⁴¹. Скажем, «карандаш» ребенок именует «писи» (пиши), равно как просьбу нарисовать — «писи». С помощью таких приемов обозначается «деятель-объект», «деятель-действие», «действие-объект». Диффузность, комплексность мысли передается: (а) словами-предложениями; (в) неразличимостью синтаксиса и семантики в словах-высказываниях (в развитом языке и развитом сознании назывные слова-предложения корреспондируют семантическим эллипсисам). Временная дистанция (1) — с рождения до 1,8 года (преобладание слов-предложений — 1,3—1,8 лет жизни).

(2) — дифференциация выражений желаний, отношений к среде на фоне усвоения образцов речи коммуникаторов (взрослых). Использование двусловных грамматически неоформленных предложений (конструкции типа: два неизменяемых существительных с пропуском глагола). Временная дистанция — 1,7—1,10 лет²⁴².

На этапе двучленного предложения обособливается субъект, объект, действие, от предмета отчленяется признак. С позиции предметно-содержательной дело выглядит так, что выражаемые простейшими предложениями отдельные образы формируются ситуативно под влиянием элементарных вещно-практических манипуляций в ходе игры. В последующем частные образы обобщаются в образы классов предметов; предмет из ситуации выносятся в «схему ситуации»; мышление воспаряет от деятельности в ситуации к комбинированию характерами ситуаций²⁴³. Ребенок постигает предметное значение ситуаций, предстающих предметом анализа, обобщений. Мыслительное развитие запараллеливается с языковым: естественная проекция одного на другое — формирование грамматических категорий как способов выражения предметных значений.

(3) — фазовый переход от двусловных предложений к более или менее богатым синтаксическим оформителям — многословные, грамматически полностью или частично упорядоченные конструкции — предложения с 3—4 словами, где слова начинают

²⁴¹ Якунин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984. С. 91.

²⁴² См.: Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961.

²⁴³ См.: Якунин Б.В. Цит. соч. С. 95.

обретать морфологически точные очертания (временная дистанция — с 1,9 года). Нарращивание словарного запаса, упрочение грамматических значений в пределах слова в ментальном отношении позволяет вводить образы соотнесенных между собой классов предметов, действий, признаков, отношений. Представление «класса» (ассоциации) преобразуется посредством замены его образом свойства, определяющего характер класса (капитальная для гносеологии «загадка» индукции имеет вполне «детскую» разгадку). Множество заменяется «параметром» как новым «простым» объектом умственного действия. Языковая проекция ментальных сдвигов — обслуживающая необходимость структуризации предметной иерархии дифференцировка отношений между членами предложения: кристаллизация противопоставления подлежащего сказуемому, морфологическое, синтаксическое (грамматическое) программирование речи. К 5 годам регистрируется окончательное формирование детского языка с крепким механизмом запрограммированного речевого поведения — способностью выстраивать синтаксически сложные высказывания. (По Н.И. Жинкину, это — особая коммуникативная система — система расширяющихся сообщений с изменяющимся языком.)

Обращаясь к мощному гуссерлевскому приему, можно углубить аналогию. Первый этап феноменологической редукции — эйдетическая редукция с атрибутивным ей *epoché* на рассматриваемой стадии кристаллизации символического — складывании способности отправлять символические акты — характеризуется ужесточением воздержания от предметной перцепции. Здесь мы имеем не отказ от суждения о мире с обособлением ареала субъективности, но имеем сознание как пространство смыслообразовательных, смыслопородительных процессов, детерминированных пониманием производимых слов (временная дистанция 3—7 лет). Наглядно-действенное мышление «утрачивает» свою перцептивную основу, отделяется от контекста практического (игрового) усилия; опираясь на вербализацию, оно задействует сигнификацию как искусственный (символический) индуктор содержания.

Общность дочеловеческой и человеческой ступеней эволюционного прогресса — в сходной поведенческой основе (обеспеченной деятельностью больших полушарий), замкнутой на сигнализацию. В случае животных дело ограничивается первой сигнальной системой, в случае человека — второй. Сигнализа-

ция у животных имеет рефлексную базу, у человека — символическую. Человек становится человеком, приобретая способность сигнифицировать.

Сигнификация — исчисление знаков — с применением вербального кодирования сочленяет содержательный и выразительный планы мысли. Многосоставность знака (слова) позволяет паковать мысль в речь, речь переводить в мысль. Человеческая разумная форма самозаявления, следовательно, способна быть лишь знаково-содержательной.

Оформление символического акта в разрезе «диахрония» с учетом сказанного таково:

— кристаллизация предметной мысли в виде «чистых» значений первичных перцептивных опытов;

— преобразование чувственных конкретов в абстракты через сигнификацию, обслуживающую три плоскости: мысль, речь, коммуникация (экспериментально показано: у ребенка с появлением голосовой реакции возникают реакции социального контакта)²⁴⁴; переход мысли из чувственной области во сверхчувственную²⁴⁵ осуществляется введением слов — второсигнальных знаков, образов; по закону условного рефлекса промежуточные звенья отбрасываются; остается связь «знак—значение»;

— ребенок, усваивая перцептивную связь слова и предмета, заменяет ее символической связью «знак—значение»; голосовая реакция на предмет в перцептивном контакте замещается артикулированной речью; речь становится не аффективной, а интеллектуальной, сцепленной с мыслью, мысль приобретает не предметный, а речевой характер. «Встреча» мышления и речи происходит на рубеже 2 лет.

Наш язык — наша история, — говорит Я. Гримм. Наша человеческая история начинается со способности сигнифицировать — налаживать знаково-мыслительные символические акты.

Синхронический разрез. «В ощущении содержится весь разум — вся совокупность материала духа»²⁴⁶, — высказывает Гегель. Гегелевский тезис — не гипербола. Правота суждения автора «Феноменологии духа» выясняется при учете следующего.

Перцепция — синтетический процесс, деятельность по интегрированию отображаемых предметных деталей. Цельность пер-

²⁴⁴ См.: *Выготский Л.С.* Собр. соч. Т. 3. С. 164.

²⁴⁵ См.: *Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 437.

²⁴⁶ *Гегель Г.В.Ф.* Соч. Т. III. М., 1956. С. 245.

цепции не исходна (концептуальный изъян гештальт-платформы), представляет результат длительной тренировки. Перцепция — двухвекторный процесс: действие объекта на субъект — ввиду немеханистичности копирования — сопровождается встречным действием субъекта на объект — установки, мотивации, интенции по избирательному, ориентированному чувственному освоению действительности, активному, саморегулируемому решению перцептивных задач. Перцепция — опосредствованное явление, «исследовательская реакция» (Павлов) (оценка параметров, опознание объектов, построение образов, сравнение их с оригиналом, корректировка, избирательность — отвлечение, привлечение признаков и т.п.). Перцепция интеллектуализована — отнесение к классам объектов, выделение существенных и второстепенных признаков, соотнесение с объектом сведений о нем (историзация) предполагает активную категоризацию и символизацию содержания, его знаковую фиксацию. Мы подошли к потребному.

Многообразная, всесторонняя опосредствованность перцепции внеперцептуальными параметрами сугубо подрывает ее «чисто» физиологическую трактовку. Верно, по своему генезису перцепция физиологична, но она не физиологична по своему статусу. Статус перцепции есть функция сложения

— материи: *sense data* — предметно-содержательная ткань чувственности как эволюционно высоко эффективной инстанции, в силу своей рефлексной генеалогии отображательно адекватной, безусловной;

— формы: превращение опытных данных в «собственность знака» — второсигнальное «оприходование» чувственности с переводом перцептивной материи в дискретные языковые выражения, а через языковую дискретизацию в единицы мысли и речи — в условные знаковые значения.

«Слово есть сознание»²⁴⁷, — дополняет Гегеля К.С. Аксаков. Вербализация, сигнификация, овторосигналивание чувственности выводит на широкий фарватер интеллектуализации: интеллектуальная обработанность, т.е. осмысленность, включенность в сознание, разлучают восприятие человека и животного. Человеческая перцепция *in medias res* не может быть физиологическим актом, она может быть только актом символическим.

Чем конкретно определяется перевод перцептивных процессов из разряда физиологических в разряд символических? Отвечая прямо и односложно, скажем: каскадом синтезов.

²⁴⁷ Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. М., 1860. С. 22.

1. Пресловутое звено «чистой» перцепции. В силу объективно высокой адаптивности физиологического механизма чувственности, действующего по принципу безусловного рефлекса в рамках первосигнального отображательного процесса, гносеологически капитальным назначением сенсорики в познавательной деятельности, данный механизм оправдывающей, является поставление материи, ткани, вещества познания. Субстрат чувственности — наглядно-предметные образы, ввиду константности, инвариантности восприятия, его рефлекторной природы — информационно, отображательно достоверны.

Динамика восприятия описывается «законом перцепции» Н. Ланге: вначале формируется общий сценарный план предмета (диффузное представление), в дальнейшем под влиянием интенций детализирующийся. Поскольку образ по содержанию экстериоризован (предметен), а по форме интериоризован (духовен), возникает серьезная реконструктивная проблема рефлексивного воссоздания фигур предметного мира в фигурах мира духовного. На данной стадии проблема получает решение в терминах ассоцианизма, провиденциализма, гештальтизма, эволюционизма.

Ассоцианизм не устраивает волюнтаризмом, механицизмом (автоматизмом) в трактовке самого принципа ассоциации; одновременно он снабжает перспективными объяснительными комплексами — экспликативный детерминизм в моделировании генеалогии ассоциаций по правилам смежности, живости, повторения, сходства, контраста.

Провиденциализм (предопределение, *harmonia pre stabilitada*), как было установлено ранее²⁴⁸, — в постулировании заложенного изоморфизма (структурного подобия) «ряда идей» и «ряда вещей» заявляет себя либо как мистическую, либо как «ленивую» теорию, что исключает ее притязательные потуги быть теорией адекватной.

Гештальтизм. Психологические функциональные упорядочивающие структуры вполне реальны, но не факт, что преформичны (во всяком случае, нам ничего об этом не известно). Воспроизводимые гештальтизмом рабочие модели структурализма в трактовке консолидации сенсорных образований — тяготение частей к симметричному целому, группировка по простоте, близости, равновесию, прегнантности — достаточно эффективны при решении обозначенной выше гносеологически капитальной

²⁴⁸ См.: Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы.

реконструктивной задачи: духовного восстановления перцепции как фактурно экстериоризованного, но отображательно интериоризованного феномена.

Эволюционизм — допущение естественно-исторической сплоченности фигур внешней и внутренней реальности, тематизируемой рефлекторной концепцией психики (Сеченов), концепцией сигнальной регуляции головным мозгом поведения живых существ (Павлов). Обособливаемая здесь первая сигнальная система дает непосредственное (!) улавливание органами чувств идущих извне воздействий — от ощущений «первичных качеств» до синестезии.

Оцениваемое звено — весьма «узкий», «неинтересный» фрагмент гносеологии, не имеющей возможности проявить себя в полной мере в качестве амбициозной теории. По необходимости в данном месте рассуждений ограничивается невдохновительными соображениями: живое созерцание, непосредственное запечатление, материя духовности и т.д. Практически все эти глубокомысленные обороты покрываются физиологическим потенциалом перцепции, прогрессирующим в естественном совершенствовании сенсорного аппарата (к примеру, трансформационный ряд: светочувствительная пластика кишечнотелостных — фасеточный глаз насекомых — камерный глаз позвоночных).

2. Серьезная реконструктивная проблема: рефлексивное воссоздание из потока «непосредственных» ощущений, «первичных качеств» духовного аналога предмета. Она решается введением следующего звена. Соответственно традиции изошренной средневековой философии (аппаратом которой в трансцендентальной эстетике пользовался Кант), назовем его — формальный синтез ощущений. Функциональное назначение данного продуктивного фазиса: не привнося ценностных моментов, реализовать связь ощущений в «живом созерцании».

Выстраивание духовной копии, образного дубликата предметного производится как его отображательное представительство в лице неполной (усеченной) субъективной картины структурных параметров воспринимаемого. На этой стадии формируется не образ, но лишь сигнально-аналоговое воспроизведение, оказывающееся духовным коррелятом, синкретическим инобытием вещного. Предметность здесь выступает в роли значимого источника, провокатора потенциального содержания. Феноменология процесса: направленное влияние вещиности; первосигнальная реак-

ция; активация рецепторов, корковой проекционной зоны; творение.

3. Эскалация продуктивной деятельности в решении реконструктивной проблемы. Очередное звено: реальный синтез — замещение предмета образом. В отличие от формального, реальный синтез привносит ценностные интенции, диспозиции. Исходный пункт продуктивных связываний в движении от представительского синкресиса предметности к полноценному образу — предвнимание, налаживающее концентрацию восприятия на отдельные признаки. Избирательность восприятия — следствие избирательности предвнимания, в свою очередь оказывающегося следствием установочных когнитивных карт, нацеливающих на отбор предметных процессов через ориентирующие схемы. Филогенетически, скорее всего, они (схемы) складывались стихийно — путем проб и ошибок — как наращивающие адаптационный багаж новообразования. Онтогенетически они вводятся развивающим воздействием СЗК (социализация) в младенчестве (до года) привлечением, перенаправлением внимания в кругу аффектационного, междометного, ономатопоэтического, остенсивного общения.

Ориентирующе-регулирующее перцепцию предвнимание сменяется вниманием, нацеливающим на обособление в предметных процессах относительно существенного. Такого рода нацеливание идет с активным использованием методик оформления ассоциаций по принципам сходства, преемства, пространственно-временной связности и т.д. в игровой вещно-манипулятивной деятельности.

Реальный синтез — опосредствование, вписывающее поток ощущений в комплексы ранее накопленного и ситуационно актуализируемого опыта (воображение, память, реминисценции), — так называемое апперцепирование. Если опираться на традицию, в томизме за подобные действия ответственно «познавательное чувство» — *cogitativa*, или «частная мыслительная сила» — *vis cogitativa* (равно как создающий ориентации души «частный рассудок» — *ratio partialis*).

Смысл данного «оборудования» — схватывать представляющие ценность содержания, объективировать прочувствованные намерения, судить об отдаленных и текущих чувствительностях, напрягать воображение для усмотрения в предметном важного, идентифицировать в конкретном признаки, генерализируемые понятиями. Как видно, «восприятие» не действует со слепотой естественной силы. Восприятие — процесс

— эшелонированный: чувственность перемежается в нем со сверхчувственностью;

— конструктивный: составление предметных образов реализуется сопоставлением вещных коннотаций в разнообразных контекстах с апперцепированием²⁴⁹;

— избирательный: фокусированный на подведение предметных признаков под целеориентирующие схемы;

— интериоризирующий: перевод в духовно-аналоговый, информационально-репрезентационный план предметных структур, признаков, отношений;

— интегративный: упорядочение чувственного многообразия ассоциативным согласованием, иерархированием его составляющих.

Феноменология процесса: схематическое введение структурообразующего отношения в качестве внутреннего стимула деятельности; принятие специфических моделей общесенсорных качеств; отнесение к базовым предметным признакам; обработка чувственного потока с комплексным эффектом — целостной идентификацией воздействующего в субъективной картине. Так, восприятие «леса» протекает как «собирательная перцепция», отнесенная к «древесному массиву»; вследствие дробления видоразличительных схем возникают перцептивные детализации — «конфигурации», «цвета», «породы» и т.д., оказывающиеся чувственно более чувствительными коррелятами (перцептивными понятиями)²⁵⁰ вещного.

4. Сигнификация. Преобразование сигнала в знак. Знаковый синтез. Синтетическое существо данного звена проявляется в соединении локальных пространственно-временных измерений образа с надлокальным информационно-аналоговым «значением». В итоге актуализируется 5-мерное многообразие: псевдоевклидов пространственно-временной интервал с приданным ему интервалом знакового значения. Задача первых трех звеньев — удерживая связь с предметностью, поставлять материю духовного опыта (*sense data*) в непосредственном контакте с ней (предметностью). Задача четвертого звена — знаковое оконтуривание перцепционных рядов, постановка им в соответствие знаковых идентификаторов-коррелятов. В последнем легко просматривается нагнетение опосредствующего момента — движе-

²⁴⁹ См.: Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 2. М., 1972. С. 148.

²⁵⁰ См.: Арнхейм Р. Цит. соч. С. 58.

ние от непосредственного взаимодействия с вещами к образной их представительности и от нее к знаковой представительности с усиливающейся рефлексивной обработкой — восхождением от чувственной конкретности (конкретности по материалу) к духовной абстрактности (абстрактности по форме и абстрактности — интеллектуальной бедности — по содержанию).

Предпосылки отправления знакового синтеза — известная степень развития способности произносить членораздельные звуки в пакете с известной степенью развития духовных способностей²⁵¹.

Знак вещи предьявляется ребенку в ходе вещно-манипулятивной (игровой) деятельности вместе со словом, через слово, которое является второсигнальным раздражителем. В этом своем качестве слово инициирует социализационно труднейший переход от «чистых» значений восприятия к речевым их выражениям. Движение от «чистого» значения к речевому выражению, собственно, и есть речевое онтогенетическое развитие. В силу полифункционального статуса знаковой информации звучащее слово индуцирует поливариантный тип человеческого прогресса по координатам

- реальность (отображение, информация о мире);
- знак (строевость, информация о слове);
- коммуникация (социальность, информация об адресатах и адресантах).

Слово, как искусственная (символическая) сигнализация, усиливает совершенствование мысли, речи, общительности. Из слов (в речи) строятся предложения, получают материализацию мысли, заявляются уровни интеракции. Из одной точки — синкресис речи, мысли, общения — разворачиваются разные типы синтаксисов с разными инструментальными функциями:

- слово — организованные в грамматические единства группы слов (фразы) — фразовые объединения;
- мысль (понятие, идея) — выстраиваемые из мыслей высказывания (суждения) — исчисление высказываний;
- коммуникация — поведение — активность, покрывающие все богатство символической реализации человека.

Учитывая сказанное, правильно всецело солидаризироваться с Л. Ельмслевым, рассуждающим о призвании тематизирующей статус слова лингвистической теории, правда с одной поправкой:

²⁵¹ См.: Звезинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М., 2001. С. 248.

речь должна идти о лингвистике в редакции «символистика», — а именно: «лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы... но также и признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка. На этом этапе лингвистическая теория достигает той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*»²⁵².

Итак, зафиксируем: знак совпадает со словом, из слов строятся предложения; одновременно знак замещает предметное содержание, совпадает с мыслью, из мыслей строятся суждения. Речь — средство общения, мысль — средство познания — являются дериватами радикализации новой языковой ценности²⁵³. Как второсигнальный ресурс человечности, функционально язык не обслуживает непосредственно проблем выживания (1 сигнальная система). Употребление знаков, сигнификация, предполагающие переход на искусственную (не физиологически детерминированную) сигнализацию, означают символическую регуляцию индивидуального и социального поведения, обслуживание проблем культуры; культура пробивается к человеку через знак.

Для уяснения возможностей знака как средства культуростроения, крепящегося на единстве языковой формы и мыслительного содержания, обопремся на ряд известных лингвистической теории базовых понятий.

Фонема — минимальная единица языкового строя языка, обслуживает выражение, различение значимых единиц языка — морфем, слов, фраз.

Морфема — минимальная значимая часть слова (корень с аффиксами), выражает грамматическое и лексическое значение.

Граммема — минимальное грамматическое значение, представляемое словоизменительными аффиксами или служебными словами.

Лексема — единица словаря языка; совокупность значений одного языкового комплекса (блок парадигматических — «стул», «стула», «стулу» — и семантических «стул» — предмет мебели и медицины — форм); слово суть лексема, привязанная к определенным группам выразительных ассоциаций (сочетаний), в кругу которых узнается как воплощение единого смысла²⁵⁴.

²⁵² Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 381.

²⁵³ См.: Звегинцев В.А. Цит. соч.

²⁵⁴ См.: Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 372.

Сема — единица смысла, минимальный компонент значения. Семы объединяются в семемы — единицы плана содержания и архисемы — группировки сем («мать», «отец» — «родственник»); сема — смысловая единица лингвистического анализа, семема — аналогичная единица семантического анализа.

Реалема — инвариант референтов, реалий, сгусток существенного, общего в знаках, типовая предметность (типаж предметности), необходимые атрибуты которой передаются лексическими единицами языка, сигнификатами, значениями знаков (реалема «стул» разумеет все многообразие предметов данного типа); семантическими референтами единиц языка оказываются не экземпляры, а реалемы, «комки» объективных свойств²⁵⁵.

Единство словесных и смысловых пластов слова передается фигурой «лексико-семантический вариант» (ЛСВ — слово-понятие), которому поставлена в соответствие психическая единица — переживание значения языкового выражения — монема. Из внутренней речи во внешнюю монемы переводятся фонемами. Единицы плана выражения — морфемы и лексемы — соотносятся с единицами плана содержания — семемами, получая интерпретацию.

Опора на заимствованные из лингвистики понятия позволяяет рельефнее уяснить: слово как знак имеет

- психофизиологическое измерение — единство фонем и монем, актуализирующих ЛСВ во внешней и внутренней речи;
- грамматическое измерение — единство морфем и граммем, осуществляющих выразительную актуализацию ЛСВ;
- лексическое измерение — единство лексем, сем и семем, осуществляющих предметную актуализацию ЛСВ.

Указанные измерения слова-знака налаживают три типа параллельных процессов, обслуживающих языково-логико-предметное выстраивание реальности как символически задаваемой онтологии. Онтологии «ореченной» — лексически, логически, ментально оформленной, второсигнально выраженной, понятийно одетствованной.

Многоразличные стороны данного наиважнейшего процесса изучают лингвистическая и логическая семантика. Пора поставить вопрос о развертывании семантики гносеологической (символогической). Нервом ее оказывается ментальная организация словесного материала под углом зрения выстраивания предметно-содержательных знаково-символических связей.

²⁵⁵ См.: Новиков Л.А. Цит. соч.

Вспомним классика: в предложении «Жучка — собака» сконцентрирована вся премудрость, вся полнота мыслительного воссоздания действительности. В самом деле.

«Жучка» — имя — выделяет объект материального мира и мысленного оперирования; является языковым выражением множества предметов (в языке — только общее) и ассоциированного с ними индивида (в «собирательной» форме имя Жучка выделяет не конкретное существо, а «линейку» существ, подводимых под номинацию «Жучка»), связывает эти процессы с процедурами абстрагирования, генерализации, идеализации.

Опущенная, но подразумеваемая (или вводимая явно — вербально ли, остенсивно) глагольная связка «есть» приписывает, как минимум, лингвистическое, а как максимум, физическое существование (проблема бытия номинируемых, сигнифицируемых объектов).

Существительное «собака» вводит идею живого существа — «животного», подпадающего под биологическую (таксономия) и логическую (включение, исключение, пересечение, тождество, дополнение) систематику.

Одна фраза из двух слов как некий элементарный текст окутана плотным облаком родо-видового, координативно-субординативного, лексико-семантического подтекста. *Inde*: язык суть не только общее, но и неэлементарное опосредствующее.

Язык, как система знаков, унаследует и умножает характерную способность своей праформы (знака) переводить себя в другие знаки и оттого получать более полное развитие²⁵⁶. «Более полное развитие» — внутренний прогресс на собственной основе — обеспечено самовозрастающей сущностью знака: «знак есть нечто, зная которое, мы узнаем нечто большее»²⁵⁷.

За счет чего? За счет развертывания продуктивных расширяющих синтезов.

В варианте иконических знаков — изображения (фотография, портрет, схема, чертеж) — локомоцией креативности выступает ассоциативная идентификация, связывание предметных признаков по сходству.

В варианте знаков-индексов предметно-реконструктивное связывание осуществляется по правилам смежности (индикаторная зависимость типа «организм — термометр — самочувствие»).

²⁵⁶ См.: *Peirce Ch. Collected Papers*. V. 1—8. Cambridge, 1931—1938, 1958. V. 5. § 394.

²⁵⁷ *Ibid.* § 832.

В варианте символов конституируется условное связывание признаков на базе интерпретации: знак есть некоторое А, обозначающее факт, объект В для некоторой истолковывающей интеллигенции (в смысле Фихте) С²⁵⁸.

Значение знака, следовательно, есть знак, в который оценочными, ассоциативными, интерпретативными актами оно переводится²⁵⁹.

Обратим внимание на ключевое «переводится». Значение знака ознаковывается вследствие символического представления в мыслительной предметно-логической (внутренняя символизация) и речевой вербально-грамматической (внешняя символизация) форме. (На стадии «сигнификации» значение знака не переводится в перцептуальное «верификационное» значение, хотя последнее без труда может быть восстановлено. Достаточно проделать обратное нисходящее движение: вербальный знак → остенсив → знакооформитель → «чистое» восприятие с ономато-поэзисом → материальный объект (вещь).)

Ознаковление знакового значения по своим гносеологическим последствиям в полном смысле слова революционно.

1. Оно запараллеливает грамматические и логические процессы, стимулируя развитие демонстративности. Овладение речью, непосредственное выстраивание фраз опирается на имплицитное использование содержащихся в языке многообразных строевых отношений

— конверсия, гипонимия, синонимия, антонимия, омонимия, полисемия;

— идентификаторы, конкретизаторы, актуализаторы, классификаторы;

— связывание членов предложения друг с другом: согласование — связь определяемого и определяющего по числу, падежу, роду, лицу; управление — связь определяемого и определяющего по грамматическим значениям; примыкание — синтаксическое подчинение, выражаемое не словоизменительными, а категориальными формами (позиционные, ситуационные связи).

Сугубо синтаксические, лексические параметры инициируют становление параметров логических — тождество, идентичность, координация, субординация, подчинение, соподчинение и т.п. Как указывает Д.Н. Овсяннико-Куликовский: «Процессы и формы логической мысли, с одной стороны, и грамматической — с дру-

²⁵⁸ Ibid. V. 1. § 346.

²⁵⁹ Ibid. V. 4. § 132.

гой, — это явления, при всем их различии, родственные, и едва ли можно сомневаться в том, что между ними есть генетическая связь»; «логические понятия — субстанции, атрибута, действия, состояния и т.д. — развиваются постепенно при соответственных грамматических категориях, и столь же постепенно процессы анализа и синтеза, данные в грамматическом предложении, претворяются в логические, и грамматическое предложение дает бытие логическому»²⁶⁰.

2. Оно распараллеливает отражение и представление (перцептуальный синкретизм); знаковые комплексы не отражают, а представляют. Сказанное утрируют объективные свойства знака — материальность (чувственная данность); — второсигнальность (нацеленность на выражение значения); — автономность (содержание знака не тождественно материальной характеристике, что разлучает знаковость и вещьность); — комплексность (содержание знака определяется различными признаками); — системность (содержание знака определяется его назначением в популяции знаков)²⁶¹.

Содержание знака складывается исторически через закрепление в речи опыта познания предметного мира. Человеческая мысль, ассоциируя, обобщая, комбинирует не конкретными представлениями, не экземплярами, а классами. Чувственные впечатления, группируясь по сходству, смежности и т.д., как говорил Сеченов, «сливаются» в некие «средние итоги». Последние материализуются знаковым стимулом («яблоко»), индуцирующим специфическую модель самых общих сенсорных качеств, — таких как совокупное «представление» о круге, тяжести, вкусе фруктов и т.д.²⁶² Через знак «яблоко» ребенок присваивает общее мыслительное представление о «яблоке вообще» — «яблоковость» — без различения сортов яблок. Знак вводит акустический и ментальный заместитель (смысловая модель) общих сенсорных категорий, позволяющий мыслить «дубом, березой, елью» вне зависимости от визуального освоения²⁶³.

Складывание обобщенно-мыслительного содержания о предмете в онтогенезе выглядит, следовательно, как череда под-

²⁶⁰ Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. С. XII, XIV—XV.

²⁶¹ См.: Реформатский А.А. Цит. соч. С. 27—28.

²⁶² Арнхейм Р. Цит. соч. С. 57.

²⁶³ См.: Сеченов И.М. Элементы мысли. М.; Л., 1943. С. 155.

вижек от ситуационных значений к знаковым понятийным значениям: «дуб», «ель» — «дерево» — «лес». Переход от «вот дерево», «это дерево» к «дереву вообще» соответствует переходу от содержания остенсивов к содержаниям классов, что в выразительной плоскости подготавливается комбинированием лексическими и грамматическими значениями. Лексические значения передают внутренние предметно-логические свойства объектов определенного класса (существенные признаки в понятийном содержании). Грамматические значения передают те же свойства (из типизируемых признаков объектов класса) в их отношении к числу, процессу речи (время), пределу действия (совершенный—несовершенный вид) и т.д., т.е. знаковой артикуляции. Скажем, грамматическое число выражает представленность класса предметов одним или многими предметами; множественное число несет общее значение единственного числа, представляет все предметы данного класса, соотносится с множеством единичных значений единственного числа²⁶⁴.

Активная роль языка, как видно, вытесняет «отражение», оставляет «представление», коррелированное не с чувственной, а со смысловой освоенностью предмета, его данностью в идеальном поле значения.

3. Оно налаживает общение. На поверхности коммуникация — 3-тактный акт, включающий говорение — слушание — понимание.

Говорение и слушание — зеркальные процессы, состоящие из артикуляционного и акустического комплексов. Первый обслуживает звуковой эффект речи с участием генераторной (органы порождения звука), резонаторной (органы усиления-ослабления звучащего звука), энергетической (механизм дыхания) систем; управляется двумя условиями регуляции произнесения слов — произвольным и непроизвольным²⁶⁵. Второй обслуживает слуховой эффект речи (речь нацелена на диалог и без воспринимающего контрагента бессмысленна) в обозначенном выше диапазоне (в среднем от 16 до 20000 Гц) с различением в качестве раздражителей звуков определенной высоты (частота колебаний), силы (амплитуда колебаний), долготы (продолжительность звука с количеством колебаний во времени), тембра (индивидуальные качества звуков — наличие обертонов, призву-

²⁶⁴ См.: *Реформатский А.А.* Цит. соч. С. 12.

²⁶⁵ См.: *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.

ков), доходящих до мозговых центров, обрабатываемых и предъявляемых к осознанию.

Понимание — многосложное связывание артикуляционно-акустического единства со значением.

Моменты «общения», социального потребления имманентны природе знака, что обнаруживается буквально во всех признаках его наиболее емкой характеристики, а именно знак:

— есть последовательность фонем, графем, хирем — второсигнальных рычагов интеракции;

— имеет значение (социально конституированное содержание);

— соотносится с другими знаками (системен);

— социален (циркулирует в пределах общности);

— имеет единство формы и содержания (легализуемое автоматической реакцией на знак как на условный рефлекс членов языкового сообщества);

— сигнален (несет информацию о предметах действительности);

— сигнификативен (осуществляет связь предметов определенного класса со знанием о них);

— идентификативен (репрезентирует предметы, объединяет их в множества, выступает основой содержательного означивания)²⁶⁶.

В абстрактном гносеологическом виде социальность проявляется уже в прямой лексической номинации — обращение явлений действительности в знаки, перевод фактов мира в факты языка, — актуализация которой подготавливается социогенетически — опять же обобщенно — в способностях: мышление — язык — действительность; язык — деятельность — общество.

В конкретном коммуникативном виде социальность проявляется в прямых модусах речевой практики — прагматический выбор языковых средств для интерактивных ситуаций. Обособливаются пространства стилей общения — десигнативный (понятийно-содержательный), аппрециативный (хвалебный), прескриптивный (формативный); употребления речи в контекстах: информативном, оценочном, призывающем, систематизирующем и т.п.²⁶⁷

4. Оно осуществляет понимание. Феноменологически понимание реализуется как двухтактный акт введения (приписывание) и установления (расшифровка) знаковых смыслов. Тема-

²⁶⁶ Языковая номинация. М., 1977. С. 11.

²⁶⁷ *Morris Ch. Signs, Language and Behaviour.* N.Y., 1946.

тизацией понимания как мыслительной процедуры занимается семантика.

С формальной стороны дело выглядит так, что знаки (слова, фразы, высказывания), ассоциации, популяции абстрактных символов должны транслироваться на содержательный язык, получать семиологическое, предметное, смысловое удостоверение.

В задачу семантики и входит отработка правил перевода знаковых выражений с символического языка на язык лексико-предметно-понятийный — ответственное движение от абстрактной символизации к конкретной идентификации. Идентификации, подчеркиваем, тройкой:

— семиологической (конституируемая социальностью — опыт общения — сигнификационная ценность символических форм);

— предметной (реификация знаков);

— смысловой (мыслительная тематизация, концептуализация знаков).

Итак, семантика озабочена (а) сигнификационной; (б) реификационной; (в) мыслительно-тематизационной сущностью знаков.

(а) Задача лингвистической семантики — конституировать адекватность знаково-выразительного момента как единства акустического образа и смысла. Указанное конституирование опирается на отслеживание характера знаковой деятельности во всех регистрах — от фонетики, сигматики, синтагматики, парадигматики до лексики, стилистики, фразеологистики.

На выразительно-обозначительном уровне интерес вызывают трансформационные фазовые переходы от шумов (непериодические колебания) к тонам (периодические колебания); оформление развитой модуляционной речи; становление линейности речи (синтагматика), системности языка (парадигматика), упрочение словообразовательных потенций, структурных элементов языка, позволяющих передавать информацию по типам сочетаемости знаков (предикативные отношения — зависимость членов синтагм от времени (связь с содержанием), наклонения (связь с целевой установкой), непредикативные отношения — зависимость членов синтагм от атрибутивных (определение), объектных (дополнение), релятивных (обстоятельство) связей); налаживание общения — лексика (сочетание слов), синтаксис (сочетание предложений), стилистика (качество словесных, фразовых сочетаний).

На функциональном уровне интерес вызывают способы осуществления языком своего призвания: фонетические, грамматические, словообразовательные, лексические (лексико-семантические) систематизации, сводимые в словарные кодификации, регуляризации (к примеру, словарь Роже содержит 6 рубрик-классов, 24 рубрики-подклассов, 1000 тем, выполненных как списки семантически упорядоченных слов-понятий с пучками дифференциальных признаков — синонимическими, антонимическими рядами²⁶⁸).

Лингвистическая семантика, различая плоскости языка и сознания (идеальное содержание), предлагает 2 схемы понимаемых процессов (понимание понимания)

— отношение обозначения: сигнификативный, денотативный, референциальный (системный и речевой) компоненты значения;

— отношение к предметному представлению: денотат (представление в плоскости 1 сигнальной системы), сигнификат (понятие в плоскости 2 сигнальной системы), объект (материальная вещь).

В силу неоднозначности соответствия формы знака его содержанию (так называемый принцип асимметричного дуализма — двойная референция знака в системе и речевых актах) вводятся понятия абсолютной и относительной его (знака) произвольности. Абсолютная произвольность знака — немотивированная природой вещей сцепка означающего (*signans*) и означаемого (*signatum*). Относительная произвольность знака — частичная мотивированность знакообразования в пределах языковых систем — наличие корневых (вещественных) и некорневых (значения признаков, отношений) морфем, канонов словообразования (скажем, использование аффиксов «ость», «без», «пере», «у», «шь» и т.д.). Сюда же должны быть отнесены экстралингвистические факторы — традиции, нормы, узусы, литературные обработки.

Итог всех этих осмыслений — резюмирующий вердикт относительно порядка структурной организации знаков как языковых коррелятов познавательных категориальных связей (тождество, различие, обобщение и т.д.).

Сфера речи — использование выразительных средств в создании текстов разной сложности, формы, назначения: устная

²⁶⁸ *Roget P.M.* Thesaurus of English words and phrases. Boston: Gould and Lincoln, 1864.

речь — правила функционирования моторно-артикуляционного, содержательного комплексов; письменная речь — правила функционирования синтаксического, стилистического, композиционного комплексов; внутренняя речь — правила движения в содержании через предметно-смысловые, информационные коды, программирование внешней речи в моментах замысла.

Сфера номинации — правила оформления парадигматических (включение), синтагматических (сочетаемость, совместимость смыслов), эпидегматических (семантическая производность) комплексов.

Сфера семиологии — удостоверение ценности основных функций знаков — сигнификативной, номинативной, прагматической.

Сфера выразительной релевантности — правила воспроизведения ассоциативных связей, оттенков перцепций в содержательной структуре слов и их объединений: «все смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности с прямым номинативным значением в центре иерархической системы»²⁶⁹.

Сфера этимологии, истории слова — правила употребления, толкования знаков и их комплексов.

Сфера соотнесения формы и содержания знака — правила установления автономии одного по отношению к другому; полисемия, омонимия (одно означающее — X означаемых); синонимия, полилексия (одно означаемое — X означающих).

Сфера структурной организации знаков — правила выполнения знаками (нарицательными, собственными, дейктическими, вспомогательными) внутрискруктурных функций; введение актуализаторов, индивидуализаторов, конкретизаторов (некоторые местоимения, наречия, артикли) и т.д.

Сфера внутренней членимости знаков — правила учета лексической валентности, семантической избирательности, контекстуальной обусловленности, грамматикализованности значений (Разбиение слов-знаков на знаменательные, служебные, неполнозначные, соответственно выполняющие основные — абстрактно-обобщенное отображение действительности — и вспомогательные — организация применения знаменательных знаков — познавательные функции. Знаменательные имена обо-

²⁶⁹ Языковая номинация. М., 1977. С. 29.

значают «предметы», «субстанции» (существительные), «признаки» (прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия, наречия). В силу параллелизма лексико-грамматических и логических значений они (знаменательные имена, части речи) выражают логические категории, участвуют в отображении действительности. Лексическим категориям «действие», «состояние», к примеру, соответствует логическая категория «свойство предмета». Семиологическим особенностям знаков (идентификация, дифференциация, характеристика) в логической проекции соответствуют родовидовые связи. Предметным, признаковым именам корреспондируют понятийные признаки, расцениваемые как результат изолирующей абстракции).

Сфера лексического понятия — множество знаков-номинаций, дающих «имя» предмету; вводя лексическое понятие, мы вводим значение слова, содержащее минимум различительных признаков объекта. Лексическому понятию соответствует логическое понятие, содержащее минимум существенных признаков объекта. Нормированная речь удовлетворяет правилу: слово-знак когерировано с постоянным лексическим понятием (значением слова) и относится к конвенционально установленному классу предметов («стул» не означает «стол»).

Если у слова-знака несколько когеренций, оно многозначно. Установление его значения требует дополнительных интеллектуальных усилий в виде интерпретирующей процедуры. Более или менее безусловны ономактопэтические знаки, хотя и они, по квалифицированному убеждению Л.А. Булаховского и А.А. Реформатского, отчасти конвенциональны²⁷⁰. Отношение же обозначающего к значению всегда условно: встраивающиеся в языковые традиции слова наряду с основными получают сопутствующие со-значения. К примеру, «белое-черное» наряду с цветом передает идеи «моральных качеств» (есенинский «Чёрный человек»), «жизненных состояний» (белая, черная полоса существования), «радость-печаль» в зависимости от культур («белый» — цвет траура в китайской, японской цивилизации, «черный» — в цивилизации европейской), стративного положения (белое-черное духовенство)²⁷¹.

(б) Задача гносеологической семантики — конституировать

²⁷⁰ См.: Булаховский Л.А. Семасиологические этюды // Вопросы славянского языкознания. Кн. I. Львов, 1948. С. 154; Реформатский А.А. Неканоническая поэтика // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 104.

²⁷¹ См.: Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

адекватность отображательного момента знаковых конструкций. Перефразируя Пирса, можно сказать: гносеология коренится в языковой (также социальной) организации. Для эффективной реконструкции существа познавательного акта под углом зрения трактовки его как акта символического зададим некую настройку предстоящей тематизации набором презумпций.

Положение 1. Слово — символ именуемого, а не его подобие. В силу условности знаков не существует изоморфизма означаемого означающему. Знаки имеют свою родословную (этимология), свою историю, механизмы динамики поголовья (лексика), свои принципы структурной организации (синтагматика, парадигматика, синтактика); просматривается автономия содержания и формы знака («отчужденность» семантики от сигматики).

Положение 2. Существо знака как образования духовного, эшелонированного эксплицируется уяснением отношений «трех китов»: «слово» (жест, граф), «понятие», «предмет». С этой целью вводится схема треугольной фигуры, вершины и грани которой изображают характер имеющихся связей. Известны семантические треугольники Огдена—Ричардса; Реформатского; Уллманна²⁷².

Не вникая в детали данных респектабельных моделей, обратим внимание на главное: треугольная фигура взаимообуславливает

- предмет, вещь, явление — экстралингвистический фактор;
- звук, последовательность звуков, образующую слово — лингвистический фактор;
- представление предмета — логический, мыслительный фактор²⁷³.

Экстралингвистический фактор — «предмет» фигурирует в рассмотрении под фирмой обозначаемого, денотата, референта, десигната, соотносимого.

Лингвистический фактор — «слово» фигурирует здесь как имя, обозначающее, денотатор, десигнатор, выражение, форма.

Логико-мыслительный фактор — «представление предмета» фигурирует как содержание, смысл, значение, мысль, семантический облик, информация слова.

Далее — нюансы. «Знаком» в единстве всех ипостасей, конституирующих знак, комбинируют Сёренсен, Уллманн. «Знаком»,

²⁷² Ogden Ch. K., Richards J. A. The meaning of meaning. Ed. 4. London, 1936; Реформатский А. А. Введение в языковедение; Ullmann S. The principles of semantics. Glasgow, 1951.

²⁷³ См.: Суперанская А. В. Цит. соч. С. 122.

отождествленным лишь со второй ипостасью (слово, лингвистическая форма), комбинирует Соссюр. Мы принимаем версию Сёренсена—Уллманна, толкуя знак как синкресис формы и содержания, предметных и понятийных соотношенностей слова.

Положение 3. Языковые формы мысли контролируются законами лингвистических образцов, представляющих систематизацию выразительной практики (шире — поведения, поскольку языковое поведение — дериват психолингвистической генерации). Параллелизм языка и мышления двойствен: не существует неязыкового проявления мысли, но существуют разноразличные мысленные проявления (многоязычие).

Положение 4. Выделение денотата протекает в сознании как операция взаимообусловливания имени и смысла с использованием идентификации, синонимии. Установление предметного значения знака осуществляется через анализ, разложение на содержательные компоненты, дохождения до семантических примитивов²⁷⁴; и лишь в начальных стадиях онтогенеза (совпадающих с овладением языком) — до пользования остенсивами.

Положение 5. Энергия знаковой отвлеченности порождает энергию отвлеченности гносеологической. В языковой номинации денотат — не предмет (вещный экземпляр), но типизированное представление предмета (предмет обозначения). Сигнификат — понятие, содержание которого составляют номологические признаки предметов данного класса. Знак соотносится с предметом как с совокупностью (собирательное представление) — множеством, группой; понятийно он представляет целое и никогда — часть. Предметное значение (референт) знака всегда суть обобщенное значение, спроецированное не на индивиду, а на общность.

В краткой форме — с использованием возможностей треугольной фигуры — сказанное иллюстрируется записью: понятие (сумма атрибуций предметного класса) — слово (знак, номинация) — предмет (генерализированная характеристика предметной сферы).

Положение 6. Языковая техника — словообразовательные, ономазиологические процессы, способы означивания фактов действительности посредством номинативных и предикативных приемов, объединение имен в предложения и т.д. — влечет оформление языкового сознания, редактирующего характер субъек-

²⁷⁴ *Sorensen H.S.* The meaning of proper names with a definiens formula for proper names in modern English. Copenhagen, 1963. P. 18—19.

ективного микромира. Главное в том, что фигуры последнего (категориальные акты) настроены на каноны структурирования содержания, диктуемые функционированием слов²⁷⁵. Перевод действительности в ментальное поле производится: (1) использованием лексического материала, «снимающего» определенность предметного, чувственного (совокупность звуков, знаков заменяет вещь, знаменуя выход из перцептивной фазы); (2) конкретизацией обобщенных значений слов, знаков семантическим развертыванием их в синтагматические ряды; словесные знаки как когнитивные единицы языка осуществляют перевод действительности в мышление (формы знания)²⁷⁶.

Положение 7. Смыслы передаются лексическими единицами; не существует изоморфизма «слово» — «понятие» (слово «стол» означает «мебель» и «еда», соответствующие разным понятиям). Кроме того, понятие способно реализоваться не в одном слове, а в сочетании слов — «Госпожа Бовари», «шоссейная дорога». Принимая в расчет ранее сказанное, утвердим отсутствие двух типов изоморфизма в отношениях «слово» — «вещь» и «слово» — «понятие». Последнее, собственно, передается идущей от Платона треугольной моделью значения. Платон разделял вещь и идею именно: три вершины треугольника Платона «вещь — имя — идея». В рамках второсигнального опыта онтология (предмет, вещь) задается идейно (платоновский мотив: вещь — копия идейного архетипа, смысловой праформы) — через приобщиенные к эйдосам (идеи, понятия) их ставленники — знаки.

Лингвистическая семантика, ограничиваясь констатацией данного положения дел, оценивает статус знаков как ингредиентов языка — характер морфем, слов, словосочетаний, фразеологических единиц, предложений. Таким образом устанавливается, оценивается грамматическое, лексическое значение, формально-структурная организация языка.

Гносеологическая семантика должна идти дальше. Имя (слово, текст) опосредствует отношения понятия к предмету, но не заслоняет и не исчерпывает их. Лингвистическая семантика не дает (это не входит в ее компетенцию) искомого понимания характера связи смысловой (понятийной) — назывной (номинативной) — предметной (денотативной) сторон знака. Вне зоны ее рефлексии остаются 1 и 3 вершины треугольной фигуры: лингвосемантика не проясняет ни смысловой, ни предметной опре-

²⁷⁵ Языковая номинация. С. 8.

²⁷⁶ Там же. С. 9.

деленности знаковой деятельности. Справедливости ради стоит сказать, что лингвосемантика все же заходит в данные вершинные точки, развивая модель коммуникационного значения. А именно: в знаковой (словесной) коммуникации индуктор переводит «значения» в знаки; реципиент-акцептор переводит знаки в «значения». Первый коммуникационный такт обслуживает ономазиология, второй — семасиология. Одно (перевод значения в знак) соответствует выразительной зашифровке мысли; другое (перевод знака в значение) — понимающей расшифровке, смысловому декодированию знакового выражения для обособления мысли. В эпицентре ономазиологии семантические связи типа синонимии, антонимии, конверсии, гипонимии. В эпицентре семасиологии семантические связи типа полисемии, омонимии.

Фокусировка на словесном значении с картиной множества выразительно-смысловых вариантов уже в пределах лингвосемантики стимулирует ревизию треугольной модели, ее трансформацию в модель четырехугольную: знак — значение — понятие — предмет. Где «значение» — инициируемое знаком языковое поле содержания²⁷⁷.

Итак, лингвосемантика заходит в «понятийную» и «предметную» вершинные точки, обогащает дискурс плодотворным соотношением «отношение знака к понятию, смыслу», «языкового содержания знака и мыслительного его содержания», «ближайшего знакового и дальнейшего значения» (Потебня), но слишком быстро из них выходит.

Стремление зайти, аналитически освоить эти точки склоняется к резюмирующему: предметное значение слова как отношение знака к им обозначаемому (предмет) (факт языка в отношении к внеязыковому факту) может встраиваться как вершина в любые многоугольные экспликативные конфигурации, но оно должно подлежать самостоятельному осмыслению.

Лингвосемантика позволяет осуществить следующее полезное рефлексивное движение: ЛСВ — его представление в монеме (психическое переживание значения языкового выражения) — артикуляция монем в фонамах — их группировка в морфемы, лексемы — их содержательно-смысловая проекция на семы-семемы — их соотнесение с реалемами. На этом звене лингвосемантика свои экспозиции прерывает. В переводе на гносеологический язык итоговый пункт лингвосемантического подхода — реа-

²⁷⁷ См.: Новиков Л.А. Цит. соч. С. 91.

лема — означает ментально-смысловой типаж («стульевость», «яблоковость»), который связан как с «мысленностью», так и с «предметностью». Не являясь ни «чистой» мыслью (эйдос), ни «зеркальным» отображением (копия вещи) и совмещая черты «идейности» и «предметности», он выступает духовным представителем предметности, символической ипостасью вечности. С данного момента разворачиваются гносеолого-символогические разыскания.

Опираясь на сформулированные положения, уточним теоретико-познавательный статус «духовного представительства вечности» под фирмой ментально-смысловой «типажности». Расцениваемая как экспонибилия, последняя есть сигматически — номинатум (Фреге) — предмет имени; онтологически — класс; гносеологически — обобщение.

В предметном отношении «типаж» вещи, конечно, — не «вещь»: он не «предмет», а «предмет имени», не «явление», а «класс», не «копия», а «репрезентация». Его корреляцию с вечностью осуществляют языковой (этимология, ономазиология, семасиология), операциональный (верификация, эмпирическая идентификация), семантический (интерпретация) комплексы.

В логическом отношении «типаж» есть денотат как функция смысла имени.

Если отводить анализируемой структуре какую-то духовную нишу, ею, скорее всего, будет «образ». Образ суть овеществляемая идея и идеализируемая вещь — *ens fictum*²⁷⁸. С позиций своей бытийной организации образ есть не вещь и не идея, а комбинация-кентавр: вещь-идея и идея-вещь. В традиционную онтологию, следовательно, нужно ввести соответствующий локус (топос): наряду с бытием вещным — предметный мир; бытием идейным — эйдетический мир; подвизается бытие образное — вещеидейный и идеевещный мир.

Бытие образное — сугубый продукт сугубой символической способности снабжать существованием сущности условно значимые — не реальные (и не вещь, и не идея), но и не мнимые (не фиктивные), — символическое вдохновляет, воодушевляет, сподвигает на культуротворческое.

В жизни к идее (эйдос, идеал) трудно пробиваться — не всем дано воспарять; с вечностью трудно смиряться — не всем дано опускаться. Баланс «идея — вещь» устанавливается онто-

²⁷⁸ См.: *Суперанская А.В.* Цит. соч. С. 134.

логически — креативностью (цель — технология — ценность); прагматически — критичностью, аналитичностью (цель — средство — результат); антропологически — корректируемостью «Я»-концепции, системы самооценок (цель — жизненный выбор — призвание). (Ср. гетевский Прометей:

Иль думал ты,
Что буду жизнь я ненавидеть, —
В пустыню удалюсь из-за того,
Что воплотил не все свои мечты.)

В познании, как в жизни, все решает идейно-предметное отягощение. По аналогии с «феноменологической редукцией» введем (процедурно обратную ей) «феноменологическую сатурацию», подводящую не к абстрактно, а к конкретно сознательному. Вещность конкретна по материалу. Идейность конкретна по содержанию. Образность конкретна и не по материалу, и не по содержанию; она конкретна по сочетанию одного с другим — типичности.

Конкретность образа — его типичность, избегающая как индивидуализации, так и генерализации. Индивидуализация чревата уничтожением образа в плоскости перевода его в имя собственное. Генерализация чревата уничтожением образа в плоскости перевода его в понятие.

Накопление признаков в индивиде означает усложнение его собственной, не подводимой под «тип» сложности. Накопление признаков в понятии означает его уточнение, ограничение. Накопление признаков в образе означает его оживление, придание колорита, яркости.

Образ ни вещно, ни идейно (понятийно-логически) не устойчив. Не будучи ни вещной, ни эйдетической сущностью, на существование в действительном (объективно материальном, объективно ментальном) мире он не претендует. Он претендует на самозаконное существование в символическом мире, связывающем вещность с эйдетичностью конструктивным осуществлением.

Человеческое бытие — бытие искусственное, сотворенное продуктивным усилием по образно-символическим лекалам²⁷⁹. Чем дальше продвинулся сапиент по дистанции творчества, тем больше он проявил свою символическую сущность. В истоках же человеческого символического самоосуществления — укорене-

²⁷⁹ См.: Шпет Г. Эстетические фрагменты. Вып. III. Пг., 1923. С. 35—37.

ние знаковой реальности, переводящей существование в модус словесно-смысловой, аналогово-информационной значимости.

(в) Задача логической семантики — конституировать адекватность смыслового момента знаково-выразительного комплекса.

Лингвосемантика движется в контурах лексического знаково-выразительного понятия; гносеологическая семантика — в контурах референциального предметно-смыслового понятия; логическая семантика — в контурах знаково-смыслового понятия, расценивающего символические выражения под углом зрения формальной корректности. В эпицентре внимания здесь — логическое измерение правильно построенных знаковых записей (формул).

Если семантический треугольник представлять вершинами «имя — понятие — предмет», то дисциплинарные вождения логической семантики концентрируются на всех связывающих вершины гранях «имя — понятие», «понятие — предмет», «предмет — имя», где собственный интерес логико-семантических рассуждений определяется оценкой, отслеживанием смысловых моментов.

Грань «имя — понятие». В идеале между «формой» и «содержанием» символических утверждений должно быть одно-однозначное отношение. Тогда язык строг, точен, доопределен во всех своих частях, но невыразителен, беден. На деле в выразительно богатых (естественных — нестрогих, искусственных — формализованных, включающих, как минимум, рекурсивную арифметику) языках отношение подобного рода (по теоремам Геделя, Тарского) не установимо. Как правило, именной (знаковой) форме соответствует множество содержаний (смыслов) (семантико-синтаксическая омонимия), смыслу соответствует множество именных форм (семантико-синтаксическая синонимия)²⁸⁰. В результате — требующие специализированной аналитики, критики смысловые издержки полисемии, полилексии.

Грань «понятие — предмет». Логическая семантика, не радикализуя материальную (референциальную) относительность знака (задача гносеологической семантики), озабочивается предметно-понятийной его относительностью. Так возникает генеральная тематизация «объем — содержание» понятия, детализируемая вариациями «обозначаемое и значение» (Милль); «значение и смысл» (Фреге); «экстенционал и интенционал» (Карнап); «ре-

²⁸⁰ См.: *Мартынов В.В.* Категории языка. М., 1982. С. 179.

ференция и значение» (Куайн); «денотат и сигнификат» (Черч). В силу сигнификатного, денотатного полиморфизма знаков (синкретические, дублетные и т.д. формы) возникают нетривиальные задачи установления характера соответствия означаемого означающему. План рефлексии интенционально (смысловых) — экстенциональных (предметных) («Утренняя», «Вечерняя звезда» — «Венера») контекстов знаковых выражений покрывает логическая семантика. План рефлексии истинностных значений знаковых выражений покрывает дополняющая логическую семантику многозначная (счетно-бесконечная), модальная, вероятностная логика (алетические, деонтические модальности, правдоподобные оценки, заполняющие промежуток между значениями «истина» ... «ложь») (системы Геделя, Аккермана, Лукасевича, Керри, Тарского, Льюиса, Брауэра, Карнапа, Гентцена). (Истинностные оценки здесь толкуются как атрибуты знаков — речи, а не вещей. Как утверждает Гоббс, «где нет речи, нет ни истины, ни лжи»²⁸¹.)

Грань «предмет — имя». Категории языка внутренне и внешне ориентированы. Внутренняя ориентация категорий языка детерминирована преимущественно синтаксически (словообразование, словоизменение в лингвистике; нормальные формы, обращения, превращения, преобразования в логике). Внешняя ориентация категорий языка обуславливается преимущественно экстралингвистически «знаниями о мире», которые ни лингвистическая, ни логическая семантика не изучают (лингвистика, логика в принципе не занимаются «материальной истинностью»).

То положительное, что достигает логическая семантика в смысловых систематизациях знаковых высказываний, заключается в прояснении структуры рассуждений, переводе их в каузальную (необходимую) форму, выявлении содержательных пробелов, лакун с удалением эллипсисов, установлении более или менее точных, строгих предметных, истинностных значений.

Сказанное подводит к заключению: в силу полилексичности, полисемантической богатых информационных контекстов (языков) в их рамках не удастся добиться полной смысловой эксплицированности. Языкам (тем более естественным) «присуща изначальная (органическая) неэксплицированность смысла: 1) неполнота фразовая или эллиптическая (презумпция); 2) неполнота сверхфразовая (пресуппозиция)»²⁸².

²⁸¹ Гоббс Т. Соч. Т. 2. М., 1991. С. 25.

²⁸² Мартынов В.В. Там же.

Объяснения — в природе речевой коммуникации, участники которой, экономя выразительные ресурсы, компрессируют код, полагая само собой разумеющимся соответствие внутренней (интенция) внешней (объективация) речи²⁸³. Поскольку такого соответствия нет, востребуется особый тип критико-аналитической деятельности, преодоление указанных типов смысловой неполноты стимулирующий.

Лингвистическая семантика осмысливает (а) правила сегментации речевого потока на единицы; (в) способы организации, ассоциации знаковых единиц (словообразование — номинация; синтагматическая, парадигматическая стандартизация; деривационная редукция, семантическая конденсация; словоизменение — предикация, локализация).

Гносеологическая семантика осмысливает правила перевода смысловых полей в предметные (атрибуция, дескрипция, предикация, операционализация, верификация, интерпретация, квантификация, опытная идентификация) и *vice versa* с отсевом фикций.

Логическая семантика осмысливает правила установления смысловых значений знаково-символических выражений.

Заходя во все вершины треугольной фигуры, разные виды семантик по-разному их осваивают. Лингвистическая и логическая семантики ограничиваются установлением лексических и смысловых значений знаков (преодолевая фразовую неполноту), равно как знаков, посредством которых они толкуются. Гносеологическая семантика устанавливает материальные (вещественные) значения знаков (преодолевая сверх-фразовую неполноту), принимая в расчет знания о мире.

Как показал В.В. Мартынов, если типы презумпции «могут быть выделены в соответствии с квалификацией сложных предложений, то пресуппозиция синтаксически (и добавим — логически. — *В.И.*) неопределима»²⁸⁴. Оставаясь за бортом лингвистической и логической семантики, она тематизируется семантикой гносеологической. В створе последней разворачивается объемная модель понимания.

«Понимание» как отнесение знаков к смыслам, наделение их значениями начинается с оценок репрезентативных (представление — номинативные единицы) и репрезентирующих (материальные носители представлений — инварианты звуков —

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же. С. 180.

фонемы) уровней языка, установлением субъектов (S) — агенсы, объектов (O) — пациенсы, предметов (в японской традиции — тайгены), признаков предметов (ёгены). С последующей лексической, грамматической, морфологической экзегезой речевого материала — идентификацией трансформов, конденсаций, реконструкций каузативов. Скажем, маркировка значимости S осуществляется с помощью морфологии падежных форм (позиционный показатель). Доминирующий S (агенс) имеет форму именительного падежа, тогда как O — форму косвенных падежей. Формально употребление именительного падежа исключает предлоговые сочетания; формы винительного падежа не выражают семантики агенса.

Категории числа, рода оформляют «согласование» (парадигматические связи), категории падежа оформляют «управление» (синтагматические связи). (В неморфологических языках формирование одного и другого осуществляется с помощью порядка слов²⁸⁵.) Предикацию в глаголе реализует «залог». Локацию производит лицо, вид, наклонение, время и т.п.

Известны многочисленные типы словообразования с применением разных модификаторов (суффиксы, префиксы), позволяющих переводить те же глаголы из позиции предиката в позицию субъекта (читать — читатель), увеличивать поголовье слов. Для существительных трансформационными разрядами выступают:

Nomen agentis (агент действия) (суффиксы тель, шик, чик, ец, ик, н+ик, ист) — оценщик, ловец, передовик, волшебник, беллетрист.

Nomen instrumenti (инструмент действия) (отглагольные существительные на тель, ник, льник, лка, ка) — измеритель, паяльник, сеялка, задвижка.

Nomen patientis (пациент действия) (суффиксы ик, ец) — посланник, любимец.

Nomen loci (место действия) (ня, льня, ище, ье, ок/ек) — кофейня, спальня, убежище, верховье, пригорок, взгорье.

Nomen actionis (действие) (ние, ка) — желание, плавка.

Nomen abstractum (качество) (ость, ство, щина, ота) — мудрость, богатство, кустарщина, красота.

Nomen augmentativum (увеличение) (ище, ина) — умище, человечина.

Nomen deminutivum (уменьшение) (ик, ка) — фонарик, лошадка.

²⁸⁵ Там же. С. 99—100.

Nomen collectivum (собирательность) (ство, ье/ие, ник) — сотрудничество, былье, орешник.

Nomen singulativum (единичность) (ина, ка) — бусина, картонка²⁸⁶.

Сказанное проливает свет на трактовку «бессмысленной зауми». В материале Щербы обособливаются тайгены «куздра», ёгены «глокая», предикаты «будланула», «кудлачит», агенсы «куздра», пациенсы «бокра», «бокренка». Темнота семантики несколько рассеивается установлением грамматических, морфологических, лексических значений с сопутствующей предикацией, каузализацией, детерминацией.

В материале Каменского:

Захурдачивая в жордубту
По зуборам сыпь дурбинушшом.
Расхлабыть твою да в морду ту
Размордачай в буру рябинушшом.
А ишшо взграбай когтишшами
По зарылбу взымь колдобинной
Штобыш впрямя зуйма грабишшами
Балабурдой был — худобиной.
Шшо да шшо да не нашшоками
А впроползь брюшиной шша —
Жри хувырдовыми шоками
Раздобырдивай лешша.

К подобным чисто «знаковым» толкованиям примыкают соображения эвфонии (инструментовка — факт звуковой организации речи), смысловой настройки восприятия, заданной аншлагом — «Каторжная таежная». Таким образом, сознательный отказ от «значения», разрушение его в нарочитостях неким способом компенсируется узрением, идентификацией строевого, эвфонического, интенционального фона коммуникации.

Восстановим интригу. Понимание, утверждал Боссюэ, есть восприятие звука как знака, вызывающего в уме значение обозначаемых предметов. В качестве комплексного акта понимание складывается из соединения акустического образа со смыслом²⁸⁷.

Слагаемое: «акустический образ». Эвфония, эвритмия, орфоэпия, тонировка, тембровка, инструментовка, оркестровка, аранжировка слова оформляются через звуковые характеристики,

²⁸⁶ Там же. С. 138—163.

²⁸⁷ См.: *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 39.

модификаторы — специфические колебательные движения, генерирующего речь голосового аппарата. Уже на дословесной стадии интонационный рисунок звуков имеет, несет, передает значения. Если принимать во внимание, что познавательная способность консолидирует перцептивность и когитальность, то данный фазис — нечто промежуточное; он не одно и не другое, а, так сказать, синкресис — «звуковой жест» (Шлейхер), не нашедший форму слова, но выразительно концептуализированный аффект. Таковы звуковые экспрессии, эмоционально-волевые знаки языка — междометия, в зависимости от контекста могущие выражать прямо противоположное. (Междометия, слова-воззвания («Кира!») объединяются в слова-восклицания, суждений не выражающие, предложениями не являющиеся.)

Утверждаемое тем более справедливо в отношении полноценной речевой стадии, где высказываемое об одном и том же в разных локалах непредсказуемо варьирует семантику: «Ужо тебе!»; «Я этого никогда не забуду». Эмоциональная отнесенность (интонационно фиксируемая) акта речи к его содержанию позволяет на поверхности идентифицировать локальные значения выражаемого.

Слагаемое: «смысл». Содержание знаков обусловлено и сферой употребления, и сферой отображения. Морфемы, граммы, лексемы, синтаксемы, стилемы (стилистические комбинации, фигуры), участвующие в выработке идеальных значений через смысловые поля знаков, как утверждалось выше, также позволяют устанавливать смыслы уже на допредикативном уровне. Подразумеваются смыслы используемых знаковых конструкций. Скажем: морфемы выражают понятия: (а) корневые — вещественные (стул); (б) некорневые — признаковые (на ость, без, пере), относительные (на у, шь)²⁸⁸.

Граммемы передают элементарные грамматические значения (посредством словоизменительных аффиксов, служебных слов, морфем). Лексемы варьируют парадигматические (стул — стулу — стулом) содержания («вода» — вещество и болтовня — «лить воду»). Синтаксемы выражают структурные планы предложений, технику сочетания в них слов (от «традиционных» схем до анаколупа, инверсии). Стилемы воплощают планы изобразительных приемов в речепроизводстве, технику ассоциирования знаков, «фасон словесных одеяний мысли» (Шпет) (от просторечья до эвфуизма).

²⁸⁸ См.: *Реформатский А.А.* Цит. соч.

Входя в знаковые системы, слова унаследуют признаки группировок: грамматические признаки, признаки семантических рядов, признаки семантических категорий, признаки семантических субкатегорий, признаки лексико-семантических парадигм, синонимических рядов, способствующих идентификации их значений²⁸⁹.

Как точно высказывал Балли, язык — множество «виртуальных знаков, предназначенных к актуализации в каждом случае для выражения данной мысли; функционирование языка состоит в преобразовании виртуального в актуальное: вся система знаков предназначена для такого употребления»²⁹⁰.

В зависимости от интенций, обуславливающих характер преобразований виртуального в актуальное, осуществляется привлечение разных лингвистических конкретизаторов. К примеру, предикативные отношения характеризуют зависимость членов синтагм от времени, наклонения. Грамматическое время характеризует отношение времени события к времени речи (от стандартных «прошедшее, настоящее, будущее» до плюсквамперфекта — прошедшее, предшествующее прошлому, аориста). Перфектные, имперфектные формы несут идею присоединения к отношению времени отношения вида.

Ассоциирование характеризуется родом: языковые классы образуются по роду. Применение гипонимии (параллелизм языка и логики) означает введение как лексико-семантической, так и логико-семантической определенности, говоря: «собака — животное», мы вводим субординацию лексических единиц, но и субординацию единиц логических (лексика — гипонимические связи; логика — родовидовые связи).

Качественные прилагательные передают градации качества (холодный — чуть теплый — теплый — горячий — жаркий). (В предметно-смысловом отношении используемые языковые последовательности в идеале должны отображать некую термическую нормирующую шкалу, т.е. получать медицинскую, космологическую, сталеплавильную и т.п. конкретизацию.)

Конверсивы (как языковые фигуры, отражения) обозначают тождественные действия с позиций разных углов «видения» («он сдает», «у него принимают»).

Синонимы и антонимы выражают сходство и различие (параллелизм, контраст) соотносимых предметов (друг — товарищ —

²⁸⁹ См.: Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.

²⁹⁰ Bally S. Bulletin de la société de linguistique de Paris. 1922. Т. 23. Р. 118.

приятель — знакомый — кореш — собутыльник — поделник — напарник)²⁹¹.

Важную роль играет «деиксис» — пространственно—временные, топологические, хронологические конкретизаторы, указатели координат речевого акта (наречие «сейчас», местоимение «этот», частица «вот»). Относительно «сейчас» развертывается действие:

тогда имело место то-то — несовершенный		прошедшее время
тогда возымело место то-то — совершенный вид		
тогда имеет место то-то — несовершенный		непрошедшее время
тогда возымеет место то-то — совершенный вид		

(глагол «женю» выступает в форме настоящего времени от «женить» — несовершенный вид и в форме будущего времени от «женить» — совершенный вид).

Местоимение «этот» не называет, а указывает (остенсивный конкретизатор, апеллятив, локализатор, идентификатор, ориентатор). Следовательно, при введении «этот» разумеется «не тот» (Бюлер). «Этот» — визуально доступен. «Тот» — за пределами²⁹². Аналогичное высказывается о частице «вот» и т.д.

Слово, как единый чувственный и мыслительный комплекс, в толковательной процедуре получает пятигранную семантизацию.

(а) Первичная семантизация — фоническая, интонационная определенность (варьирование аффективной силы выражаемого).

(б) Вторичная семантизация — пространственно—временная определенность, топологическая, хронологическая локализация, конкретизация, контекстуализация выражаемого («Разбойник!» — в адресации к ребенку и мародеру).

(с) Третичная семантизация — лингвистическая определенность (богатство морфологических, грамматических, синтаксических, лексических, стилистических, фразеологических, социологических признаков).

(д) Четвертичная семантизация — смысловая определенность — идентификация ядерных форм с локализацией коннотаций, ассоциаций, метафор, тропов («забить что-то и на кого-то»). (Важную роль здесь играют ресурсы метаязыка, проводящего толкования словесных кодирований: что такое «тяга» в печке и на охоте.)

²⁹¹ См.: Новиков Л.А. Цит. соч.

²⁹² См.: Супранская А.В. Цит. соч.

(е) Пятеричная семантизация — жестовая определенность (мимическое, пантомимическое варьирование экспрессии выражаемого).

Единство (а—е) исчерпывает полноту словесной коммуникации, где знак (слово) как физически бесполезный и физиологически бессмысленный фактор выказывает себя фактором метафизически и метафизиологически (духовно-символически) полезным и осмысленным. Полезным и осмысленным в плане способности быть порождающей структурой сверхфизико-физиологического (надприродного — неметаболического) содержания.

Итак, есть развитый речевой аппарат, способный вырабатывать членораздельные звуки; есть развитый слуховой аппарат, способный их принимать. Если точки выхода и входа звуковой информации расценивать как крайние точки производства и потребления второсигнальных знаков, спрашивается, что происходит «до» и «после» соответственной активации, как протекает «понимание»?

Отправной мыслью тематизации вопроса будет: «понимание» происходит не в речевом акте, а через речевой акт. Сказанное означает, что если у говорящего и слушающего есть намерение адекватно генерировать и утилизировать мыслительную формуляцию (без «надувательства»), то понимание как процедура релевантной коммуникации смысловой идентификации речевого (словесного, знакового, текстового) материала протекает не как распознавание атрибутивных знакам значений, но как их последовательное относительно суверенное порождение. Речь в любом случае идет не о воспроизведении смыслов (предметных значений знаков), а о их произведении, не о воссоздании, а о создании (в том числе, пересоздании), не о тиражировании, а о творчестве.

Понимание «понимания» крепится на сопоставлении двух комплексов — фонетического (звукового) и семантического (смыслового) (условие) и их идентификации (результат). Сознания донора (индуктора) и реципиента (акцептора) вследствие настроенности на одну волну (изоморфность перцептивных и когнитивных реакций на знаковые «провокаторы») обнаруживают тождество в прохождении пути, маркируемого вехами: «посылающий сигнал — мысль — слово — принимающий сигнал — слово — мысль». Предпосылкой идентификации по линии «слово» выступает сходность звуковых (частотных) колебаний воздушной среды, порождающая перцептуальную реципрокность. Предпо-

сылкой идентификации по линии «мысль» выступает относительная сходность мыслепорождающих продуктивных процессов. Предпосылкой идентификации слуховых ощущений (перцепций) с инициируемыми звуками мыслительными движениями выступает закон психических ассоциаций, управляющий сочетанием перцептивных и когнитивных явлений (по тому же закону синхронизируются действия ощущений и производящих их органов)²⁹³. Звучащее слово вынуждает не «сигнальное распознавание» (курьезы ЭВМ, приравнивающей «out of sight, out of mind» к «invisible idiot»), а мыслепроизводство, встречающую креативную работу сознания²⁹⁴. Сообщение мысли говорящим предполагает в слушающем создание идентичной по семантике мысли (при дву- или многоязычии не обязательно фонетически одинаковой). Говорить, подчеркивает Потебня, «значит не передавать свою мысль другому, а ... возбуждать в другом его собственные мысли»²⁹⁵.

Или иначе: передаваемый индуктором в качестве сигнала акустический смысловой комплекс воспринимается реципиентом в качестве инспиратора собственной мыследеятельности, что применительно к ситуации коммуникационного взаимодействия донора с акцептором означает возникновение не пассивного агента (адепта) (схема: стимулирующий сигнал — воспроизведение), а активного контрагента (соратника) (схема: стимулирующий сигнал — творчество).

Для гносеологически выверенного понимания «понимания» фигура «передача мысли» несостоятельна²⁹⁶; неискаженную перспективу тематизации сюжета дает фигура «возбуждение мыслительного процесса», которое в достижении идентичности когнитивных полей индуктора и реципиента влечет понимание («Я думаю так же, как он» имеет лишь одну состоятельную гносеологическую редакцию: «по поводу того—то у меня с ним — у нас — возникают сходные мысли»).

Слово — не мысль, а средство выражения (и возбуждения) мысли — отпечаток, наметок мысли, служащий в начальном пункте (генератор) орудием самовыражения, объективации внутреннего мира; в конечном пункте (акцептор) — орудием инициации мыслительного процесса, креации во внутреннем мире. Мы понимаем человека настолько, насколько участвуем в созидании

²⁹³ См.: *Фортунатов Ф.Ф.* Избр. труды. М., 1956. Т. 1. С. 115.

²⁹⁴ См.: *Потебня А.А.* Полн. собр. соч. Одесса, 1922. Т. 1. С. 127.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же.

(пересозидании) его умственного достояния (аналогичное — от-носительно предметов искусства и всей символической формации: мы понимаем художественные произведения настолько, насколько выступаем их соавторами). Понимание — не копия, а версификация.

Феноменология процесса (сигнификация): второсигнальный раздражитель (слово) — лексическое понятие (соотносимое не с вещными, а содержательными, смысловыми параметрами); предметные духовные ареалы знаков — не вещи, а классы вещей, не восприятия, а смысловые корреляты; реализация знаковой ситуации в языке (текст, контекст, подтекст) — актуализация знаковых языковых единиц, минуя чувственно-практические апелляции — сотворческое понимание.

В качестве *post scriptum* к сказанному — *in nuce*.

Из Гёте известно: если понимаешь другого, становишься тождественным ему. Тождественным в выработке смыслов, значений, мотивов. Понимание, как подчеркивалось, не есть «перенесение» мысли из одной интеллигенции в другую. Понимание есть провоцирование мыслью мысли. «В силу сходства строения человеческой мысли, — уточняет Потебня, — какой-нибудь знак, слово, изображение, музыкальный звук служат средством преобразования другого самостоятельного содержания, находящегося в мысли понимающего»²⁹⁷.

Чем выше, глубже, шире мысли агента, тем выше, глубже, шире должны быть мыслительные возможности контрагента. Понимание великих требует собственного величия, понимание «чужого» — не чуждого! — следовательно, в гносеологической плоскости тематизируется в терминах резонирования сознаний *ego* и *alter ego*, влекущего генерацию тождественных идей.

Все верно, справедливо, но не полно. Остается непросветленной иная сторона медали, связанная с инверсией аналитической установки в ее нацеленности уже не на *alter idem*, а на себя самое. Так мы подходим к головоломной проблеме самопонимания.

Главная натура для человека (и художника) — он сам; во всех актах самореализации объективируется последовательность ступеней самопознания и самопонимания. Здесь проступают нюансы.

(1) Сверхзадача человека, сверхзадача души — самовыражение. В случае отчетливости, осознанности плана последнего материализуются более или менее отработанные, признанные, сим-

²⁹⁷ Там же. С. 130.

волические программы (в том числе творческие — использование (не хочется говорить «заимствование») готовых апробированных форм). В ином случае имеет место осложнение планов самореализации, экстенсивно упаковывающееся в интервал экспрессивных фигур от «метаний души, исканий» до «измененных состояний сознания, абсурда» с заходом в крайние точки.

Первая точка есть некий фикс-пункт

— для внутреннего наблюдателя — развертывание горизонта возможностей, нащупывание перспективы;

— для внешнего наблюдателя — полоса «надежд, посулов, предвещаний».

Точное художественное выражение данной точки — образ брошенного на волю морской стихии, ввергнутого в пучину вод судна — олицетворения извивов человеческой судьбы («Арион» Пушкина, «Парус» Лермонтова, «Пьяный корабль» Рембо).

Вторая точка — уже не типическое, идентичное во «многих-сходных», не работа над собственным развитием; это — самоисчерпание в самовырождении. Тут кстати упомянуть «классиков» абсурда типа Дюшана, Ионеско, Беккета, Малевича, Супо, Блума, Херста, Кейджа и К^о.

С позиций и семиологии, и семиологии совокупный духовный абсурд подпадает под формулу «язык — основа ничего». Из языка как единства акустики и семантики обособливается акустика (графика) в лице не осмысленной речи, а незамкнутого на взаимное общение самодостаточного процесса вокации (графизации). Стандартная коммуникация, где слова (знаки) связаны смысловыми отношениями, предметным единством, позитивной значимостью, — разваливается, вырождается в словесный (знаковый) поток со случайным чередованием, сцепливанием собственных элементов²⁹⁸. Общение как взаимосопряжение знаковых выражений, установление смысловых идентичностей становится невозможным. Адепт, апологет, агент абсурда, оказываясь деконструктивом, обрекает себя на одиночество, непризнание, самоистязание.

(2) Развертывание самопознания сопровождается чувством недовольства собой вследствие осознания неадекватности, недостаточности (а то и недостойности) самопредставления. Иначе говоря, попыткам самопредставления в самопонимании ассистирует понимание ущербности, тщетности собственных тщаний.

²⁹⁸ См.: *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М., 2001. С. 244.

Возможно ли самораскрытие? Напомним Пушкина: «никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя... не лгать — можно, быть искренним — невозможность физическая... презирать суд собственный невозможно»²⁹⁹.

Что в итоге? Двояконеудовлетворенность, вызванная:

— чувством сожаления изображением автотипа, не корреспондирующего (как кажется, ибо всегда о себе после всего думается лучше) благовидности прототипа;

— чувством сожаления потенциальным пониманием тебя другими, вынужденными руководствоваться твоими самопредставлениями.

Чувство сожаления — горькое чувство, усиливаемое неловкостью делиться с публикой сокровенным³⁰⁰.

Отсюда — навевающие печаль, безнадежное, гнетущее уныние мотивы:

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Ещё неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

(М. Лермонтов)

Исполненные тоски вопрошания:

А душу можно ль рассказать?

(М. Лермонтов)

Как сердцу высказать себя?

Другому как понять тебя?

(Ф. Тютчев)

Ни кредо Лермонтова «не верь себе», ни кредо Тютчева «*silentium!*» не конструктивны. И человек, и художник «не верить себе», «молчать» не могут (ср. кредо Толстого, Золя «Не могу молчать!»).

С платформы *ad rem nihil facit* дело версифицируется двумя ходами.

²⁹⁹ Пушкин А.С. Соч. Т. 10. С. 148.

³⁰⁰ См.: Потебня А.А. Цит. соч. С. 143.

(1) «Чем меньше слов, тем меньше недоразумений» (Пешковский) — ставка на бессловесную подпочву общения с умалчиванием сути понимаемого. Факты *in vacuo* по большей части лингвистические. Но не только. Это — факты человеческой реальности, намного более богатой, чем демонстрационности слова. Избегая мистики, гносеологические тематизации антропосферы легализуют такие «сверхсловесные» символоносные приемы постижения «Я», как партиципация, синхрония, эмпатия, мультипликация, фундаментализация, идентификация, реконструкция, экстраполяция, гипербололизация³⁰¹.

(2) Язык — атрибутивная человеку способность, функционирует в режиме не самовоспроизводства (своеобразная машина Луллия, описываемая «внутренней» таксономией.). Теория речевого акта, выясняющая отношения говорящего (самовыражающегося) и слушающего (адресата), различает в массиве самовыражаемого констатиры (дескрипции, аскрипции) и перформативы (прескрипции). К первым применимы истинностные оценки (аппарат вероятностных многозначных логик). Ко вторым, располагающимся вне истинностных оценок, применим аппарат алетической и деонтической логики. Если почему-либо он дает сбой, утрируются способы употребления языка (дополняющие материальные признаки истины формальные ее признаки), выясняются контекстуальные, деиктические значения выражаемого — идентификация локальных смыслов, коммуникативных целеустановок агентов общения намечает добротный путь отслеживания «функциональных перспектив содержания». Свою непреходящую лепту сюда с разной степенью успешности вносят: паралингвистика — обнажение перцептивных нюансировок; семантика — обнажение смысловых нюансировок; психоаналитика — обнажение интенциональных нюансировок; символика — обнажение пресуппозиционных нюансировок. Все вместе они позволяют локализовывать скрытые контексты, латентные подтексты и достигать ясных текстов, находящих достойное место в фонде человеческого разума, черпающего силу в знании о мире³⁰².

Итак, понимание целевоплотительных, антропных второсигнальных систем представляет довольно сложную рефлексивную процедуру идентификации нарастающего в них момента символического. Коль скоро понимание есть «идентификация» содержания, а «содержание» есть духовная формация, имеющая

³⁰¹ См.: Ильин В.В. *Философская антропология*. М., 2008. С. 124—129.

³⁰² См.: Звегинцев В.А. *Цит. соч.*

символическое представительство, понимание есть техника распознавания символического содержания.

Такое распознавание в аналитико-реконструктивных актах сосредоточивается в многообразиях: денотации; смыслы, значения; прагматические операционализации; интерпретации. Распознавание — не механический (ЭВМ, «распознающая» «накоси-выкуси» как «после косьбы — подкрепись»), а креативный процесс порождения символического, венчающийся установлением семантических, поведенческих, ценностных инвариантов.

Инвариантов не перцептуальных, предметно-манипулятивных, остенсивных, но именно символических. Непонимание символической природы «понимания», равносильное отрицанию сверхэмпирического в человеке, влечет гримасы увечной философской антропологии, радикально отвергаемой символическим сознанием. Напомним: исповедующий несимволическую философию человека булгаковский Берлиоз получает в наказание от судьбы смерть, забвение — «ничто» — куда более страшную кару, нежели детоубийца Фрида, духовное ничтожество Бенгальский.

§ 9. Понятие как троп.

Мифо-поэтическая природа понятийного комплекса

Трактовка понятий как мыслительных отображений, аккумулирующих из релевантных предметных сфер сущностное, справедлива в качестве резюмирующего толкования статуса тех содержательно репрезентативных духовных символических форм, которые возникают вследствие применения неких когнитивных усилий. Но она не дает тематизации их генезиса. Поскольку истина есть адекватный результат, взятый с ведущей к нему тенденцией, со всех точек зрения обоснованно, обратив внимание на тенденцию, заинтересоваться гносеологической генеалогией понятийных форм. Переходя к данному делу, оттолкнемся от далеко идущих лингво- и гносеолого-семантических соображений.

Со стороны теории языка образование понятий крепится на совмещении в пределах слова двух основных семиологических функций — наименования и описания, синкресис которых порождает назывные высказывания, предикативные, лексические синтагмы (главное звено в словарном составе языка, обеспечивающее переход от языка к мысли, от слова к синтаксическим единицам, бóльшим, чем слова)³⁰³.

³⁰³ См.: Новиков Л.А. Цит. соч.; Ефимцева А.А. Цит. соч.

Со стороны теории познания образование понятий крепится на использовании аналогии, ассоциации, достигающих содержательного «слияния» образа и признака.

Учет обеих сторон — с самых далеких рубежей — позволяет толковать образование понятий (без намека на «полноту») как переход собственных имен в нарицательные («хулиган»); представление признака через субстанцию («польза»); семантическую детализацию — варьирование объема и содержания понятийных единиц (по линии уменьшения «образовательное учреждение — учреждение»; по линии увеличения «образовательное учреждение — государственное образовательное учреждение») и т.д.

В разряде нарицательных имен достижимо сигнификативное и денотативное совпадение (соотнесение содержания и объема понятия) — знак характеризует предметный класс — «дверь». В разряде абстрактных знаков понятийная соотнесенность превалирует над предметной — знак характеризует общее понятие или отдельный признак в отвлечении от носителей — «красота» и т.д.

Таким образом, на поверхности регистрируется: конкретная лексика комбинирует денотативными и денотативно-сигнификативными значениями имен, входящих в словосочетания (сцепки слов по грамматическим правилам) и как цельно оформленные языковые единицы выполняющих основные (номинативные, коммуникативные и т.д.) функции. Удаление от поверхности в направлении освоения сущности обязывает представить объектом более пристального внимания процедуру семантизации номинаций, оформления сигнификативно—денотативных совпадений.

Стадия отработанного «ставшего» понятия, обрубая генеалогию, характеризуется передачей сущностной атрибуции. Скажем, «стол» — «стлать» — номинация, сигнификация, имя «стол», охватывая существенные признаки именной группы предметов, относится ко всем ним, независимо от специфики³⁰⁴. Предметно-сущностная атрибуция субстантива «стол» — «стлать» закреплена этимологическим значением, составляющим объективное значение слова (в отличие от «стула»), тогда как иные вещные определения того же предмета образуют субъективные значения, могущие ассюрировать со «столом» множество предметов.

Как складывается объективное значение понятия? Для удобства снятия вопроса используем разъяснения Потемни.

³⁰⁴ См.: *Потемня А.А.* Цит. соч. С. 83.

В фазисе устоявшегося, внедренного в идейную циркуляцию, социальную коммуникацию понятия духовная реакция на него у представителей стандартного лингвосообщества складывается на основе целостности восприятия акустического (графического) комплекса (совокупность знаков «стул» порождает примерно одинаковые звуковые (частотные) колебания воздушной среды), инспирирующего идентичные состояния мысли. Механизм мыслесферы для внутреннего наблюдателя действует в режиме порождающего процесса: фонетический (графический) ряд дает толчок развертыванию семантического ряда. Для внешнего наблюдателя он (механизм) действует в режиме изоморфного процесса (в пределах креативных допусков), предполагающего возможность сопоставления и соизмерения «рядов идей» индуктора и реципиента через обнажение объективных этимологических значений.

Равенство значений, смыслов, сознаний, а с ними пониманий достигается в результате (для внешнего наблюдателя) идентичности на входе «перцепций», на выходе «апперцепций» (осмысливание, примысливание, переосмысливание). Для удобства и простоты подытожим: на стадии отработанного устоявшегося понятия познание сводится к идентификации. Схемой идентификации, однако, не удается воспользоваться на стадии «образования понятия»: отсутствует фонетический, номинативный ресурс, инициирующий семантическое порождение. Во второй книге «Теории познания»³⁰⁵ вводился алгоритм «номинации», в связи с чем развивалась модель полиморфизма, инверсности, неполноты выразительных (языковых) единиц знания. Теперь возникает необходимость моделирования механизма «семантизации» — складывания, упрочения лексических понятий с устойчивым содержанием. Опять-таки для удобства, простоты, немного забегаая вперед, скажем: на стадии образующегося понятия познание сводится к версификации.

Нерв версификации — расширение, представляющее увеличение смыслового поля. Как оно возникает?

Психологический план: к знакомым предметам, номинируемым известными языковыми фигурами, присоединяются незнакомые предметы через неизвестные (специально вводимые — расширение лексического фонда) языковые совокупности.

Предметный план: знакомые и незнакомые предметы подводятся под сходный признак (атрибутивное подобие — предмет-

³⁰⁵ См.: Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 2010.

ная база объединения), играющий роль опосредования — *tertium comparationis*³⁰⁶. К примеру, знакомая «корова», в которой утрируется атрибуция «рогатое животное», сцепляется с незнакомым «олень» — также «рогатым животным». На неизвестного «олень» транслируется предметно уподобляющая атрибуция быть «животным рогатым». Формируется устойчивый образ (могущий подкрепляться визуальной иллюстрацией) с существенной предметной определенностью.

Лексико-семантический план: предметно уподобленное (идентифицированное) незнакомое существо подводится под номинацию «олень» с минимальным набором содержательных признаков. Вводится номинация в сцепке с семантическим примитивом.

Гносеологический план: предметный признак — опосредствующее, играющий роль промежуточного связующего «среднего термина», подключает к предметному уподоблению как идентифицирующей процедуре процедуру сравнения. В результате возникает идентификация через компаративизацию. В символической записи: новый предмет («олень») — X; старый предмет («корова») — A; третий элемент — предметная атрибуция «рогатый» — a; получаем: из «A» на «X» — «a».

По своему гносеологическому статусу новый ЛСВ («олень») — иносказание, ибо получен трансляцией, уподоблением по «a» из «A»; «A → a» в «X». «X» отличается от «A» и «a» отличается от «A» и «X», т.к. и корова, и олень — не только «рогатые» (имеют множество видоспецифических свойств). Помимо того, что «X» — иносказание (относительно множества видоспецифических признаков «A»), иносказанием является и «a»: «a» представляет «A» в «X». По всем правилам «a» можно истолковать в качестве синекдохи — соподружамевание, совключение, часть вместо целого; «X» можно истолковать в качестве метонимии — одно через другое, где оно заключено отчасти: X → a → A.

Следовательно, в ЛСВ «олень» номинация скрывает семантический перенос тропного типа: a э A («э» — принадлежность) и a э X, но не исчерпывает их видоспецифики.

(Возвращаясь к обостренному головоломному: благодаря чему художник знает бытие? — уточним: благодаря тропному типу семантизации — и шире — ассоциативно—аллегорическому способу знакового (символического) конструирования незнаемо-

³⁰⁶ См.: *Потебня А.А.* Цит. соч. С. 126.

го. Не располагая опытом знания жизни, художник замещает его умением представлять жизнь (жизненно важные «определения») в иносказательном, ввергающем в смысловые бездны слове.

Вызывает недоумение феномен: как озабоченные выявлением содержательных пресуппозиций мысли гносеологические априористы (от Декарта до Канта), интуитивисты (от Бергсона до Лосского) могли игнорировать язык!? Не умозрительный сверхъестественный *residuum*, не мистическое слитие с предметом через перенесение внутрь него — остов мощи духа. Подлинная основа мудрости — язык с его богатейшими несчетными, бесконечномерными потенциями символического выражения!

С символической точки зрения применение знаков влечет смысловое сопутствие: во-первых, апперцепирование; во-вторых, метонимические, синекдохические и т.п. тропные связи. Для *homo symbolicum* мир разворачивается в различных сетках тропных координат: музыкант воспринимает мир через систему созвучий; художник — палитры, перспективы; ученый — закономерности; писатель — человеческих переживаний³⁰⁷.

Мир воссоздается в границах символического сознания как вторичная знаковая реальность, соотносимая с реальностью первичной через формы культуры.

Первосигнальные следы впечатлений не составляют знания. Знание составляют второсигнальные знакооформления, цепочка: номинация — тропный перенос — семантизация — содержательная, предметная идентификация. Ядром знакооформления выступает слово (ЛСВ), заключающее центральные признаки образа и символизирующее понятийное содержание.

На авансцену выходит новый персонаж — «образ», заслуживающий самостоятельной тематизации.

Образ. В онтогенезе, опыте освоения речи «слово» не оказывается в эпицентре анализа (ребенок не понимает и не принимает метафор, расценивая их «неправильностями»). В семантике это получает техническое название «прозрачность значения». Между тем последняя достигается в исключительных случаях, размещаемых в локусах

— звукоподражание: очень немногие слова имеют непосредственно устанавливаемую по происхождению «связь звуков с обозначаемыми предметами мысли, или, иначе говоря, с ощущениями или представлениями предметов мысли»³⁰⁸. Таковы «кап—

³⁰⁷ См.: *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. М., 1970. С. 21.

³⁰⁸ *Фортунатов Ф.Ф.* Цит. соч. С. 118.

кап», «топ—топ», «кукареку», правда в разных языках выражаемые по-разному;

— семантические примитивы: корова именуется «коровой», ибо имеет рога; теленок есть «корова», имеющая маленькие рога (пример Выготского). Ситуацию «трансфера» дополняет ситуация, где слово, его значение воспринимается как «часть» вещи, ее свойство — уподобление незнакомого «абажура» знакомому «арбузу» (пример Потевни). Остенсивно устанавливаемый «абажур» подводится (по ассоциации сходства — признак «шаровидность») под ранее опытно опробованный «арбуз». Атрибуции «иметь рога», «быть шаровидным» и составляют знаковые значения слова (получаемое по трансляции общее в сравниваемых, сопоставляемых и осмысливаемых единицах).

В более сложных случаях полагаться на достижение «прозрачности значения» не приходится. Скажем, между звуками слов «легкий», «тяжелый» и ощущениями «легкости», «тяжести» — выражаемыми слова свойствами — нет ни прямого сходства, ни связи. На обманчивость любых впечатлений указывает тропный характер словесных контекстов: «легкий», «тяжелый» человек; «легкая», «тяжелая» задача; «легкий», «тяжелый» день и т.д.³⁰⁹

Таким образом, звуки речи (слова, ЛСВ) — суть знаки того, что в мышлении непосредственно не представляемо; мышление комбинирует значениями, смыслами, семантическими целокупностями. (Озаботимся: как представлять «интеграл»? Запись соответствующего знака дает визуальный образ, который может или не может корреспондировать содержательному наполнению «интеграла». Если интересоваться не визуальностью, а содержательностью, придется апеллировать к методикам отыскания «функций по производным», «измерения площадей, объемов, длин дуг, работы сил за определенные промежутки времени». Но представлять себе все это — невозможно.) Однако же невозможно себе представлять и безобразное мышление. Во-первых, ab initio мышление тропно, а троп есть слово с живым представлением. Во-вторых, *fons et origo* мышление — образно: семантические примитивы, остенсивы на ранних стадиях онтогенетики обслуживают визуально и когитально образный строй мысли, привязанный к ономотопее, предметно-манипулятивным действиям. Но как тут, так и там фигурируют «живые» представления предметов мысли; в генеалогии мыследеятельности этого не избежать.

³⁰⁹ См.: Там же.

Требуемая тематизация природы «образа» в контексте об-суждаемого (сюжет: «становящееся понятие») опирается на дис-тинкции.

(1) «Образ» — визуальное изображение, перцептивный кон-крет, непосредственное, не утратившее трепетности «живого созерцания» представление. Когнитивная экспозиция данной ипостаси образа — «чувственное понятие» как информационно-аналоговая реставрация предмета. Сигнификативная его экспо-зиция — ономотопея, жестовоплощение. Логическая его экспо-зиция — остенсивная операционализация.

В символическом плане данный фазис корреспондирует зна-комому с античности «мимезису» в редакции: второсигнальное «подражание действительности в действительности». Разумеется, подражание не воображательное, а отображательное — корреля-тивное зримой предметной стихии. Структурообразующим «ото-бражательного» выступает «созерцательное», являющее форму чувственной данности предмета, вне которого мыслесфера (зна-ние, познание, сознание) беспредметна, пуста («мышление», как известно, требует предмета, к которому «относится»).

(2) «Образ» — компонент «имени-слова» («знака»), возника-ющий на начальных фазах вербальной генеалогии и исчезающий в завершающих фазах развитой речи, свободной от непосред-ственных впечатлений.

Исходный пункт речевой коммуникации — воспроизведение звуков по подражанию (легче ребенку даются слоговые сочетания с губными согласными «ма — ма»). Неофит «замечает» звук, к которому позже присоединяет «значение». Статус последнего — экзотичен. Как правило, это не общезначимое «объективное», а самостийное «субъективное» содержательное поле, скрываю-щее невозпроизводимые сочетания «знак — значение — смысл». В использованном примере ЛСВ «абажур» коннотировался с «ар-бузом». «Значение» как предметная проекция на классе «обозна-чаемых предметов» утратило объективность, ассоциировавшись с «шаровидностью». Трансформировался и смысл знака «абажур», подменившись иной «информацией о предмете».

Встраивание в семантический треугольник у ребенка, следо-вательно, реализуется через своеобразное чувство собственности: комбинирование отвлеченным знаком (ЛСВ, словом) опирается на корреляцию сочетаний звуков с персональными образами³¹⁰.

³¹⁰ См.: *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. СПб., 2003. С. 58—59.

Передающее отношение «персональности образа» слова личное местоимение первого лица («мое» в значении слова) в символическом плане фиксирует выделенного «носителя собственности» в локальной знаковой ситуации. (По мере приобщения к «объективному значению слова «персональный собственник» пропадает, уступает место «знакооформлению вообще», ориентированному на внеситуативное «владельчество» по формальной принадлежности. Но это — по прошествии времени. Пока же — на стадии сцепления имени со значением (предметом) и смыслом (информация о предмете) проступает образ с «моим» частным, партикулярным значением.)

Символогически образ слова с «моим» значением есть троп, характеризующий несоразмерность плана выражения плану содержания (несоразмерность значения внутренней форме слова). Дабы приобрести всеобщее содержание «мой» образ слова должен трансформироваться в понятие. Путь от одного к другому мостит череда фазовых переходов, устраняющих атавизмы чувственности, локальности, персональности. Ключевая роль в данном процессе принадлежит языку и его орудию — слову.

Восстановим первоисточное. Язык есть способ знаковой коммуникации, основанный на использовании фиксированных ассоциаций, прикрепленных к знакам (звук, жест, граф), вызывающим представление иного. Сущность знака, отмечалось выше, — заместительство, представительство. Где объективируется отношение «одно как другое», там возникает полномочное пространство знакового. Оно возникает по причине «предметности» и «содержательности» знаковых значений. Знак силен не автономной, а гетерономной силой: члена действительность на словесные единицы, классифицируя, субординируя, координируя их, знак преобразует вещь в мысленность, подменяет натуралистичность когитальностью.

Подлинная стихия последней — интеллигибельные формы, — нацеленные на закрепление существенного фигуры интеллекта. С символогической точки зрения интеллектуальные фигуры всегда — тропы, причем поливариантные. «Тропность» тропов проявляется в:

- подмене вещи образностью (сознание, мышление — «субъективный образ объективного мира»);
- культивировании в образности «моих», «собственнических» значений;
- изменении «объективных» значений — разрушение «пря-

мых» значений посредством замены их контекстуальными — метафора, метонимия, синекдоха, катахреза («дом» — «казенный дом», «ледяной дом», «мертвый дом», «дом, где разбиваются сердца»);

— варьировании содержания и объема понятия: «жилище» получает признаковые видоизменения — «хата», «халупа», «берлога», «хрущоба», «вилла», «особняк», «дворец»; далее — «фазенда», «усадьба», «поместье», «латифундия»;

— опредмечивании, введении фикций, хилиазмов, семантических субстантивов — абсолюций: «эфир», «теплород», «флогистон», «гравитация», «сила», «силовое поле», «коммунизм» (под содержательную объективацию, перенос от конкретного к абстрактному, подпадают любые качества, явления; процесс метафоризации безграничен).

Таким образом, «по мере символизации чувственные продукты исходных инстанций становятся все более и более способными принимать форму мыслей или идейных состояний»³¹¹. Подчеркнем: чувственные продукты принимают «форму мыслей или идейных состояний» через «плетение словес». Слово — не содержание мысли, а знак. Вербализация, а значит, сигнификация, выражение в знаках, переводит материальность в образную, модельно-аналоговую идейность.

Здесь созревают предпосылки специфических зависимостей. Переход от «чувства» к «представлению» складывается из последовательности движений:

(а) соединение впечатлений в образы, передающие признаки предметов;

(б) повторяемость впечатлений закрепляет в памяти целостный чувственный образ вещи;

(с) ядерная форма образа — сцепленная со словом «внутренняя форма» — оказывается не образом предмета, а «образом образа» — представлением (представление — некое содержание мысли, имеющее значение не само по себе, но как форма, в какой чувственный образ входит в сознание);

(d) слово, независимо от сочетания с другими словами и коррелированными с ним образами, взятое как компонент «живой речи», обслуживает связку «звук» — «значение». Из ранее образованной трехзвенной структуры «звук — персональное значение — представление», во-первых, выпадает «персональное» значение, перевоплощаясь в «значение»; во-вторых, утрачивается

³¹¹ Сеченов И.М. Цит. соч. С. 494.

«представление». Слово становится «чистым» языковым знаком (с опущенной генетически прослеживаемой привязкой «слова» к конкретному пробуждающему им «значению»)³¹². К примеру, генеалогически первична корреляция «голубой — голубь». Позднее — с фазы «самостоятельной» жизни слова «голубой» транслируется не на «голубя» (исконный образ), а на «небо». Устанавливается связь двух до того отдельных чувственных образов³¹³. Новая связь (словесная сцепка «голубой — небо») соответствует тропному типу коррелирования элементов вещности по признаку принадлежности (компаративизация, метафоризация в функции апперцепирования).

Далее: «Если помнится центральный признак образа, выражаемый словом, то он... имеет значение не сам по себе, а как знак, символ известного содержания; если вместе с образом понятия теряется внутренняя форма, как в большей части наших слов, принимаемых за коренные, то слово становится чистым указанием на мысль, между его звуком и содержанием не остается для сознания говорящего ничего среднего»³¹⁴.

При необходимости средний, опосредствующий образ вследствие неких усилий может быть восстановлен. В связи с этим Потебня ссылается на «народную поэзию», воспроизводящую «чувственную, возбуждающую деятельность фантазии сторону слов посредством так называемых эпических выражений, таких постоянных сочетаний слов, в которых одно слово указывает на внутреннюю форму другого»³¹⁵.

Как видно, дистанция от «образа» в имени-слове до лишнего образного опосредствования понятия пробегается вовсе не шаблонным бегом, использующим такие гносеологические изошренные приемы, как аналогия, ассоциация, слияние, с элиминацией «внутренней формы слова». Слово, утрачивая связь с признаком, составляющим его подкладку, обретает самостоятельность — становится автономным понятием со значением, удостоверяемым этимологически и социально.

(3) «Образ» — материально-эйдетический синкресис внешности и внутренности, вещности и духовности. Если образ интерпретации (1) есть запечатление в душе элемента предметности (внутреннее подобие внешности); интерпретации (2) — опос-

³¹² См.: *Потебня А.А.* Полн. собр. соч. Т. 1. Одесса, 1926. С. 114—117.

³¹³ Там же. С. 128.

³¹⁴ Там же. С. 136.

³¹⁵ См.: *Потебня А.А.* Мысль и язык. Харьков, 1926. С. 157.

редствование предметности и понятийности (цепочка «предмет — образ — понятие»), то образ в данной интерпретации есть ипостась нерасчлененно-слитного существования «бытия-духа». Социокультурно рассматриваемая полоса миро-образного синкресиса покрывается мифо-поэтической стадией символического процесса.

Мифо-образный синкресис, или неотделение человека от окружающей действительности (слитность субъекта с объектом, неотделенность «Я» от «не-Я») как существенная антропная форма, означает

— онтологически — утрату предметами субстанциальных свойств;

— ментально — допонятийную стадию интеллекта, не переводящего свойства предметов в умозрения в неиспользовании отождествления, уподобления, различения и т.п.³¹⁶

Отсутствие водораздела подлинного и мнимого с интересующей нас стороны задает специфические условия предпонятийного бытия символического. Социокультурно подобные условия совпадают с ранее исследованным мифом. Гносеологически они совпадают со стадией предпонятия.

Предпонятие. Если образ есть чувственно-зрительная данность, а понятие — данность умо-зрительная, спрашивается: какова внутренняя логика перехода от перцептуальности к когитальности, от образных структур к понятийным? В общем виде гносеология снимает вопрос, трактуя перерастание образа в понятие вследствие обособления смысловой формы образа, семантизации восприятий, снятия конкретности, сигнификации значений и т.д. Функционально вызревание понятия связывается с нарастанием отвлеченности: чувственно конкретный предмет претерпевает абстрактное духовное восстановление. Остается детализировать: какое именно.

Понятие как ноэматическая мыслительная форма, рационально-логическое, дискурсивное присутствие проходит весьма «нереспектабельные» стадии роста

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.

Одна из них — мифологическая, другая — поэтическая (тропная).

³¹⁶ См.: Фрейдберг О.М. Цит. соч. С. 183.

Мифологическая стадия понятия. В языке протокольных предложений существо дела фиксируется набором реконструктивных утверждений со структурой «основание — результат».

Одушевление. Основание: мысле-образность мифа препятствует отчленению познания от познаваемого предмета, от его свойств. Результат: антропоморфизация, анимизация, гилозоизация действительности.

Конкретность. Основание: слитность субъекта и объекта, мира и человека. Результат: толкование явлений в качестве чувственных персонифицированных конкретов.

Кажимость. Основание: наделение вещи воображаемостью (онтологически несостоятельное атрибутивное). Результат: умножение сущностей, отсутствие качественных определителей, мышление оппозициями (свет—тьма, тепло—холод и т.п.), полисемантизм. («Отец» вводился по принципу не кровнородственности, предковости, а почитания, т.е. в качестве «бога», «жреца» — ср.: «отец народа»³¹⁷.)

Отсутствие предметного дистанцирования, отграничения «Я» от «не-Я» наблюдается в ранней онтогенетике. Как отмечает Потебня: «На первых порах для ребенка еще все — свое, мир все — его Я; хотя именно потому, что он не знает еще внутреннего и внешнего, можно сказать и наоборот, что для него вовсе нет своего Я... исходное состояние сознания есть полное безразличие Я и не-Я»³¹⁸.

Указанный модус сознания коррелятивен ситуации образ-(3). В мифе сознание отождествляет образ и вещь, расценивает конструкцию «образо-вещь» в качестве объективной данности. По этой причине миф не аллегоричен (как и сознание ребенка), что сказывается в ассоциировании предметов по схемам не «сходство—различие» (наука) «метафора» (искусство), но «натурального» (в том числе тотемного) родства.

«Ветер «летает» над землей» — в мифологии — не метафора. Ветер как одушевленная стихия, субъект действия, антропная сущность олицетворяет силу с «крыльями» (уточняющий вопрос ребенка при восприятии фигуры «ветер летает» — «где у ветра крылья»). «Летание» непосредственно сцепляется с внешним признаком — «крылом».

Одушевление, оживление, оживотворение объективных начал — шиболет мифа, только и способный прояснить челове-

³¹⁷ Там же. С. 182, 44.

³¹⁸ Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 170.

коразмерное, человекоподобное к ним отношение. Как иначе, к примеру, расценивать буквально превратившиеся в набор кочующих сюжетов, своеобразные репрессалии природных сил, а именно: в отместку за причиненные лишения — побивание вод; Кир «осушал» реку, унесшую любимую лошадь; Ксеркс «наказывал» пролив, снесший построенный мост; древние кельты при затоплении морем берега кололи, рубили мечами водную гладь; в Новой Гвинее во мщение за утонувших аборигены метали стрелы в океан³¹⁹.

Архаичный прием «очеловечения» в дальнейшем закрепляется за знаком (словом). С характерной инверсией. Мифология переводит «мысль в предмет». Знак (слово) переводит «предмет в мысль». По гносеологическому типу инверсивная когитальная процедура — насквозь мифологическая. «Предмет» — суть объективная данность, имеет масс-энергетическую, линейную размерность. «Слово — образ — понятие» — суть субъективная данность, духовная нарочитость. В мифе антропное атрибутивное (анимизация) влечет субстантивное квипрокво, оборотническую логику «абсурда». В языке (знак, слово) антропное атрибутивное (сигнификация) влечет знаковое квипрокво, символичность, некрепость, текучесть значений — «знак и значение не покрывают друг друга полностью... один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками»³²⁰ (многозначность, полисемичность знаков, их смысловая поливалентность обнаруживаются в хорошо известных явлениях омонимии, синонимии).

Поэтическая (тропная) стадия понятия. Мифологическая стадия понятия покрывается ситуацией образ — (3); наследующая ей поэтическая стадия понятия покрывается ситуацией образ — (2). Словесный образ создается и задается словосочетанием, приписыванием свойств в атрибуции, предикации, интерпретации, оставляющих в «снятом» моменте предметно-вещные параметры. С гносеологической точки зрения перевод предметно-вещного в знаково-смысловое (имя выражает смысл и обозначает, называет предмет), представление одного через другое (второсигнальность) есть способ установления подобия — уподобление, рафинированным средством которого выступает метафора.

³¹⁹ См.: *Фрезер Дж.* Фольклор в Ветхом завете. М.; Л., 1931. С. 246—247.

³²⁰ *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II. С. 85.

Теоретико-познавательное существо метафоры — преобразование стандартных вещных значений (в случае понятийной генеалогии чувственно-конкретных, предметно-манипулятивных, оперативно-практических) в нестандартные знаковые с привитием переносной содержательности. На этом основании, как на идейном базисе, разворачивается специфический мимезис.

Фазис «живого созерцания» стадии образ-(1) описывается фигурой «подражание действительности в действительности». Фазис лексического понятия, ЛСВ стадии образ-(2) описывается фигурой «подражание действительности в воображении». Фактически выстраивается фигуральное смысловое мысле-образное пространство воображительного — эйдетического — воссоздания реальности. (Художественное мышление — искусство максимизирует момент «воображительного», на базе индивидуализации, типизации, укрупнения и т.д. замещает наличную действительность сконструированной по художественному чувству, идеалу творчески изготовленной вымышленной действительностью, где жвачке текучих дней противопоставлено нетленное, размытости жизни в ускользающих пространственно-временных интервалах — концентрированное существование в ограниченном объеме, размерности бытия — шпаннунг, добивающиеся просмотра возможностей, обретения смысла, дабы человеческий микрокосм становился центром Вселенной.)

Уподобление предмета образу в мифологии влечет абсурдизацию мысли-действительности. Уподобление предмета знаку (слову) влечет метафоризацию мысли-действительности. Применительно к «обычным» предметам, словам наше квалифицирующее суждение то протестует, то буксует, однако точно сдает позиции применительно к предметам эстетическим. Последние, очевидно, допускают массу «прочтений», редакций (от презентизма, актуализма до архаизма, буквализма).

Сцепка «произведение—толкование» не жестка. Островский сопротивлялся трактовке «Банкрота» как комедии, но его именно так и ставили. Что же говорить о классическом авторском видении (поэта, композитора) в постановке «Руслана и Людмилы» Д. Чернякова, «усилившего» сценографию дефилированием полуголых проституток.

В произведениях искусства, творческих порождениях должна присутствовать символика мысли. Художник преодолевает формальное сходство — «плоское» изображение, «наружный вид» — иносказательностью образа как функционального поня-

тия. Последнее и содержит «концепцию» редакции (что отличает постановку Гамлета Козинцевым, Охлопковым, Любимовым, Штейном...). Художественный образ есть чувственное выражение сверхчувственного, отвлеченного, — мысль в чувственном (эстетическое — эстема — суть чувственное) проявлении. Но воспроизведение предметов в идеях, через идеи отличает не сугубо эстетическое. Такова же принципиальная схема ситуации и в сцепке «предмет—слово».

Раскрывающий идею в виде сжатой концентрации, имеющий смысловую тяжесть, эстетический образ заменяется на смысловой образ при знаковых (словесных) духовных актах. Словесные образы с отвлеченной функцией суть метафоры, осуществляющие семантические переносы. Если семантические переносы в мыследеятельности представляют самоцель, материализуется собственно искусство (поэзия), добывающееся наслаждения (как замечал Цицерон, метафора, словно облагораживающая тело одежда, «получила развитие ради наслаждения»). Поэтические определения (эпитеты) вводят признаки (вплоть до самопротиворечивых комбинаций — оксюмороны) для смакования, эмоционального усиления. Яркое прилагательное при существительном — «бездонная пропасть», наречие при глаголе, прилагательном — «страстно любить», «горячо желанный» и т.д.)³²¹.

Если семантические переносы в мыследеятельности самоцели не представляют, материализуется обычная сигнификация, вербализация (второсигнальная коммуникация). «Вода» может ознаковываться под фирмой (а) «воды»; (в) «H₂O»; (с) «чаши». (а) — стандартное знакооформление; (в) — знакооформление через терминизацию с использованием химической номенклатуры; (с) — знакооформление через метонимию. Варьирование знаковой стороны обуславливает варьирование смысловой стороны, за которой — уже не поэтическое, а логическое определение, озабоченное выделением обозначаемого по признакам-различителям. (Поэтическое определение не имеет данной цели — оно вообще не выделяет явление из предметной группы, не различает его, оно привлекает внимание.)

Поскольку производится сие знакооформительно, словообразно, слово играет роль «знака значения», чем и обнаруживает свою тропную (поэтическую) сущность. В чистой поэзии (художественный опыт) метафора умышленно многосмысленна (требует

³²¹ См.: *Томашевский Б.В.* Цит. соч.

домысливания, переосмысливания). В обыденно-практической (тем более научной) лексике метафора локализована (отсутствие локализации метафоры в знании — стадия «свободного пробега» понятия при его включении в познавательные обороты на «переднем крае» науки; наука «твердого ядра» — наука развитых устоявшихся, семантически отработанных представлений метафоры исключает). Локализации метафоры помимо изошренных процедур «исключения» (реификация, атрибуция, предикация, интерпретация, верификация, операционализация) служит дробление видовых понятий до неделимых (подпадающих под семантические примитивы, остенсивы). С этой целью Аристотель вводил идею определения вещей через 5 разновидностей классовых имен: родовые (*genus*); видовые (*species*); подвидовые (*differentia*); индивидуальные (*proprium*); случайные (*accidens*). Вид имеет атрибут («человек» — существо политическое), главное свойство (в отличие от случайных), выделяющее разновидности. *Proprium*, *accidens* передают индивидуальное, несущественное³²².

Сформулируем мысль предельно компактно. На наш взгляд, логическое понятие проистекает из понятия поэтического и мифологического (на наличие поэтической и мифологической стадий понятия указывал Потебня)³²³. Реконструкция обратного хода складывания стандартной понятийной культуры вписывается в следующую резюмирующую картину.

(А). Стадия развитого дискурсивного понятия. Понятие как логическое образование (концепт) имеет объем (значение — обозначаемый предмет) и содержание (смысл — информация о предмете). Понятие как именное образование (имя) имеет звуковое поле (внешняя форма слова); объем представлений о предмете в слове (значение); признаковое поле (внутренняя форма слова). Смысловые параметры понятия как логической и лингвистической категории складываются из семантических признаков, выделяемых по комбинированным логико-лингвистическим техникам многократного разбиения множества элементов на подмножества с установлением репрезентативных свойств (использование гипонимии, родо-видовых типологизаций). Предметные параметры (значения) понятий удостоверяются этимологически, остенсивно, перечислительно, введением правильно построенных предикатов.

³²² См.: Супранская А.В. Цит. соч.

³²³ См.: Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 114.

Апелляция к общим смыслам, значениям в совмещении внешних (речевых) и внутренних (содержательных) полей знаков актуализирует осмысленную общезначимую коммуникацию. На стадии отработанного рационального понятия действует правило смысловой причинности, своей экипировкой — закон основания, логизация, выстраивание дедукциод, детерминистский схематизм, генерализация — выхолащивающей «живость» созерцания статусной позиции образ — (1).

(В). Стадия развивающегося чувственного поэтического (тропного) понятия. Элементы образа — статусная позиция образ — (2) соединяются друг с другом не как вещи — по закону причинности (безмерно заблуждался Витгенштейн, полагавший обратное, т.е. будто «элементы образа соединяются друг с другом определенным способом ...так же соединяются друг с другом и вещи»³²⁴), — но по закону ассоциативности, что предопределяет тропность мысли.

Тропизацию мысли, или введение переносно-символоносных связей, обеспечивает разветвленный лингвистический аппарат в лице сравнения, метафоры, эпитета (оксюморона), аллегории, метонимии, перифраза, синекдохи, используемый не в качестве художественного (стилистического) изощрения, а по прямому назначению. В истоках данного процесса — сравнение, сопоставление (нашупывание признаков основ, опор, а priori мыслительно непрозрачных). Сравнения, сопоставления дают простор метафоре, заполняющей в субстантивной градации промежуток между крайними бытийными точками (онтологические оппозиции).

Путь от сравнения к метафоре опосредствует сравнение с компаративной частицей, которую А.Н.Веселовский признавал «прозаическим актом сознания, расчленившего природу»³²⁵. Иначе говоря:

а) объект сравнения стоит в творительном падеже — творительный превращения — «полечу я зегзицей по Дунаю»;

б) генитивное сравнение (метафора-сравнение) — «куст волос»³²⁶.

Стадия поэтического понятия намечает отход от мифологической стадии суще-образного тождества. Отход по основанию осмысленной фигуральности: объемный фазовый переход «не-

³²⁴ Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953. P. 34—35.

³²⁵ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 189.

³²⁶ См.: Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.

посредственное тождество бытия-мышления — опосредствование бытия мыслеобразностью» — концентрация мыслеобразности в специализированной тропной лексике.

(С). Стадия развивающегося чувственного мифологического понятия, соответствующая статусной позиции образ-(3). Гносеологическая рама мифологии — замена детерминистских тематизаций тематизациями по смежности, индуцирующими антропоморфные метафоры по сходству — «солнце улыбается», «ветер воет». Говоря строго, мифологическая образность отличается от поэтической. Поэтическая тропность возникает позже. Мифологический фазис, по перспективной мысли Веселовского, характеризуется «параллелизмом», имеющим несколько иную семантику, модальность. Проецируя соображение на гносеологическую систему отсчета, можно сказать так: параллелизм ментально более архаичное звено духовной культуры, корреспондирующее онтологически синкретичному «бытию-мышлению».

Параллелизм аттестует сугубо мифологическую образность, линейно подготавливающую культурно более продвинутую образность иносказательно-фигуративную. Если проводить предикацию параллелизма, в осложнении верификации придется ограничиться довольно малым: мифологический образ как древний предтропный тип мыслительной ассоциации подвижно-неустойчив, внутренне динамичен — раздваивается, расслаивается, мультиплицируется, приобретает дополнительные, побочные смыслы самого себя. Самовозбуждение, самопобуждение (самонаведение) образа толкуется как источник кристаллизации функции иносказания³²⁷.

Если не устрашаться головокружного и в поисках предтеч восходить к ещё более древнему, в качестве архаичнейшего типа тропа возможно указать на кумуляцию. Речь идёт о звуко-семантическом скоплении, сосредоточении. Совершенно ясно, что звучащее слово оказывает на слушателя (адресата) глубокий преобразующий эффект. Последнее утрировали древние индийские поэтики, развивавшие учение о внушении — *dhvani*. Как высказывал представитель нормативной поэтики Анандаварадхана, «смысл и форма слова обнаруживают скрытое содержание и при этом подчиняют ему свое явное значение».

Рефлексия звуковой организации речи позволяет развить

³²⁷ См.: *Фрейдберг О.М.* Цит. соч. С. 189; *Франк-Каменецкий И.Г.* Растительность и земледелие в поэтических образах Библии и гомеровских сравнениях // *Язык и литература.* IV. Л., 1929. С. 176.

некое подобие поэтической этимологии, лексической эпистемологии с упором на эвфонию. Объектом внимания предстают такие эвфонические эффекты, как анаграмма, ассонанс, аллитерация, паронимия. (Развитый художественный опыт, естественно, эксплуатирует эвфонически-суггестивные эффекты, оказывающиеся внешними относительно семантической внутренней формы языка. Таковы, в частности, те же северянинские экспериментальные поэзовечера, утилизировавшие момент dhvani.

Не странны ли поэзовечера,
Бессмертного искусства карнавалы,
В стране, где «завтра» хуже, чем «вчера»,
Которой, может быть, не быть пора,
В стране, где за обвалами — обвалы?

По тем временам — бесспорно странны. Так в чем же дело? Дело — в свойствах публики, пренебрегающей действительностью ради символов.

Но не странней ли этих вечеров
Идущие на них? Да кто вы? — дурни,
В разгар чумы кричащие: «Пиров!»
Или и впрямь, фанатики даров
Поэзии, богини всех лазурней!..
Поэт — всегда поэт. Но вы-то! Вы!
Случайные иль чающие? Кто вы?
Я только что вернулся из Москвы,
Где мне рукоплескали люди-львы,
Кто за искусство жизнь отдать готовы!

Искусство, функционально расщепляющее «план содержания» и «план выражения», способно осуществлять по ним разноплоскостное движение (что исключено в науке). На этом основании футуризм отрабатывает учение о художественном «самовитом» слове, символизм — теорию языковой суггестии.

Радикализация «плана выражения» и в науке, и в искусстве крайне порочный процесс — вызывающая неприятие игра в слова. В ноэзисе — пустая формализация, в эстетизисе — пустая вербализация. Пустота обоих — в разрушении понимания, глубинную подпочву которого образует восприятие звука, графа как знака, вызывающего в уме значения обозначаемых предметов. Ноэзматическая формализация (интенция на точность, строгость), эстетическая вербализация (интенция на dhvani) грешат развалом денотации.)

Непосредственно смысл звука дан в ономастопее, где он своей качественностью эксплицирует природу отображаемого. Оценка первичных форм звуковой организации индуцирует установление смысловых корреляций. Иными словами, звукооформление — не побочное, постороннее сопровождение общения (типа мелизмов), но семантически значимое его измерение. Понимание сказанного позволило по-другому взглянуть на анаграмму, ассонанс, аллитерацию, паронимию в их функции образования межсловных смысловых связей, детерминирующих рождение новых языковых значений. Скажем, паронимия комбинирует соположенными словами, имеющими, как минимум, два сходных согласных звука; посредством их сближения в звучании устанавливаются нестандартные смысловые связи³²⁸. У Анненского находим:

«И было мукою для них, что людям музыкой казалось».

Чередование «мукою» — «музыкой» выказало устойчивость; образованная Анненским звукосмысловая связь (не данная в этимологии) в дальнейшем нашла использование (творчество Мандельштама).

Таким образом, наиболее древним типом образности, вероятно, является кумуляция, под фирмой эвфонии соединяющая звук со смыслом (фоносемантика). Из кумуляции, как указывалось, проистекает параллелизм (мифологическое тождество бытия-мышления), из параллелизма (при переоформлении мифологического тождества) вытекает сравнение-метафора, из нее — поэтический троп как способ намеренной или непреднамеренной фигуральной семантизации признаков моментов с последующей институциональной дивергенцией на художественное и логическое понятие.

Понятие — внутренняя форма не только языка, но и мышления. Мышление же в зависимости от качества своего субстрата — образности, являющейся синонимом символичности, объективируется в различных модусах. Коррелятивно последним объективируется понятие. С позиций сказанного бессмысленны упреки Шпета в адрес Потевни за якобы допущенную «компрометацию» понятия³²⁹. Намеченная Потевней (полностью разделяемая нами) гносеологически весьма продуктивная модель «поэтического», «мифологического» понятия должна быть оставлена критикой.

³²⁸ См.: Григорьев В.П. Указ. соч.

³²⁹ См.: Шпет Г. Цит. соч. С. 38—39.

Продумывание реалистичной (непоэтико-мифологической) генеалогии понятия влечет объективно-логический сценарий развертывания мыследеятельности, реперными точками которого оказываются:

— расщепление субъекта и объекта — отделение познания от познаваемого, деантропоморфизация природы, локализация образности в мысли;

— упрочение детерминизма — различение причины и следствия, активного и пассивного, вещи и свойства, действенного и подчиненного ему;

— демифологизация слова — разрушение причинной зависимости в сцепке «имя — назначение предмета» (имена связаны с предметами через «значение»; в соотнесении с предметами имена становятся «знаками»; в противном случае — ономотопея);

— разграничение явного и неявного, подлинного и мнимого, существования в реальном и уподоблении, конкретного и отвлеченного, субстантивизация вечности, запрет на инкорпорацию образа в предметность с оформлением веще-образных тождеств³³⁰.

Перечисленное — процессы, подготавливающие почву преодоления пралогического мышления, дологического сознания, описываемого законами партиципации, сопричастия, ассоциации, архетипической (тотемной) идентификации, уподобления, оборотничества, очеловечения, двойничества, — правилами, отменяющими стандартное меню дискурсии с канонами: тождество, исключенное третье, непротиворечие, транзитивность, причинно-следственная связность, объективность, естественность.

Набирающая обороты дискурсивная культура мысли, как утверждалось, локализует свои ментальные предтечи в институциональные ниши: поэтическое (тропное) мышление становится достоянием искусства, мифологическое мышление — отчасти достоянием идеологии, политики, религии. (Отчасти, поскольку впрямую по мифологии жизнедействовать невозможно.)

Входящая в силу дискурсия редактирует и статус образности. Вначале сближает «образное» с «кажимым» в интерпретации «точная копия подлинного, его слепок, основанный на полном сходстве с оригиналом»³³¹. Отсюда платформа «зеркальности» наивной гносеологии; отсюда же и платформа античного мимезиса, где «образ» интерпретируется как «подражание конкретное, не-

³³⁰ См.: *Фрейденберг О.М.* Цит. соч.

³³¹ Там же. С. 185.

иллюзорное». Как видно, мир раздваивался на предметную «сущность» и образный «вид», выступавший не «вымыслом», а духовным выражением подлинной сущности (истины).

Идеология «образ-вид» как рычаг фиксации сущностного породила платформу «эйдесиса» — когитального воссоздания сущего. Критика её (идеологии), утрирующая момент нарастания в духовном понятийно отвлеченного, повлекла фикционализм: радикализация антитезы «сущность — видимость», отрицание сопряжения «ряда вещей» и «ряда идей». (У греков иллюзия расценивалась как обман; у римлян — подвергалась осмеянию, в чем сказывается рецидив трактовки «образа» как запечатления в душе «физического подобия». В «Пире» Ксенофонта «призрак» толкуется эманацией в человеческую душу внутренней вещной определенности.)

§ 10. От эстемы к ноэме

Чувственность (эстематичность) — фундамент мыслительных, духовных процессов. Сделаем упор на «фундамент», являющийся основанием, базой, которая опосредствует, дает начало, порождает, но не исчерпывает существа дела. Фундамент исключает получение фуксом, что имеет важнейшее гносеологическое предупреждение: мыследеятельность не произвольна, спонтанна, самодостаточна (концептуальная ошибка имманентной школы) — мыследеятельность подготовлена, надстраивается над опорной частью в виде чувственности, дающей материю, плоть, содержание умственным упражнениям.

Между тем «чувство» и «мысль», взятые как таковые, принадлежат разным, если можно так выразиться, институциональным разрядам. Чувство конкретно, предметно, непосредственно, осязаемо. Мысль абстрактна, фигуративна, опосредствована, неосязаема. Роль «моста» между двумя инстанциями играет «образ» в редакции образ-(1) и образ-(2).

Онтологически кристаллизация образности выглядит как развертывание не двух типов образности — от контактов с предметной и словесной средой, — но как развертывание унитарной образности вследствие совмещения контекстов манипуляций с вещностью с контекстами их вербального обрамления. (Расщепление данных контекстов проходит по части патологии, когда предметно-манипулятивный план отъединен (глухота, а значит, — немота) от плана выразительного, соответственно требу-

ющей социализационной компенсации.) В стандартном (не отягощенном патологией) социогенезе предметно-манипулятивные фигуры запараллелены с фигурами лексико-синтаксическими: ребенку предъявляют предмет в пакете с фонетическим сопровождением, развязывающим второсигнальность. Последняя, конституируя сцепку «предмет—звук», закладывает возможность знаково-символического опыта.

Итак, зафиксируем: стандартная социализация обнаруживает эшелонированную сущность — онтогенетическое развитие обслуживает прогресс как соматический (приобретение прямохождения, развитие передних конечностей — упрочение статуса *Ното*), так и духовный (освоение речи, второсигнальности, знаковости — упрочение статуса *Ното symbolicum*). Применительно к социализирующемуся человеческому существу обретение внутренней сущности протекает унитарно психофизически. Определяющим здесь оказывается символическое «слово».

Стихия словесной коммуникации, совмещая предмет со звукооформлением, навязывает сапиенту момент символического представительства вещности в единстве артикуляции, номинации, сигнификации (второсигнальность). Первичным ее проявлением служит мобилизация фонематического слуха, объективирующая комбинирование фонем (минимальные единицы звукового строя языка). Более далекие ее проявления: участие фонем в построении, развитии морфем (минимальные значимые части слова — корень с аффиксом, — выражающие грамматические, лексические значения); морфем — в образовании лексем (ЛСВ — объединения парадигматических, семантических вариантов слов); лексем — в оформлении предложений, фраз, фразовых единств (текстов) со стилистическими, фразеологическими, социолектическими особенностями.

Временные рамки процесса — жизнь; длительность начальных фаз: а) упрочение фонематического слуха — восприятие фонем как смысловых различителей формируется у ребенка с 1—2 годов и окончательно складывается к 4—5 годам жизни; б) овладение грамматическими словоформами, руководствующееся правилами не грамматики (склонение, спряжение), а синтаксиса в восприятии живой, упорядоченной, связной речи, происходит у ребенка от 2 до 5 лет.

Слово. Слово — коммуникативная единица, представляющая единство лексического и грамматического значения, имеет морфологическую структуру: корень — носитель основных веще-

ственных значений; аффиксы — носители дополнительных информациональных оттенков; флексия — уточняет отношение слов в предложении, является носителем числа, рода, падежа. Слово синкретизирует «звук—значение—образ», связывая номинативные предметные, смысловые измерения, позволяя знакам обозначать, представлять, замещать вещи.

Ранние ступени онтогенетики отличает персональная отягощенность словооформления контекстуальным опытом. Мать «понимает» звуковую бессвязицу малыша; малыш, не владея техникой слова, «понимает» мать. Подобное обеспечено наглядной (образной) мотивировкой смыслов, позволяющей соотносить звук с предметной сферой³³². По мере приобщения к общезначимому словооформлению в опыте использования словесного фонда трехчастная конфигурация «звук—значение—образ» преобразуется в двухчастную конфигурацию «звук—значение». Опускание «образа», перцептивно связывающего звук с предметом, означает переход к более высоким стадиям мыследеятельности, не требующим непосредственно чувственных подкреплений символической материи (атрофированная ступень «образа» во внеконтекстуальных словоупотреблениях может восстанавливаться этимологически).

Преобразование триплета в дуплет не исчерпывает динамической стороны дела. Претерпевает метаморфозу и связка «звук—значение». Характер метаморфозы определяет элиминация момента «изобразительности». Изобразительные, оноματοпоэтические слова консолидируют «звучание» и «значение». Различают звукоподражательные комплексы, имитирующие неречевые явления фонетическими средствами («дзынь-дзынь») и звукообразные комплексы, звучание которых создает ассоциативные впечатления о форме, движении явлений (чувашское «йалт-йалт», передающее мелькание удаленной молнии).

Становление словесной культуры искореняет изобразительное опосредствование; элемент контекстуальности, образности устраняется. (Аналогичное справедливо по части жестов, наделенных чертами указательности, подражательности. Основа пантомимики — хватательные движения — вытесняются вовне мыслительных движений; ментальное и физико-динамическое автономизируются; процесс описывается векторным сдвигом от физического к концептуальному «схватыванию».) Комбиниро-

³³² См.: *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М., 1991. С. 204.

вание словесным материалом с «опусканием» образно-ономато-поэтический тенденции означает переход к понятийным (неизобразительным) порождающим процедурам.

«Звук», «значение» окончательно отделяются от предметных ситуаций, всепоглочительно обслуживают мысль, в свою очередь прогрессивно диверсифицирующую потенциал «значения—звука».

Добиваясь максимально полного конструктивного выражения чувственных впечатлений, отказываясь при этом от «изобразительности», мысль стимулирует расширение потенциала вокализации. В предметно-изобразительных контекстах ходовой набор выразительных средств исчерпывается ономатопоэтическими, междометными, жестовыми фигурами. Отсутствие событийной привязки многократно перекрывает возможности миметической, имитативной экспрессии, версифицируя акустико-артикуляторное проявление в изолирующих (не имеющие словообразования, словоизменения, радикализирующие порядок слов, акцент — вьетнамский язык, язык эве — из семейства ква-языков); агглюнативных (где образование производных слов, грамматических форм осуществляется через присоединение к корню аффиксов без существенных звуковых трансформаций — тюркские, финно-угорские языки); флективных (где словоизменение осуществляется посредством флексий, определяющих грамматические формы) языках.

Словесная обработка реальности, очевидно, актуализирует языковый (второсигнальный) тип мыслевыражения, отдельной самостоятельной частью которого выступает предложение (пропозиция), оказывающееся способом объективации идей, трансляции смыслов, налаживания понимания.

«Многочисленные раздражения словом, — указывает Павлов, — с одной стороны, удалили нас от действительности, и поэтому мы должны постоянно помнить это, чтобы не исказить наши отношения к действительности. С другой стороны, именно слово сделало нас людьми»³³³. В суждении Павлова обострим два обстоятельства: «слово» удаляет от действительности (1); «слово» делает нас людьми (2).

(1). Дистанционирование от действительности гносеологически тончайший процесс, заключающийся в наращивании опосредствований, промежуточных сред, отделяющих человека от естественных (первосигнально данных) условий обитания. «Мировая линия» его (процесса) исчерпывается этапами

³³³ Павлов И.П. Избранные труды. М., 1954. С. 325.

— артикуляция, вокализация ситуативных наглядно-действенных смыслов, непосредственно вытекающих из «объективной логики» проживаемых моментов (ономатопозитические, междометные, жестовые экспрессии) (отщепление от первосигнальности);

— употребление слов — материальных оболочек (звуковых, интонационных, дикционных) мысли (исток второсигнальности);

— агрегация слов в синтаксические конструкции — словосочетания, предложения. Словосочетания представляют лексико-грамматические единства через согласование, управление, примыкание, имеющие цельное (часто семантически дифференцированное — «синее море», «бездонная пропасть») значение, не выражают законченных мыслей. В качестве элемента входят в состав предложений, способных выражать мысли в морфологически дискретных единицах. Построение предложений производится на базе образцов, конструктивно (в опоре на введенные правила), творчески — порождение смыслов «неграмматического толка» (полноценная второсигнальность);

— развёрнутое вербальное общение с помощью языковых единиц — слов, словосочетаний, предложений. Включает речевые и неречевые формы. Первые порождены непосредственными лингвистическими эффектами внешней звучащей (устная), незвучащей (письменной) и внутренней (мысленной), внешне не проявляющейся речи. Вторые соответствуют обрамляющим коммуникацию паралингвистическим эффектам, регулирующим степень совпадения (несовпадения) сообщений и метасообщений, совместимости (несовместимости) информационных и поведенческих аксессуаров интеракции (текстовое «я тебя люблю» сопровождается внетекстовым «я тебя ненавижу»). С учётом обсуждаемого несколько подробнее выскажемся о внешней звучащей речи. Как отмечалось ранее, речь есть физико-физиологический процесс вокации, организующийся как продувание воздушных масс через голосовую щель с вызыванием вибрации порождающих звуки голосовых связок. Звуки соответствуют единицам языка как знаково-информационной системы. Вписываясь в последнюю (т.е., говоря строго, превосходя стадию ономатопеи, междометной экспрессии), звуки несут значения, передают смыслы, удостоверяемые представителями языковых групп. Сообразно этому речь оказывается инструментом выражения мысли в голосе (выражение мысли в графическом коде — письмо, чтение). Речь, как результат порождения осмысленных

(и осмысленно воспринимаемых) звуков, представляет текст, который единственно, как таковой, однако, речи не «покрывает». Суть в том, что речь, обслуживая живое общение, включает текст в эмоциональный «контекст» — систему паралингвистических эффектов, посредством фонации, тембровки, интонирования (модуляции высоты тембра, обертонов голоса), назализации, темпа, ритма, дыхания, дикции, пауз (смысловых, фразовых, психологических) поз, жестикуляции, мимики, выражения глаз, лица, телодвижений проводящих нюансировку текстового материала. Общение, как широчайшая антропная сфера, содержащая речевые и неречевые аспекты, поглощает речь в качестве своего момента, предопределяет гибкость объективирующих язык речевых действий. Условие развития речи — наличие речевой среды — круга общения носителей языка, реализующих свои символические возможности (развитая второсигнальность);

— осуществляемое в речи, через речь овладение языком. В самом широком смысле язык есть символография — фиксация символическим способом человекозначимого. Речь привязана к актам общения, взаимодействию контрагентов; она конкретна, ситуативна, локальна, персональна. Язык, как символическая формация, удостоверяющая производимое человечеством содержание (верно и: содержание производимого; содержание произведённого), универсален, абстрактен, надситуативен, тотален; не существует неязыковых человеческих проявлений. Язык несёт смысловые ценности; речь их оформляет. Язык, как мысль, может не находить речевых эквивалентов, он достигает в речи окончательной определённости. Есть ли неязыковая мысль? Всё, что нам известно о человеке, склоняет к отрицательному ответу на вопрос: мысль передается языковыми единицами; язык — орудие мысли и самовыражения. Все, что нам неизвестно о человеке, склоняет к допущению содержательно (знако-образно) неоформленного предмыслия. Разрыв же мысли и речи существует — имеет место реченепредставленная мысль.

Источник языка — сигналы, знаки с постоянным значением, несущие информацию о жизненно важных событиях (опасность, наличие воды, пищи и т.д.). Выделение множества жизнеориентирующих маркеров наряду с правилами их группировки создало возможность общения в кругу сигнально-информационных контуров, включающих своеобразный алфавит (набор знаков-сигналов) и грамматику (принципы соединения знаков-сигналов). Знаково-сигнальный тип общения приобрел разнообразные

редакции: акустическую, графическую, поведенческую (ломанье веток; изображение линий, рисунков; битие в гонг, барабанный бой; использование узелков; зарубки на жезлах; собирание в груды камней и т.д.). Темпы развития языка не линейны, не периодичны; ускорения здесь соседствуют с торможениями (перестройка глагольной системы русского языка в XIV—XVI вв.; падение парадигмы склонения в старофранцузском языке в Средневековье и т.д.)³³⁴.

Сказанное позволяет лишить поддержки обоснующего материала идею сторонников органической школы (Шлейхер) о натуральной циклической языкового прогресса (рождение — созревание — расцвет — упадок). Органицистские аналогии в эпистемологической лингвистике, как и во многих других местах, не проходят.

(2). Человек становится носителем языка вследствие культивирования символических возможностей. С безусловной и безоговорочной прямоотой позволительно констатировать: решающим в данном процессе оказывается социализованно вынуждаемое овладение словом.

Определенное количество пока плохо концептуализируемого материала предоставляют исследования утробного, натального, перинатального периодов жизни, осуществляющих вербально-символическую преднастройку и настройку потенциального витального опыта. Достаточное же количество материала извлекается из изучения феномена интенсивной постнатальной социализации, производящей действенное формирование, оформление из *Homo naturalis* *Homo sapiens*.

Столь изменчивое, наполненное событиями, подвижное явление, как социализация, с известной долей условности представляется допустимым укротить моделью символической фазисности.

Фазис 1. Предметно-действенный интеллект — манипулятивно-мануальное комбинирование вещностью в контексте ономастопеи, междометных экспрессивов. Начальная стадия активного подключения к языку зиждется на связывании вещей с именами (на более удаленных ступенях языковые знаки связывают понятия и акустические образы) с употреблением остенсивов. Здесь в полной мере реализуется принцип *pictura et nomenclatura* (предъявление вещи запараллелено на предъявление номинации). От-

³³⁴ См.: *Реформатский А.А.* Цит. соч. С. 466.

сюда: *Nomina si nescis, perit et cognitioreorum* (без названия вещей познание их невозможно).

Нет поводов для пересмотра убеждения, будто познание протекает через выявление сущности вещей. Однако в окрестности начальной точки познавательные усилия своеобразно синкретизируют субстратность и вербальность. Прибегая к мысли Вакернагеля, можно сказать так: название — введение имен, номинаций в пакете с остенсивными определениями дает толчок познанию как пониманию-представлению того, что именно обозначает название в то мгновение, когда значение слова совпадает с предметно-визуальным значением вещи и оба они приобретают отчетливость для ума. Как говорит В. Гумбольдт: «Действительная материя языка — это, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений разума, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка»³³⁵.

Фазис 2. Освоение, усвоение, присвоение имен, номинаций актуализирует превращение опыта в знаковый, символический опыт; речеоформление вытесняет «чистое» восприятие предметов ресурсом «живого» созерцания: визуально данная вещьность получает языковое опосредствование. «Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, — отмечает Гумбольдт, — человек отдает себя в его власть». Гносеологическое измерение данного процесса:

— воспроизведение: «язык вос-производит действительность. Это следует понимать вполне буквально: действительность производится заново при посредничестве языка. Тот, кто говорит, своей речью воскрешает событие и свой связанный с ним опыт. Тот, кто слушает, воспринимает сначала речь, а через нее и воспроизводимое событие»³³⁶;

— артикуляция: поиск слова влечет нахождение вещи; мы ощущаем то, что словесно выражаем, в противном случае — удивляемся (Скрагг специально вводит корреляцию «знание — язык — память»; «вещи, доступные выражению на языке, должны быть доступны репрезентации в памяти»³³⁷);

³³⁵ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков. М., 1964. Ч. I. С. 93.

³³⁶ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 27.

³³⁷ Scrugg G. Semantic nets as memory models // Computational semantics. Amsterdam, 1978. P. 102.

— классификация: номинируемые предметы действительности объединяются в таксономические ряды, ассоциируются в группы (к примеру, применением суффиксов «тель», «ние», «тие», «ник»³³⁸);

— генерализация: использование имен предполагает подведение предметов под понятийные классы;

— типизация: восприятие конкретных предметных сущностей как воплощений родовых параметров, ставленников общего;

— конкретизация: соотнесение лексических и понятийных значений («на обед подали птицу» в смысле «мясо птицы»);

— категоризация: подведение явлений под концептуальные универсалии;

— целеориентация: предметные имена, пропозиции отвечают целям, отражают их, что в зависимости от апелляций к экстралингвистическим факторам (знаниям о мире) варьирует содержательные моменты высказываемого (лексические понятия) («сесть в лужу», «сесть на стул», «сесть на трон»)³³⁹; стимулирует применение переносов;

— интерпретация: отбор, толкование выразительных единиц на базе различения, разложения лексических, семантических значений. Последнее опирается на трактовку абстрактного—конкретного, общего—частного и т.п., завязанную на основоположения *Lebenswelt*. Так, средневековый ученый, впервые увидевший носорога, описал его как помесь дракона с единорогом. Выстраивание предикации крепится на заимствовании из номинаций таксономических разрядов, адекватных социокультурно достоверяемой систематике. Вопреки Гёте:

То, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий.

справедливо: Дух профессоров и их понятий

Есть то, что духом времени зовут.

Гносеологическое назначение фазиса 2 в том, что он а) окончательно, бесповоротно разлучает знак и вещь, сигнал и предмет. В животном царстве не происходит, не может происходить ничего подобного. Язык животных функционирует на жесткой сцепке сигналов с обозначаемыми ими вещами. Сигналы же, какими пользуется сапиент, произошли от выражающих

³³⁸ См.: *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языкознанию. Казань, 1911.

³³⁹ См.: *Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М., 2008. С. 150.

жизненно важные состояния криков (междометных экспрессий) (радость, боль, страх, голод и т.п.), которые утратили предметно-действенную ситуативную привязку, стали средствами обозначения, общения, рассуждения;

б) скрепляет «выражение», «язык», «знание о мире». Пробраз перцептивного образа — явление, подлежащее духовному освоению. Если оно элементарно, проблемы его включения в репрезентирующую образно-аналоговую среду решаются сами собой. Если оно неэлементарно (сложно), предпринимается редукционная разборка — симплификация. Такая процедура — расчленение эпизода (сложного явления) на дробные концептуализируемые ингредиенты — получила техническое название субконцептуализация. Субконцептуализация ступенчатая, иерархична. Ее назначение — пробиться к базису онтологической первичности в проведении категориальной типологизации, где родовые концепты возымели бы четко обозначенную, явную пространственно-временную локализацию, проекцию. Способность языковой идентификации субстрата («материи восприятия»), предполагающая нахождение адекватного «выражения», инициирует мыслительное подведение выражаемого под имеющиеся в языке родовые концепты, разворачивает синтактизацию. Элементы образующейся цепочки «субконцептуализация — вербализация — синтактизация» функционально целеориентированы. Субконцептуализация — аналитическое рассечение, дискретизация эпизода до возможности применения прозрачных вербальных единиц. Вербализация — подбор пропозиций, упорядочивающих компоненты эпизода в череде предикаций. Синтактизация — придание словам формы, в какой они фигурируют в предложениях, эпизоды фиксирующих.

Вся эта процедурная линейка опосредствуется интерпретацией характера предметной среды — находимыми в *Lebenswelt* онтологическими допущениями, гипотезами существования о конструкционной определенности реальности³⁴⁰;

с) производит языковое кодирование действительности. Со стадии перцептуальной производится спонтанная, непреднамеренная селекция, фильтрация, организация потоков *sense data*. Прошлые (протекшие) восприятия сохраняются в памяти как метки пережитого, образно-информационные структуры, включаемые в водоворот духовных трактовок, осмыслений, полаганий, присоединений. Настоящие (текущие) восприятия обреме-

³⁴⁰ *Chafe W.* The recall and verbalization of past experience // Current issues in linguistic theory. London, 1977.

няются совокупной типизацией (родовидовые идентификации) либо обратной ей индивидуализацией — целе-ценностные персональные означивания, видоизменяющие «углы зрения», налаживающие характерность видений, усмотрений.

Со стадии концептуальной предпринимается преднамеренное обособление из континуума реальности явлений — событий-эпизодов. Проходит оно под эгидой дискретизации и интерпретации, привлекающих правила предметной и языковой стереотипизации действительности.

Предметная стереотипизация задействует ресурсы *Lebenswelt*, вводящего актуальные версии онтологии. Онтология в её философском прочтении есть совокупность потенциальных (ненатуралистических) «объективаций», «интерпретаций». Она есть множество принципиальных допущений о том, что, возможно, является коррелятом теоретических построений. Доктринальные задачи онтологии поэтому обуславливаются заданием, обоснованием, введением субстантивных постулатов, очерчивающих образ (понятие) составляющей подоплеку мысли предметной сферы. Полагание мира через призму категориального аппарата, сцепленного с ним уморасположения, задач философствования, — в этом и состоит назначение онтологии, формирующей класс референтов утверждаемого. Последний (класс) несет на себе печать масштабной стилистики реальности, зависимой от интенций и потенций культуры, выражает частные и общие особенности тех или иных философий.

Общие особенности. В центре античной культуры — добродетельное сопричастие гражданскому общинно-полисному. В центре средневековой культуры — постижение красоты, смысла божеского. Перестав осознавать себя гражданином замкнутой общины-полиса, призванным обеспечить его жизнедеятельность (в этом состояла добродетель гражданина), направив свой разум на постижение иной, божественной жизни, философ необходимо перестраивает основания философии.

В контексте теологически ориентированной культуры логика оказалась способом созерцания бога, этика обозначала пути его постижения. Они стали моментами единой теологической системы. «В результате античные категории обретают своеобразную этико-теологическую нагруженность. Когнитивные акты суждения нагружаются актами нравственного суждения, а механизм когнитивных актов — механизмами нравственных актов спасения, что повлекло... интерпретацию аристотелевских категорий,

во-первых, под углом зрения любви или ненависти, во-вторых, как иносказаний (тропов), поскольку любая категория, сколь бы точной она ни казалась для «земного» разума, оказывается лишь примерной относительно разума божественного...»³⁴¹.

Разность культур — разность онтологий. По этой причине онтологию можно расценить как семантическое ядро культуры, производящее смыслозначимые каркасы мира. В Античности они граждански, в Средневековье они религиозно ориентированы, что выражает общую (эпохальную) размерность философии.

Частные особенности. В зависимости от специфики авторского в том или ином философском учении, системе реализуется спектр реифицирующих диспозиций. Здесь фигурируют дробящие бытие на модусы оппозиции: подлинное — мнимое; доступное — недоступное; имманентное — трансцендентное; обладаемое — запредельное; должное — сущее; абстрактное — конкретное; очевидное — таинственное; частичное — целостное; эссенциальное — экзистенциальное; субстанциальное — акцидентальное; идеальное — материальное; чувственное — интеллигибельное; истинное — ложное; творящее — творимое; актуальное — потенциальное; свободное — зависимое и т.д. В этих формах законоположения и смыслопорождения развертываются конкретные сценарии бытия как демонстрации авторских вкусов, склонностей, убеждений.

Языковая стереотипизация крепится на ресурсах пропозиций, передающих специфику сигнификации конкретных языков. Пропозиционные структуры Звегинцев именовал «лингвистическими генами», несущими наследственную информацию об алгоритмах развёртывания предложений (реальных единиц мышления); употребления языковых форм; пользования знаниями о мире.

Фазис 3. Резюмирующая символическая социализация. Суть социализации — вхождение индивида в социальную среду, усвоение социальных связей, их воспроизведение³⁴². В результате формируется системное сверхчувственное качество, означающее приобщенность индивида к совокупности социальных процессов, принятым ценностям, нормам, позволяющим ощущать себя членом общества³⁴³.

Не случайно в Древнем Риме человек толковался как «бесправный», «раб» и противопоставлялся персоне — субъекту пра-

³⁴¹ *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. М., 1994. С. 56.

³⁴² См.: *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1999.

³⁴³ См.: *Бронфенбреннер У.* Два мира детства. Дети США и СССР. М., 1976.

ва, гражданину — лицу, имеющему правовой статус, принадлежащему страте, играющему социальные роли.

Не существует личности вне и помимо ее роли в кругу конкретных социальных общностей, начиная от общины и кончая национальным государством. Личность всегда и везде есть общественный статус, обусловленный местом, функцией, ролью индивида в групповом целом. «Человек» не составляет государства, его составляет «гражданин», «персона», «лицо», имеющее общественные обязанности и их исполняющее.

Сказанное распространяется не только на государственные, но и на любые социальные связи. Скажем, отношения отцовства. В обществе это не биологическая, а в первую очередь социальная позиция. Во-первых, отцовства можно лишиться. Во-вторых, его можно присвоить. Физиологически женщина не может быть отцом. Между тем, в некоторых африканских племенах имеются традиции полиандрии, когда женщина, выплачивающая за ребенка выкуп, получает статус отца. Последнее лишней раз подтверждает: личность — не внеисторический абстракт, а субъект социальности, с которым сопрягаются обозначаемые статусы, роли.

Итак, социализация — подключение индивида к социальному опыту; средство социализации — кооперация; результат социализации — воспроизводство человеческой жизни, в каком-то отношении оказывающейся жизнью одного вечно существующего человека. Поскольку исходное и завершающее несомненно, придем к опосредующему. Интересующий нас предмет таков: как в межиндивидной кооперации посредством целенаправленных и стихийных взаимовлияний появляется специфический субъект реальных отношений с социальной средой — личность.

Становление личности в социализации подчиняется некоему порядку законов. Контакт с миром начинается со слова, которое первично (при соблюдении биологической нормы) в формировании субъекта — носителя общественных отношений. Последним всецело подчинено и видовое развитие, противопоставляющее филогению человека филогении животных. Суть в том, что на стадии человека биологическое срашивается с социальным, эволюционное становится общественно обусловленным. Выяснить, как дочеловеческое (органически человеческое) превращается в человеческое (социально-разумно-целесообразно человеческое), как перекрывается расстояние, для животного царства оказывающееся непреодолимой пропастью, как складывается специфический капитал мысли и трудолюбия, — воз-

можно, на особом фоне восприятия явлений: за счет выхода из пределов семантического пространства модели «непосредственного» появления человека. Человек — не Афина, возникающая из головы Зевса в совершенно готовом своем виде. Коррелятивное аксиоме суждение, которое отстаиваем, от которого отправляемся мы, заключается в констатации: органическое развитие человека изначально опосредствовано, причем не только генетически закрепленным набором признаков, но и социальными связями. На ранних ступенях онтогенетики это — речь. На последующих стадиях это — межиндивидное взаимодействие, обмен деятельностью, формирующий чувственность, весь комплекс психических процессов, реакций. Достаточно подчеркнуть, что в момент рождения анализаторы ребенка запрограммированы на протопатическую чувствительность (скажем, зрение различает лишь контраст света и тьмы). И лишь спустя некоторое время по развитию тех же тактильных, данных в коммуникации и через коммуникацию ощущений активизируется эпикритическая чувствительность.

Биологическое обеспечение в наложении (катализиция, ингибиция) на него социального в конечном итоге выступает ферментом образования энергичной среды, порождающей незыблемое завоевание развития — высокоорганизованную, обладающую психикой материю.

В фокусе наших мыслей, минуя детали, — положение, что кристаллизация психического субстрата соответствует надорганической эволюционной форме, детерминирована социальным контекстом общения — подключением индивида к общечеловеческому богатству деятельности и знания. Существо данного положения весьма условно и схематично, однако достаточно адекватно описывается языком фракталов. Напомним, фрактал — не мгновенная, а динамическая, растянутая во времени бифуркация, выражающая идею переходных состояний. Взятая из большой дали биологическая организация, внедренная в межсубъективный обмен деятельностью, претерпевает многократные качественные изменения (бифуркации), через ряд опосредствований (овладение наработанными в коллективном опыте коммуникативными фигурами, программами речи, мысли, действия) культивирует в организме личность. Биологическое «человек разумный» оказывается коррелятивным социальное «человек общественный, политический». Избегая многословия, апеллируем к мысли Дюркгейма, которая в соответственной редакции дает необходимое резю-

ме: истинно человеческое не есть нечто первоначально данное. Оно — продукт коллективной истории, представляющей «идеальный предел, к которому мы все более и более приближаемся, но которого мы, вероятно, никогда не достигнем»³⁴⁴.

Объективным и концентрированным проявлением этого «идеального предела» в складывании опосредствованного феномена социально человеческого выступает речевое обращение. Появляющийся на свет обладатель телесности человек поддерживает существование некоторым ресурсом моторики — совокупностью элементарных приспособительных реакций, а) связанных с биологическими мотивами; б) подчиненных наглядным впечатлениям от среды. На завершающей стадии перинатального периода, следовательно, еще реализуются фигуры так называемой перцептивной психики, дистанцированной от собственно человеческой (сознательной) психики по показателю приобщенности к совокупному общечеловеческому опыту (знания, умения, навыки).

Не верь учению, сводящему противоположности к единству, — проницательно замечал Платон. Противоположности «животного» и «человеческого» остаются несводимыми к единству; слиянию их препятствует социализация. Главное заключается в том, что адаптирующие телесные действия становятся социализируемыми — получают непрременную и естественную языковую обработку, производящую:

- сигнификацию — знаковое кодирование реальности;
- номинацию — приведение в соответствие объектов мира словесным комплексам;
- экспликацию — введение «чистых» смыслов, значений предметов, состояний безотносительно к вещной практике;
- генерализацию — абстрагирование и экстрагирование существенных необходимых признаков, связей, имеющих самоценный, отчужденный от предметности статус;
- категоризацию — понятийное членение, таксонирование действительности на базе информационных структур, идеальных универсалий.

Словесное выделение предметов как упорядочивающая мера, рычаг социализации, активизируя все познавательные способности (ощущение, восприятие, память, мышление, воображение), обуславливает каскад бифуркаций от чувственного к рациональ-

³⁴⁴ Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 223.

ному; от предметно-вещного к информационно-идеальному, модельно-аналоговому; от осязательного к смысловому; от частного к общему; от индивидуального к групповому; от непосредственного к опосредствованному; от инстинктивного к целесообразному.

Указанная совокупность переходов, однако, интонирует более объемный переход от действия к деятельности. Первое от второго, подчеркивает А.Н. Леонтьев, отличается тем, что «предмет, на который оно направлено, не совпадает с его мотивом. То и другое... разделено. Мотив, побуждающий действие, лежит в предмете (совпадает с ним) той деятельности, в которую включено данное действие»³⁴⁵.

Механизм очеловечивания через социализацию, понимаемый как накопление в историческом развитии коллективного знаково-символического, понятийно-информационного опыта выглядит так.

Соматическая плоскость: нервные узлы (ганглии) — ствол головного мозга, подкорковые узлы (таламостриальная система), лимбическая кора — новая кора больших полушарий.

Поведенческая плоскость: инстинкты — рефлексy — лабильные рефлексy — акстраполяционные рефлексy (инструментальные, оперантные условные рефлексy) — антиципирующие интеллектуальное поведение — ориентировочная деятельность — ручное мышление — символическая репрезентация — идеальное распрямление — целеполагание — саморегулирующая деятельность — гарантированное индивидуально-изменчивое поведение.

Глоттогенетическая плоскость: дословность (имитация, суггестия) (доречевой опыт, постулированный «новым учением о языке», «палеонтологией речи» Н.Я. Марра не реален) — артикуляция, номинация, категоризация (вызывание существующего в языке) — монологическая речь — диалогическая речь.

Психическая плоскость: сенсорная психика — перцептивная психика — сознательная психика.

Коммуникативная плоскость: дописьменность (устно-слуховая коммуникация) — раннеписьменность — письменность (визуально-графическая коммуникация) — послеписьменность.

Фазис 4. Стереоскопия понимания. План выражения (прагматика) и план содержания (семантика) языка обслуживают по-

³⁴⁵ См.: Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994. С. 49.

нимание, увязывающее черты и признаки языкового и неязыкового поведения. Понимание — комплексный процесс выявления, постижения, уловления смысла, значения — реализуется как множество квалифицирующих идентификаций по осям

— номинация, производящая предметную классификацию³⁴⁶;

— контекстуализация смыслов, значений: помимо узуальных и окказиональных измерений слов существуют локально-коммуникативные, ситуативные их измерения. Установление всего множества потенциальных контекстов словоупотребления невозможно, хотя обозначаются общие рамки этого в виде «прототипных знаний»³⁴⁷. В конкретных контекстах общения идентифицируются как универсалии, так и уникалии (специи, конкретики), расширяющие лексикографическую практику (словари, компендии дают основу лексикографии; далее — валентные возможности слов и их сочетаний, уравнивающие традиции и новации);

— дифференциация коммуникативных установок (констативы, перформативы, локуции, иллокуции, перлокуции), координация их со знанием о мире с активацией интерпретации, концептуализации (грамматически верные фразы способны нести бессмыслицу — «птица на стене» и «слон на стене»);

— лимитация: не все элементы духа вербализуются, принятие в расчет чего влечёт: а) диверсификацию выразительно-символических форм (несловесные духовные инкарнации — музыка, живопись, графика, скульптура, балет); б) апелляцию к внесловесному потенциалу коммуникации: как высказывал А.М. Пешковский, «точность и лёгкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения её бессловесной подпочвы»³⁴⁸ (живое общение в ореоле кинесики эффективнее текстового); по Жуковскому:

Как вам, счастливым, то понять,
Что понял я тоской?
О чем... но нет! Оно мое,
Хотя и не со мной.

— апперцепция: подведение перцептов под концепты, категориальная координация и субординация явлений духа, увязывающая прошлый и настоящий опыт;

³⁴⁶ Cassierer E. An Essay on Man. The language of wisdom and foolery. San-Francisco, 1967. P. 260.

³⁴⁷ См.: Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М., 2008. С. 153.

³⁴⁸ Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков. М., 1965. Ч. I. С. 297.

— ритмизация: звуковые сочетания, сцепки лингвистических единиц в их различении дополняют концептуальные смыслы (инварианты содержательных преобразований) сверхконцептуальными (грамматически не данными). Вплоть до заявления прав алогического;

— эссенциализация: уловление скрытых значений, смыслов. Художественные, в первую очередь поэтические, тексты (произведения) не исчерпываются концептуальными значениями, смыслами «первого плана». При более тщательном рассмотрении в них обнаруживаются не лежащие на поверхности латентные значимости, оттенки. Не случайно Толстой говорил о Чехове: «он странный писатель — бросает слова как будто некстати, а между тем всё у него живёт». Не случайно в сходном контексте Эйхенбаум характеризовал Лескова «чрезмерным писателем».

Перцепт и концепт. Методологическую презумпцию адекватной тематизации сюжета составляет констатация невозможности «чистых» перцепций, равно как констатация несостоятельности постулата «непосредственности» психического, толкуемого в бихевиористской модели: пассивный субъект присваивает влияющие на него внешние эффекты по схеме «стимул — реакция». В позитивной редакции: внешние причины проявляются через внутренние условия. «Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, — напоминает А.А. Ухтомский, — если не подготовлены уши, чтобы слушать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть».

Средовая адаптация к вещно оформленному ареалу обуславливает дифференцировку нервной системы, органов чувствительности, стимулирует появление первичной сенсорной психики, специализирующейся на переработке влияний отдельных свойств среды. Далее, с развитием коры головного мозга, упрочается перцептивная психика. С неизменным усложнением, совершенствованием мозга развивается способность чувственного восприятия соотношения вещей в форме предметных ситуаций³⁴⁹. Отсюда в теории — антибихевиористские (немеханистические) трактовки перцептивных отображений (образов) как лабильных, дифференцированных структур — «динамика представлений» (Герbart); «бессознательные умозаключения» (Гельмгольц); «рефлексно-образный психический процесс» (Сеченов); «интенциональные акты» (Брентано); «идеомоторные акты» (Карпентер).

³⁴⁹ См.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1977. С. 252.

Перцепты — единицы восприятия, где чувственные запечатления (образы) определены составом вещей. Чувственное отображение начинается с различения раздражителей, влияющих на рецепцию специализированных органов чувств. У животных связь «раздражитель — чувственный орган» узко адаптивна. У человека помимо исходной адаптивности привносятся моменты цели, ценности, интереса, позволяющие устанавливать сигнальные связи поверх органических значимостей.

Чувственные образы — впечатления, возникающие как отображения-воспроизведения, психические реставрации свойств предметов, выступающих контрагентами взаимодействия. Поскольку последними могут быть как внешние, так и внутренние объектные сферы, чувственность подразделяется на проприо- (внешняя) и интероцепцию (внутренняя). Чувственность — синкретичное поле различно и разнородно переживаемых отношений человека к фактам действительности. Обеспечивающие эмоции соматические процессы (гипоталамус, центральная часть лимбической системы) биологически целесообразны, повышают адаптацию организма, его способность к деятельности в складывающихся условиях. Эмоциональная сфера:

- индивидуальна — персонально выражена;
- имеет двойную обусловленность — формируется на стыке объективных потребностей личности и их субъективных отображений;
- интегральна — охватывает, настраивает организм в целом;
- исторична, этнична — подвержена социальной, племенной динамике;
- функциональна — филогенетически нацелена на адаптивные, мобилизующие роли (отражение, стимуляция, переключение, коммуникация и т.д.).

Физиологическим субстратом чувственности является кора больших полушарий. Гносеологическим остовом чувственности оказываются ощущение, восприятие, представление.

Ощущение — способность производить отдельные образы специфических групп раздражителей. Отличительной чертой ощущения выступает недифференцированность, неотчлененность от предметной ситуации. Непосредственный контакт с предметной средой составляет стержень сенсорно-перцептивного уровня психического отражения. Ощущение — основной поставщик информации о действительности; всякое нарушение, осложнение его действия влечет задержку, деформацию психиче-

ского развития (необходимость воспитательной, образовательной компенсации естественных дефектов для слепых, глухих и т.д.). Ощущение, возникающее как естественная реакция нервной ткани на внешние возбуждения, рефлекторно. Его соматическим механизмом является деятельность анализаторов, включающих: периферические отделы (рецепторы); афферентные нервы (проводники возбуждений); корковые отделы (переработка нервных импульсов). Ощущения различаются по качеству, интенсивности (количественный показатель), длительности (временной параметр), пространственной локализации (контактность).

Восприятие — способность производить целостный образ воздействующего предмета при непосредственном контакте с ним. Восприятие синтетично, сложно, но не сложено (суммативно), формируется посредством выделения основного, ведущего с отвлечением от второстепенного. Диахронно дело выглядит так, что обособление неких групп признаков сопровождается включением их в наличный запас знаний (информации). При достижении общности одному другому устанавливается содержательная корреляция, вызывающая эффект предметной идентификации. В противном случае распознавания-узнавания предмета (ввиду атрофии символической идентификации, категоризации) не производится. Сказанное убеждает: сфера чувственности как ареал духовности выделима весьма условно. Духовная реальность синкретична — чувственность встроена в сознание и бессознание, как и они в нее, и без них невозможна. В самых элементарных, массовидных операциях на стадии чувственности проявляются высшие аналитико-синтетические фигуры деятельности, предполагающие развертывание категориального комбинирования, сопоставления, уподобления, рационализации, номинации и т.д. Основные параметры восприятия — предметность (акты объективации), структурность (внутренняя организованность), константность (устойчивость фиксируемых признаков), апперцептивность (категориально-символическая нагруженность). Подобно ощущению, восприятие рефлекторно. Его физиологическую подкладку составляют условные рефлексы, возникающие в коре больших полушарий головного мозга от действий на рецепторы явлений действительности нервные связи.

Представление — способность воспроизводить характеристики предметной среды вне непосредственного контакта с ней. В отличие от восприятия, в представлении отсутствует жесткая сцепка с предметной ситуацией; меньшая степень ясности, от-

четливости. Питательной почвой представления оказывается продуктивное воображение и память. Первая производит, вторая воспроизводит образы, стимулируя их конструктивное сочетание по законам ассоциации, агглютинации, гиперболизации, схематизации, типизации и др. Как и иные психические процессы, представление (наряду с воображением и памятью) есть функция коры больших полушарий; его физиологическим базисом выступает актуализация, группирование нервных связей, их распад, перегруппирование. В результате возникают образы, связанные с опытом, но и отстраненные от него.

Соматический срез перцепирования. Нейродинамическая подкладка перцепции — система корковых связей, синтезирующих группы анализаторов. Скажем, при ходьбе «чувствуются» не изгибания коленных, тазобедренных суставов (внутренние ощущения при вывихах, растяжениях), а «неровности почвы». Это и есть репрезентация «внешних признаков — параметров среды», соответствующая механизму локализации отображаемого. (У музыкантов обнаруживается специфическое «слышание глазами» — инициация звучания вследствие восприятия нотации.) При поражениях, травмах способность синтезировать группы анализаторов деформируется, проявляется архаичный эффект различения света—тени (светоощущение) без идентификации формы предметов («предметное зрение»). Предметное зрение есть зрительное восприятие предметов с обособлением в пространстве контуро-разграничительных линий разнородных сред. Данную черту зрительно-осязательного восприятия вещности проигнорировал гносеологический априоризм (кантианство), наделивший хроно-геометрические измерения мира допытным существованием. На деле пространственно-временные определения упрочаются в процессе предметной перцептуализации.

Гносеологический срез перцепирования. Перцептивность избирательна, признако-ориентирована, предметно-интенциональна. «В чувственно воспринимаемой вещи, — указывает Рубинштейн, — выделяются признаки, качества, которые являются сигнальными по отношению к существенным ее свойствам, определяющим ее как такую-то вещь; остальные свойства вещи... отступают в восприятии на задний план»³⁵⁰.

Детерминированные избирательностью, интенциональностью перцепции элементы генетизма, историзма, предметности

³⁵⁰ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 2003. С. 110.

позволяют критически отнестись как к механицизму картезианства, так и функционализму кантианства. В первом случае вещные предтечи перцепции гипертрофируются, во втором случае игнорируются. «Непосредственное воздействие вещи влечет восприятие», это — автоматизм. На деле восприятие — результат не воздействия, а познавательного освоения вещей. «Непосредственное воздействие вещи не влечет восприятия», это — априористский функционализм. На деле восприятие — результат не конструирования, а встройки отображательного акта в предметно-практические ситуации («слух» может быть техническим, тембровым, речевым (фонематическим), музыкальным (звукорисунковым), синестезическим (цветоориентированным))³⁵¹.

В онтогенезе формируются чувственные образы вещей, встроенных в манипулятивно-игровые контексты; одновременно в них вводятся словесные опосредствования-маркеры. Следствия синтезирования предметно-вещного и вербального (артикуляция, номинация) далеко идущи, проникающи.

Лингвистический ракурс. Использование слов применительно к воспринимаемому предмету подключает не данное чувственно понятийное содержание, с позиций выразительной идентификации совершенно специфическое. Специфичность его задается отсутствием предикации — неиспользование предметных категорий «свойство-признак» и синтаксических категорий «определение-прилагательное». Совершенно справедливо по данному поводу высказывается Л.П. Якубинский: «подлинные предпосылки... возникновения в мысли категории свойства-признака, а в языке синтаксической категории определения и, далее, прилагательного создаются лишь по мере того, как говорящие научаются воспринимать те или иные свойства предметов, т.е. делать что-либо круглым, красным, горьким и т.п. Так как свойства предметов раскрываются через другие предметы, то первоначально названия тех или иных свойств — это не что иное, как название предметов, которые с точки зрения говорящих являются преимущественными носителями этого свойства или признака. Так, первоначально свойство твердого выражается тем же словом, что и «камень», которое с точки зрения говорящих становится преимущественным понятием признака «твердости»... Отсюда ясно, что на первоначальном этапе развития определения нет и не может быть речи об особой категории

³⁵¹ Там же. С. 117.

слов, выражающих признаки предметов, — выразителем свойств является та же грамматическая категория имен, названий предметов. Отсюда ясно также, что в своем генезисе все прилагательные являются относительными, семантически производными от какого-то названия предмета...»³⁵².

Физиологический ракурс. Включение в ситуацию интеллектуального содержания идет по механизму «вторичного возбуждения»: участие участков коры, не подвергаясь непосредственному влиянию раздражителей, сводится к установлению связей между непосредственно воспринимаемыми свойствами вещей и содержанием слов³⁵³. Выделим нужное: по ходу овладения речью у человека образуются натуральные рефлекторные связи вещей с обозначающими их словами. В систему корковых отношений взаимных зависимостей, являющуюся нейродинамической основой образа вещи, включается новый компонент — закрепленные в значении слова отношения взаимной зависимости второй сигнальной системы³⁵⁴. Зрительно-осязательный образ отягощается содержанием, закрепленным в обозначении вещи (номинации, артикуляции, звуковые, графические индикации), — «смысловое содержание слова посредством рефлекторного замыкания объединяется с чувственным образом предмета»³⁵⁵.

Влияние слова не рефлектируется, оно «маскируется» (Павлов) — смысловое содержание слова «включается в восприятие предмета как его компонент и осознается как смысловое содержание самого предмета, а не как содержание слова. Восприятие в результате взаимодействия второй и первой сигнальных систем вбирает в себя смысловое содержание слова, сбрасывая форму и функцию слова как особого языкового образования. Чувственное содержание образа становится носителем смыслового содержания»³⁵⁶.

Таким образом, слово относится не к образу (восприятию), а к предмету, который образом репрезентируется. Откуда вытекает: вещь выступает в восприятии как предмет, превосходящий чувственно данные воспроизведения; восприятие оказывается нагруженным понятийно-смысловым. (У животных, восприятие которых сигнально: «вид волка для овцы или вид овцы для волка — вот

³⁵² Якубинский Л.Н. История древнерусского языка. М., 1953. С. 210.

³⁵³ См.: Рубинштейн С.Л. Цит. соч. С. 107.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Там же. С. 107—108.

те сигналы или те чувственные образы, которые вызывают у обоих... двигательные реакции противоположного смысла»³⁵⁷, — подобной «нагруженности» не просматривается.) Наводится мост от чувственного к рациональному, от предмета к его смысловому значению, от перцепта к концепту.

Перерастание перцепта в концепт оттеняет распространение символических объяснительных начал на преобразование психических форм. Анатомия процесса такова

а). «Чистое» восприятие имеет дело с онтологически отдельным, экземплярным. За счет артикуляции, номинации, использования гипонимов, с ними — классификации, родо-видовой идентификации получает простор интерпретация. Перцептивный «экземпляр» трансформируется в образно-аналоговый «лицетворитель», «представитель».

б). Словесно-образная репрезентация подготавливает концептуализацию: атрибуция, предикация, денотация наделяют свойствами, встраивают в отношения, приписывают признаки, устанавливают значения, определяют смыслы. Связь слова и вещи первоначально опосредствуется «представлением», впоследствии опускаемым; сознание с определенной ступени оперирует исключительно словами с выражаемыми ими смыслами и значениями (без чувственных коррелятов). Сапиент понимает слова не через относящиеся к предметам образы, но непосредственно через денотацию. Перцептуальная фундаментализация концептов свертывается, но может восстанавливаться в репрезентирующей геналогии.

с). В образной данности «экземпляра» наращивается второсигнальный дух символического. Перцептуально данный предмет (образно-сигнальная репрезентативность) переводится в смысловую содержательно-денотативную репрезентантность. Гносеологическое ядро такого рода перевода — переход от конкретного по материалу к абстрактному по форме (аналог движения от чувственно к мыслительно данному). Центральная роль здесь уготована схемам — вводящим принципы воспроизведения предметности в чувственных понятиях: «В основе наших чувственных понятий ... лежат не образы предметов, а схемы», — говорит Кант³⁵⁸.

д). Систематизация, типологизация признаков, оперирование единицами мышления — концептами, проводящими объединение, распределение предметных форм по родам, классам.

³⁵⁷ Сеченов И.М. Физиология нервных центров. М., 1952. С. 41.

³⁵⁸ Кант И. Соч. Т. 3. М., 1964. С. 233.

Оконтурирование реальности в масштабах «ближайших» значений слов.

е). Схематизация реальности с позиций концептной иерархии, выстраивание таксономии (группировка однородных предметов по признакам в разряды, расположение групп сходств в порядке соподчинения, установление последовательностей чередования признаков, дискретизация объектов, связанных общностью свойств), нащупывание более далеких соответствий, связей явлений в «дальнейших» значениях слов.

ф). Сигнификация — умение создавать, использовать, понимать знаки (основная функция больших полушарий) — искусственные сигналы (биологическая предпосылка сигнификации — условные ситуативные связи в системе «организм—среда») — венчает трансформацию перцепта в концепт. «Слово, — утверждает Павлов, — благодаря всей предшествующей жизни... человека связано со всеми внешними и внутренними раздражителями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обуславливают те раздражения»³⁵⁹.

Сходное и общее. Псевдопонятие и понятие. Словесные знаки, замещающие раздражители, за счет своих внутренних свойств упорядочивают, организуют, группируют восприятия. Какие процессы ассистируют данным акциям? На предметно-действенном уровне включаются сравнение, анализ, синтез, сопоставление, позволяющие выявлять, абстрагировать общее в редакции «одинаковое» — индуктивно общее, присущее «всем» как «многим» («все лебеди белы»). Гносеологически подобное общее — сходное, получаемое через уподобление. На логико-методологическом уровне выделение «сходного» в смысле «уподобленного» актуализирует оценку разновидностей, экземпляров, казусов, прецедентов, дающих возможность производить отсев (сепарация, абсорбция) частных, объединять признаки, достигать обобщений. На вербальном уровне стадия установления сходного сопровождается объединением «семей слов»: «Новые явления и предметы, — указывает Выготский, — называются обычно по одному признаку, который не является существенным с точки зрения логики и не выражает логически сущность... явления. Название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием»³⁶⁰.

³⁵⁹ Павлов И.П. Полн. собр. соч. М.; Л., 1951. Т. IV. С. 429.

³⁶⁰ Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 193.

Если квалифицировать «конечный продукт» данных мероприятий принципиально, придется признать: поскольку, как задним числом известно, логико-гносеологическое «общее» генетически не вытекает из «сходного», «одинакового», на ранней стадии мыследеятельности кристаллизуется не понятие, а псевдопонятие. Статус полноправного, полноценного, гносеологически самозаконного понятия псевдопонятие обретает лишь вследствие замены «сходного» номологическим. Всесторонне раскритикованная локковская теория абстракций (разделяемая номинализмом, эмпиризмом, ассоцианизмом), к сожалению, выказывала нечувствительность к различению «общего-сходного» (акцидентального) и «общего-номологического» (эссенциального). Действительно: к примеру, «человека» как концепт можно получать в колее «сходного», группируя, ассоциируя внешние признаки. Между тем до существенного в человеке, выражаемого формулой «существо социальное, производящее орудия труда», дойти таким образом невозможно. Кроме того, по внешним параметрам к разряду «человек» в кругу «сходного» отойдут киборги, гуманоиды, роботы, иные человекоподобные создания.

Итак, наивный взгляд на понятие (методологический номинализм, эмпиризм, ассоцианизм), крепящийся на отождествлении сходного и общего, не учитывает:

а) у конденсируемых понятием отвлеченных признаков отсутствуют чувственные корреляты;

в) понятийно существенное напрямую не имеет осязаемых представлений (что продемонстрировал крах рафинированного эмпиризма XX столетия — неопозитивизма);

с) сочетание существенных, необходимых, неотъемлемых признаков, оказывающихся значением слова и именуемых понятием, не выделяется непосредственно (операционально) по номиналистско-эмпиристско-ассоцианистским методикам. Номинализм не способен устанавливать онтологические корреляты понятий; эмпиризм не проясняет фиксации концептуально сущностного; ассоцианизм, допуская редукцию понятийного содержания к чувственно данному, скатывается к наивной «зеркальности». Демаркация между гносеологическим наивом и адекватным взглядом на предметные основания мыследеятельности проходит по рубежу: наделение или лишение перцептов номологически универсального. Наивный подход вкладывает в «представление» момент закономерно всеобщего; выверенный подход такую воз-

можность исключает. Критика гносеологического наива, став школьным местом, не заслуживает дополнительного внимания. Доктринальное оппонирование наива, вводящее нормативное: содержание понятий не редуцируемо к *sense data*; оно коррелировано с пространством предметно-тематических идеальных связей, — тем не менее, оставляет непроясненной саму генеалогию последнего (особого пространства), легализующего экзотические «конструкты»; «абстрактные схемы», «идеалии» — воображаемые, подразумеваемые, мнимые, недействительные действительности, которые отвечают полету творческой, не скованной рутинной наличного, ищущей, свободно парящей мысли.

Поставим вопрос ребром: если содержание мыследеятельности не выводится по локковской теории абстракций из непосредственного чувственного опыта, откуда оно берется? Ответ, какой даем мы, опираясь на вышесказанное, вполне прозрачен. Источник сверхчувственной мыследеятельности — символическая сверхчувственная культура, утилизирующая собственные приемы развертывания не данных чувственно типов реальностей. Об автокаталетической природе данного процесса в материале мифологической статьи понятия, наделяющего жизнью неведомые, невероятные создания, речь шла выше (§ 9). Упор делался на демонстрацию того, что понятие как троп (синекдоха, аллегория, эпитет, метафора, метонимия) есть демиург переносной содержательности. Теперь настал черед наделить эту креативную стихию элементом верифицируемой процессуальности.

Итак: положительное человеческое познание может моделироваться как двухсторонняя порождающая активность, интегрирующая два типа полярно ориентированной эвристической деятельности.

(1). Процедуры расширяющего синтеза, позволяющие в терминах конкретных предметных систем (с фиксированным логическим, семантическим оснащением) выстраивать новые абстракции, концепции. На базе основоположений (аксиом) вводится определение, позволяющее идентифицировать абстрактный объект. По такой схеме задаются наиболее абстрактные понятия — «группа», «кольцо», «поле», «топологическое пространство» и т.д. Введение, разработка понятий (идеальных объектов — идеалий) осуществляется относительно свободно, при участии воображения, нестесненного конструирования возможностей. В искусстве — разнообразятся творческие платформы; в науке верифицируются абстрактные исходы: теория групп — теория конечных

групп, теория абелевых групп, теория разрешимых, нильпотентных групп, теория топологических групп. Налицо всесильное творчество в мире символических озарений «Я».

(2). Процедуры сужающего анализа — объективация, материализация, предметное воплощение абстракций. Задача исключения — нахождение вещественных коррелятов, природных проекций. Скажем, понятие «тор», определяемое как «тело, образуемое вращением круга вокруг прямой, лежащей в его плоскости, но не пересекающей его», при материальном отчуждении трансформируется в наглядный образ «спасательный круг», «баранка». Как видно, сверхцель исключения абстракций — достижение наглядности, представляемости в созерцании. С гносеологической точки зрения создание духовных структур осуществляется посредством символического комбинирования: производятся, порождаются, творятся продукты, не могущие быть полученными из эмпирии в качестве копий чувственно данных аналогов. Портрет — не калька оригинала; конструкт (теоретическое понятие) — не отображение явления. Мир символических форм — мир воображаемый, модельный, эйдетический. Это — мир духовной разработки ноуменов.

Поскольку внутренняя символическая продуктивная способность стоит у истоков рядов (идей и вещей) не только благообразных, но и одиозных, возникает острый вопрос ее санации. Ответственная роль критической инстанции отводится:

- в эмпирических науках — критерию верификации;
- в логико-математических науках — пакету критериев в виде непротиворечивости, полноты, независимости, разрешимости;
- в искусстве — принципу художественной конвенции;
- в политике — оптимальности, эффективности.

Верховным арбитром, третейским судьей с правом окончательного вердикта на ступени классической культуры объявлялась «интуиция». Показателен подход (для духовного производства) Канта: «Разум в своем эмпирическом применении не нуждается в критике, потому что его основоположения постоянно проверяются критерием опыта, точно так же не нужна критика его в математике, где понятия должны тотчас же быть показаны а priori в чистом созерцании и тем самым все необоснованное и произвольное сразу обнаруживается»³⁶¹. (При более тщательном

³⁶¹ Кант И. Цит. соч. С. 591.

рассмотрении линия Канта, вводящая в абстрактные моделирования чувственные созерцания, критики не выдерживает. Не апеллируя к созерцательно невоплотимым конструкциям типа неевклидовых геометрий, небулевых алгебр и т.п., обратим внимание на то, что, казалось бы, прозрачное геометрическое понятие «точка», естественно определяемое как нечто, не имеющее измерений, интуитивно не представляемо. Тем более не представляема «мнимая двойная точка в бесконечности».) Показателен и подход (для практически-духовного производства) теоретика символизма Вяч. Иванова, в число признаков символического искусства включающего «особенную интуицию», каковая вкупе с «энергией слова» непосредственно осуществляется поэтом как тайнопись неизреченного, «вбирает в свой звук многие, неведомо откуда отозвавшиеся эхо и как бы отзвуки родных подземных ключей и служит, таким образом, вместе пределом и выходом в запредельное, буквами — внешнего и иероглифами... внутренне-го опыта»³⁶².

На ступени неклассической культуры, легализующей производство и утилизацию интуитивно неочевидных конструкций (в духовном производстве — бесконечномерные континуумы, несчетные множества, алгебраические категории, поливекторы, тензоры, функторы и т.д.; в практически-духовном производстве — сюрреализм, алогизм, нигилизм, абсурдизм), символическая деятельность, символизм как состояние души homo creatus перестал быть слугой, превратился в хозяина. Опасность гиперболоизации символического измерения человеческого существования, как отмечалось, — в подмене жизни как реального процесса самовоспроизводства на собственной основе мучительной, убогой, дезориентирующей позой.

Фикционалистскую изнанку символизма развенчивал Кант, борясь с трансцендентальным применением разума по одним лишь символам (понятиям), где «ни эмпирическое, ни чистое созерцание не содержит разум в видимых рамках», где он «крайне нуждается в дисциплине, которая укрощала бы его склонность к расширению за узкие границы возможного опыта и удерживала бы его от крайностей и заблуждений»³⁶³.

Из сказанного удержим во внимании только то, что интуиция не может гарантировать полную недвусмысленность символических построений без каких бы то ни было изъянов, пробелов,

³⁶² *Иванов Вяч.* Заветы символизма // Борозды и межи. М., 1916. С. 134—135.

³⁶³ *Кант И.* Цит. соч. С. 591.

непоследовательностей. Что же касается трансцендентально-символической природы разума, то следует различать применение и производство символических форм. По части применения во всех сферах духовного и практически-духовного производства вырабатываются заслоны аппликации фикций: фронтальная объективация, отчуждение символических форм (идеалы, идеалии, концепции, конструкции, схемы, системы) востребуют не интуитивной, а полноценной дискурсивной экспертизы на их лояльность, толерантность жизненно важным обстоятельствам. Можно сказать откровеннее, сильнее. Жизненная ценность символических форм удостоверяется выработкой относительно них максимально критической позиции. По части производства символических форм суждение лишается признаков деонтологичности. Ното *symbolicum* не имеет шансов проявить свою сущность, кроме как символическим способом. Понимание этого, сугубо релятивизируя сомнительное «склонность к расширению» (символизм и есть в чистом виде такого рода склонность), «узкие границы возможного опыта» (символизм и есть в чистом виде преодоление такого рода границ), активизирует трансцендентальное применение разума по символам (с одним ограничением: не по одним «лишь»).

Как продемонстрировано ранее, локомоцию данному применению придает:

- тропообразный стиль конструирования понятий;
- перманентная взаимообразная обработка перцептов концептами и *vice versa*;
- предметоценка с выделением сходного, сходно-общего, общего;
- конденсация онтологически эссенциального, сопряжение с ним выразительных универсалий (номинация, артикуляция, вербализация);
- трансформация псевдопонятий в понятия: объединение, обобщение, абстрагирование, синтезирование признаков, групп признаков, таксономизация предметов;
- выход за пределы локальных чувственных ситуаций за счет универсализирующего символического отчуждения.

Такова генетическая развертка сюжета, позволяющая решать нетривиальную проблему возникновения понятийно общего из сходного, подобного, запечатлеваемого в общем представлении и псевдопонятии. Генетический взгляд дополняется структурно-функциональным взглядом, проливающим свет на операцио-

нальный базис описываемой трансформации. Рычагом преобразования сходно-общего, данного в псевдопонятии (предпонятии), служит применяемая символическим разумом абстракция отчуждения.

В математике (теории множеств) указанная абстракция «типичным образом проявляется в форме так называемого принципа свертывания: математик сначала формирует в языке исследования некоторое свойство $\varphi(x)$ объектов... а затем образует новый объект... — множество $\{x/\varphi(x)\}$ всех объектов x , для которых имеет место свойство φ »³⁶⁴.

Перед нами — пример символической онтологизации, приписывания существования воображаемому. Своим продуктивным измышлением через символизацию мы становимся креаторами мира эйдосов — платоновского скопища идеалий, универсалий с отрешенными, не имеющими чувственных аналогов свойствами. Если последние (т.е. свойства φ из принципа свертывания) выражаются явно, непротиворечиво, строго, однозначно (строгость, однозначность — для науки) в фигурах некоторого языка (с фиксированной операторикой, семантикой), возникают понятийно-содержательные единицы (концепты, ментальные системы, стратегии) духовного и практически-духовного опыта. В науке, отмечалось выше, оформляются аксиоматики.

Аксиоматика A_φ предполагает точное определение абстрактного объекта O_φ , т.е. «такого объекта, который не обладает никакими другими свойствами, кроме... φ . Этот воображаемый объект O_φ есть первый продукт процедуры «конструирования понятия». Первый, потому что аксиоматика A_φ одновременно может служить и частичным определением таких «конкретных» объектов, которые являются носителями не только... φ , но и некоторых других дополнительных свойств, не противоречащих φ . Следовательно, процедура конструирования понятия φ , аксиоматически определенного посредством A_φ , порождает целый класс объектов x , родственных объекту O_φ . Этот класс и обозначается символом $\{x/\varphi(x)\}$, который используется как общее имя для всех носителей свойства φ . Каждый такой носитель... φ выступает как некоторая спецификация абстрактного объекта O_φ , а сам класс $\{x/\varphi(x)\}$, возникающий благодаря применению принципа свертывания по свойству φ , оказывается... не чем иным, как классом

³⁶⁴ Драгалин А.Г. Комментарии и примечания к статьям Г. Вейля «Порочный круг в современном обосновании анализа» и «Математика и логика» // Вейль Г. Избранные труды. М., 1984. С. 456.

конструкций, воплощающих понятие ϕ . Логическая сеть теорем, дедуцируемых из ... A_ϕ по правилам вывода принятого языка, образует аксиоматико-дедуктивную теорию T , описывающую упомянутый класс. Сам же класс $\{x/\phi(x)\}$ играет роль «онтологии»... теории T ³⁶⁵.

Символизм, символизация, символическая культура суть конструирование (порождение) объектов-носителей ϕ — O_ϕ , наделяемых бытийной автономией. С гносеологической точки зрения это — гипостазис. С лингвистической точки зрения это — введение гипербол не как стилистических фигур, но как состояний реальности (мифо-поэтическая природа понятийного комплекса). С формально-логической точки зрения гипостазирование и гиперболизирование ϕ означают введение квантора всеобщности в редакции «акцидентальное». Если пойти на варваризм, можно сказать: вненаучное духовное и практически-духовное символическое производство этим вполне ограничиваются. Используя приведенную выше мысль Выготского, позволительно зафиксировать: явления, предметы, называемые по одному признаку (введение онтологических классов-присутствий: номинация — $\{x/\phi(x)\}$), циркулируют в вербальной коммуникации как выражения-тропы ранга псевдопонятий (предпонятий). Это потому, что универсализируемый символизацией признак ϕ — акцидентальный; он не может быть эссенциально-номологическим (вербализация, артикуляция, номинация позволяют выстраивать классы как агрегации сходного, но не общего). Понятие же (выразительно совпадая с акцидентом) есть сочетание необходимо-существенного, задающего универсальное не как акцидентальное, но как обязательное. Не проводящая дистинкции выражений с квантором всеобщности, не различающая акцидентальное и эссенциальное общее в формулировках типа $\forall(x) (P(x) \rightarrow Q(x))$ локковская теория абстракций синкретизирует «сходное» и «общее», тем самым смешивает «псевдопонятие» и «понятие». Отсюда — пробелы в логике, методологии, их прямых потребителях — педагогике, дидактике. Повторим: символический прием «абстракция отчуждения» позволяет выстраивать экзотические возможные миры (за создание которых их авторов, как мы видели, нередко приходится «прощать», которыми довольствуется искусство, мифология, идеология, религия, генерирующие социальные и экзистенциальные утопии, сотканые

³⁶⁵ Философские проблемы оснований физико-математического знания. Киев, 1989. С. 65.

из гипербол, эллипсов, аллегорий, синекдох, многообразных метафорических уподоблений, соположений, олицетворений, — но не строгая наука). По форме статус классов объектов x по φ в науке и ненауке однотипен (символическая природа *Notio creatus* всеобща). По содержанию статус классов $\{x/\varphi(x)\}$ в науке и ненауке разнотипен. В ненауке (и обыденности) фигурирует акцидентально общее (сходное), в науке — эссенциально общее (универсально-номологическое). В ненауке специальными исследованиями качества общего в символических контекстах не озабочиваются; ограничиваются все той же интуицией, проводящей легитимацию разнообразных «правд жизни». В поэзии умосозерцание вводимых по схеме $\{x/\varphi(x)\}$ универсалий производится непосредственной интерпретацией вербально заданных жизненных многообразий. В континууме существования Мандельштама «сущность жизни» эксплицируется через родовую противоположность — смерть:

Мы смерти ждем, как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот, у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка.

В континууме существования Жуковского сущность того же эксплицируется так же, но дополнительно нюансируется:

О, будь же грусть заменой упования!
Отрада нам — о счастье, слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, — увы! и позабыть!

И так далее.

Обогащение предметных контекстов идет за счет наращивания жизненных ситуаций, наделяемых типичностью (авторское видение φ узаконивает класс $\{x/\varphi(x)\}$ в качестве типического, порокой чему — творческая сила удостоверения φ).

В науке специальным исследованием качества общего в символических контекстах озабочиваются. Правда, уже вне оглядки на классический призыв отчуждения φ по выделенному типу представленческой интуиции.

Современная стадия понимания природы научно-теоретической деятельности привносит в метасознание два убеждения — сюжетная полифония символических изысканий, предметно-тематическая версификация исследований упорядочива-

ются содержательными расширениями теорий с утробованием того же принципа свертывания. Различные типы геометрий, выражающие разные свойства пространств, ассоциируются по более объемному ϕ — многомерному континууму (новация Римана). Линию Римана усиливает подход Бурбаки, интерпретирующий «многократно протяженную величину» ϕ с теоретико-множественных позиций. Результат — универсализация ϕ в терминах «математическая структура». Подход Бурбаки, в свою очередь, модифицирует новация Эйленберга—Маклейна, центрирующая не отдельные «математические структуры», а классы однотипных структур совместно с недеформирующими преобразованиями их друг в друга. Следствие — расширение ϕ в терминах «алгебраических категорий», охватывающих все типы изучаемых математической объектов³⁶⁶;

— свободное создание символических схем, систем, платформ (через конструирование понятий) — процесс далеко не произвольный, не волюнтарный. С одной стороны, он регулируется императивом непротиворечия: принцип свертывания распространяется на любые неконтрадикторные параметры ϕ . С другой стороны, он регулируется императивом прагматической целесообразности, эффективности, плодотворности: во избежание беспредметного теоретизирования принцип свертывания распространяется на любые созидательные (в искусстве, идеологии — духоподъемные) параметры ϕ , определенность которых устанавливается социокультурно с использованием предметно-практического инструментария.

Обобщение и абстрагирование. Обобщение — интеллектуальное выделение свойств и группировка их в классы с опусканием несущественного, уникального. Сверхцель обобщения — отвлечение от деталей, частных с фиксацией сущностного. Есть предметы, определяемые одним признаком («Екатерина II — мать Павла I»), есть предметы, для определения которых выделить существенные признаки достаточно сложно. Действуют путем оценки качества атрибуций. В ходе аналитико-синтетического просеивания свойств добиваются разбиения признаков на базовые и производные. Первые принадлежат предметам и проводят их видоразличия. Вторые принадлежат предметам, но видоразличия не проводят (рост, вес для «человека»). Движение от одних — акцидентально богатых к другим эссенциально бедным

³⁶⁶ Там же. С. 67.

(Гегель: «общее — скудно») осуществляется через выделение приблизительных обобщений-умозаключений по формуле «большинство S есть P». От приблизительных обобщений переходят к обобщениям строгим. Помимо анализа, синтеза, здесь прибегают к абстрагированию — мысленному отвлечению от несущественных (неинтересных с позиций исследовательских задач) предметных признаков. Итог абстрагирования — создание абстракций, представленных в моделях, суждениях, понятиях, категориях. Понятийно-категориальные виды абстракций даны в виде

— абстракции аналитической (изолирующей), выражающей смыслоемкое свойство («мобильность»);

— абстракции отождествления — идентификация свойств предметного класса («признак электропроводности») с оформлением общего понятия («металл»).

Оба вида обслуживают познавательное экстрагирование общего в классах предметов, оправдывающее интеллектуальное восхождение (в обобщении) от понятий к категориям («вещь — тело — материя»).

Гносеологическое назначение абстрактно-общего — удаление случайного, частного, несущественного, конкретного, добывающееся концентрации в содержании понятий обобщенных признаков явлений. Обобщенных в редакции не «сходное», но «существенно-необходимое», неотъемлемое, номологическое. Как постадийно выделяется «сходное» и как протекает восхождение от него к «необходимо-общему»?

Первая стадия — индукция в виде аккумулятивной (поиск примеров) и элиминативной (поиск контрпримеров) своей разновидности. Аккумулятивная индукция расширяет объем вводимых понятий, элиминативная индукция сужает его. Аккумулятивные примеры позволяют сводить сходные вещи в классы по фиксированным признакам. Элиминирующие примеры позволяют отделять одни классы от других. В данных пульсациях проступают фазисы универсализации признаков:

- обнаружение сходства в вещах;
- соединение сходных вещей в единые виды;
- объединение сходных видов в единые роды.

Фазисам универсализации оппонируют фазисы спецификации — отыскание различий в единствах:

- разделение единого на роды;
- дифференциация родов на виды;
- различения в видах индивидов.

Как видно, индукция обеспечивает усмотрение в сущем «единства» и «множества», что подтверждает правоту Платона, утверждавшего, что сущее состоит из «единого и многих», освоение которых востребует

— «охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно» (Федр, 265 d); «вести исследование, полагая одну идею для всего» (Филеб, 16 с);

— «способность разделять все на виды» (Федр, 265 е) до обнаружения «всех отличий, которые заключены в каждом виде» (Федр, 285 в).

Типизация и спецификация, интеграция и дифференциация — рычаги выявления сходного и различного разделяют все, «заключенное между беспредельным и одним» (Филеб, 16с — 17а), дают начало систематизации с применением дихотомического деления и объединения предметов на соподчиненные классы, закладывают базу последующего определения через род и видовые отличия.

С позиции прослеживания динамики познавательной деятельности на данном этапе через призму перехода от перцептов к концептам дело выглядит так. Воспринимаются единичности, но в ходе индуктивной обработки чувственных данных вырабатывается главное представление (приблизительное обобщение) о присущности вещам неких групп признаков. Последние, суммируясь памятью, объединяются в некое отличное от многого единое — то единое, «что содержится как тождественное во всем... множестве»³⁶⁷. Отсюда, по Аристотелю, и проистекают искусства и науки.

Вторая стадия — понятийное оформление общего (перерастание перцептов в концепты). Обнаружение сходного, устойчивого, повторяющегося наводит на идею их естественной объективной детерминированности общим сущностным фактором. Общее, типическое скрывает, выражает причинное. Две идеи: сущность — предельно общее в идеальных вещах³⁶⁸ и общее — носитель причинного подводят к объединяющей третьей идее: сущностно-общее — представитель причинно-значимого, необходимого.

Процедурную, операциональную канву подобного движения к эссенциально-номологическому составляют: номинирование — понятия вводятся через речевые присутствия; обобщение — выделение сходного, одинакового, общего; выстраивание

³⁶⁷ Аристотель. Вторая аналитика II, 19. 100a5-9.

³⁶⁸ Там же. 13 9б в 1,11.

иерархий, классов (с задачей опознания предметов как входящих в совокупности); определения-установления содержания понятий; деление — раскрытие объема понятий (указание всех видов, множество которых подпадает под понятие); формирование абстрактных объектов, конструкторов, наделенных ментальным символическим существованием. Итог — появление номологического экстракта, конденсата сущностного, языкового репрезентанта смысла, информационно-семантического, символического заместителя предмета, не имеющего чувственного коррелята («хитрость»).

Совершенно ясно, что понятие от восприятия отличается способом выражения содержания: свертывание чувственной образности влечет развертывание умственной эйдетики, оказывающейся конструктивным сочленением концептуально расчлененного на признаки мыслительного воспроизведения предмета. Восприятие наглядно, конкретно, чувственно цельно. Понятие не наглядно, абстрактно, умозрительно цельно. Восприятие предмета включает сенсуально данные признаки его в первосигнально выраженной форме. Понятие предмета включает рационально данные признаки его во второсигнально (словесно) выраженной форме.

Оппозицию «восприятие—понятие» оттеняет тип отображения действительности: в одном случае внешние влияния вещей, в другом случае внутренние влияния смыслов. Руководствуясь каузально-генетической моделью мышления и речи Выготского, можно сказать, что чувственность (стадия восприятия-представления) ограничивается производством непонятийного общего. Таковы

— синкреты — случайные ассоциации предметов по sense data;

— комплексы — обобщения по фактическим весьма подвижным связям.

Продукт выхода синкретов-комплексов в их словесной обработке — неустойчивые, ситуативные обобщения ранга псевдопонятий (отсюда следует, что не любое вербализированное обобщение — понятие). Не различающий понятие и псевдопонятие ребенок (т.е. не озабочивающийся вопросом предметного охвата одного и другого) синкретизирует их в словесном общении. Последнее без гносеологических тонкостей налаживает взаимопонимание детей и взрослых³⁶⁹.

³⁶⁹ См.: Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1977. С. 191.

Профессиональное различие понятия и псевдопонятия обя-зывает апеллировать к одной и той же тенденции: обнаружению номологии. В ненауке основанием формирования понятийной (псевдопонятийной) общности служит выделение сходного (подобного) — «блеск» для металлов. В науке основанием форми-рования понятийной общности служит выделение эссенциаль-но-необходимого — «электропроводность» для металлов. Всех металлов можно не знать. Но понятие «металл» выстраивается и надстраивается на признаке «электропроводность»; «металл» объединяет индивиды в класс по причастности не «блеску», а способности проводить электрический ток. И всякий неведомый объект, претендующий на включение в класс металлов, должен (!) удовлетворять условию «обеспечивать движение в себе как про-воднике электрического тока».

На стадии понятия выстраивается индуктивная предтеча (перебор предметов по аккумулятивно-элиминативным техни-кам); имеет место движение не снизу вверх — от объектных общ-ностей к концептуальному универсуму, а сверху вниз — от словес-ных универсальных единств к предметным общностям. Движение от мыслительного содержания к предметному, от абстрактного к конкретному обеспечивается абстракцией отождествления (объ-екты типизируются по одному свойству) и абстракцией отчужде-ния (принцип свертывания — по выделяемому свойству φ объек-та формируется идеальный класс $\{x/\varphi(x)\}$ объектов — носителей выделенного свойства φ).

С данной точки зрения понятие есть результат рефлексивной проработки предметности с обособлением эссенциально-номоло-гического (действующего на интервале «всегда—езде») всеобщего (квантор всеобщности, обремененный значением «необходимой присущности»), которое не может быть образовано элементарным (поэлементным) выделением сходных признаков (признак ут-верждает о причастности, но не о причине причастности; для по-нятия введение должествования — должно быть так! — опирается на закон структуры предметности). На этом основании понятие не может гносеологически квалифицироваться как агрегат ассоциа-ций. На этом же основании понятие гносеологически усваивается не через обобщение вещей (предпонятие, квазипонятие), но через освоение смыслов, значений.

Эмпирическое мышление представлено тремя символичес-кими модусами: предметно-действенным, наглядно-образным, словесно-знаковым. Такими же символическими модусами пред-

ставлено и теоретическое понятийное мышление. Водораздел двух символических планов проходит по существу символизма, предопределяющему отличия содержания деятельности, способов фиксации предметности, — констатация и концепция; регистрация и реконструкция; экспозиция и экспликация и т.п.

Обобщение и общение. С позиции каузально-генетической модели мышления и речи (при ее расширении) операциональной предтечей обобщения выступают сенсомоторные схемы (с 10—12 месяцев), обслуживающие фигуры сенсомоторного интеллекта (от 1 до 2 лет)³⁷⁰. Простейшие предметно-манипулятивные акты (придвигание, отодвигание предметов к себе, от себя) с позиции мыследеятельностных магистралей важны отработкой отношений инверсии (обращения); взаимности (компенсация); объединения, упорядочивания, установления соответствия (через координацию движений, данную в «логике действий»). Понятийная культура проистекает из координации действий, апраксия влечет агнозию, но не является прямым ее отображением. Иная трактовка грешит дремучим примитивизмом³⁷¹. До двух лет жизни, таким образом, произвольно оттачивается социализационно наращиваемая операционная база интеллекта. Параллельно путем вовлечения в вербально-символическую коммуникацию закрепляется, расширяется символический его базис.

С определенного возраста (от 2 до 7 лет) ребенок дифференцирует обозначение и обозначаемое (мысленное воспроизведение и предмет), стимулирующее развитие представления. В последующем наблюдается активное соотнесение представлений (предпонятий) с предметами, подчиненное уточнению их содержательной адекватности. Финальная точка процесса — рефлексивная реконструкция предмета в качестве ментально представленного, концептуально восстановленного под видом сгустка эссенциального. Данная точка отмечает оформление понятия, получаемого по правилам мыслительного конструирования предметов в универсально-номологическом плане вне адресаций к деятельности *in concreto*. (Отсюда вытекает близорукость ассоцианизма: сочетание ощущений дает представление; сочетание представлений дает понятие. Учет непреходящей роли форм мышления отменяет одиозную ассоцианистскую дедуцию).

³⁷⁰ См.: Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии. 1965. № 6.

³⁷¹ Goblot E.D. *Traité de logique*. P., 1929.

Поскольку объект мысли всегда выходит за пределы мысли об объекте, не остается «надежды конца и уяснения» (Толстой) его мыслительным реставрациям. (Откуда вытекает также близорукость логизма: законы логики причинно не определяют содержание мысли; подобное причинение идет от объекта.)

С позиции коммуникативной модели мышления операциональной предтечей обобщения выступает общение, осуществляющее сращение интеллектуализации с вербализацией, тем самым обеспечивающее упрочение символического (несенсомоторного) интеллекта. Последнее достигается двумя фазовыми переходами: объекта в мысль и мысли в речь.

Маневр «объект в мысль». Восприятие предметов в непосредственных контактах с ними (первосигнальное разграничение идет в образах). Для актуализации взаимодействий с предметами вне контактов с ними требуются второсигнальные раздражители — слова-имена (имена — знаки понятий, а не предметов). Чувственный образ — форма отраженного бытия вещи, располагается в плоскости «предметная ситуация». Перекрытие ее пределов связано с преодолением первосигнальности, использованием смысловых информационно-кодовых заместителей — семиозиса (означивание). «Во всех семиотических моделях, — отмечает Жинкин, — управление знаками образует значение. Первоначально всякий знак (сигнал) бессмыслен. Осмысление бессмысленного происходит при коммуникации»³⁷².

Маневр «мысль в речь». Мышление и речь не отождествимы. Одно есть умственный процесс идеации; другое есть физико-физиологический процесс вокации. Между тем одно без другого невозможно. Мысль вне речи подразумевательна. Речь без мысли звукоподражательна. Перевод мысли с внутреннего на внешний языковой код обуславливает материализация и ассимиляция мысли, ее восприятие и понимание. Как утверждает Жинкин, «сами звуки ничего не сообщают, но управление звуко-знаками в ... коммуникации образует значение»³⁷³.

Понятийное знание рождается на стыке удостоверения субъектом идейного содержания (мысль, выражаемая в речи), без чего знание просто не возникает (в противном случае мистические тупики гносеологического платонизма). Способность через язык переводить мыслительные достояния в речь делает из

³⁷² Жинкин Н.И. Избранные труды. М., 1998. С. 76.

³⁷³ Там же.

человеческого существа социальное существо, из человеческого общества коммуникативно сплоченное, солидарное общество. Потому прав Ельмслев, высказывающий: «Язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык — инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него: язык — подвижная и самая необходимая основа человеческого общества»³⁷⁴.

Способность к языково-символической (означающей) деятельности нередко выражают «гипотезой врожденности». Перед нами не преформизм. Перед нами базовое допущение родовой склонности человека (в отличие от человекообразных) к интенсифицируемой коммуникацией символизации. Не случайно в данной связи языково-символические навыки именуют *sensorium commune* — от совместной сопереживательности, усиленного чувства общности.

Категории. Классификацию понятийных выражений, соответствующую способным иметь общие имена вещам, впервые дал Аристотель. Список предикаментов Стагирита, всегда вызывавший критику, составляют сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание³⁷⁵. Данный перечень понятийных универсалий истолковывался, перетолковывался, пополнялся, совершенствовался буквально всеми классиками философии, размышлявшими о природе всеобщих мыслительно-символических форм. Если очерчивать свой угол зрения, принимая троякую определенность бытия вещей в зависимости от вовлеченности в контексты символического с обособлением модусов

- *modi essendi* — вещи вне сознания;
- *modi intelligendi* — вещи в познании;
- *modi significandi* — обозначенные вещи,

то можно сказать: нас преимущественно будет интересовать проблема самого статуса символических универсалий — *genus generalissimum* (высших родов); *notion generalis superior* (высших родовых понятий); *notion generalis summa, genus summum* (самых высших родовых понятий) вне диспергирования по неким модусам. В подобной редакции проблему универсалий во время оно

³⁷⁴ Ельмслев Л. Цит. соч. С. 264–265.

³⁷⁵ См.: Аристотель. Категории. М., 1939. С. 6.

обострял Порфирий, писавший: «представляется вопрос относительно родов и видов: существуют ли они в действительности... или же только в мышлении; и если существуют в действительности, то телесны ли они или бестелесны, и существуют ли они отдельно от чувственных вещей или в них, слитно с ними?»³⁷⁶

Трактовка статуса универсалий в пределах обострений Порфирия (кстати, самоустранившегося от обсуждения поставленных вопросов под предлогом их сложности, требующей специальных исследований³⁷⁷) получила классическую тематизацию в духе дилеммы «реализм—номинализм» с выделением

— реализма (платонизма): содержание понятий существует реально наряду с предметами (Августин, Иоанн Скотт, Эриугена, Бернард Клервосский, Гильом из Шампо, Альберт Великий, Фома Аквинский);

— умеренного реализма (аристотелизма): содержание понятий существует реально, но через конкретное предметное воплощение (Ансельм Кентерберийский);

— номинализма: общее как таковое реально не существует; модусом его бытия оказываются собирательные выражения, имена (Беренгар Турский, Иоанн Росцелин, Николай из Отрекура);

— умеренного номинализма: общее существует, но только в мышлении, оперирующем именами (знаками) — терминизм (У. Оккам); мыслительными значениями слов — сермонизм (П. Абеляр); понятиями, складывающимися на базе значений слов, — концептуализм (Д. Скотт, Р. Бэкон).

Идя дальше и резюмируя искания намеченными в Античности — средневековые линиями, обоснованно выдвинуть следующее квалифицирующее суждение: современный логико-методологический

— реализм допускает языковые комбинирования предметами как индивидуальной, так и сверхиндивидуальной (свойства, отношения как классы) областей (допущение самостоятельного существования классов, в том числе ответственного за антиномии в теории множеств);

— номинализм допускает языковое комбинирование предметами лишь индивидной области (отрицая существование классов — Рассел, Лесневский и др.);

³⁷⁶ Цит. по: *Мунто В.* Дедуктивная и индуктивная логика. М., 1809. С. 150.

³⁷⁷ *Cousin V. Ouvrages inédits d'Abelard // Publ. par V. Cousin. P., 1835. Intrad. P. LXI.*

— концептуализм допускает языковое комбинирование предметами индивидуальной области; комбинирование классами ограничивается требованием обозримости предметных параметров в обозримой исследовательской деятельности (интуиционизм).

За многовековой период осмысления (как показывает обзор), пожалуй, мы не продвинулись в тематизации статуса понятийных универсалий. Для проведения дополнительного маневрирования восстановим первоисточную интригу. Идея Аристотеля заключается в том, что категориальные ряды следует связывать с максимально общими единицами родовой определенности бытия. Последнее, впрочем, дает начало проблематизациям Порфирия.

Поставим вопрос ребром: каков источник предикабилей? Ищущая мысль располагает на удивление скудным запасом возможностей.

(1). Нативизм, провиденциализм, априоризм (Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант): «Категории представляют собой субъективные, данные нам одновременно с нашим существованием задатки мышления, устроенные нашим творцом так, что применение их точно согласуется с законами природы, которым следует опыт»³⁷⁸. Мистичность, эвристическая беспомощность, содержательная тщедушность позиции предустановленности отменяет необходимость ее объемного продумывания.

(2). Вербализм. Категории — общие предикаты бытия, возможные агрегаты суждений о его сущности; выводятся не из логики, а из языка. Тренделенбург: категории возникли из частей речи; они — предельные элементы, порожденные разложением предложений, навеянные грамматикой греческого языка³⁷⁹.

Линию Тренделенбурга подхватывает Бенвенист: «Аристотель выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии, и стремится определить логический статус каждого из них. Нам кажется... что такие типы являются прежде всего языковыми категориями, и Аристотель, выделяя их как универсальные, на самом деле получает в результате основные и исходные категории языка, на котором он мыслит». И далее: «Разрабатывая перечень... категорий, Аристотель ставил своей целью учесть все возможные в предложении предикаты, при условии, что каждый термин имеет значение в изолированном употреблении, а не в состоянии синтагмы. Неосознанно он при-

³⁷⁸ Кант И. Цит. соч. С. 215.

³⁷⁹ Trendelenburg A. Geschichte der kategorienlehre. Hildesheim, 1965. S. 13.

нял в качестве критерия эмпирическую обязательность особого выражения для каждого предиката. Таким образом, сам того не желая, он неизбежно должен был возвратиться к тем различиям, которые сам язык выявляет между основными классами форм, потому что эти классы и формы как раз и имеют языковое значение только благодаря разнице между ними. Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущность языка: ведь именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить эти свойства»; «язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами»³⁸⁰.

В аналогичном ключе несколько ранее высказывался Ф. Ланге: установлением категорий Аристотель сделал попытку указать те формы, в каких можно выразиться о «каком-нибудь предмете, что́ он есть, — и что он, будучи введен в заблуждение авторитетом языка, отождествил виды высказываемого с видами бытия»³⁸¹.

Наша задача — рассеять предрассудки, недоразумения в обоих направлениях: неадекватен априоризм, но неадекватен и лингвизм. Фактически сторонники лингвизма реанимируют линию средневекового модизма: вслед за Симоном Дакийским, Иоанном Дакийским, Боэцием Дакийским, Фомой Эрфуртским гиперболизируют *modus significandi*.

Категории — мощные классификаторы, — разнося признаки предметов по классам, проводят дихотомическую типологию сущего:

— *substantia* — предмет, существование со свойствами (от «бытия» до «небытия») (ср. с классификацией Мейнонга, выделяющего «бытие» (физические, психические объекты); «обстояние» (объекты логики, математики); «внебытие» (несуществующие объекты));

— *quantitas* — интервал «прерывность — непрерывность» («дискретность — континуальность»);

— *qualitas* — «устойчивость — неустойчивость» в свойствах;

— *relatio* — интервал «больше — меньше»;

— *ubi* — интервал «тут — там»; «везде — нигде»;

— *quando* — интервал «недавно — давно»; «всегда — никогда»;

— *situs* — интервал «справа — слева», «верх — вниз»;

— *habitus* — интервал «причастность — непричастность вещи»;

³⁸⁰ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 107, 111.

³⁸¹ Ланге Ф. История материализма. Т. 1. Киев; Харьков, 1881—1983. С. 99.

- actio — актив;
- passio — пассив.

Из сказанного без какой-то связи каждое действительно отличается или сущность, или «сколько», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать»³⁸².

Субстанцию выражают имена существительные, нарицательные; количество, качество, отношение выражают имена прилагательные (постоянные признаки); место, время выражают наречия (наречие — форма обстоятельства, несогласуемое определение прилагательного, глагола — «признак признака» (Потебня); наречию близки деепричастия, формы сравнительной степени); положение, обладание, действие, страдание выражают глаголы — вместе с наречиями передают непостоянные признаки — акциденции.

Однако когнитивная роль категорий не ограничивается «упорядочением» (гипонимия). Категории — носители смыслов, переносчики значений (по Абельяру — интеллектуальных, воображательных, истинностно-реальных). В таком виде они не выступают исключительно выражаемыми частями речи грамматическими значениями. Это — во-первых. Во-вторых, движение в теме «гносеологический статус категорий» исключает онтологизацию языка: грамматический строй не есть изоморфное подобие действительности (концептуальный просчет модизма и далее — панлогизма). Категории как предикабилии представляют типы осознания универсальных способов мыслительного освоения действительности, где грамматические измерения не заслоняют измерения предметные (лексические) и логические. В таком случае познавательная природа категорий описывается в терминах не лингвистики, а символогии.

(3). Символизм. Природа категорий не объясняется ни природой априорной организующей логической структуры (принципы деления суждений, как полагал Кант³⁸³), ни природой организующей языковой структуры (самые общие предикаты, под которые подпадают частные предикаты «простых предложений», как полагал Тренделенбург³⁸⁴).

Объяснение природы категорий наталкивается на объективные сложности, так или иначе утрируемые априоризмом и вер-

³⁸² *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 55.

³⁸³ См.: *Кант И.* Цит. соч. С. 174—176.

³⁸⁴ *Trendelenburg A.* Ibid. S. 70.

бализмом. Суть в том, что язык, как и сцепленная с ним мысль, имеет тройную соотнесенность: с предметностью (значение), с мыслью (смысл), со знаком (обозначение, выражение). На стадии развитой (второсигнальной) когитальной способности универсализируется перевод предметности в знаковую, что дает простор становлению логической и лингвистической позиции: гипонимические и коррелятивные им родовидовые упорядочения.

С забвением предметной (сущностной) стороны процесса обыгрывается представленческая (явленческая) его сторона. В принципе, рассуждая отрешенно, ни логика, ни лингвистика не обсуждают предметно-содержательных моментов знаково-символического мышления (отстраненность логики, лингвистики от проблем «материальной» истины). Между тем пропозиции, номинации (синтаксические фигуры) членятся на содержательные *sanus* и пустые *cassus*, что остается без должного внимания обеих дисциплин, поглощенных оценкой формальной «правильности» выстраиваемых предложений (перекрытие такой установки просматривается уже в логической и лингвистической семантиках, озабочивающихся корректностью планов выражений сообразно соотнесенностям к планам содержаний — знаниям о мире). (На основании сказанного способность к логике, как и способность к языку, бессмысленно трактовать как «врожденную». В широком смысле язык есть «продукт человеческого интеллекта, создаваемого заново в каждом индивидууме, посредством операций, лежащих далеко за пределами досягаемости воли или сознания»³⁸⁵. Подобные перекрывающие пределы досягаемости воли и сознания операции — многотрудный процесс социализации, делающий из *Homo naturalis* *Homo Sapiens*. Отсюда — по-крупному — изучение языка (как и логики) предполагает изучение не синтаксиса, а символического человека. Но это — за пределами узким подходам и формальной логики, и формальной лингвистики³⁸⁶.)

Выражающие предметы понятийные знаки, ввиду синтаксической представленности (*modi significandi*), воплощают квазипредметы: то, о чем утверждают предложения, не есть ни внешние вещи, ни мыслительные акты; это — объективированные содержания мыслительных актов, не совпадающие ни с вещами, ни с самими мыслительными актами. Такая нюансировка позволяет толковать содержание мыслей как связанное не с реально суще-

³⁸⁵ *Chomsky N.* Reflections on Language. London, 1976. P. 4.

³⁸⁶ *Lakof M.* Humanistic Linguistics // Georgetown University. Round Table on Languages and Linguistics. Washington, 1974. P. 103.

ствующим, но со словесно утверждаемым. (Incipit — интерпретация категорий как слов, знаков, завязанных на «формальные» (выразительные) измерения языка и мышления.)

Contra такой интерпретации выступили уже модисты, запараллеливавшие модусы обозначения с модусами бытия и мышления. Так как «природа вещей одинакова для всех, говорящих на разных языках, — рассуждал тот же Боэций Дакийский, — следовательно, сходны и способы обозначения вещей, а также способы построения фраз и говорения. Отсюда грамматика одного языка сходна с грамматикой любого другого языка, т.е. существует единая грамматика, как существует и единая логика»³⁸⁷.

Модисты толкуют язык как выразительную когерентную систему, отображающую бытие не на уровне названий (номинаций, сигнификаций), а на уровне сущностных признаков. От данной перспективной мысли стоит оттолкнуться.

Знаково-выразительный (сигнификативный) модус мышления не заслоняет предметно-отобразительный его модус. Основание так рассуждать поставляют

— предметно-действенная, операциональная генеалогия интеллекта (ср. с упоминавшейся в ч. I «Теории познания» этимологии cogito, составленного из co+agito);

— генеалогия знаково-символической второсигнальности, надстраиваемой над исходно высоко адаптивной, вписанной в объективную логику вещиности первосигнальностью (ее преобразующей).

Следовательно, фикс-пункт понимания категорий, соответственного их действительной природе, таков: категории выражают внутреннюю определенность бытия безотносительно чему бы то ни было³⁸⁸, в том числе сигнификации. Сказано сильно. И в прямом прочтении неадекватно. Подчеркнем: суть не в нарочитом приписывании категориям онтологического подтекста (панлогизм); суть в наделении их содержательной причастности бытию, причастности, характеризующейся множеством предметно-смысловых значений, включающих представление о том, что бытию (сущему) присуще, что у него «есть». Как растолковывает Аристотель, «о сущем ... говорится в различных значениях, но при этом всегда в отношении к чему-либо одному и к одной основной

³⁸⁷ Jolivet J. Comparation des théories du langage chez Abelard et chez les nominalistes du XIV siècle // Peter Abelard. Hague, 1974. P. 165.

³⁸⁸ См.: Аристотель. Метафизика. 1028a 10—13.

реальности»³⁸⁹. Категории семантически специфицируют бытие, однако на уровне не названий, но общих его признаков, самых первых различий и противоположностей сущего³⁹⁰.

Различные культуры приписывают сущему различные атрибуты, получающие тематизацию в различных категориальных сетках, трактовках-интерпретациях. На категориологии складываются картины мира, дифференцируемые по типам смыслового оформления действительности (гипертрофия «необходимости» в категориальной паре «необходимость — случайность» влечет лапласовский детерминизм; гипертрофия «части» в категориальной паре «часть — целое» влечет элементаризм, аддитивность, сложность; гипертрофия «причины» в категориальной паре «причина — следствие» влечет механицизм, гипертрофия «следствия» там же влечет телеологизм, финализм и т.д.).

Как видно, категории

— дают руководство толкованию бытия в материале конкретных культур;

— приписывают существование — что́ причисляется к бытию в каждое конкретное время;

— определяют положение дел в реальности;

— позволяют высказывать о бытии как полноценном (значимом) сущем; у бытия столько значений, сколько закладывается категориологией.

Действительность всегда фиксируется в сетке категорий, что, собственно, обеспечивает саму возможность мыслить. С позиций философии «исконный смысл учения о категориях тот именно и есть, чтоб отыскать те основные понятия, которые дают опору и свет среди пестрого хаоса наших представлений»³⁹¹. С позиций науки: «Мы воспринимаем не геометрические формы, а образы вещей, известных нам из нашего прошлого опыта. Это значит, что из всей массы раздражителей, действующих на нас, мы отбираем те признаки, которые играют ведущую роль в выделении функции вещей, а эти признаки иногда носят не зрительный характер; мы обозначаем вещи названиями, и это участие речи в восприятии придает ему обобщенный, категориальный характер»³⁹².

³⁸⁹ *Аристотель*. Метафизика. IV.2.1003а 33—34.

³⁹⁰ См.: *Аристотель*. Метафизика. X7.2.1057 в 9—10; X13.1061 в 14; VI 9.1034 в 9—10.

³⁹¹ *Тренделенбург А.* Логические исследования. Ч. II. М., 1868. С. 153.

³⁹² *Лурия А.Р.* Процесс отражения в свете современной нейропсихологии // «Вопросы психологии». 1968, № 3. С. 152.

Однако вернемся к прерванному было нами ходу рассуждения. Учением о категориях как предметно-смысловых данностях развертывается ценнейшая и фундаментальнейшая по назначению гносеологическая доктрина познавательного опыта. Напомним: нерв теории познания составляет тема кристаллизации в мыследеятельности универсально-номологического, непосредственно из опыта невыводимого знания.

На фоне суровой юмовской критики методологии гносеологического наива (зеркальности) *volens-nolens* приходится признавать: универсально-номологическая экипировка мысли имеет сверхопытный (но не трансцендентный) статус. Доктринальная тематизация внутреннего преобразования *sense data* как материи познания в буквально чужеродный ей итоговый когитальный (эйдетический) продукт так или иначе обыгрывает сюжетную линию конструктивного синтетизма — всеобщее и необходимое знание создается (творится) нами в череде продуктивных интеллектуальных синтезов. Далее — вариации, определяемые диспозициями в сторону преданности либо имманентной, либо трансцендентной традиции.

Линия продуктивного содержательного синтеза (без традиционных отягощений) полностью разделяется нами — с одним немаловажным уточнением: подчеркиванием решающей роли каузального символического участия.

Проблема опытно не индуцируемого всеобщего-необходимого знания с символической точки зрения решается нами моделью полиэссенциального предметно-мыслительного койне, воспроизводящей вызывающую интерес, хотя и не бесспорную аристотелевскую идею многофакторной «сущности». «Первая сущность», по Аристотелю, есть суть самого предмета (единичного), как он существует сам по себе³⁹³. «Вторая сущность» — роды и виды³⁹⁴ привносит в «первую сущность» момент необходимого, инвариантного, универсального, что позволяет «единить», «отождествлять», «уподобливать» «первые сущности» по составляющим их плоть признакам. «Вторая сущность» выявляет, демонстрирует, удостоверяет «первую сущность» по основанию символического (эйдетического) выражения (обозначающий «что есть», — говорит Аристотель, — «обозначает то сущность, то количество, то качество, то какую-нибудь из остальных категорий»³⁹⁵.

³⁹³ См.: *Аристотель*. Соч. Т. 2. С. 55—56.

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Там же. С. 358.

Учитывая, что категории как означающее переводят означаемое в модус понимаемо-осознаваемого (в стоицистской версии *pōeton*), возникает возможность использовать принцип свертывания, позволяющий идентифицировать «первые» и «вторые» сущности.

Спросим прямо: почему последние идентифицируемы? Потому что предикабилии (обще-родовые концепты, категории) вбирают единичное через фиксируемое в нем обще-существенное, обще-необходимое (универсально-номологическое). Категории — не «дуновения воздуха», не «колебания атмосферы». Они — правила мыслительного освоения предметности по схемам введения обще-родового. (Категориально представленный признак *φ* передает общеродовое в сущем. В случае, если это не так, сигнификат погрязает в выражении особенно-отдельного, он не предикабилия, а деиксис, коррелированный с чертами предметности в «здесь — теперь».) Через абстракцию отчуждения категории приводят в связь реконструктивно (когитально) существенное и визуально данное («первую» и «вторую» сущность).

Здесь возникает новый остро звучащий вопрос о причинах действенности принципа свертывания в варианте категориального связывания. Новое «почему» снимается утрированием не вербальной, а предметно-деятельностной, операциональной стороны дела. Как точно подмечает Ф.Т. Михайлов, указание на «сущность», «качество», «количество», «действие», «претерпевание» и т.д. «есть не что иное, как определение способов отношения человека к предмету деятельности и мышления, строящегося в соответствии с объективными возможностями вещества и сил природы»³⁹⁶ и своими собственными возможностями.

Таким образом, категории передают существенное в деятельности, что затем символически приписывается предметам. Неодействованный человеческим праксисом (*praxis*, по Аристотелю, — от *proairesis* — «рациональный выбор») предмет категориально не выразим. Его категоризация востребует прохождения намеченного выше витиеватого пути с самодовлеющими вехами: номинация — образ — представление — предпонятие — понятие. Отсюда следует: понятие с символической точки зрения есть не предельное обобщение, получаемое отвлечением от несущественного (локковская теория абстракций), а способ выявления всеобщего, необходимого, существенного в бытии через при-

³⁹⁶ Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990. С. 38.

зму потребностей, целей (рациональный выбор). В высказанной мысли акцентируем «способ» — содержанием категорий, «образующих понятие о характере отношения всеобщего и особенного, является не то или иное свойство (повсеместно распространенное...) как таковое, а именно способ, каким любые свойства особенного и всеобщего возводятся в ранг «вида» и «рода»³⁹⁷.

Способ возведения свойств особенного и всеобщего в ранг вида и рода хорошо известен — это:

— выразительное засвидетельствование определенности бытия сигнификацией (несигнифицированный опыт — преходящ, случаен, локален; сигнифицированный опыт содержит потенцию всеобще-необходимости);

— наполнение бытия конкретным содержанием категоризацией (актуализация потенциально всеобще-необходимого).

Дистанцию от сигнификативных к категориальным работкам покрывают познавательные действия в лице специализированных актов субстантивизации сущего. Здесь:

— атрибуция — наделение признаками;

— предикация — наделение отношениями;

— реификация — наделение свойствами;

— эссенциализация — наделение сущностью;

— акциденциализация — видоспецификация;

— уникализация — охват единственности;

— типизация — причисление к множественности.

Паушальный итог процесса — консолидация «первой» и «второй» сущности, кристаллизация картины природы (универсума), где бытие вещей определяется символическими трактовками. (Динамика последних (трактовок) управляется диайрезисом — схематикой категориальных упорядочений, ответственных за пролиферацию картин мира в зависимости от координации и субординации предикабилей — типов, характера, особенностей понятийных центровок, фокусировок.)

Символический статус категорий, а именно способность сигнифицировать, логизировать, семантизировать (одновременно!) действительность — предопределяет их полифундаментальность, не допускающую парцеллярной рефлексии в методологически примитивизирующих терминах

— онтологизма (Бонитц) — гипертрофия денотации, семантизации;

³⁹⁷ Там же. С. 38—39.

- логизма (Апельт) — гипертрофия системной схематизации;
- вербализма (Тренделенбург) — гипертрофия номинации.

Иная сторона медали — гипертрофия не частей, а целого: утрирование полифундаментальной природы категорий, синкретизирующих онтологические, логические, лингвистические измерения, навеивает проекты (по типу *mathesis universalis* Декарта) — *lingua universalis; notio generalis superior universalis*. Первое — калькуляция знаков (машина Луллия, Лейбница) с интенцией ограниченным множеством выразительных средств получить неограниченное множество содержательных результатов. Неосуществимость проекта обусловлена непредставимостью знания модусом знакового выражения: знание — симбиоз синтаксиса и семантики (с более далеких рубежей — семасиологии и ономасиологии), формализма и интерпретации. Второе — калькуляция категорий (панлогизм Гегеля, гегельянства) с интенцией ограниченным категориальным фондом смоделировать все богатство мыслепредставимых мировых связей. Неосуществимость проекта обусловлена а) нехваткой категориальных структур для выполнения задачи — запас категорий перманентно пополняется, с всякой научной революцией категориальные сценарии мира (мировоззрение) меняют свои формы; б) безотносительно предметным проекциям категориальные упорядочения предметных универсумов вырождаются в схоластическую логомахию.

Сознание, речь, язык. Сознание невозможно без языка как универсальной знаково-информационной системы, посредством символизации и кодификации актуализирующей его деятельность. Характер языкового опосредствования сознания многообразен, проявляется в диапазоне от вербальных до невербальных, в том числе жестовых средств (пантомимика аборигенов обслуживает передачу не только чувств, до и предметов; в той же Новой Гвинее известны танцы «пишущей машинки», «автопогрузчика» и т.д.). Большой вопрос, насколько жестко сознание связано с речью. Генетически дело выглядит так, что архаичный синкресис существования не позволял дифференцировать концептуальные, символические и коммуникационные процессы: сознание, язык, речь пребывали в единстве, развитие одного было вместе с тем развитием иного. В настоящий момент экспериментально доказано наличие реакции плода на звуки прежде всего родной речи (что предопределяет помимо прочего необходимость погружения беременных в комфортную звуковую среду пребывания), как бы предуготовливающей соответствующее развитие созна-

ния. Структурно-функционально (при сложившемся интеллекте) между сознательным (концептуально-семантическим) и вербальным разрыв, зазор возможен. В таком случае указывают на феномены невербальной мысли, которая «не нашла» слова, «не пошла» в него (проблема, обостренная Витгенштейном: «Говорят о нахождении верных слов для выражения мысли. Но где же была тогда мысль до этой находки?» — надо признать, не снята), и практической мысли (решение конкретных задач, обрамляемое элементами изучаемой паралингвистикой эмоциональной речи).

При обсуждении вопроса взаимосвязи сознания и речи следует отдавать отчет, что речь и мысль не тождественны. «Мыслить» не означает «говорить», «говорить» не означает «мыслить». (Иное ведет в тупик вульгаризации, допускаемой Уотсоном.)

«Мысль и слово, — подчеркивает Л.С. Выготский, — оказываются с самого начала вовсе не склеенными по одному образцу. В известном смысле можно сказать, что между ними существует скорее противоречие, чем согласованность. Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье... Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется»³⁹⁸. Мысль, погруженная в царство значений, смыслов, имеющая специфическую содержательную структуру, передается речью, трансформирующей мысль в слово. Мысль, следовательно, не совпадает со словом, но лишь завершается в нем. Существует ли вполне оформленная невербализованная мысль? Достоверно пока не ясно. Как не ясно, насколько состоятельна инспирирующая гипотеза Н.И. Жинкина о невербальном языке интеллекта, фундируемом универсально-предметным кодом. Ясно только присутствие доинтеллектуальной стадии в речи и доречевой стадии в интеллекте.

Следующий интригующий сюжет — содержательная характерологичность (не решаемся сказать «этничность») сознания, индуцируемая использованием конкретного языка. Скорее всего, ошибался С.А. Есенин, утверждая: «Представление о воздушном мире не может обойтись без средств земной обстановки. Земля одинакова кругом; то, что видит перс, то видит и чуток, поэтому грамота одинакова, и читать ее и писать по ней, избегая тождественности, невозможно почти совсем»³⁹⁹. В силу того, что «грамота» «не одинакова», «читают», «пишут», «понимают» мир люди

³⁹⁸ *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1996. С. 307—308.

³⁹⁹ *Есенин С.А.* Собр. соч. Т. 5. М., 1962. С. 38.

«не тождественно». В нашем языке семь автономных категорий, производящих подразделение электромагнитного спектра. В диалекте «Басса» аборигенов Либерии — лишь две соответственных категории. Воспринимая действительность, категоризуя, понятийно членя ее, аборигены называют два цвета. Зрение — «агрегат умозаключений», — указывает М. Пруст. Действительность славянина богаче действительности либерийского аборигена, ибо витиеватей, репрезентативней язык, кодифицирующий, символизирующий дополнительные пласты действительности. В некотором вполне очевидном отношении мир полнокровнее для человека, обладающего бóльшим лексическим потенциалом (запасом языка). (У арабов — до 5744 названий верблюда в зависимости от ситуационных признаков — атрибуций животного. Такого рода супплетивизм языка, естественно, редактирует отображение действительности.) Идею связи с миропониманием языкового коллектива фиксирует акцентирующая статус языка как инструмента объективации гипотеза лингвистической относительности. Предысторией ее служат мысли В. Гумбольдта, разработавшего доктрину внутренней формы языка как выражения индивидуального мирозерцания народа, равно как соображения Э. Дюркгейма и М. Гране о передаче категориальным строем языка условий социального бытия народов.

Гипотеза лингвистической относительности ставит в зависимость существо категориальных сечений реальности от типа языковой культуры. Как писал Е. Сепир, «реальный мир» «в значительной мере бессознательно выстроен согласно языковым привычкам определенной группы. Не существует двух таких достаточно сходных языков, о которых можно было бы сказать, что они представляют совершенно идентичную социальную группу»⁴⁰⁰.

Или в другом месте: «Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом потому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения». Платформу Сепира усилил Уорф, связав логическую структуру языка с нормами поведения и мышления⁴⁰¹.

Характер отношений, передаваемый гипотезой лингвистической относительности, вполне реален. Языковые каркасы, навешиваемые ими гипотезы существования детерминируют качество объективации мира. Язык эскимосов, располагающий различающимися до десятка оттенков белизны фигурами, предопределяет

⁴⁰⁰ Language, 1929. V. 5. P. 209.

⁴⁰¹ Whorf B.L. Language, Thought and Reality. N.Y., 1956.

комплексную поведенческую жизнеориентацию, отличающую ее (по параметрам от ментальных до бытовых) от жизнеориентаций носителей иных языковых каркасов. Аналогично язык саамов имеет 11 номинаций для обозначения холода; 20 номинаций для обозначения сортов льда; 41 номинацию для обозначения качества снега⁴⁰². Язык содержит различители природных локалов, отображает свойства контекстов пребывания в них. На основе и в створе сказанного произрастает капитальная проблема понимания. Ввиду отсутствия универсальных естественных предметных кодов восприятия мира сознание носителей конкретных языков семантически дифференцировано, что порождает содержательные разрывы, разломы между трактовками, толкованиями явлений у представителей разных языковых общностей, от этнических до культурных. Мир таков, как его формирует для восприятия язык, отсюда достижение понимания — переживания другого как своей возможности — предполагает выработку общезначимых адекватных средств трансляции с языка на язык. Концептуальным рычагом в этом деле выступает аппарат математизации, формализации, научной строгой категоризации; политическим средством здесь оказывается толерантность, консенсуальность; обиходным ресурсом служат радушие, отзывчивость, откровенность, человеческая открытость. Препятствием в преодолении барьеров между языково ориентированными типами сознаний является формальная невозможность полного устранения из них элементов уникальности, составляющая пафос ограничительного регулятива Куайна о нереализуемости радикального перевода с языка на язык.

Характер символического мышления коррелирован с характером явленного в речи символического языка. Значение речевой стороны для мышления, — подчеркивает Ф.Ф. Фортунатов, — состоит в способности звуков слов «сочетаться между собой в процессе мышления в качестве заместителей... других представлений в мысли, а поскольку представления звуков слов являются заместителями других представлений в мысли, постольку представляемые звуки слов являются знаками для мысли... как того, что дается для мышления (т.е. знаками предметов мысли), так и того, что вносится мышлением (т.е. знаками тех отношений, которые открываются в мышлении между частями ли мысли или между целыми мыслями)»⁴⁰³.

⁴⁰² См.: *Рубинштейн С.Л.* Цит. соч. С. 166.

⁴⁰³ *Фортунатов Ф.Ф.* Цит. соч. Т. 1. С. 117.

Особенности речевой практики (и языка) накладывают отпечаток на особенности мышления ее субъектов. Отчетливо эти особенности проявляются в мыследеятельности носителей архаичных культур. С намерением дезавуировать аргумент в свое время выступил Уллманн, писавший: «Верно... у аборигенов Тасмании нет родового понятия дерева, а есть лишь особые названия для каждого вида. Но и в латыни до XIII в. не было общего слова для растения (*planta*), а во французском — до XVI в. Следует иметь в виду, что кажущееся изобилие специальных слов может объясняться не неумением абстрагировать, а влиянием климата и ландшафта. Именно этим объясняется у эскимосов и лапландцев обилие слов для различных типов снега, а у пустынного племени кайуг — детальное описание топографических особенностей местности»⁴⁰⁴.

При внимательном рассмотрении отпадают сомнения: контр-примеры Уллманна не подтачивают проводимой линии. Ресурсы мышления во многом детерминированы формами обслуживающей его речи и — более сильно — фундирующими их областями кортекса. «Поражение левой височной области мозга у правшей, — указывает А.Р. Лурия, — вызывает... тяжелые расстройства письма. Это относится к европейцам... туркам, индийцам, вьетнамцам, но не имеет места у китайцев, у которых иероглифическое письмо изображает условными знаками не звуки речи, а понятия, и у которых механизмы письма не вовлекают височных отделов коры»⁴⁰⁵.

Корреляция «мышление — речь» в случае ребенка (онтогенетический неофит), аборигена (культурный неофит) проступает в характерных системных когитальных диспозициях

— вводить локационные категории (лица, вида, наклонения, времени), позволяющие комбинировать конкретизаторами «здесь — теперь», «тогда — там», иными словами, группировать, выстраивать смыслы «вокруг говорящего»;

— использовать топологические, хорологические деиксисы, апеллировать к персональному опыту с идентификацией личных местоимений с наречиями места. В одном из малайских языков, разъясняет Потенбня, «*мне* значит *вместе* и *сюда* (к говорящему), *тебе* — *туда* (по направлению к другому лицу), например: «Когда говорили *сюда* многие женщины», т.е. говорили нам; «я,

⁴⁰⁴ Ullmann S. Semantic universals. «Universals of language». Ed. 2. Cambridge, 1966. P. 229.

⁴⁰⁵ Лурия А.Р. Мозг и психика // Природа. 1970. № 2. С. 27.

может быть, говорил *туда* неразумно»; т.е. сказал вам глупость. Такой язык не может образовать понятия о лице, независимо от его пространственных отношений; но если бы в европейце сложилось сочетание местоимения с представлением движения, направления, то это сочетание было бы немедленно разорвано другими, уничтожающими всякую мысль о пространстве»⁴⁰⁶;

— гипертрофировать дейктические формы — указательные местоимения «тот», «этот», частица «вот», наречия «там», «здесь»;

— персонифицировать, анимизировать субъекта действия — специфические одухотворения, одушевления в глагольных фигурах, заслоняющие объективацию (как отмечает В. Гумбольдт, глагол действительно включает предпосылку подобного смешения — «ударяющая молния», «молния ударяет»);

— парцеллировать в зависимости от опытно данных атрибуций: в языках хайда имена группируются сообразно чувственно-пространственным признакам «длинные», «тонкие», «круглые», «плоские» и т.д.; в южноандаманских языках деление имен на классы управляется правилом: выделение человеческих существ, далее — сегментация групп по частям тела; язык понка различает одушевленные и неодушевленные предметы, далее (с использованием префиксов) — покоящиеся и движущиеся элементы; в языках банту распространены пространственные префиксы; в некоторых языках «необозримое» соотносится и с давним прошедшим и далеким будущим; глагольные времена подменяются «способами действия»; абстрактное понятие числа в отсутствии числительных замещается апелляцией к индивидуализирующим множествам с применением конкретизаторов, локальных различителей, дубитативов, квотативов («Я» — как форма участия); алгонкинские языки, языки кламат, майя, фиджи, менде, эве, никобарский язык и др. пренебрегают глагольной связкой «быть» — в качестве замены — множество слов для «существования» в модусах «время — место — условие» (*verbum substantivum* имеет смысл не бытия вообще, а наличного бытия, существования в локусах «присутствие», «установленность» — реляционная выраженность).

Введение «наглядной представляемости» лишает когитальные единицы понятийного статуса (понятие не содержит под собой «замыкающего представления» — «красота»). Идентификация предметности у цивилизованных народов (в «неабори-

⁴⁰⁶ *Потебня А.А.* Цит. соч. С. 59.

генных языках») идет по атрибуции, а не персонификации (хроногеометрическая локализация, конкретизация). Установление понятийной определенности протекает чувственно непроецируемо, недифференцируемо — безотносительно к перцептивному потенциалу агента речи.

«Аборигенное сознание», как показал Кассирер, организуется по принципу «различения зон»⁴⁰⁷: от точки местонахождения говорящего посредством концентрических кругов задается сфера ответственности с уточнением положения частей тела, деталей движения (стоя, лежа, сидя и т.д.). По методу «пространственной экспансии» (от «тела») выстраиваются хронологические упорядочения — позади «спина», спереди «глаз». Приуроченные к такого рода пространственному строю выразительные фигуры — аллатив, адессив, инессив, транслатив, элатив, сублатив, просекутив, директив и т.п. — передают идею нахождения в вещиности, рядом с ней, проникновения в нее, выходом из нее.

В любом случае «обозначение» сцеплено с радиусом «индивидуального действия», с пределом «Я», очерченным пространственной изолированностью от «другого». Задаваемое здесь бытие специфицируется отношением дистанции в кругу дейктической, а не понятийной причастности (т.е. представимой дейктически, а не универсальными формами).

Надстраивающееся над охарактеризованном речевом оснащении аборигенное (доцилизационное) мышление реализует смысловыражение не в содержании понятий, а в чувственном представлении (использование конкретизаторов, локализаторов, пространственно-временных, персонально значимых различителей). Эвристическая задача — передать, «как идет аптилопа», в двух случаях — понятийного (цивилизационного) и чувственно-представленческого, наглядно-образного (доцивилизационного) мышления — будет иметь несопоставимые решения.

Первое — понятийная фиксация, отрешенная абстрактно-универсальная экспозиция динамики, локомоции животного (разной степени сложности, детализированности). Второе — эмоционально-действенная констатация (с элементами пантомимики) перемещения особи в зависимости от актуализированного памятью вещественно определенного (не отвлеченного) эпизода. В одном случае пространственно-временная, опытно-протокольная локализация события избыточна; оно выражается

⁴⁰⁷ Кассирер Э. *Философия символических форм*. Т. 1. С. 139.

в модусе логически возможного. В другом случае пространственно-временная, персонально-оценочная локализация события самодовлеющая; событие выражается как казус лично-одействованный, прочувствованный в модусе фактически случившегося (положительно действительного).

Какое из двух типов сознания (мыслительной культуры) предпочтительнее? Избегая однозначности, скажем прямо: локально сознание аборигенов по своей адаптивной функции ни в чем не уступает сознанию цивилизационно продвинутых народов. Что же касается гносеологической (глобальной) перспективы, вопрос разрешился сам собой — включением механизма естественного культурно-прогрессивного отбора.

Дивергенция мыследеятельности в зависимости от условий жизни и речепроизводства вполне реальна. Однако в обстановке конкуренции двух когитальных стратегий опыт отдал предпочтение категориально-логической универсально-номологической ветви; образно-представленческая ветвь мышления (субъективный деиксис, завязанный на дейктическую выразительность) оказалась в роли познавательного аутсайдера, занявшего по отношению к своему аналогу-доминанту бесперспективную нишу не имеющего продолжения рецессива.

Оглавление

<i>От автора</i>	5
Глава I. Homo symbolicum	
§ 1. Понятие символа	15
§ 2. Рождение символа	37
§ 3. Символическое и человеческое	42
§ 4. Пространство символического	47
Глава II. Символосфера	
§ 5. Предварение	89
§ 6. Духовные символические формы	98
§ 7. Практически-духовные символические формы	122
Глава III. Ментальный реквизит символического	
§ 8. Символический акт	250
§ 9. Понятие как троп. Мифо-поэтическая природа понятийного комплекса	301
§ 10. От эстемы к нозме	322

Научное издание

Ильин Виктор Васильевич

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ
СИМВОЛОГИЯ
ТЕОРИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ФОРМ

Художник Н.Н. Аникушин

Художественный редактор Г.Д. Колоскова

Технический редактор Н.И. Матюшина

Корректоры Г.А. Ярошевская, В.В. Конкина

Компьютерная верстка К.В. Москалев

Подписано в печать 11.09.2012
Формат 60×90/16. Гарнитура Ньютон.
Бумага офс. № 1. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 20,2.
Тираж 1000 экз. Изд. № 9706. Заказ №

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: 629-50-91. Факс: 697-66-71.
Тел.: 939-33-23 (отдел реализации).
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:
www.msu.ru/depts./MSUPubl2005
Интернет-магазин: www.msupublishing.ru

Адрес отдела реализации: Москва,
ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).
E-mail: izd-mgu@yandex.ru.
Тел.: (495) 939-34-93.

Отпечатано в типографии МГУ
119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 15

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РАБОТАЕТ

Ассортиментный кабинет вузовской литературы

Здесь вы найдете весь спектр учебной литературы
для студентов и абитуриентов от Издательства
Московского университета

КНИГИ ПРОДАЮТСЯ
ПО МИНИМАЛЬНОЙ
РОЗНИЧНОЙ ЦЕНЕ

Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

Тел./Факс: (495) 939-33-23;

(495) 939-34-93 (отдел реализации)

Е-mail: izd-mgu@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:

www.msu.ru/depts/MSUPubl2005

Интернет-магазин:

<http://msupublishing.ru>